

ЭКСПЕРТЫ В НАУКЕ И ОБЩЕСТВО

Под редакцией Элке Курц-Милке
и Герда Гигеренцера

Эксперты в науке и общество

Отредактировано Элке Курц-Милке

Институт Технологии Джорджии, Атланта

Герд Гигеренцер

Институт человеческого развития Общества Макса Планка

**EXPERTS IN SCIENCE
AND SOCIETY**

Edited by Elke Kurz-Milcke
and Gerd Gigerenzer

Expert

EXPERT

Experts

Предисловие

“Не существует ни одной системы мышления - из тех, без которых мы не можем обойтись, если хотим постигнуть те части реальности, которые значительны для каждого отдельного случая - которая могла бы исчерпать бесконечное богатство реальности. Каждая из них является попыткой, и не более того, (...) привести порядок в хаос тех фактов, которые мы включили в сферу наших интересов в каждом случае...”

Макс Вебер

Экспертов зовут, когда на карту поставлено что-то конкретное, группа или общество в целом. Этот том представляет собой многопрофильное стремление к тонкому пониманию эксперта в современных обществах. Первоначальной предпосылкой для объединения участников этого тома произошел на встрече Общества Макса Планка по развитию науки. Эта встреча - Семинар Шлессмана - собрала группу молодых ученых и состоявшихся научных сотрудников для обсуждения исследований и исследовательских предложений, относящихся к феномену «Эксперта в современных обществах прошлого и настоящего». Особая возможность, предоставляемая этим семинаром, и, впоследствии, позволила включить в этот том рассуждения в отношении научных дисциплин и областей исследований.

Особая возможность была предоставлена этим семинаром, и, впоследствии, этот том был включен в отношении научных дисциплин и областей исследований. Этот том посвящен экспертам и тем самым он касается науки, культур, политических систем, представительской практики, публичных дебатов, организаций, институтов, законодательства, этики, современности, рисков, защиты окружающей среды и, в конце по порядку, но не по значимости - экспертизы.

Экспертное знание легко представляется личным качеством. В конце концов, кто захочет спорить с правдой о том, что эксперты имеют экспертную квалификацию и их зовут из-за их экспертной квалификации? Несмотря на семантику, главы в этом томе демонстрируют, что было бы неразумно рассматривать экспертную квалификацию только как личное качество, какими бы квалифицированными, знающими и образованными ни были люди. Тем не менее, этот том сосредоточен на экспертах и во многом на людях. Мы считаем, что этот выбор хорошо послужил проекту для продвижения нашего понимания экспертных знаний. Перспектива, ориентированная на человечество в области экспертных знаний, наглядно демонстрирует действительность экспертов, живущих в конкретных обществах,

участвующих в конкретных организациях и учреждениях, участвующих в конкретных практиках и, таким образом, участвующих в конкретных культурах.

Экспертное знание легко представляется личным качеством. В конце концов, кто захочет спорить с правдой о том, что эксперты имеют экспертную квалификацию и их зовут из-за их экспертной квалификации? Несмотря на семантику, главы в этом томе демонстрируют, что было бы неразумно рассматривать экспертную квалификацию только как личное качество, какими бы квалифицированными, знающими и образованными ни были люди. Тем не менее, этот том сосредоточен на экспертах и во многом на людях. Мы считаем, что этот выбор хорошо послужил проекту для продвижения нашего понимания экспертных знаний. Перспектива, ориентированная на человечество в области экспертных знаний, наглядно демонстрирует действительность экспертов, живущих в конкретных обществах, участвующих в конкретных организациях и учреждениях, участвующих в конкретных практиках и, таким образом, участвующих в конкретных культурах.

Мы признаем, что во многих областях общества, особенно в тех областях, которые связаны с обучением и образованием, возникает вопрос о том, как наилучшим образом развивать компетентные экспертные знания. Ответ заключается в привлечении к этому студентов, и мы полагаем, что для изучения опытных знаний необходимо сделать то же самое. Главы в этом томе связаны с особенностями исторических случаев, которые выбрали авторы. Социолог и нерегулярный методист по культурным и социальным наукам Макс Вебер понял, что такое вовлечение в работу не должно противоречить характеристикам с точки зрения более общих категорий, служащих пониманию, выходящему за обстоятельства случая. На самом деле Вебер считал, что привлечение социологов к историческим событиям и отношениям не может не сопровождаться акцентом на такие категории. В позиции Вебера мы чувствуем призыв к смелости и разумности, когда речь идет о нашем взаимодействии с конкретными случаями экспертизы прошлого и настоящего. Мы можем смело предположить, что при анализе конкретных случаев мы рассматриваем более широкие вопросы, связанные с экспертным знанием в современных обществах, и разумно делаем это в рамках того, что мы остаемся осторожными в наших анализах.

Подготовку этого тома щедро поддержало Сообщество Макса Планка по развитию науки, которое предоставило средства для того, чтобы собрать авторов на трехдневном семинаре Шлоссманна и финансировал редакционную работу над этим томом. Мы благодарим участвующих членов институтов Макса Планка (MPI), в частности Ханса-Йорга Альбрехта (MPI иностранного и международного уголовного права), Юргена Баумерта (MPI развития человечества), Лоррейн Дастон и Ханса-Йорга Рейнбергера (MPI «Истории науки»), Ренате Майнц (MPI изучения обществ), Хартмут Леманн и Манфред Якубовски-Тиссен (MPI истории), Герхард Шрикер (MPI интеллектуальной собственности, конкуренции и налогового права), Манфред Э. Стрейт (MPI исследований в экономических системах) и Джеймса В. Вепеля (MPI демографических исследований). Мы также хотели бы поблагодарить Жан-Поля Бродера, Карин Кнорр Четину и Виллема Вагерана за их участие в Семинаре и их комментарии по различным материалам в

ходе семинара. В качестве редакторов мы благодарны ряду ученых за их готовность выступать в качестве рецензентов за их вклад в этот том, среди которых Валери Чейз, Сальваторе Чирианоно, Петр Имхоф, Лотар Краппманн, Стефани Курценхаузер, Геро Ленхардт, Ренате Майнтц, Франсуа Мюлард, Теодор Портер, Фрэнк Станиш, Хайке Трапп и Райан Твеней. Мы получили большую поддержку в редакционной работе Аниты Тодд и Кристела Фрейзера, которые оба прилагали колоссальные усилия в редактировании языка и текста. Мы также благодарны сотрудникам Института человеческого развития им. Макса Планка в Берлине за их поддержку в подготовке рукописи этого тома и связанных с ним организационных задач: Юргена Баумгартена, Дагмара Фехта, Ханнеса Герхардта, Дагмара Гулова, Ульриха Кунерта, Эрику Нуссе, Эрна Шивиц и Рона Унрау.

Как редакторы, мы хотели бы выразить благодарность авторам этого тома за твердую приверженность этой публикации и за длительный процесс редакционной работы, который занял больше времени и был более интенсивным, чем кто-либо из нас, вероятно, ожидал. Семинар Шлоессманна - это непрерывная серия семинаров, проводимых обществом Макса Планка в память о докторе Эрнсте-Рудольфе Шлессманне, бывшем члене Общества, и особенно семинар был посвящен сложным исследовательским предложениям молодых ученых. Целью Семинара являлось объединение молодых людей, чьи голоса говорят и чьи взгляды определяют то, о чем как раз большая часть этого тома. В результате у нас была возможность работать с динамичной, а также мобильной группой авторов, что привело к тому, что список филиалов и адресов стал актуальным в текущей задаче. Работа с этой группой расширила сферу наших интересов.»

Раздел 1

Политические системы и эксперты, которых они поддерживают

Главы в этом первом разделе охватывают широкую территорию, связывающую экспертов и политические системы как исторические личности. Представленные тематические исследования ясно показывают, что политические системы являются не просто контекстом для института экспертов. Скорее, изучение экспертных знаний и рекомендаций экспертов может послужить входом в исследование институциональных организаций и политических систем, которые созывают этих экспертов.

Как это возможно, что советники-эксперты в Соединенных Штатах и Европе достигают широко расходящихся заключений относительно стандартов, необходимых для охраны здоровья населения и окружающей среды? В главе, написанной Хорстом Ракем рассказывается, как оценка риска и соответствующая интерпретация вероятностных научных данных находятся в культуре наблюдателя, особенно национальной культуры советника. Во время сравнительного исследования семейной политики в Германии и Соединенных Штатах в последние десятилетия Вольфганг Уолтер утверждает, что периодически возникающие споры относительно этого вопроса в Америке и сравнительно умеренные дебаты в Германии - каждая из них - это размышления об организации экспертов в соответствующей политической области. Эксперты по семейной политике в Германии и США встречаются на разных аренах и относятся к разным способам общественного дискурса. Согласно анализу Уолтерса, институционализированное взаимодействие экспертов формирует семейную политику в двух нациях.

В качестве исторических личностей, политические системы и предоставленные полномочия в их рамках приходят и уходят. Главы, написанные Габриэле Метцлером и Уте Шнайдером, подчеркивают преходящий характер политических систем и вытекающие из этого меняющиеся требования и возможности для экспертов. В тематическом исследовании Метцлера описывается интеграция социальных научных знаний в политический процесс Западной Германии после Второй мировой войны. После падения нацистского режима должна была быть достигнута модернизация общества и правительства. Планирование, как научно обоснованный политический инструмент, рассматривалось как ключ к современной политической программе, особенно социал-демократами. Однако, как мы можем узнать из анализа Метцлера, общественно-научный опыт занимал видное место, чтобы повлиять на политическую и административную элиту в Западной Германии: высшее образование и связанные с ним неофициальные сети. Наконец, Шнайдер спрашивает, что происходит с профессиональной элитой после того, как политическая система, поддерживающая эту элиту, подходит к концу. В

Германской Демократической Республике элита юристов-профессионалов, которая имела широкую историю в Германии, считалась препятствием на пути изменения общества. Шнайдер показывает, как радикальные изменения на одном уровне, уровне политической системы, срабатывают на другом, организационном уровне, с новым режимом, который в значительной степени опирается на тех же исторических личностей, экспертов под псевдонимами, в пределах политического разрыва.

Глава 1

Ученые как советники: научные культуры в сравнении с национальными культурами?

Хорст Ракель

*Центр экологических рисков, Университет Восточной Англии, Норвич,
Великобритания
horst.rakel@motorola.com*

С самого начала эпохи Просвещения роль науки и ее ученого (ученых) приобретала все большее значение в политической сфере современных обществ. Использование ученых в качестве экспертов-консультантов для органов, разрабатывающих политику сейчас настолько обыденно, что редко порождает интерес общественности или СМИ к точному характеру роли или вклада, предоставляемого этими экспертами. Напротив, экспертные консультации в наши дни являются важным компонентом разработки политики, предоставления компетентности и интеллекта, необходимых для обеспечения широкой общественности, чтобы политика и положения были основаны на лучших доступных знаниях, предоставляемых источниками, не зависящими от конкурирующих интересов. В этом смысле наука и ученые служат для рационализации политики (Квасанов, 1990).

Однако, по сравнению с важностью экспертов в процессе разработки политики, работа этих советников плохо задокументирована, и строительство и применение экспертных знаний редко изучаются. Это еще более удивительно, что осознание того, что все знания являются предварительными и / или социально построенными (Adorno et., 1972; Habermas, 1969; Kuhn, 1970). Тем не менее, лишь немногие ученые взяли на себя задачу систематически и критически проанализировать деятельность экспертов-консультантов в процессе регулирования (Foster, Bernstein, & Huber, 1993; Naas, 1992; Irwin, 1995; Jasanoff, 1990; Salter, Leiss, & Levy, 1988). К этой задаче подходили с отличающихся теоретических перспектив, и синтезированная структура, как анализировать участие экспертов в разработке политики, пока не установлена. Дополнительная сложность возникает, если мы переходим к разработке политики на основе рисков на многонациональном или даже глобальном уровне. Помимо очень немногих исключений, научные исследования, посвященные вовлечению экспертов в процесс разработки политики, сосредоточены либо на вопросах риска и принятия решений в рамках национальной структуры, либо на многонациональных программах, где практически нет ссылок на вопросы о риске и принятии решений. Таким образом, мы обычно обнаруживаем, что в анализе отсутствует либо международное измерение, либо неопределенность.

Учитывая часто конкурирующие или даже противоречивые экспертные рекомендации по регулированию рисков, возникает вопрос, какие факторы несут ответственность за это расхождение предположительно рациональных участников,

при том, что они основываются на научных доказательствах. До сих пор большинство академических дебатов по этому вопросу касались либо национальных культур, в которые входят эксперты, либо касаются научных культур, к которым относятся эксперты, в соответствии с их профессиональной подготовкой и соответствующей принадлежностью. Тезис этой главы гласит, что оба аспекта необходимы для всестороннего анализа рекомендаций экспертов по регулированию рисков в международном контексте. Были выбраны три теоретические перспективы, которые будут служить тому, чтобы показать, насколько недостаточно сосредоточиться исключительно на национальных или профессионально определенных практиках относительно роли науки и ученого в стандартных условиях, разработке руководящих принципов и определении методов «лучшей практики».

С ускоряющейся глобализацией торговли гармонизация стандартов охраны окружающей среды, здоровья и безопасности становится одной из основных международных проблем. Два тематических исследования помогут проиллюстрировать роль ученых, а также экспертов в разработке правил охраны окружающей среды, здоровья и безопасности с многонациональными и глобальными последствиями; одно тематическое исследование касается регулирования применения осадка сточных вод, а другое - спора о говядине, выращенной гормонами. Оба тематических исследования включают сравнение Соединенных Штатов и Европейского союза (ЕС). В каждом случае соответствующее регулирование было разработано на основе экспертных советов и научных доказательств, но, тем не менее, это привело к значительно разным видам регулирования в ЕС с одной стороны и Соединенных Штатов - с другой. Заметные различия между этими двумя экономическими субъектами будут обсуждаться в трех теоретических аспектах: формирование эпистемического сообщества (Haas, 1992), теория культурного уклона (Douglas & Wildavsky, 1982; O'Riordan & Wynne, 1987; Renn, 1995) и научный подход к регулированию (Irwin, Rothstein, Yearley, & McCarthy, 1997; Jasanoff, 1990, 1995). Основываясь на данных, представленных в двух тематических исследованиях, мы обсудим, в какой степени эти аналитические рамки могут обеспечить всестороннюю интерпретацию роли науки и ученого (-ых) в процессе принятия регламентирующих решений.

Стандарт окружающей среды и общественного здоровья

За последнее десятилетие вырос интерес к роли науки в установлении стандартов охраны окружающей среды и общественного здоровья. Помимо появления в ряде научных исследований, этой темой также все больше интересовались национальные правительства и регулирующие органы. Например, в США установление стандартов безопасности продуктов было предметом тщательного анализа, проведенного Управлением по оценке технологий (Garcia, 1992). Недавно Королевская комиссия Соединенного Королевства по загрязнению окружающей среды заключила трехлетнее исследование с подробным докладом об установлении экологических стандартов (Королевская комиссия по загрязнению окружающей

среды, 1998 год). Причины такого растущего внимания сложны и многообразны: две основные силы - это глобализация и внедрение науки.

Глобализация

В последние годы интернационализация рынков и торговли приобрела новое качество, при этом объемы торговли на миллиарды долларов циркулируют по всему миру. В 1992 году почти половина товаров, произведенных в США, и экспортируемых в ЕС, была предана стандартам безопасности продукта (García, 1992, стр. 537). Соответственно, соблюдение экологических норм во всем мире оценивалось в 500 млрд. Долл. США к 2000 году (Королевская комиссия по загрязнению окружающей среды, 1998 год, стр. 1). Конкуренция вышла за пределы национальных границ, а также распространения знаний и коммуникации. Интернет и электронная публикация шли на встречу научным знаниям, будучи почти мгновенно доступными по всему миру, а научные журналы без международных редакций все чаще считаются некачественными в академическом сообществе. Глобальные экономические субъекты быстро формируются, особенно важным примером является Daimler-Chrysler. Однако глобальные промышленные предприятия и международные финансовые рынки недостаточно контролируются через национальные нормативные рамки. В отсутствие авторитетного глобального (политического) органа, принимающего решения, институты, такие как Всемирная торговая организация (ВТО), Международная организация по стандартизации (ИСО) или Комиссия Codex Alimentarius (Codex), вступили в своего рода вакуум и чтобы обеспечить столь необходимое «игровое поле». Общим для этих агентств является их сильная зависимость от научных комитетов, то есть от экспертных консультаций.

Внедрение науки

Со времени Просвещения наука (*Verwissenschaftlichung*) современного общества подвергалась научной дискуссии. Некоторые утверждают, что наука расширила свои амбиции по контролю над природной средой и контролю над обществом, рационализации социальных процессов с целью технологического развития (Habermas, 1969; Horkheimer & Adorno, 1947; van der Loo & van Reijen, 1992). Однако критика в отношении таких амбиций не уменьшила проникающую способность науки во все аспекты жизни человека. Ценностные экономические процессы в наши дни почти всегда зависят от научных достижений или применения научных знаний в ранее «недоразвитых» областях. В настоящее время сферы услуг, такие как логистика, энергетические услуги, услуги общественного питания или телекоммуникационные услуги, претерпевают быстрые изменения, в первую очередь благодаря технологическим достижениям и расширению компьютеризации. Эта развитие науки о «мире жизни» (Habermas, 1981) угрожает исключить не-экспертов из общественного дискурса (Uasanoff, 1990; Renn, Webler, & Wiedemann, 1995; Webler, Rakel, & Ross, 1992), поднимая научное обоснование

на позицию единственной приемлемой основы для принятия решений (Shrader-Frechette, 1991). Следовательно, команда по научным знаниям и интерпретация научных данных занимает центральное место в разрешении интересов, проблем и социальных конфликтов.

Научные свидетельства в области установления стандартов окружающей среды и общественного здоровья, чаще всего, противоречат друг другу. То, что один эксперт интерпретирует как отсутствие доказательства, другие взгляды были уверены в том, что они нашли, что хотели (Bayerische Ruck, 1993). Рассмотрим, например, случай губчатой энцефалопатии крупного рогатого скота (BSE) или «болезнь коровьего бешенства». Первоначально британское правительство не принимало участия в этом вопросе, так как связь между этим бешенством (БГЭ) и болезнью Крейтцфельда-Якоба не была научно доказана. Но также не было доказано, что БГЭ не имеет

предположительный эффект. Общественное давление в конечном итоге вынудило Комиссию ЕС ввести запрет на импорт британской говядины. Тем не менее, не было никаких убедительных научных доказательств для любой претензии.

Несмотря на то, что они поддаются толкованию, экспертные консультации часто предусматриваются в качестве предварительного условия для объективной оценки вопроса, подлежащего регулированию (Arbeitsgemeinschaft fur Umweltfragen, 1986, Royal Commission on Environmental Pollution, 1998). В последние годы это вызвало все более противоречивые академические дебаты о роли науки и ученых в процессе принятия регулирующих решений. Ученые в этой области подчеркнули политический аспект «нормативной» науки (Irwin et al., 1997; Jasanoff, 1990; Salter et al., 1988), влияние культурного фона и стиля регулирования (Coppock, 1985; Douglas & Wildavsky, 1982, Jasanoff, 1986; O'Riordan & Wynne, 1987; Renn, 1995), технологизации экспертных консультаций (Webler et al., 1992) и роль науки в зале суда (Foster & Huber, 1999; Foster et al., 1993; Kagan, 1994).

Анализ экспертного вклада в процесс принятия нормативных актов на международном уровне

Теоретическая основа для анализа экспертного вклада в принятие нормативных решений на международном уровне все еще отсутствует. В существующих подходах основное внимание уделяется международным соглашениям, принятию решений на национальном уровне и научной основе для установления нормативных стандартов. Ниже будут представлены три подхода, чтобы проиллюстрировать потенциал синтеза различных перспектив принятия регулирующих решений. Создание эпистемологического сообщества Хааса (1992) является отличной «основой» для такого синтеза, но его необходимо внедрить в рамки нормативной науки, информированной о культурной, то есть социально построенной, оценке риска.

Познавательные сообщества

Опираясь на работу в области координации международной политики, Хаас (1992 год) и Адлер и Хаас (1992 год) представили понятие сетей экспертов, основанных на знаниях, то есть эпистемических сообществ, в качестве важного фактора в разработке национальной и международной политики. Согласно этим авторам, эпистемические сообщества играют решающую роль в «сочленении отношений причинно-следственных связей комплексных проблем, помогая государствам определять их интересы, формулировать вопросы для коллективных дебатов, предлагать конкретные стратегии и определять основные моменты для переговоров» (Haas, 1992, стр. 2). Эти экспертные сообщества характеризуются: общим набором нормативных и принципиальных убеждений, обеспечивающих основанное на ценностях обоснование социальных действий,

- общие каузальные (причинные) убеждения,
- общие понятия действительности,
- общее политическое предпринимательство.

Таким образом, эпистемические сообщества предоставляют согласованное знание. Основываясь на их репутации, профессиональной подготовке и претензиях на научный авторитет, члены познавательного сообщества могут оказывать значительное влияние на внутренние и международные политические дебаты, особенно если их опыт закреплён в области, высоко ценной обществом или элитарными лицами, принимающими решения. Хаас подчеркивает, что динамика, лежащая в основе формирования эпистемических сообществ, основана на стремлении уменьшить неопределенность, которую так сильно опасаются политики. Центральным в этой цели является не только наличие «сырых» данных, либо отсутствие догадок, но и знание в качестве продукта человеческой интерпретации социальных и физических явлений (Haas, 1992, стр. 4). Что касается методологии исследования, то Хаас (1992) рекомендует сочетание инструментов, в основном взятых из набора инструментов для этнометодологического и структурного анализа. Этот подход фокусируется на биографических данных, таких как публикации, списки делегаций на совещаниях и конференциях, свидетельства перед законодательными органами, выступления и доклады для учреждений, принимающих решения, но также может включать анализ математических моделей для определения ключевых переменных и уравнений, используемых членами эпистемического сообщества.

Теория культурных предубеждений

Термин «теория культурного предубеждения» используется здесь в качестве зонтика для ряда подходов, которые в последние десятилетия значительно

изменились. Подходы к культурным преубеждениям сильно различаются в зависимости от определения социальной группы, которую вы хотите проанализировать. Однако все они разделяют понятие культуры как определяющий фактор в формировании знаний, политики или более крупных социальных тенденций (Douglas & Wildavsky, 1982, Geertz, 1973; Hofstede, 1994; Inglehart, 1990; Jasanoff, 1986; Rohe, 1990). Особый интерес для этой главы представляют собой понятия о культуре как о «мировоззрении» и проявлении культуры в разработке правил или разработке политики, на которые переменено ссылаются как на «нормативный стиль», «нормативная культура» или «политический стиль». Например, такие «культуры» или «стили» называются «иерархическими», «предпринимательскими» или «эгалитарными» (Douglas & Wildavsky, 1982). Согласно этой теоретической перспективе, национальные предпосылки оказываются менее важными, чем принадлежность к профессиональным и социальным группам, таким как, например, «банкиры», «политики» или «экологические активисты». Что касается анализа управления рисками, можно было бы спросить, являются ли риски, подлежащие регулированию, воспринимаемыми как «объективные» или социально «сконструированные». С «объективной» точки зрения «рациональный» участник или общество будет регулировать риски в равной степени на основе сопоставимых параметров. Эти риски могут включать, например, количество смертельных случаев в год, связанных с данным видом деятельности. С этой точки зрения крайне нецелесообразно регулировать операции по ядерной энергетике в Германии до (теоретического) уровня риска, составляющего менее 8 смертельных случаев в год, в то же время, принимая смертельные случаи примерно в 8 000 случаев, связанных с дорожно-транспортным и происшествиями, в том же обществе (Fritzsche, 1991). Аналогичным образом, все «сильные» наркотики взятые вместе, сделали 2500 человек жертвами в Германии каждый год, тогда как никотин в одиночку убивает 100 000 человек, что эквивалентно огромному реактивному самолету полному пассажиров, который разбивается каждый день.

Тем не менее, именно эти 365 «*крушений огромных самолетов*» вообще не вызывают никакого общественного интереса, хотя они влекут не только много личных страданий, но и значительную сумму социальных издержек. (...) «Риск», кажется, касается всего измышления ума-а. (Bayerische Ruck, 1993, стр. 7)

К культурным преубеждениям также может относиться положение «нормативных стилей». Ряд ученых утверждают, что регулирование рисков является частью национального стиля управления (Coppock, 1985; Jasanoff, 1986; O'Riordan & Wynne, 1987; Renn, 1995). Считается, что соответствующий стиль принятия правительственных решений и, в частности, способ использования экспертных знаний и общественного мнения имеет большое значение для процесса и результатов государственного регулирования. В частности, в контексте сравнений между ЕС и США стили были обозначены как консенсуальные, так и корпоративные и копоративистские. Другие исследования подчеркнули акцент США на должном процессе и (северную) ориентацию Европы на консультации и

принятие решений за круглым столом (Coppock, 1985; Joss & Durant, 1995; O'Riordan & Wynne, 1987; Renn, 1995).

Нормативная наука

За последние десять лет или около того все большее число ученых определило роль науки в принятии регулятивных решений как самостоятельный объект исследований (Irwin, 1995; Irwin et al., 1997; Jasanoff, 1990, 1997; Salter et al., 1988). В частности, утверждается, что наука, которая используется для составления правил, не действует и не может действовать при тех же условиях или придерживаться тех же стандартов, которые характерны для академической науки. Во многих областях, например, в случае новых химических веществ или фармацевтических препаратов, регулирование должно учитывать риски, которые еще не полностью понятны. Результаты испытаний исследований на животных экстраполируются на организм человека, хотя основные процессы и механизмы в значительной степени неизвестны. Регламентационное постановление основано на ограниченном объеме научных знаний, аналогиях, сделанных по аналогичным случаям в прошлом, и коллективных мнениях ведущих экспертов в соответствующей области. Следовательно, оценки рисков, применяемые регулирующими органами, часто описываются как «искусство», а не как наука, и работают по менее строгим нормам, чем обычная наука (Irwin et al., 1997; National Research Council [NRC], 1996; Rohrmann, 1993).

Из-за множества предположений, мнений и интерпретаций, включенных в стандарты окружающей среды и общественного здравоохранения, ряд критиков указали на возможность смещения и манипуляции в контексте нормативной науки. Для некоторых наука, касаемая процесса регулирования, может стать подчиненной политическим интересам, замаскированным под научный жаргон (Irwin et al., 1997, стр. 19; Jasanoff, 1990). Из-за своего расположения на переднем плане технологии было также подчеркнuto, что научные знания, требуемые в процессе регулирования, часто не являются доступными обществу. Что касается новых лекарств, информация носит запатентованный характер и не может быть подвергнута публичному рассмотрению, или знания должны быть специально созданы для целей регулирования. Из этого следует, что доступ к информации и контроль над соответствующей информацией с ее воздействиями для демократической легитимности становятся важными переменными в процессе установления стандартов (Irwin et al., 1997; Jasanoff, 1990, 1997; Salter et al., 1988).

Следующие два тематических исследования касаются проблем регулирования, связанных с риском; оба они достаточно хорошо задокументированы (и, следовательно, доступны для анализа государственной политики). Они дают уникальную возможность сравнить две группы экспертов, действующих по идентичным или почти идентичным нормативным вопросам. Эти два примера также дополняют друг друга. Правила осадков сточных вод были разработаны в то

время, когда международные политические ставки все еще были низкими. Если вообще были какие-то международные дебаты, то в основном это происходило в академических кругах, и найти решение проблемы применения осадка сточных вод на международном уровне не было главной задачей. С другой стороны, спор о говядине, выращенной на гормонах, возник в то время, когда международные политические ставки уже были высокими, а график принятия резолюции был закреплен процедурами ВТО. В совокупности два тематических исследования будут служить иллюстрацией важности множественных теоретических перспектив о роли ученых в качестве экспертов-консультантов при принятии регламентных решений.

Пример I: Захоронение отходов осадка сточных вод

Осадок сточных вод представляет собой (в основном органический) остаток, оставшийся после обработки водосодержащих отходов (сточных вод) из местных промышленных источников. Принимая во внимание, что сточные воды очистных сооружений достаточно для сброса в реки или море, загрязняющие вещества, присутствующие в неочищенных сточных водах, накапливаются в твердой фазе. Таким образом, осадок сточных вод обычно содержит ряд органических и неорганических загрязняющих веществ (например, тяжелых металлов) различного количества, в зависимости от площади и состава источников, выходящих в канализационную систему. Однако из-за его происхождения осадок сточных вод также содержит значительное количество питательных веществ и физических свойств растений, которые делают его ценным удобрением и улучшающим почву (Пейдж, Logan, & Ryan, 1987).

Применение осадка сточных вод на сельскохозяйственные угодья будет полезной практикой утилизации, если не будут опасны риски для общественного здравоохранения и окружающей среды. Несмотря на то, что осадки сточных вод распространялись на почву в течение многих лет, этот вопрос привлек обновленное внимание на регулятивные нормы в конце 1980-х и начале 1990-х годов из-за международных соглашений о запрете направления осадков сточных вод в море (Маршал, 1988; McGrath et al., 1989). В то же время ужесточение стандартов очистки сточных вод привело к увеличению количества осадка сточных вод, которое продолжает расти. Например, в Соединенном Королевстве общий объем осадков сточных вод, по прогнозам, возрастет с примерно 1 млн. тонн (сухие твердые вещества) в 1992 году до 1,5 млн. тонн к 2005 году (Королевская комиссия по загрязнению окружающей среды, 1996 год, стр. 82)(прим. пер – книга написана в 2004 году). Аналогичным образом, в 1991 году в Германии было произведено 3,2 млн. тонн, и к 2000 году оно составило 4 млн. тонн (Abwassertechnische Vereinigung [ATV], 1996, стр. 15). Таким образом, хотя один из основных путей уничтожения был закрыт, общий объем, подлежащий утилизации, продолжает расти. Это несоответствие частично объясняет политическое давление, оказываемое для того, чтобы найти адекватное решение проблемы избавления от осадка сточных вод.

В США: эксперты, критикующие экспертов

Разработка системы регулирования сточных вод в США началась в конце 1970-х годов и оказалась особенно тягучей (Chaney, 1990a, Marshal, 1988). После продолжительных политических торгов, в частности между Конгрессом и администрацией Рейгана, развитие федерального регулирования осадков, также известное как «Правило 503», в конечном итоге сформировалось в конце 1980-х годов. В 1989 году Агентство по охране окружающей среды США (EPA) опубликовало проект положения о комментариях (EPA, 1989). Строгость и диапазон стандартов посылали ударные волны через промышленности и расстроили многих экспертов за пределами EPA (Chaney, 1990a, 1990b, Morse, 1989, см. Таблицу 1). В результате значительное сопротивление приобретало форму, и к агентству пришли тысячи ответов на предлагаемое правило, в результате чего было добавлено около 5500 страниц комментариев (EPA, 1995, стр. 20).

Хотя спорные публичные дебаты не являются чем-то необычным в процессе регулирования в США (Kagan, 1994; Renn, 1995), количество и интенсивность критики, выдвинутой рядом экспертов вне EPA, были, возможно, более свирепыми, чем ожидалось в рамках регулирующего агентства. «Некрологи были написаны» для сельскохозяйственного использования осадка сточных вод (Goldstein, 1991, стр. 68). «Они [EPA] переступили за борт», - прокомментировал это профессор Терри Логан из Университета штата Огайо (Morse, 1989, стр. 50). Один из самых откровенных критиков, д-р Руфус Чейни из Министерства сельского хозяйства США, был особенно обеспокоен пренебрежением преимуществами, связанными с применением иловых земель, такими как их высокое содержание в питательных веществах растений, а также его кондиционирование и профилактические свойства эрозии почвы, среди прочих.

ТАБЛИЦА 1

КОЭФФИЦИЕНТЫ ЗАГРУЗКИ КУМУЛЯТИВНЫХ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В ПРЕДЛАГАЕМОМ И ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ПРАВИЛЕ 503

ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ	ПРЕДЛАГАЕМОЕ ПРАВИЛО (1989) КОНЕЧНОЕ ПРАВИЛО (1995)	
	КГ/ГА	КГ/ГА
БЕЛЫЙ МЫШЬЯК	14	41
КАДМИЙ	18	39
ХРОМ	530	–
КРАСНАЯ МЕДЬ	46	1,500
ТЕТРАЭТИЛСВИНЕЦ	125	300
РТУТЬ	15	17
МОЛИБДЕН	5	–
НИКЕЛЬ	78	420
СЕЛЕНИУМ	32	100
ЦИНК	170	2,800

Один из последних аспектов использования ила на пахотных землях, которые никогда не следует забывать, заключается в том, что выгодное использование снижает себестоимость для общества. (...) Налогоплательщикам необходимы правила утилизации ила на основе соответствующих результатов исследований, чтобы можно было получить минимальные затраты, связанные с охраной окружающей среды. (Chaney, 1990a, стр. 55)

Для внешнего наблюдателя эта реакция еще более удивительна, поскольку ЕРА провела очень сложную оценку риска, подкрепленную обширными экспериментальными исследованиями и документацией. В этом отношении ЕРА придерживалось принципа научного подхода, который считается основой принятия нормативных решений в США (ЕРА, 1995, р. Iii, NRC, 1982). Тем не менее, хотя экспертные критики не ставили под сомнение подход к оценке рисков как таковой, они нападали на ЕРА на том основании, что предположения и модели, используемые в процессе оценки рисков, были чрезмерно консервативны, а экспериментальные данные не адекватно отображали поведение загрязняющих веществ в (ЕРА, 1995).

Широко распространенная критика в связи с тем, что принятый в 1989 году проект правила привел к созданию Научного консультативного комитета, чья краткая информация заключалась в том, чтобы помочь ЕРА в пересмотре Правил. Независимая комиссия в основном составлена из высокопоставленных исследователей в этой области и ее сопредседателем был профессор Логан (Университет штата Огайо) и профессор Пейдж (Калифорнийский университет, Риверсайд).

Вместе с докторами Шаней, Логан и Пейдж, команда состояла из десяти дополнительных экспертов из учреждений по всей территории США и Канады (ЕРА, 1995, стр. 141). По меньшей мере половина членов Научного консультативного комитета имели совместные публикации (Chaney et al., 1987; Chang et al., 1987; Jacobs, O'Connor, Overcash, Zabik, & Rygiewicz, 1987; Logan & Chaney, 1987; Mahler, Bingham, Page, & Ryan, 1982; McGrath, Chang, Page, & Witter, 1994; Page и др., 1987). Этот независимый процесс экспертной оценки и работа Научного консультативного комитета привели к набору рекомендаций, которые ЕРА использовало для пересмотра предлагаемого правила 503. Ниже кратко описаны некоторые из ключевых элементов пересмотра:

Действительность данных опроса. Исходный набор данных, используемый для оценки качества ила в «40-исследуемых городах», считался устаревшим. ЕРА уже осознало ограничения этого исследования в качестве базы данных для оценки качества осадка сточных вод во время разработки Правила 1989 года (ЕРА, 1989, стр. 5763). Это привело к тому, что ЕРА провело Национальное обследование осадков сточных вод (NSSS -HOOC) в период с 1988 по 1989 год. НССС использовала современные аналитические методы и оборудование и охватывала

более широкий спектр общественных очистных сооружений (POTW - ООС), чтобы обеспечить более представительную оценку текущей ситуации (EPA, 1995, стр. 20).

Результаты NSSS показали, что уровни загрязняющих веществ в осадках обычно значительно ниже, чем указано в «40-исследуемых городах». Концентрация свинца, например, составляла лишь 40% от их ранее предполагаемых уровней. Также уровни хлорированных углеводородов были ниже, чем ожидалось (EPA, 1995, стр. 21).

Достоверность экспериментальных данных. В предлагаемом правиле EPA в значительной степени полагалось на тепличные исследования и исследования вегетационный опытов, чтобы рассчитать поглощение загрязняющих веществ растениями. В этих исследованиях были проанализированы концентрации загрязняющих веществ в почве путем нанесения металлических солей или чистых органических соединений. Научный консультативный комитет смог продемонстрировать, что поведение загрязняющих веществ сточных вод в полевых условиях значительно отличается от экспериментов в теплице. Из-за определенных матричных эффектов в осадке сточных вод и так называемого «барьера почвы-растения» скорости переноса, найденные в полевых исследованиях, были намного ниже, чем показатели, определенные в лабораторных экспериментах (Chaney, 1980, стр. 63, 1990а, р. 56).

EPA (Агентство по охране окружающей среды) подтвердило результаты полевых исследований как более репрезентативные ситуации в естественных условиях и приняло решение в отношении пересмотренного правила опираться, насколько это возможно, на данные полевых исследований (EPA, 1995, стр. 28).

Пересмотр моделей пути воздействия. Модели, используемые для предлагаемого правила, предполагали 100% перенос загрязняющего вещества одновременно в грунтовые воды, поверхностные воды и воздух. Этот подход считался слишком консервативным. В рассмотренном повторно правиле был принят подход с массовым балансом, в соответствии с которым передача загрязнителей пропорционально назначается соответствующей обстановке.

От MEI к HEI. Одной из основных критических замечаний, направленных против EPA, было использование модели Most Exposed Individual (MEI) (Самый сильно облученный человек). В глазах Экспертного MEI сочетала в себе слишком много консервативных предположений и представляла человека, которого в действительности не существовало. Провести оценку риска для гипотетического человека было, по мнению критиков, бессмысленным (Chaney, 1990b, стр. 70; Morse, 1989, р. 50). Из-за рекомендаций Комитета коллегиального обзора администратор EPA решил отказаться от MEI и заменить его моделью High Exposed Individual (HEI) (высоко облученный человек) (Habicht, 1992). В отличие от MEI, HEI считался более представительной моделью людей с более высоким риском,

чем общая популяция. Таким образом, предположения «наихудшего случая» MEI были заменены сценарием «маловероятный случай» в модели HEI.

Сценарии уровня риска. Для предлагаемого регламента ЕРА первоначально оценивала сценарии уровня риска 10-4, 10-5 и 10-6 (то есть сценарии, оценивающие число погибших на 10 000/100 000/1 000 000 населения). Поскольку новые оценки риска показали очень низкий риск, даже при нынешней практике избавления от осадка сточных вод, ЕРА приняло политическое решение использовать, в общем, уровень 10-4 для пересмотренного правила. Этот уровень представляет риск рака жизни человека с высокой степенью риска (ЕРА, 1995, стр. 35).

Отсутствие органических соединений. Органические соединения были исключены из пересмотренного правила, поскольку все рассмотренные вещества выполнили по крайней мере один из следующих трех критериев:

- Загрязнитель был запрещен или ограничен для использования в США или больше не предназначен для использования в США.
- Загрязнитель отсутствует в осадках на значительных частотах обнаружения на основе данных, собранных в NSSS (Космическая система наблюдения ВМС).
- Предел для загрязнителя от оценки воздействия осадка как ожидаемо не будет превышать в осадках, которые используются или утилизируются на основе данных из НССБ (т. е. Потенциальные пределы, скорее всего, не будут превышены на практике в любом случае).

Концепция «исключительного качества». Критерии качества, перечисленные в качестве предельных концентраций загрязняющих веществ в соответствии с правилом 503, представляют собой то, что обсуждалось в литературе как «концепция чистого ила», а иногда и осадок Исключительного качества (EQ). Эта концепция была первоначально предложена Комитетом коллегиального обзора (ЕРА, 1995, стр. 221.), основная идея заключалась в том, чтобы выпустить предельные концентрации загрязняющих веществ, которые были настолько низки, что соответствующие осадки могут применяться с очень небольшим нормативным ограничением (ЕРА, 1994), стр. 7). Согласно ЕРА, пределы концентрации EQ (Исключительного качества) настолько низки, что даже при применении в течение многих лет никаких неблагоприятных воздействий на человека или окружающую среду не произойдет. Таким образом, в принципе, осадки EQ все еще могут быть применены к площадкам, которые уже достигли максимальной загрузки загрязняющих веществ. Эти ограничения должны служить стимулом для промышленности производить высококачественные осадки.

Модифицированное правило 503. Таким образом, общественные консультации и, в частности, деятельность экспертного комитета коллегиального обзора привели к полному пересмотру правила 503. После осуществления вышеизложенных

изменений, а также ряда других изменений, рекомендованных Научным консультативным комитетом, ЕРА приступило к публикации окончательного правила 503 в 1993 году (из-за ряда судебных процессов, подробности которых не могут быть рассмотрены на данный момент, Правило получило дополнительные незначительные изменения к 1995 года). В таблице I показаны резкие изменения в стандартах от первоначального до окончательного правила. Помимо полного упущения органических загрязнителей, предельные значения для неорганических загрязнителей стали значительно менее строгими. Сравнение с соответствующим регламентом ЕС обеспечивает интересную точку зрения для аналитиков политики. Ниже описывается разработка Постановления об осадках сточных вод ЕС, а затем обсуждается общность и различия двух подходов.

В ЕС: эксперты в своем кругу

Соответствующим Правилу 503 Регламентом ЕС является «Директива по охране окружающей среды, и в частности почвы, когда осадок сточных вод используется в агрокультуре» (Европейские сообщества [ЕС], 1986). Директива была принята в 1986 году, но имеет свое происхождение в рамках программы Европейского сотрудничества в области программ научно-технических исследований (EU COST). Исследовательский проект начался в 1971 году и стал известен как проект COST 68. Исследовательский проект несколько раз расширялся и в конечном итоге вступил в предлагаемое положение в 1982 году. Государства-члены высказали озабоченность по поводу введения единых стандартов во всем ЕС, не принимая во внимание региональные различия и стоимость связанную с чрезмерно жесткими стандартами. Однако после четырех лет переговоров Совет министров в конце концов официально принял Директиву в 1986 году (Haigh, 1995).

Поскольку Директива в основном восходит к совместному исследовательскому проекту ЕС, предельные значения, приведенные в Таблице 2, также сильно зависят от участия экспертов. Однако в случае ЕС большая часть экспертного материала имела место до публикации предложения. Разница в процедурных подходах, возможно, может быть объяснена различными нормативными стилями в Западной Европе и США, которые были описаны более как корпоративные и консенсуальные с одной стороны, и противоборствующие с другой, соответственно (O'Riordan & Wynne, 1987; Renn, 1995).

Выздоровление и обсуждение экспертного мнения в ЕС развивались по вышеупомянутой программе КОСТ. В частности, в конце 1970-х и начале 1980-х годов программа COST спонсировала ряд семинаров-практикумов экспертов, на которых был совершен обмен мнениями и были обсуждены возможные нормативные положения среди европейских ученых. Материалы этих конференций были опубликованы на регулярной основе, представляя довольно обширную документацию об оценке участия экспертов (Barth & UHermite, 1987; Berglund, Davis, & L'Hermite, 1984; Davis, Haeni, & L'Hermite, 1986; Davis, Hucker, & L'Hermite, 1983; Hall, Sauerbeck и L'Hermite, 1992; Hucker & Catroux, 1981; L'Hermite

& Ott, 1984). Регулятивное принятие решений на уровне ЕС до недавнего времени славилось своей непрозрачностью и так сказать, закрытыми дверями, политических переговорных процессов (Peterson, 1995). Таким образом, рациональность конкретного регулирования часто полностью закрывается для аутсайдера. К счастью, в случае осадка сточных вод опубликованные рабочие семинары дают нам сравнительно полное представление о точке зрения экспертов.

ТАБЛИЦА 2
СРАВНЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В СТОЧНЫХ ВОДАХ
США И ЕС (ЕЖЕГОДНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ НАГРУЗКИ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ [APLR])

ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ	США ПРЕДЕЛ КОНЦЕНТРАЦИИ МГ/КГ	ЕС ПРЕДЕЛ КОНЦЕНТРАЦИИ МГ/КГ	США APLR КГ/ГА	ЕС APLR КГ/ГА
БЕЛЫЙ МЫШЬЯК	75	–	2.0	–
КАДМИЙ	85	1–3	1.9	0.15
ХРОМ	–	–	–	–
КРАСНАЯ МЕДЬ	4,300	50–140	75	12
ТЕТРАЭТИЛСВИНЕЦ	840	50–300	15	15
РТУТЬ	57	1–1.5	0.85	0.1
МОЛИБДЕН	–	–	–	–
НИКЕЛЬ	420	30–75	21	3
СЕЛЕНИУМ	100	–	5.0	–
ЦИНК	7,500	150–300	140	30

Вклад в семинары COST и расположение мест показывают, что в европейском экспертном обсуждении доминировали презентации немецких, голландских, шведских и британских ученых. Разумеется, было различие во мнениях между более мягким британским подходом, с одной стороны, и осторожным нидерландским, немецким и скандинавским подходами, с другой. Это отражается в диапазоне предельных значений, которые ЕС разрешает своим государствам-членам осуществлять. Однако эти различия кажутся незначительными по сравнению с предельными значениями в США (см. Таблицу 2). То, что, по-видимому, касалось европейских экспертов КОСТ, было главным образом потенциальным воздействием тяжелых металлов, содержащихся в осадках сточных вод, на почвенные микроорганизмы. В то время как исследователи ЕС проводили анализ на микробиологическом уровне, их американские коллеги использовали активность земляных червей в качестве целевого организма для оценки их экологического риска (EPA, 1995, 46). Однако полевые эксперименты в Швеции, Германии и Соединенном Королевстве продемонстрировали потенциальное неблагоприятное воздействие на почвенный микроб *Rhizobium*, который вызвал обеспокоенность по поводу долгосрочного плодородия почв среди европейского экспертного сообщества (Chaudri, McGrath, Giller, Rietz, Sauerbeck, 1993; McGrath et al., 1994, стр. 113). В этом контексте McGrath et al. (1994, стр. 109) подчеркивают разницу между максимальной концентрацией невосприимчивого нежелательного эффекта (HNOAEC) и наименьшей наблюдаемой концентрацией побочных

эффектов (LOAEC), поскольку они могут значительно различаться. В зависимости от выбранной точки отсчета, в противном случае идентичные тесты на токсичность могут, таким образом, приводить к другой оценке риска и, возможно, другому регулированию.

Резюме тематического исследования I

Приведенное выше исследование показало, что два экспертных сообщества, оценивая идентичную экологическую проблему, пришли к совершенно различным выводам в отношении стандартов, необходимых для защиты общественного здоровья и окружающей среды. Для сравнения, экспертное сообщество, консультирующее европейский регулирующий орган, не проводило систематически структурированной оценки риска по типу своих американских коллег, за исключением голландского регулятора. Вместо этого они просмотрели поле для подтверждения неблагоприятного эффекта, а затем разработали свои рекомендации соответственно, принимая во внимание техническую осуществимость их рекомендаций. В своем обзоре экспериментальных данных, используемых в обоих правилах осадка сточных вод США и ЕС, McGrath et al. пришел к выводу:

**ТАБЛИЦА 3
СОВОКУПНОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ РАЗЛИЧИЙ МУЖДУ ОБЩЕСТВАМИ США И ЕС**

	США	ЕВРОСОЮЗ
РОЛЬ ЭКСПЕРТА	“ЦЕЛЕВАЯ”	“ПРАГМАТИЧЕСКАЯ”
РАЗУМНОЕ РЕШЕНИЕ	ОСНОВАНО НА НАУКЕ	ОСНОВАНО НА ПОЛИТИКЕ
ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ	ОЦЕНКА РИСКА	ТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫПОЛНИМОСТЬ
НОРМАТИВНЫЙ СТАНДАРТ	НЕТ ОТРИЦ.НАУЧНЫХ ДОК-В	НЕТ ПОЛОЖИТ. НАУЧНЫХ ДОК-В
КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА	ПРИНЯТИЕ ИЗМЕНЕНИЕ СРЕДЫ	ПРИНЦИП ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Дилемма установления пределов загрузки загрязняющих веществ выходит за пределы несовершенных научных данных и под влиянием отношений ученых, которые интерпретируют данные, и широкой общественности в отношении охраны окружающей среды в соответствующих странах. (1994, стр. 116)

Анализ пока предлагает пять ключевых аспектов, которые показывают различие ролей экспертов в двух нормативных рамках. Эти различия приведены в таблице 3.

Таблица 3, можно сказать, слишком подчеркивает различия между этими двумя структурами. Например, европейские ученые не только руководствуются технической осуществимостью за счет научной точности. Европейские страны, такие как Соединенное Королевство, Швейцария или Нидерланды уже много лет используют оценку рисков для регулирования окружающей среды и общественного здравоохранения. Фактически, с увеличением согласования

европейского законодательства оценка рисков становится все более распространенной во всем ЕС, например, в Правилах безопасности труда (Rakel, 1996). Однако различия весьма выражены в отношении того, как справляются с неопределенностью, и целостность окружающей среды интерпретируется в рамках соответствующих культурных парадигм. С точки зрения США, вероятность нанесения вреда выше определенного уровня должна быть научно обоснована, чтобы оправдать нормативные действия. В Западной Европе, обязательство доказывания лежит на другой стороне, то есть, она должна доказать так, чтобы не было никаких разумных сомнений в том, что никакого вреда не причиняется. Принимая во внимание, что в США принято решение об изменении окружающей среды, поскольку вреда для людей не следует ожидать, в ЕС принцип предосторожности является критерием приемлемости вмешательства человека в окружающую среду. Это обязательство недавно было включено в Маастрихтский договор, который стал краеугольным камнем для принятия политических решений в современном ЕС (Cameron & O'Riordan, 1994).

Пример 2: говядина, выращенная на гормонах

Из-за ряда инцидентов, связанных с незаконным применением лекарств для сельскохозяйственных животных, безопасность пищевых продуктов стала проблемой в ЕС в 1970-х годах. В результате Европейская комиссия предложила законодательно запретить использование гормональных препаратов в выращивании говядины и телятины (ВТО, 1997, стр. 9). В 1980-х годах, после сообщений о значительном использовании незаконных гормональных веществ, способствующих росту, в ряде стран-членов ЕС было принято несколько Директив Совета, фактически запрещающих использование гормональных веществ, за исключением терапевтических целей (ВТО, 1997, стр. 10).

Однако в США, как и в ряде других стран, таких как Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония, использование гормонов разрешено как для терапевтических, так и для производственных целей. С точки зрения США, применение гормонов, о которых идет речь, безопасно при использовании для стимулирования роста в соответствии с хорошими методами ведения животноводства (ВТО, 1997, стр. 30). Следовательно, ЕС принял запрет на импорт говядины и телятины, выращенной гормонами. За годы до запрета американский экспорт говядины и телятины в ЕС «усреднялся в сотнях миллионов долларов» (стр. 17), и, самое главное, торговля говядиной росла примерно на 30% в год. После того, как в 1989 году был введен запрет, экспорт говядины в США упал почти до нуля (стр. 17).

США, Канада, Австралия и Новая Зеландия провели совместные консультации с ЕС по этому вопросу, но не смогли достичь взаимоприемлемого решения. Следовательно, США приступили к судебному преследованию ЕС перед ВТО на основании ненужного ограничения торговли в соответствии с Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ). После официальных процедур орган по урегулированию споров (DSB) ВТО учредил группу для расследования и,

возможно, решения вопроса. Поскольку спор в значительной степени зависел от научных вопросов, группа решила провести экспертное слушание по этому вопросу. Основываясь на списке имен, представленных Комиссией Codex Alimentarius (Codex) и Международным агентством по исследованию рака (МАИР), группа выбрала шесть экспертов для консультирования: д-р Франсуа Андре, Франция; Д-р Дитер Арнольд, Германия; Д-р Джордж Люсьер, США; Д-р Джок Маклин, Австралия; Д-р Лен Риттер, Канада; Д-р Алан Ранделл, Секретариат Кодекса. Суть доклада группы специалистов была четко изложена здесь в качестве важного вклада в методологию эпистемического сообщества и культуры.

Постановление группы и документация по этому делу иллюстрируют, что совместное совещание с экспертами имеет решающее значение для процесса урегулирования споров (ВТО, 1997, 1998). Хотя первоначальное правление группой специалистов (ВТО, 1997 г.) было отменено в связи с некоторыми обращениями, ЕС в конечном итоге проиграло дело, поскольку его процесс регулирования и, в частности, его использование научной экспертизы, как было установлено, не согласуются с правилами ВТО. Основные проблемы будут кратко описаны ниже.

Оценка риска

Первым и главным аргументом против запрета ЕС на говядину, выращенную гормонами, было отсутствие надлежащей оценки риска (ВТО, 1998, стр. 99). Для ВТО «Оценка рисков - это, по крайней мере, риск для жизни или здоровья людей, научный анализ данных и фактических исследований, это не политическое упражнение с участием социальных оценочных суждений, сделанных политическими органами» (ВТО, 1997 г., стр. 191). Статья 5.1 Соглашения ГАТТ о санитарных и фитосанитарных мерах (СПС) гласит, что:

(...) члены должны гарантировать, что их (...) меры основаны на оценке (...) рисков для жизни или здоровья человека, животных или растений, принимая во внимание методы оценки риска, разработанные соответствующими международными организациями (Nathaway, 1993, стр. 189, ВТО, 1997, стр. 191).

После продолжительного обсуждения группа постановила, что ЕС не выполнил свою обязанность доказывания тем, что (научные) исследования, на которые он ссылался, фактически выполнили требования подходящей оценки рисков (ВТО, 1997, стр. 196).

Международные стандарты

Аналогичным образом, группа также обнаружила, что соответствующие стандарты ЕС не соответствуют международным стандартам (ВТО, 1997, стр. 186ff.). Там, в частности, речь шла о рекомендациях, опубликованных Кодексом. Кодекс публикует рекомендации, такие как приемлемые нормы суточного поступления

(ADI) или максимальные пределы остатков (MRL). Однако рекомендации Кодекса не являются обязательными. Один из комитетов экспертов, на который полагается Кодекс, является Комитет экспертов по пищевым добавкам (JECFA) Объединенной продовольственной и сельскохозяйственной организации / Всемирной организации здравоохранения (ФАО / ВОЗ). Цель оценки JECFA ветеринарных препаратов следующая:

(...), установить безопасные уровни потребления, установив приемлемые ежедневные дозы (ADI) и разработать максимальные пределы остатков (MRL), когда ветеринарные препараты используются в соответствии с хорошей ветеринарной практикой (ВТО, 1997, стр. 181).

Несмотря на свой неизменный характер, группа приняла рекомендацию Кодекса в качестве международного стандарта, из которого решение ЕС могло отклоняться только с научной точки зрения. Однако для экспертов ЕС отклонение от рекомендаций Кодекса было оправдано, поскольку в прошлом происходило злоупотребление этими лекарствами, и не могла быть принята хорошая ветеринарная практика.

Убедительное доказательство

Ученые ЕС представили гипотезу о «потенциальной генотоксичности гормонов» на основе тестов, проведенных с повышенными дозами эстрогена (I) ВТО, 1997, р. 202). Однако данные о генотоксичности на низких уровнях (примерно эквивалентные уровням, ожидаемым в мясе), на данный момент недоступны. Группа отклонила иск, поскольку ученые из ЕС не предоставили убедительных доказательств «(...), что идентифицируемый риск возникает из-за использования любого из гормонов, в деле стимулирования роста, в соответствии с надлежащей практикой» (ВТО, 1997 год, стр. 205). Следует отметить, что для гормона меленгестралацетата (МГА) наблюдалось «почти полное отсутствие доказательств» в разбирательствах коллегиальных органов. Однако это отсутствие доказательств не означает, что научных исследований не было. Скорее, двое из ответчиков по жалобе, США и Канада, «отказались представить какую-либо оценку МГА на том основании, что материал, о котором они знали, был защищен правом собственности и конфиденциальным» (ВТО, 1998, стр. 78f.).

Принцип предосторожности

ЕС утверждал, что применение «принципа предосторожности» как общего обычного правила в европейской экологической политике способствует «достижению высокого уровня защиты потребителей перед коммерческими интересами фермеров и фармацевтических компаний» (ВТО, 1997 г., стр. 86). Более того, обычное применение принципа предосторожности затрагивает не только принятие политических решений, но даже научную оценку рисков (ВТО, 1998, стр. 7). Тем не менее группа пришла к выводу, что, хотя правительства могут

действовать с точки зрения осмотрительности и предосторожности, принцип предосторожности не отменяет положений соответствующих соглашений в рамках ВТО (1998, стр. 46).

Резюме тематического исследования II

Отбросив на данный момент легализованное урегулирование спора, описанное выше тематическое исследование в значительной степени отражает ключевые аспекты тематического исследования по регулированию осадка сточных вод. Во-первых, это снова показывает различное использование научной экспертизы в процессе регулирования. С точки зрения США, научная экспертиза не должна зависеть от политических соображений, и оценки должны строго придерживаться научных принципов. Европейские эксперты, с другой стороны, столкнувшись с трудностями, связанными с соблюдением «хорошей ветеринарной практики», привели к гораздо большей безопасности, чем их североамериканские коллеги.

Противоположные точки зрения подкрепляются различными нормативными стандартами. Для ученых от ответчиков (США и т. д.) отсутствие доказательств вреда является достаточным для оправдания мягких стандартов или нормативных действий. Для заявителей положительные доказательства экспертов о том, что они не наносили вреда, необходимы для узаконивания мягкого или никакого регламентарного вмешательства. И последнее, но не менее важное, подход ученых ЕС соответствовал общей нормативной базе, предусмотренной Маастрихтским договором, с акцентом на принцип предосторожности в качестве критерия для выработки политики. Таким образом, официальная оценка рисков, требуемая соглашениями ГАТТ / ВТО, вряд ли изменит европейскую оценку проблемы, поскольку фундаментальные предпосылки для нормативного регулирования не будут выполнены. В таблице 4 кратко излагаются ключевые позиции сторон в процессе урегулирования споров ВТО.

Таблица 4
Ключевые позиции двух сторон относительно спора о мясе,
выращенном на гормонах

США	Евросоюз
Отдельная (научная) оценка риска от (социальной) системы управления рисками	Учитывать интересы потребителей и общественный консенсус
Нет свидетельств риска	Нет достаточных доказательств отсутствия побочных эффектов
Вещества "идентичны натуральным" и их нельзя отличить от фоновых уровней	Знания и аналитические методы недостаточно развиты; принцип предосторожности требует ошибок на безопасной стороне
Предполагается "Хорошая практика "	"Хорошая практика" не гарантирована

Обобщение различных точек зрения по регулированию принятия решений

Вслед за глобализацией ранее автономные области общества все чаще подвергаются внешним воздействиям. Уровень и степень регулирования в области охраны окружающей среды и общественного здравоохранения тесно связаны с вопросами легитимности, суверенитета и принятия демократических решений. В рамках ЕС была введена концепция субсидиарности (т.е. иерархической структурированности) для обеспечения того, чтобы принятие регулирующих решений находилось на самом подходящем уровне. Является ли эта цель достигнутой, здесь не обсуждается, но ее простое положение иллюстрирует стремление вовлеченных регионов и национальных государств не оставаться на милость перегруженной и отдаленной бюрократии. Тем не менее, механизмы международной торговли могут заменить утвердившиеся местные органы власти еще более отдаленной и непрозрачной структурой принятия решений.

Естественно, местное регулирование в области охраны окружающей среды и общественного здравоохранения может оказаться камнем преткновения для беспрепятственного потока товаров и услуг между торговыми блоками (кстати, регулирование осадка сточных вод может привести к ограничениям на экспорт зерна между США и ЕС). Как отмечают соглашения ВТО, существует надежда, что наука обеспечивает «объективный» критерий, необходимый для согласования различных стандартов. Эта надежда в лучшем случае наивная. Вероятностные научные результаты в области рисков для окружающей среды и общественного здравоохранения не могут обеспечить желаемые ответы «да» или «нет». Культурные предубеждения, политические убеждения и (личные) мировоззрения вступают не только в интерпретацию научных доказательств, но и влияют даже на формирование научной информации (в случае регулирования осадка сточных вод, исследований в области горных работ или полевых исследований или МЕИ по сравнению с НЕИ), и выбор доказательств (земляной червь по сравнению с почвенными микробами), таким образом, имея огромное влияние на форму окончательной регуляции.

Два тематических исследования в разных аспектах согласуются с понятием «эпистемологическое сообщество». Эпистемологические сообщества придерживаются определенных представлений о действительности и некоторых причинно-следственных связях, и, возможно, самое главное, они проводят общее политическое предприятие, которое также можно охарактеризовать как «миссию» соответствующего эпистемологического сообщества. Однако, в отличие от первоначального предложения Хааса (1992), в двух представленных тематических исследованиях членство в соответствующих эпистемологических сообществах в значительной степени зависело от культурной принадлежности и, в частности, от национального происхождения. В тематическом исследовании по регулированию осадка сточных вод результаты исследований, полученные членами каждого эпистемологического сообщества (Северной Америки / Европы), были известны и

доступны для всех. Члены обеих общин даже присутствовали на тех же конференциях. Таким образом, профессиональная подготовка и научные знания были, возможно, максимально сопоставимы с учетом различных (национальных) образовательных систем. Учитывая эту общую базу знаний, различия в предлагаемых уровнях безопасности поразительны. По-видимому, ответственность за это выраженное расхождение стандартов связаны с двумя основными факторами: основанной на ценности в форме культурной принадлежности вовлеченных ученых и / или регулирующего процесса.

В обоих тематических исследованиях европейские эксперты выразили твердое обязательство придерживаться принципа предосторожности. Напротив, в США приемлемые экологические изменения и экономическая эффективность обеспечивают легитимную основу для гораздо более мягких стандартов. Различия в процессе регулирования касаются сроков вклада экспертов. В Европе в обоих тематических исследованиях основной экспертный вклад имел место быть до разработки законодательства. В США, по крайней мере, в случае осадка сточных вод важное экспертное вмешательство имело место быть после того, как регулирующее агентство выпустило первый проект. Хотя эта картина, как правило, отражена в литературе, фактическая значимость консультаций экспертов до или после разработки проекта законодательства не была полностью изучена. Таким образом, вопрос заключается не в том, происходит ли «значение воздействия» во время консультации экспертов, а в том, когда и как. В контексте этой главы мы представляем, что при состязательном способе принятия решений эксперты делают выбор политики, так назовем, вверх по течению в эпистемологическом процессе. В согласованном режиме определенная степень политической чувствительности со стороны эксперта допускается, если не ожидается.

С точки зрения регулирующей науки, очевидно, что экспертные рекомендации по разработке политики должны рассматриваться и интерпретироваться в политическом контексте. Проблемы возникают, когда (национальные) нормативные стандарты размещаются и оцениваются вне их системы отсчета. Это особенно справедливо, если оценщик (и) не знает о своих собственных культурных предубеждениях, когда ставится под сомнение валидность и легитимность «отклоняющегося» экспертного сообщества. Общеизвестно, что проблемы, связанные с утверждением действительности, являются фундаментальной и неотъемлемой частью научных усилий. Однако, как показала дискуссия на семинаре Шлольманна в ноябре 1998 года, роль ученого, возможно, должна быть отделена от роли эксперта. Когда ученые выступают в качестве советников по вопросам политики или регулирующих ученых, они неизменно входят в политизированную сферу. Таким образом, разделение экологического регулирования на «основанные на науке» и «основанные на политике» подходы (как утверждает ЕРА, возможно, в попытке превзойти потенциальную критику, ЕРА, 1995, стр. Iii), скорее всего, обусловлено политической риторикой, чем глубокой оценкой рассматриваемой проблемы.

Вывод

При регулировании одинаковых рисков для окружающей среды и общественного здоровья США и ЕС приходят к значительно иным выводам. В представленных тематических исследованиях разработанные стандарты в значительной степени являются результатом того, что ученые предоставляют экспертные рекомендации для выработки политики. Интересный вывод состоит в том, что фактическая база знаний, на которые ссылались соответствующие эксперты, не оспаривалась. Различные экспертные сообщества были скорее отделены интерпретацией имеющихся научных доказательств. Толкование научных доказательств для консультирования по вопросам политики в значительной степени зависит от общих ценностей внутри соответствующего эпистемологического сообщества, культурных факторов и, вполне возможно, политических интересов.

Создание эпистемологического сообщества является полезным теоретическим подходом для анализа условий окружающей среды и общественного здравоохранения. Однако, поскольку подход эпистемологического сообщества был разработан в контексте координации международной политики, он не смог адекватно рассмотреть вопросы науки регулирования и культурных непредвиденных ситуаций при принятии решений о рисках. С другой стороны, с точки зрения науки регулирования, мы должны понимать, что основное внимание в большинстве текущих запросов к нормотворческим процессам слишком узко определено. Хотя мы по-прежнему обсуждаем стандарты в качестве национальной прерогативы в таких странах, как Германия, Великобритания, Франция и США, просто для того, чтобы назвать несколько, глобализация движется дальше. Мы должны осознать тот факт, что важные регулирующие решения принимаются на международном уровне, в соответствии с совершенно иным набором правил и, возможно, с использованием другого эпистемологического подхода, чем тем, к которому мы привыкли до сих пор. Поэтому представляется более чем своевременным глобализировать сферу охвата и аналитические рамки научного подхода в области регулирования.

Экологические стандарты и стандарты общественного здравоохранения являются отражением культурного и социального контекста, в котором они происходят. Это относится не только к процессу регулирования, но и к культурно ограниченной интерпретации вероятностных научных данных. Однако из-за глобализации рынков и международных торговых соглашений все большее число стандартов и положений устанавливаются международными органами или организациями. Эти новые системы регулирования еще не подпадают под одни и те же сдержки и противовесы, поскольку это характерно для национальных систем. Необходимо срочно расследовать процесс принятия решений на международном уровне и, в частности, роль экспертных консультативных комитетов в процессе регулирования. Необходимо расширить эти исследования, помимо вопросов, таких как истощение озонового слоя и глобальное потепление. Несмотря на то, что в

средствах массовой информации это менее заметно, стандарты безопасности пищевых продуктов или безопасности продуктов влияют на большое количество людей и имеют огромные экономические и финансовые последствия.

В совокупности это ставит вопрос о будущей роли эксперта, в частности ученого, в условиях глобализации экономики и соответствующих глобализированных институтов. Их ли это роль обеспечить чисто «научный» вклад вне зависимости от политических последствий? Как наука вовлеченная в разработку политики может быть «объективна», если сами доказательства открыты для интерпретации? Возможно, в некоторой степени противоречащей традиционному взгляду на науку и ученых, все это еще могут быть ранние дни в формировании глобальной научной культуры.

Источники:

Adler, E., & Haas, P. M. (1992). Conclusion: Epistemic communities, world order, and the creation of a reflective research program. *International Organization*, 46(1), 367-390.

Adorno, T. W., Dahrendorf, R., Pilot, H., Albert, H., Habermas, J., & Popper, K. R. (1972). *Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie*. Darmstadt, Germany: Luchterhand.

Arbeitsgemeinschaft für Umweltfragen (Ed.). (1986). *Das Umweltgespräch: Umweltstandards-Findungs- und Entscheidungsprozesse*. Bonn, Germany: Arbeitsgemeinschaft für Umweltfragen.

Abwassertechnische Vereinigung (ATV). (1996, August). *Zahlen zur Abwasser- und Abfallwirtschaft*. Hennef, Germany: Abwassertechnische Vereinigung.

Barth, H., & L. Hermite, P. (Eds.). (1987). *Scientific basis for soil protection in the European Community*. London: Elsevier.

Bayerische Rück (Ed.). (1993). *Risk is a construct: Perceptions of risk perception*. Munich, Germany: Knesbeck.

Berglund, S., Davis, R. D., & Hermite, P. (Eds.). (1984). *Utilisation of sewage sludge on land. Rates of application and long-term effects of metals*. Dordrecht, The Netherlands: Reidel.

Cameron, J., & O'Riordan, T. (Eds.). (1994). *Interpreting the precautionary principle*. London: Cameron May.

Chaney, R. L. (1980). Health risks associated with toxic metals in municipal sludge. In G. Bitton, B. L. Damron, G. T. Edds, & J. M. Davidson (Eds.), *Sludge-Health risks of land application* (pp. 59-83). Ann Arbor, MI: Ann Arbor Science.

Chaney, R. L. (1990a, September). Twenty years of land application research.

BioCycle, 54-59. Chaney, R. L. (1990b, October). Public health and sludge utilization. *BioCycle*, 68-73.

Chaney, R. L., Bruins, R. J. F., Baker, D. E., Korcak, R. F., Smith, J. E., & Cole, D. W. (1987). Transfer of sludge-applied trace elements to the food chain. In A. L. Page, T. J. Logan, & J. A. Ryan (Eds.), *Land application of sludge* (pp. 67-99). Chelsea, MI: Lewis.

- Chang, A. C., Hinesly, T. D., Bates, T. E., Doner, H. E., Dowdy, R. H., & Ryan, J. A. (1987). Effects of long-term sludge application on accumulation of trace elements by crops. In A. L. Page, T. J. Logan, & J. A. Ryan (Eds.), *Land application of sludge* (pp. 53-66). Chelsea, MI: Lewis.
- Chaudri, A. M., McGrath, S. P., Gilley, K. E., Rietz, E., & Sauerbeck, D. R. (1993). Enumeration of indigenous *Rhizobium Leguminosarum Biovar Trifolii* in soils previously treated with metal-contaminated sewage sludge. *Soil Biology and Chemistry* 25(3), 301-309.
- Coppock, R. (1985). Interactions between scientists and public officials: A comparison of the use of science in regulatory programs in the United States and West Germany. *Policy Sciences*, 18, 371-390.
- Davis, R. D., Haeni, H., & L'Hermite, P. (Eds.). (1986). *Factors influencing sludge utilisation practices in Europe*. London: Elsevier.
- Davis, R. D., Hucker, G., & L'Hermite, P. (Eds.). (1983). *Environmental effects of organic and inorganic contaminants in sewage sludge*. Dordrecht, The Netherlands: Reidel.
- Douglas, M., & Wildavsky, A. (1982). *Risk and culture*. Berkeley, CA: University of California Press.
- European Communities (EU). (1986). Council Directive of 12 June 1986 "On the protection of the environment, and in particular of the soil, when sewage sludge is used in agriculture (86/ 278/EEC)." *Official Journal of the European Communities* (No. L 181/6-12, 4 June 1986).
- EPA-US Environmental Protection Agency. (1989). Standards for the disposal of sewage sludge Proposed rule. *Federal Register*, 54(23), 5745-5902.
- EPA-US Environmental Protection Agency. (1994, September). *A plain English guide to the EPA part 503 biosolids rule*. Washington, DC: Office of Wastewater Management.
- EPA-US Environmental Protection Agency. (1995, September). *A guide to the biosolids risk assessments for the EPA part 503 rule*. Washington, DC: Office of Wastewater Management.
- Foster, K. R., Bernstein, D. E., & Huber, P. W. (Eds.). (1993). *Phantom risk. Scientific inference and the law* (paperback ed. 1999). Boston, MA: MIT Press.
- Foster, K. R., & Huber, P. W. (Eds.). (1999). *Judging science. Scientific knowledge and the courts*. Boston, MA: MIT Press.
- Fritzsche, A. F. (1991). Die Gefahrenbewältigung in einem gesellschaftlichen Spannungsfeld- Standortbestimmung and Ausblick In J. Schneider (Ed.), *Risiko and Sicherheit teehnischer Sys- terne* (pp. 29-42). Basel, Switzerland: Birkhauser.
- Garcia, L. D. (1992). Standard setting in the United States: Public and private sector roles. *Journal of the American Society for Information Science*, 43(8), 531-537.
- Geertz, C. (1973). *The interpretation of cultures*. London: Fontana. (Reissued 1993)
- Goldstein, N. (1991, September). Beneficial use should survive new 503 regs. *BioCycle*, 68-69.
- Haas, P. M. (1992). Introduction: Epistemic communities and international policy coordination. *International Organization*, 46(1), 1-35.

- Habermas, J. (1969). *Technik and Wissenschaft air Ideologie*. Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Habermas, J), 6,9_8 *Theorie, des kommunikativen Handelns* (Vols. I and II).
Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Habicht, H. (1992) . *Guidance on risk characterization for risk managers and risk assessors* (Memorandum). Washington, DC: US Environmental Protection Agency.
- Haigh, N. (1995). *Manual of environmental policy* (Release 0), Chapter 5.9: Sewage sludge. London: Cartermill International.
- Hall, J. E., Sauerbeck, D. R., & L.Hermite, P. (Eds.). (1992). *Effects of organic contaminants in sewage sludge on soil fertilitjs plants and animals*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- Hathaway, S.C. (1993). *Risk assessment procedures used by the Codex Alimentarius Commission and its subsidiary and advisory bodies*. *Food Control* 4(4), 189-201.
- Hofstede, G. (1994). *Culture and organisations*. London: Harper Collins.
- Horkheimer, M., & Adorno, T. W. (1947). *Dialektik der Aufklldrung*. Amsterdam, The Netherlands: Querido.
- Hucker, T. W. G., & Catroux, G. (Eds.). (1981). *Phosphorous in sewage sludge and animal waste slurries*. Dordrecht, The Netherlands: Reidel.
- Inglehart, R. (1990). *Culture shf in advanced industrial society* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Irwin, A. (1995). *Citizen science. A study of people, expertise and sustainable development*. London: Routledge.
- Irwin, A., Rothstein, H., Yearley, S., & McCarthy, E. (1997). *Regulatory science-Towards a sociological framework*. *Futures*, 29(1), 17-31.
- Jacobs, L.W., O'Connor, G. A., Overcash, M. A., Zabik, M. J., & Rygiewicz, P. (1987). *Effects of trace organics in sewage sludges on soil-plant systems and assessing their risk to humans*. In A. L. Page, T. J. Logan, & J. A. Ryan (Eds.), *Land application of sludge* (p. 53ff). Chelsea, MI: Lewis.
- Jasanof, S. (1986). *Risk management and political culture*. New York: Russell Sage Foundation (Social Research Perspectives 12).
- Jasanoff, S. (1990). *The frfth branch. Science advisers as polity makers*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jasanof, , S. (1997). *Civilisation and madness: The great BSE scare of 1996*. *Public Understanding of Science*, 6, 221-232.
- Joss, S., & Durant, J. (Ed.). (1995). *Public participation in science: The role of consensus conferences in Europe*. London: Science Museum.

- Kagan, R. A. (1994). Do lawyers cause adversarial legalism? A preliminary inquiry. *Law & Social Inquiry* 19(1), 1-62.
- Kuhn, T. S. (1970). *The structure of scientific revolutions* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- L;Hermite, P., & Ott, H. (Eds.). (1984). *Processing and use of sewage sludge*. Dordrecht, The Netherlands: Reidel.
- Logan, T. J., & Chaney, R. L. (1987). Nonlinear rate response and relative crop uptake of sludge cadmium for land application of sludge risk assessment. In *Proceedings of the Sixth International Conference on Heavy Metals in the Environment* (pp. 387-389). Edinburgh, UK: CEP Consultants.
- Mahler, R. J., Bingham, F. T., Page, A. L., & Ryan, J. A. (1982). Cadmium enriched sewage sludge additions to acid and calcareous soils: Effect on soil and nutrition of lettuce, corn, tomato, and swiss chard. *Journal of Environmental Quality* 11, 694-700.
- Marshall, E. (1988, October). The sludge factor. *Science*, 242, 507-508.
- McGrath, S. P., Chang, A. C., Page, A. L., & Witter, E. (1994). Land application of sewage sludge: Scientific perspectives of heavy metal loading limits in Europe and the United States. *Environmental Reviews* 2, 108-118.
- Morse, D. (1989, August). Sludge in the nineties. *Civil Engineering*, 47-50.
- National Research Council (NRC). (1982). *Risk assessment in the federal government. Managing the process*. Washington, DC: National Academy Press.
- National Research Council (NRC). (1996). *Understanding risk: Informing decisions in a democratic society*. Washington, DC: National Academy Press.
- O'Riordan, T., & Wynne, B. (1987). Regulating environmental risk: A comparative perspective. In P. R. Kleindorfer & H. C. Kunreuther (Eds.), *Insuring and managing hazardous risks: From Seveso to Bhopal and beyond* (pp. 391-410). Berlin: Springer.
- Page, A. L., Logan, T. J., & Ryan, J. A. (Eds.). (1987). *Land application of sludge*. Chelsea, MI: Lewis.
- Peterson, J. (1995). Playing the transparency game: Consultation and policymaking in the European Commission. *Public Administration*, 73(3), 473-492.
- Rakel, H. (1996). *Workplace risk assessment. A comparative analysis of regulatory practices in five EU member states*. Norwich, UK University of East Anglia (CERM Research Report No. 27).
- Renn, O. (1995). Style of using scientific expertise: A comparative framework. *Science and Public Policy* 22(3), 147-156.
- Renn, O., Webler, T., & Wiedemann, P. (Eds.). (1995). *Fairness and competence in citizen participation*. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.
- Rohe, K. (1990). Politische Kultur and ihre Analyse. *Historische Zeitschrift*, 250,321-346.

Rohrmann, B. (1993). Risk management by setting environmental standards. In Bayerische Rack (Ed.), Risk is a construct.- Perceptions of risk perception (pp. 269-289). Munich, Germany: Knesebeck.

Royal Commission on Environmental Pollution. (1996). Sustainable use of soil London: HMSO (Nineteenth Report, Cm. 3165).

Royal Commission on Environmental Pollution. (1998). Setting environmental standards. London: The Stationary Office (Twenty-first Report, Cm. 4053).

Salter, L, Leiss, L., & Levy, E. (1988). Mandated science: Science and scientists in the making of stan- dard. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.

Shrader-Frechette, K. S. (1991). Risk and rationality Berkeley CA: University of California Press.

van der Loo, H., & van Reijen, W. (1992). Modernisierung. Projekt and Paradox Munich, Germany: drv.

Webler, T., Rakel, H., & Ross, J. S. R. (1992). A critical theoretic look at technical risk analysis. Industrial Crisis Quarterl)t 6,23-38.

World Trade Organization (WTO). (1997, August). EC measures concerning meat and meat products (hormones). Complaint by the United States. Report of the Panel (WT/DS26/R/USA). Geneva, Switzerland: WTO.

World Trade Organization (WTO). (1998, January). EC measures concerning meat and meat products (hormones). Report of the Appellate Body (WT/DS26/AB/R). Geneva, Switzerland: WTO.

Глава 2

Рассуждения экспертов как судебная драма или бюрократическая координация: дебаты о семье в Соединенных Штатах и Германии

Вольфганг Уолтер

Институт социологии Университета Фрайбурга, Германия

ww-wolfgang.walter@t-online.de

Это исследование касается влияния экспертов на политическое консультирование. Это сравнительное тематическое исследование в области семейной политики. Отправной точкой является поразительная разница в значениях, принятых с 1980 года в американской и германской политике для семей, детей и их благосостояния.

В США обязательства (отсутствующих) отцов материально поддерживать их семьи рьяно взыскивались, как и требования к работе для одиноких матерей; социальные пособия, такие как пожизненные социальные выплаты были отменены на федеральном уровне, а соответствующие программы отдельных государств были существенно сокращены. Кроме того, широко распространены весьма критические высказывания о так называемых «нетрадиционных семейных формах», таких как однополые, разведенные или сводные семьи, а также о моральном положении американской молодежи, предположительно вызванным этими условиями.

В Германии семьи постепенно освобождались от расходов на воспитание детей; родители (т. е. в большинстве случаев мамы) могут брать отпуск по уходу за ребенком на срок до трех лет (при скромной финансовой поддержке), а членам семьи, ответственные за уход за пожилыми родственниками, получали поддержку по уходу от страховых программ. Общественные дебаты рассматривали семьи как весьма похожие; различие между «обычными» и «нетрадиционными» семьями менее важно, чем между семьями и «несемьями», то есть лицами или семьями без детей или других иждивенцев.

Аналогично, проблемы, связанные с семьями, были расположены не в моральной, а в финансовой сфере. В этой главе я утверждаю, что эти различия можно отнести к институциональным ресурсам, стратегиям и мировоззрениям экспертов, которые формируют общественные дебаты о семье в двух странах. Я попытаюсь показать, что два набора факторов, организация области экспертов и их стратегии определяют характеристики дебатов по семейным проблемам и вытекающие из этого политики. Ссылаясь на хорошо установленное различие, обнаруженное в сравнительных правовых исследованиях, я буду обозначать разницу между

рассмотрением экспертов в США и Германии с терминами «оппозиционная модель» и «следственная модель».

В первом разделе («Эксперты в качестве советников») я рассматриваю более старые подходы к использованию социальных наук в отношении моей собственной исследовательской стратегии. Во втором разделе («Эксперты и изменение политики: сравнительный пример») я даю обзор дебатов о семье и событий в области семейной политики в каждой стране, чтобы объяснить различные пути разработки политики, связанные с конкретной связью между институционализацией экспертных знаний и стратегии экспертов – оппозиционные и следственные. В третьем разделе (Методологические вопросы в исследовании экспертов) я анализирую три аспекта учетной записи: социальную вставку дискуссий экспертов, риторическое содержание текстов и самоотчеты экспертов. Мои заключительные замечания касаются тематического исследования моей более широкой темы, то есть социологии экспертов.

Эксперты в качестве советников

Использование социальных наук

Роль экспертов в научном консультировании лиц, определяющих политику, долгое время изучалась, по-видимому, в значительной степени с неудовлетворительными результатами. В этой главе будут рассмотрены в основном эксперты по вопросам политики из социальных наук. Несмотря на то, что мой анализ ограничивается этим предметом, все еще есть вопросы относительно степени влияния таких экспертов на политику, а также принятия или отклонения теми, кто устанавливает политику этого совета. Часть проблемы состоит в том, что две основные аналитические рамки, модель «дуальная модель» и «концептуализация использования» приводят к противоречивым интерпретациям и неотвеченным вопросам.

Дуальная модель и исследование научного консультирования

«Дуальная модель» (Mayntz, 1994, стр. 12), структура, которая использовалась в эпоху после Второй мировой войны до конца 1970-х годов, предполагает, что политика и наука - это два разных института, каждый из которых имеет свою собственную рациональность. В то время как политика - это сфера, в которой максимизация социальной власти является основной целью, наука стремится к максимальному знанию. Результаты научного консультирования политиков рассматривались либо как Просвещение, посредством которого научная рациональность должна была трансформироваться в политическую практику, либо как технократия, через которую политическая власть и научный опыт создавали мощную коалицию для подавления демократического процесса (Хабермас, 1978). Политику и науку изображали довольно систематически, что повлекло за собой выводы («Просвещение» и «технократия») правдоподобные и плодотворные для

эмпирических исследований. Но практически было невозможно подтвердить предполагаемые эффекты в любом из направлений. Эмпирические данные были интерпретированы как показывающие неуместность социальных наук для политического процесса (Wingens, 1988). Проблема заключается в предположении, лежащем в основе дуальной модели, а именно в том, что политическая и научная сферы имеют разные формы рациональности, критерии валидности и идеалы эффективности. Поскольку политика - это система действующих лиц, осуществляющих власть для достижения общественного контроля, она нуждается в научной экспертизе, но в то же время она не может работать с ней надлежащим образом. То же самое верно в другом направлении; наука может подразумевать определенную «миссию» по просвещению политиков, но не может быть переведена на силовое действие.

Концептуализация использования

Из-за разочарования старым подходом появился новый, основанный на взгляде Кэрл Х. Вайс (1983, 1991) о том, что основная функция социальных научных знаний носит концептуализированный характер, так что политический дискурс основывается на научной терминологии. То, что влияет на политику и дает ей более реалистичную и надежную основу, это не идеи или данные, а скорее семантика в качестве связи между научными и политическими дискурсами (рассуждениями).

Исходя из предположений о дуальной модели, этот подход был сфокусирован на процессе использования научных выводов в политической коммуникации. Эта идея была плодотворной в дальнейших исследованиях, но в ней сознательно отказались от вопроса, поставленного старым подходом, а именно, как влияют друг на друга субъекты в разных социальных сферах (политике и науке). В частности, подход к использованию имел три характеристики:

- Вместо того, чтобы реконструировать взаимодействие ученых и разработчиков политики, использование исследований направлено на описание постижения концепций между двумя сферами.
- Изучение использования потеряло эмпирическую глубину, предложив общую модель научной экспертизы, главной особенностью которой была ее концептуализированное использование политическими субъектами.
- Концептуализированный подход не был заинтересован в субъектах, заменяя агентов анонимными процессами распространения знаний.

Альтернативная стратегия исследований

Изучение научного консультирования и его использования, по-видимому, разрывается между двумя альтернативами философски глубокого, но эмпирически

неприемлемого подхода и более простой моделью, которая дает больше эмпирических данных, но ценой пренебрежения многими соответствующими аспектами. Существует два источника, которые служат отправной точкой для нового подхода к изучению роли научной экспертизы в государстве. Первая - это теоретическая, макросоциологическая перспектива, связанная с понятием «общества знания»; второй – проистекает из конструктивистского исследования социальных проблем.

Общество знаний

Понятие «общества знания» происходит от теорий так называемого «постиндустриального» общества. Основная претензия такого подхода заключается в том, что знания стали неотъемлемой частью институциональной структуры современных обществ (Stehr, 1992). В наше время различные виды научных знаний играют все более важную роль в экономике. Существуют отрасли, основанные на естественных науках, такие как химическая промышленность, где знания стали важной производительной силой. Существуют также сектора экономики обслуживания, которые все больше зависят от социальных научных знаний, таких как маркетинг и частные услуги, а также такие профессии, как социальная работа или терапия, которые почти исключительно основаны на социальных научных знаниях. Кроме того, социальные научные знания стали средством социального контроля и разработки политики с расширением использования официальной статистики, социальной отчетности и научного консультативного потенциала по отношению к государству, которое Гидденс (1990) обобщил под понятием «надзор». Многие теоретики «общества знания» видят в этом процессе рост нового общественного класса экспертов и советников, которые играют центральную роль в социальных изменениях (чтобы продвигать или препятствовать этому), с помощью «определения ситуации», то есть путем конструирования «социальных проблем» и предоставления консультаций по возможным решениям (Stehr, 1992).

Доступ к знаниям и возможность их использования становятся основным средством. Это приводит к созданию специализированных ролей для «работников знаний», специалистов, консультантов и т. П. Как следствие, «общество знания» развивает подлинную форму социальной стратификации в дополнение к классовой структуре индустриального общества. Бурдье (1976) анализирует социальную структуру экспертов с его общей концепцией «поля», рассматриваемой как упорядоченный набор социальных позиций и предметов культуры. Эксперты оснащены социальным, экономическим и культурным капиталом, то есть сетями, финансовыми средствами и образованием. Этот набор ресурсов неравномерно распределен в социальном пространстве, где предоставляются и наблюдаются экспертные знания.

Основные культурные блага, поставленные на карту в областях экспертов, являются оспариваемыми идеями. Эксперты используют свои ресурсы

(академические звания, репутацию, доступ к финансовым средствам, средствам массовой информации, риторические навыки и т. д.), чтобы конкурировать за главенство в своей области, то есть за общественное признание своих идей, отличившись от своих конкурентов. Эта модель главным образом основана на социологии религии Макса Вебера (Bourdieu, 1971a, 1971b); как религиозные лидеры, эксперты соревнуются за принятие своих предложений со стороны публики. Группы экспертов формируют антагонистические лагеря, направленные на продвижение и защиту «ортодоксальности» (то есть традиционности) против «гетеродоксии» (иноверия), полагаясь на свои ресурсы и требования к их главенству в вопросах этических принципов и социальных норм.

Конструирование социальных проблем

Второй набор идей, используемых при пересмотре традиционных парадигм в области научного консультирования, связан с качественным анализом построения социальных проблем.

Связь между этим подходом и соображениями, упомянутыми выше, заключается в определении эксперта как стратегического игрока, который пытается убедить других в их взглядах на проблемы. Конструкторский подход к социальным проблемам (Gusfield, 1976; Holstein & Miller, 1993; Spector & Kitsuse, 1977) подчеркивает активную роль экспертов в заключении утверждений и попытке установить повестку дня в сфере политики или дебатов.

Эксперты рассматриваются как «конструирующие реальность» в их соответствующих областях, в основном риторическими (словесными) средствами. Хотя это оспариваемая идея, это по крайней мере правдоподобно, что требования должны регулярно поддерживаться путем разработки исследовательских вопросов, организации доказательств и убедительным изложением. Однако последние разработки в этом подходе признают, что существуют ограничения, установленные социальными условиями, будь то структура областей, в которых происходят дискурсы социальных проблем (Hilgartner & Bosk, 1988), культурных традиций (Griswold, 1994, гл. 4), или государств с развитой социальной системой (Гусфилд, 1989).

Новый подход к социологии экспертов

Я вижу свой собственный подход объединения этих двух направлений в рассмотрении в качестве средства перепроектирования исследований о роли экспертов тремя способами:

- Исследовательский вопрос направлен на восстановление активного вклада групп экспертов в разработку политики. Каким образом определение плана и развитие программы зависят от стратегий, которые эксперты используют при изложении

своих соображений в оспариваемой области политических дебатов? Развитие в политике будет объясняться в сравнительном исследовании, и описаны в следующем разделе.

- Аналитическая модель фокусируется на стратегиях экспертов, с одной стороны, и институционализации областей, где эксперты имеют социальные и интеллектуальные позиции, с другой (см. Также Singer, 1990). Эта связь между областью и субъектом ведет к разработке сравнительной модели дебатов о семье в двух странах, адаптированной от сравнительного законодательства (см. «Учреждения и стратегии»).

- Центральный социальный субъект (действующее лицо) - это «эксперт», который создает и распространяет знания - институциональный контекст выработки политики. Поэтому исследование экспертов формируется с помощью относительного определением эксперта в качестве публичного субъекта, который управляет производством и получением знаний (Hitzler, 1994). В этой главе рассматриваются некоторые методологические последствия этой перспективы (см. Методологические вопросы в исследовании экспертов).

Эксперты и изменение политики: сравнительное исследование случаев

Дискуссии о семье и семейная политика в США и Германии

Предметом сравнительного тематического исследования являются политические дебаты о семье в США и Германии. Термин «семейные дебаты», используемый здесь, обозначает все формы общественного обсуждения ситуации и развития семьи как социальной сферы (Skolnick, 1993). Семейные дебаты предназначены для определения взаимных обязанностей членов семьи и семьи в целом по отношению к другим областям общества, например, экономике или государству.

После Второй мировой войны Федеративная Республика Германия и США подтвердили тот же доминирующий официальный семейный идеал, так называемую современную «ядерную» или «традиционную современную» семью - пожизненную супружескую пару, состоящую из мужского кормильца (и руководителя семья) и женщина-домохозяйка вместе со своими биологическими детьми (Moeller, 1993, для Западной Германии, Skolnick, 1993, для США). Этот идеал подвергся переформулировке в конце 1960-х и начале 1970-х годов, и с 1980-х годов консервативные администрации в обеих странах сделали «семью» серьезной проблемой в политической повестке дня. Их семейную политику можно рассматривать как попытку адаптировать идеал к изменившейся реальности семейной жизни с 1960-х годов.

Хотя начальные моменты семейных дебатов и климат изменения политики были схожи в начале 1980-х годов, результаты были почти диаметрально противоположными. В то время как американские дебаты по семейным вопросам породили множество различных определений и открыто противоречивые представления о семейных формах, а также оценки их изменений (Popenoe, 1988; Stacey, 1994a), его коллега в Германии, как правило, разумно расширил определение семьи, что привело к менее идеологическому обсуждению, в котором подчеркивалось сходство всех жизненных ситуаций, в которых воспитываются дети (Bundesministerium für Familie und Senioren, 1994; Nave-Hen, 1994). Другими словами, семьи рассматриваются с точки зрения их сходства, что не означает, что все семейные формы рассматриваются как эквивалентные, но подразумевают, что ни один тип семьи не должен подвергаться дискриминации.

В результате американская политическая арена напоминает «культурную войну» (Berger & Berger, 1983; Popenoe, 1993c) с горячими спорами о законном образе семьи и правильной оценке семейных изменений, особенно между сторонниками строгой традиционной семьи с одной стороны, и моделью с несколькими альтернативами, с другой стороны (Popenoe, 1988, vs. Stacey, 1994a). В Германии понятие группы двух поколений как ядро свободного консенсуса в отношении семьи служит некой защитой, в рамках которой дискуссия о средствах оказания практической поддержки семьям проводится с гораздо меньшей степенью опасности. Большинство ученых согласны с тем, чтобы провести разделительную полосу между семьями с одной стороны (т.е. людьми с детьми), и не-семьями (одиночные, бездетные пары), с другой стороны, хотя интерпретации различны (Kaufmann, 1990, 1995, vs. Beck & Beck-Gernsheim, 1995).

Аналогичным образом, различия можно найти в области разработки политики (для следующего: Walter, 1997a). В США различные инициативы и законодательные предложения направлены на восстановление и усиление само достаточности (обеспеченности), обязательств по финансовой поддержке членов семьи и приверженность семье в традиционном смысле. Важнейшими примерами являются Закон о поддержке семьи, более строгая реализация обязательств по поддержке для отцов, федеральных программ и государственных инициатив для того чтобы матери-одиночки становились рабочей силой, попытки сократить показатели аборт, а также демонтаж и замену помощи семьям с детьми-иждивенцами (AFDC), которая началась в качестве федеральной программы финансовой поддержки детей в (овдовевших) семьях с одним родителем. После многолетних публичных и политических дебатов AFDC окончательно упразднен и был заменен Законом о личной ответственности и возможностях для занятости 1996 года (PRWORA). В настоящее время в каждом из 50 штатов существуют различные программы под эгидой федеральной программы «Временная помощь нуждающимся семьям» (TANF).

В Германии три цели направлены на семейную политику и политические предложения. Во-первых, расширение юридического определения семьи призвано улучшить положение детей, рожденных вне брака, и детей после развода. Этим детям постепенно был предоставлен такой же статус, как и дети женатых родителей, что также улучшило правовой статус разведенных и неженатых отцов. Во-вторых, члены семьи, особенно мужчины, получающие заработную плату, которые занимали центральное место в традиционной семейной модели, были освобождены от (некоторых) своих финансовых обязательств. Существуют минимальные критерии для детского налогового кредита, обнародованные Конституционным судом Германии; судебные решения ликвидировали обязательства по поддержке взрослых детей для их пожилых родителей, и были проведены продолжительные дебаты и в ожидании законодательства об уравнивании нуждающихся семей. В-третьих, предпринимались попытки признать и оказать финансовую поддержку лицам, выполняющим свои семейные обязанности. Несмотря на то, что вся последняя политика нейтральна по признаку пола, женщины являются почти исключительно бенефициарами пособия по уходу за ребенком, кредитом в пенсионной системе для воспитания детей и страхованием по уходу за пожилыми людьми, которые финансируют уход за хрупкими пожилыми родственниками в семье («наличные деньги» для ухода").

Институты и стратегии

С 1980 года в обеих странах существуют две совершенно разные модели дебатов о семье и семейной политике: идеологический антагонизм и сильный акцент на семейных обязательствах (США) по сравнению с умеренными дебатами и сокращенными / субсидируемыми семейными обязательствами (Германия). Поскольку предпосылки изменения политики в 1980-х годах были одинаковыми в обеих странах (официальный идеал семьи, консервативные правительства), причины, по которым дискуссии и политика продвигались в противоположных направлениях, следует искать в деятельности экспертов и их стратегий в области экспертов.

Моя парадигма для анализа взаимосвязи между стилями институтов и субъектов (и различиями в результатах) - это олицетворение, полученное из сравнительной правовой теории. Континентальные и американские правовые традиции были дифференцированы в соответствии с инквизиционными и состязательными моделями (Thibaut & Walker, 1975, с. 22-27). Отличительным критерием является контроль, осуществляемый третьими лицами. В континентальной традиции судебные процессы находятся под сильным влиянием судей, которые обладают широкими полномочиями по надзору и проявлению инициативы в руководстве процессом. Они играют активную роль в допросе свидетелей и в разработке или изменении вопросов. В общих традициях права контроль зависит от конкурирующих адвокатов, которые руководят судебными разбирательствами,

выдвигая конкурирующие претензии, в то время как третьи стороны (судья и / или присяжные) отвечают и принимают решение о ходатайствах.

Судебная драма в США

Процесс установления плана в американских дебатах следует за состязательной моделью. Это судебная драма, исполняемая перед «присяжными» американской общественности и Конгресса. Существует мало или вообще нет институционализации дебатов с точки зрения законов, официальных комитетов и т. д. С помощью основывания организаций и аналитических центров главные действующие лица создают ресурсы для процесса установления исковых требований (Stacey, 1994a). Они имеют большую свободу в отношении соответствующих процедур. Не только разные взгляды на проблему, но и законные способы создания и распространения знаний (с использованием научных статей, беспристрастных отчетов, брошюр или массовых демонстраций). Следовательно, существуют различные формы словесности, чтобы объяснить некоторые антагонистические обмены между главными участниками (Popenoe, 1993a, Stacey, 1994b).

Преобладающим типом эксперта в США является «моральный предприниматель» (Becker, 1973), который вкладывает ресурсы в моральные причины. Эксперты в области дебатов об американской семье - «крестовые реформаторы», как Беккер называет прототип «морального предпринимателя». Большинство участников американских дебатов о семье считают, что они выполняют «моральную» миссию. Крестовые реформаторы лучше всего подходят для состязательной структуры в области семейных дебатов в Америке (и наоборот!).

Для одной группы экспертов возрождение «семейных ценностей» - это средство исцеления каждого больного в американском обществе (Blankenhorn, 1995; Blankenhorn, Baume, & Elshain, 1990) или, если сказать позитивно, - ядро новой коммунитарной основы социальной сплоченности (Etzioni, 1993; Whitehead, 1992). Это доминирующая или «традиционная» точка зрения, а это означает, что у этой группы есть ресурсы и идеал, чтобы определить основные вопросы дебатов. Группа, которую можно назвать «академической интеллигенцией», занимает «нетрадиционную» позицию. Их самовосприятие сосредотачивается на обязанности защищать и поощрять две вещи: истину и фундаментальные ценности индивидуальной свободы и социального равенства. Следовательно, они считают академическую критику претензий «традиционной» группы в качестве основного вклада в семейные дебаты (дебаты о семье) (Coontz, 1992; Skolnick, 1993; Stacey, 1993).

Бюрократическая координация в Германии

Феномен немецкой семьи больше склоняется к следственной модели. В целом, она сосредотачивается на бюрократическом расследовании, инициированном и осуществляемом для правительства. Многие протагонисты в дебатах назначаются государством и интегрированы в более согласованное обсуждение с семейными ассоциациями и общественностью. Научная консультация очень институционализована, включая постоянные и специальные комиссии (Walter, 1994b, 1995). Научные исследования и публичные доклады являются наиболее распространенными способами распространения знаний.

Преобладающим типом специалиста в Германии является «научный консультант», как описано Брукс (1964). Они служат в комитетах и рабочих группах в разных слоях бюрократической иерархии. Их экспертиза выполняет несколько функций: от предоставления технической информации до разработки политических программ. Все эти задачи связаны с требованиями политических институтов, в которых служат консультанты. Это приводит на стороне разработчиков политики, администрации и общественности к «двойному связыванию». Советники должны обеспечить объективную картину ситуации и, в то же время, заняться политической проблемой, то есть адаптировать смесь отстранения и участия, используя термины из социологии знания Норберта Элиаса (1987).

Как показывают исследования Брукса (1964) американских научных консультационных учреждений, этот тип субъекта не ограничивается континентальными европейскими политиками, хотя он развивается там беспрецедентным образом, особенно в стране, где была изобретена современная бюрократия, а именно Германия. Там мы находим вездесущую систему научного консультирования в рамках процесса бюрократической координации (Murswieck, 1993). Благодаря тесной координации политического дискурса и научной экспертизы в бюрократическом аппарате эта связь между действующим лицом и институтом поощряет предпочтение политическим подходам в соответствии с общей ориентацией государственной политики: политика финансовой поддержки семей под эгидой континентального государства всеобщего благосостояния (Walter, 1997a).

Доминирующее положение формируется сетью научных советников (см., Например, Bundesministerium for Familie and Senioren, 1994; Kaufmann, 1990, 1995; Nave-Hen, 1994). Принимая во внимание государственную субсидию на семью, эксперты имеют почти монополию на политическое консультирование. Многие из идей, которые распространились в немецких дебатах, первоначально были разработаны в официальных отчетах, написанных по воле и для государственных учреждений комиссиями, назначенными этими учреждениями и укомплектованными социальными учеными из семейных дисциплин (Walter, 1995).

Совпадение с традиционной позицией не так хорошо видно, как в случае «сопоставительной модели». Критика редко и эпизодична; «нетрадиционная» позиция не имеет четкого типа контр-эксперта. Тем не менее некоторые голоса могут быть идентифицированы, особенно те, кто видит изменение семьи как более фундаментальный процесс модернизации, который ведет к концу традиционной современной семьи (см., Например, Beck & Beck-Gernsheim, 1995).

Методологические вопросы в изучении экспертов

Моя цель в этом разделе двойка: во-первых, представить методы, подходящие приведенной выше структуре, и, во-вторых, способствовать более глубокому пониманию динамики отрасли и экспертов в процессе определения повестки дня по отношению к семье.

Моя отправная точка - это модель агентства «эксперт», о которой говорилось в интерактивных подходах к построению «социальных проблем» (Gusfield, 1963; Spector & Kitsuse, 1977). Согласно этой теории, эксперты являются субъектами в области, где определяется ситуация и строится проблема, приводящая к предложениям для повестки дня возможных решений. В этом разделе будут рассмотрены три методологические последствия этого подхода. Как описано выше, это представление включает в себя предположение о том, что условия для процесса взаимодействия даны и должны управляться и интегрироваться в стратегии действий. Я анализирую эту «интеграцию» в отношении культурных традиций и профилей благосостояния в двух странах.

Основная деятельность в области экспертизы заключается в предъявлении исковых требований. Поэтому второй метод может помочь нам проанализировать письменные документы с точки зрения их убедительного контента. Обнаружение риторических значений нацелено на более глубокое понимание построения образов проблем. Третий метод - использование экспертного интервью, с помощью которого стратегии эксперта в области восстанавливаются из их самоотчетов. Я завершаю этот раздел некоторыми замечаниями относительно отношений этих трех областей: общества, письменной коммуникации и индивидуальных действий.

Интеграция поля (или встроенность поля)

Действующие лица и их поля встроены в более широкую социальную структуру. Хотя интеракционистские подходы уже давно игнорируют это, это одна из основных проблем новых изменений (Gusfield, 1989, Holstein & Miller, 1993), которые учитывают встроенную социальную взаимосвязь. Поскольку эксперты строят «реальность» (или претендуют на реальность), процесс строительства внедряется в горизонт значений, образованный общей социальной структурой, которая уменьшает или увеличивает правдоподобие требований («культурное конструирование»: Griswold, 1994, глава 4). Особенно в отличие от ортодоксии по сравнению с гетеродоксией (или доминирующей группы экспертов и их критиков)

решающим фактором является то, насколько каждая группа поддерживается доминирующими идеями и политическими тенденциями. Эти тенденции могут быть получены из сравнительной социальной науки. В двух словах США имеют ориентированную на рынок либерал, Германию - католическое консервативное государство и политическую культуру (Walter, 1997a, 1997b).

Для США особый подход к «семье» представляет собой сочетание традиционного семейного идеала, принципа самообеспечения, материнской политики, в основном предназначенной для помощи одиноким матерям, а также политики, направленной на смягчение бедности, а также исключения среднего класса из этих политик. Поскольку процесс принятия решений в политической системе децентрализован, ориентирован на особые интересы и не руководствуется общим политическим обоснованием, он позволил расширить политику и расширить охват, особенно путем ослабления критериев приемлемости и увеличения уровней поддержки АФДК способами, противоречащими общим рамкам экономического либерализма. Поскольку (белый) средний класс является одной из основных групп в электорате и не пользуется политикой благосостояния, политическая поддержка этих мер постепенно ослабевает в ответ на ухудшение экономической ситуации среднего класса.

В Германии сочетание идей, политики и интересов, связанных с «семьей», которая сложилась в послевоенный период, состоит из трех элементов: традиционного семейного идеала (включая принцип субсидиарности (взаимодополняемости), где государство необходимо для поддержки всех семей), финансовой поддержки материнства и семьи в целом через семейные пособия и налоговые льготы в качестве способа выравнивания условий жизни семей и не-семей и включение среднего класса в эту систему поддержки семейного благосостояния. Семейная политика постепенно консолидируется и адаптируется к изменяющимся реалиям семейной жизни.

Различия между семейными формами или условиями жизни тщательно изучаются в отношении величины горизонтального равенства между теми, у кого есть дети (со всеми вытекающими из этого финансовыми обязательствами и социальной ответственностью), и теми, у кого нет. В результате «семья», в принципе, рассматривается в более широком смысле (семья - это каждое совместное проживание, включая детей и других иждивенцев). Кроме того, эта более широкая семейная модель служит объектом соответствующих политик. Основываясь на бюрократической традиции, система пособий стабилизирует программы поддержки семьи и облегчает их расширение. Интерес к этому процессу был внесен средним классом в поддержании и расширении финансовой поддержки, которую он считает необходимым для сохранения своего статуса.

Реконструкция стратегий экспертов

Термин «стратегии экспертов» означает конкурентную сторону публичных рассуждений. В определенной степени они могут быть раскрыты путем анализа документов, но поскольку стратегии конкретной риторики всегда остаются неявными, для извлечения мотивов и планов действий должен использоваться другой метод. Экспертные опросы, форма качественного интервью, используются для изучения конкретных взглядов экспертов. Интервью помогают анализировать восприятие изменений в семье, стратегии, с помощью которых участники дебатов влияют на установление повестки дня и выработку политики, а также на восприятие внедрения.

Методы проведения экспертных интервью были разработаны в качественных исследованиях и в элитных исследованиях (Moyer, 1988; Walter, 1994a). В основном, они представляют собой полуструктурированные интервью, призванные показать очень личную точку зрения эксперта на их работу, общественную деятельность и социальные условия, которые они считают актуальными для рассуждения. Цель состоит в том, чтобы сконструировать идеальные типы экспертов, которые могут быть использованы для объяснения структуры области.

В интервью с участниками американских дебатов о семье я регулярно начинал с открытого вопроса о том, что, по их мнению, было «главными особенностями современных дебатов о семье». Один из интервьюируемых считал, что такие аспекты, как раса или пол, являются наиболее важными вопросами в ходе дебатов. Затем я обратился к вопросу о том, участвовал ли этот субъект в обсуждении и получил следующий ответ (подробный отчет о моем методе и процедуре см. Walter, 1997b):

Нет, на самом деле нет (...). Одна из других вещей, характеризующих дискуссию, - это огромный дисбаланс в ресурсах между правой стороной дискуссии и левой стороной дискуссии (...), был рост консервативного движения, которое финансируется консервативными предприятиями, которые создали эти исследовательские академические аналитические центры, Фонд «Наследие», Американский институт предпринимательства и многие другие. И они делают несколько вещей; одна из них заключается в том, что они делают исследовательские отчеты, с одной стороны, они могут показаться политическим анализом или обзорами литературы, но они в большей степени соответствуют тому факту, который был определен для продвижения определенных точек зрения (...), есть эта размытая линия между интеллектуалами и учеными в университете, интеллектуалами и учеными в этих исследовательских институтах. Вы не теряете так уж своего престижа в академических кругах из-за работы в этих местах (...), а с другой стороны, эти исследования предназначены для получения сообщения от средств массовой информации. (...) Что они делают, так это то, что они могут определить условия дебатов, и поэтому у нас есть эти споры об одиноких матерях (...), которые виноваты во всех наших социальных проблемах, в то время как Дэн

Квейль получил много насмешек по этой речи (...). (№ интервью US-17, строка 369-439)

Чтобы понять стратегию, которая может быть реконструирована из этого интервью, важно два момента. Во-первых, эксперт ничего не говорит о себе, своих интересах, деятельности и т. д. Она представляет свое участие посредством реакции на что-то уже происходящее - без ее участия и, совершенно очевидно, не по ее вкусу. Во-вторых, интервью - только одно из серии, которое я провел с несколькими учеными Калифорнии. В более подробном отчете я отметил, что они принадлежат к определенному типу экспертов в американских дебатах, который я называю «академическими интеллектуалами», чья стратегия - «критическая позиция» (Walter, 1997b). Характерно, что эта группа видит себя оппонентами доминирующего дискурса и критикует позицию, изображенную в предыдущем разделе, из-за финансирования, стратегии и риторики, связанных с их дискурсом.

По мнению собеседника, чувство социальной дистанции от более богатых активистских групп и мозговых центров, по ее мнению, финансируется консервативными пожертвованиями, сочетается с когнитивной и политической дистанцией. Дисбаланс ресурсов приводит к аргументированной гегемонии в области семейных дебатов. Касаясь их публикаций, она утверждает: «(...) они больше в порядке фактов, направленных на продвижение определенных точек зрения (...), направленных на получение сообщения в средствах массовой информации». Она признает главенство: «(...) они могут определить условия дебатов».

Большинство людей в этой академически-интеллектуальной группе являются учеными-социологами в университетах, а их общий знаменатель - очень скептическое отношение к позициям, которые продвигаются широким использованием ресурсов или присутствием СМИ, что провоцирует их оппозицию. Таким образом, между двумя «лагерями», которые признают друг друга в качестве оппонентов в дебатах об американской семье, есть четкий разрыв: Рореное, 1992; Stacey, 1994a, 1994b). У них разные взгляды и разные стратегии. Эта совокупность факторов способствует явной поляризации американских дебатов. «Критическая позиция», как одна из тенденций в дискуссии, даже усиливает дисбаланс в общественном восприятии дискуссии.

Взаимосвязанные арены и сфера семейных дебатов

Методологические подходы, рассмотренные выше, служат «аналитическими инструментами», то есть они анализируют несколько аспектов всего процесса. Их можно рассматривать как отображение различных арен поля: интеракционистскую арену стратегий, риторику публичного дискурса и социальную арену, в которую встроены две другие. Поле семейных дебатов (в целом) состоит из взаимосвязей этих арен. Соответствующие связи, которые соединяют арены, можно идентифицировать при институционализации экспертов, то есть в качестве

источника их полномочий по этому вопросу (государством или самоопределением), ресурсов, мобилизованных и используемых для распространения оспариваемых идей, и процедуры распространения знаний.

Для США я использую в качестве примера так называемое «движение семейных ценностей» (Stacey, 1994a; Walter, 1997b), которое является частью доминирующего в Американской семейной дискуссии. Одной из самых важных организаций в этом движении является Институт американских ценностей, основанный в Нью-Йорке. Он связывает распространение исследований и влияние на общественное мнение. Институт основал Совет по делам семьи в Америке; он публикует серии работ, статей и книг (Blankenhorn et al., 1990). Он спонсирует или поддерживает конференции (Whitehead, 1992), а также организовал массовые мероприятия, на которых важность отцовства была передана более широкой аудитории, так называемому «Национальному отцовскому туру» Дэвида Бланкенхорна (1995). Подобные организации образуют сеть, включающую сотрудничество и взаимную поддержку. В частности, у них есть разные фокусы, такие как «Институт прогрессивной политики» так называемых «новых демократов» или коммунистическое движение с более широкой политической повесткой дня. У некоторых есть другая политическая ориентация, такая как «Фокус на семью» или «Совет по исследованиям семьи», которые принадлежат Религиозному праву. Все эти организации являются «информационно-пропагандистскими центрами», которые «сочетают сильную политику, партизанскую или идеологическую, стремящуюся к агрессивному сбыту и усилие влиять на текущие политические дебаты» (Weaver, 1989, стр. 567).

Институционализация эксперта в дебатах о семье в Германии лучше всего иллюстрируется официальными семейными отчетами немецкого национального правительства, подготовленными регулярно назначенными комиссиями, которые в основном состоят из социологов (Bundesministerium für Familie and Senioren, 1994; Walter, 1994b, 1995).. Отчеты являются официальными и всеобъемлющими; они призваны предложить обширный обзор семьи в целом или определенного аспекта с уделением особого внимания политически значимым социальным изменениям в этой социальной области, ее причинам и ее последствиям. В этих отчетах официальный идеал семьи заново формулируется с помощью научных аргументов. Предлагаются предложения относительно довольно систематической программы семейной политики, которые могут использоваться в качестве консенсусной основы для оценки результатов политики. Кроме того, существует плотная сеть участников в области семейной политики, которая облегчает общение между Администрацией, семейными ассоциациями и общественностью. Эксперты включают результаты своих исследований в этих докладах и их главы доклада в своих публикациях (например, Kaufmann, 1990, 1995, vis-à-vis Bundesministerium für Familie and Senioren, 1994; Nave-Herz, 1994). Построение консенсуса затрагивает даже правительство Германии, которое приняло большинство центральных аргументов (Bundesministerium für Familie and Senioren, 1994).

Учитывая интеграцию научного консультирования в процесс бюрократической разработки политики, я нашел три взаимодополняющие стратегии (Walter, 1994a): «эмпирическое Просвещение», в котором подчеркивается предоставление технической информации тем кто определяет политический курс; «прагматичный диалог», сочетая политические и научные взгляды; и «систематическая разработка программ» в качестве попытки дать рациональную основу политике. В немецком случае эти стили консультирования способствуют общему направлению изменения политики, которое представляет собой скорее умеренное изменение, основанное на системе пособий семьям.

Специфические характеристики эксперта (состязательная против следственной модели), вложение дискурса (либеральное или консервативное государство с развитой социальной системой), риторические механизмы и стратегии экспертов, а также институциональные связи между этими аренами способствовали изменению политики в рассматриваемый период: «реформа социального обеспечения» в США и политика экономической поддержки семей в Германии.

Выводы

Тезис этой главы заключается в том, что влияние экспертов на изменение политики следует анализировать с точки зрения взаимосвязи между областью дискурса, с одной стороны, и позициями и стратегиями экспертов, с другой. Для сравнительного тематического исследования, представленного здесь, я утверждал, что существуют определенные связи между областью и действующим лицом в американских и немецких дебатах о семье, которые связаны с состязательными и следственными моделями. Этим объясняются различия в изменении семейной политики в двух странах до такой степени, что соответствующие комбинации характеристик областей и типов экспертов способствуют определенному стилю политики. Наконец, я продемонстрировал, как эту теоретическую идею можно было бы эмпирически доказать, изучая разные сферы экспертного влияния (общество, общественный дискурс, взаимодействие) и их взаимосвязи.

Можно ли обобщить подход или теорию? Я рассмотрю несколько моментов, которые стоит рассмотреть. Во-первых, я спрошу, можно ли получить общее определение эксперта из этого тематического исследования. Во-вторых, я расскажу об общих последствиях моделей дискурса, следственных и состязательных. Наконец, я подниму вопрос, имеет ли значение данное исследование для социологии «общества знаний».

Определение эксперта

В этой главе я решил использовать сочетание интерактивно-реляционных и структурных подходов («Альтернативные исследования»). В свете этого соображения эксперта можно рассматривать как социальную фигуру в

распределении знаний, что является одним из элементов социальной структуры современных «обществ знаний». Это приводит к интеракционистско-реляционному определению эксперта (Hitzler, 1994). Поскольку присвоение экспертного статуса основано на предполагаемых различиях в знаниях, эксперт может быть определен только реляционно. Эксперты - это люди, которые - по сравнению с теми, с кем они взаимодействуют - не только имеют больше знаний, но и способны управлять передачей знаний. Люди «становятся» экспертами через представления, в которых они переводят и интегрируют свои знания в системы популярного значения.

Следовательно, динамика взаимодействия «эксперт-обычный человек» зависит, в частности, от их включения в определенную социальную структуру. Сила институционализации - это то, что определяет социальный статус эксперта. С одной стороны спектра есть специалист, который обладает высокой степенью институционализации свободы исследований и получения знаний, но вообще не имеет права или только немного имеет право делать выводы, обязательные для других. С другой стороны, есть профессионалы с их автономными организациями, монополизацией знаний и политически институционализированного статуса, который допускает законные вмешательства даже в очень личных вопросах. С точки зрения этих полюсов большинство экспертов находятся где-то посередине, частично получают и частично создают свои полномочия, постоянно демонстрируют свою компетентность и передачу знаний о науке публике или держателям власти.

В отношении неспециалистов исследование, представленное здесь, касалось в основном двух адресатов: «общественности», состоящей из более или менее хорошо информированных граждан с интересом к проблеме и лиц, принимающих решения, лиц, ответственных за изменение политики. Другие группы непрофессионалов включают «клиентов», которые обращаются за консультацией на контрактной основе или «ассоциации / организации», которые имеют собственные ресурсы для производства и анализа знаний. Более того, определения аналогов не являются взаимоисключающими. Например, в дебатах о семье в Германии правительство выступает в качестве клиента экспертов в семейных дебатах, а семейные ассоциации также являются важными участниками публичного дискурса.

Имея в виду реляционное определение, у нас есть аналитический инструмент, который позволяет дифференцировать совокупный факторы экспертов по сравнению с не-экспертами. Мое предложение состоит в том, что необходимо проанализировать динамику научного консультирования с точки зрения его коммуникативного содержания, значительных элементов и политического воздействия.

Состязательная в сравнении со следственной моделью

Мы находим аналогичное различие между состязательными и следственными моделями в анализе американской экономической политики Сингера (1993), который, по крайней мере во времена администраций Рейгана и Буша, в значительной степени основывался на «нетрадиционной» экономике, созданной информационно-пропагандистскими центрами. Напротив, экономическая политика Германии характеризуется преобладанием утвержденных государством консультантов, подобных тем, которые выступают в «Совете экономических экспертов», и финансируемой государством области экономистов, которые разделяют консенсус в отношении экономической политики.

Можно утверждать, что степень организации - это ключевое различие между европейской и американской административными культурами («единство» против «фрагментации», Aberbach, Derlien, & Rockman, 1994). В отличие от европейской модели, ориентированной на государство, США используют модель, ориентированную на общество, что приводит к более фрагментированной консультативной системе. Высокоорганизованная система консультирования европейского государства обеспечивает постоянную основу консультаций, но часто страдает от отсутствия гибкости и приспособляемости. На основе предпринимательских организаций американская система более изменчива и способствует неравной конкуренции за влияние между различными группами экспертов (Уивер, 1989), но она способствует более широкому спектру мнений.

К социологии общества знаний

Социология знания пыталась с тех пор, со времен ее отцов-основателей (Маркс, Энгельс, Мангейм), определить, служит ли знание исключительно интересам тех, кто предоставляет знания или же оно может быть силой в трансформации силовых структур. Связь между знаниями и властью в «обществе знаний» остается открытой для обсуждения. Для некоторых эксперты и советники составляют новую элиту, которая становится правящим классом общества; для других, чистый рост знаний в экономике обслуживания, как правило, снижает статус экспертов (Stehr, 1992). Это исследование предполагает двойной образ. Эксперты изображаются одновременно с высокой способностью определять значение дебатов и, тем не менее, также зависят от общих условий данной области.

Сила экспертизы зависит от конкретного типа вовлеченного в это эксперта и их отношения к неспециалистам. Сегодня растет число экспертов наподобие священников, которые применяют знания, уже постигнутые и проверенные. Кроме того, есть больше пророческих экспертов, которые создают новые доктрины. Это различие было сделано аналогичным образом Беккером (Becker, 1973), который обсуждает «правила правоприменительных органов» по сравнению с «создателями правил».

В «обществе знаний» электронные средства массовой информации взяли на себя большую роль в обмене опытом. Средства массовой информации улучшают публичный доступ к экспертным знаниям, а это означает, что одновременно они увеличивают общественную зависимость от экспертов (из-за их присутствия или даже «всемогущества») и уменьшают нашу зависимость от конкретных экспертов (из-за имеющихся альтернатив). В любом случае «общество знаний» создало множество высоко ценимых знаний, подходящих для практических целей. Хорошо информированный гражданин не нуждается в личном знании многих вещей, потому что на каждый вопрос почти всегда есть эксперт. Именно это создает подлинную силу экспертов как группы в обществе.

Источники

- Aberbach, J., Derlien, H.-U., & Rockman, B. (1994). Unity and fragmentation. Themes in German and American public administration. In H.-U. Derlien, U. Gerhardt, & F. W. Scharpf (Eds.), *Systemrationalität and Partialinteresse. Festschrift für Renate Mayntz* (pp. 271-289). Baden-Baden, Germany: Nomos.
- Beck, U., & Beck-Gernsheim, E. (1995). *The normal chaos of love*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Becker, H. S. (1973). *Outsiders. Studies in the sociology of deviance*. New York: The Free Press.
- Berger, P., & Berger, B. (1983). *The war over the family Capturing the middle ground*. London: Hutchinson.
- Blankenhorn, D. (1995). *Fatherless America. Confronting our most urgent problem*. New York: Basic Books.
- Blankenhorn, D., Bayme, S., & Elshstein, J. B. (Eds.). (1990). *Rebuilding the nest. A new commitment to the American family*. Milwaukee, WI: Family Service America.
- Bourdieu, P. (1971a). Une interpretation de la theorie de la religion selon Max Weber. *Archives europeennes de sociologie*, 12(1), 3-21.
- Bourdieu, P. (1971 b). Gene se et structure du champ religieux. *Revue française de sociologie*, 12, 295-334.
- Bourdieu, P. (1976). Le champ scientifique. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 2(2/3), 88-104.
- Brooks, H. (1964). The scientific adviser. In R. Gilpin & C. Wright (Eds.), *Scientists and national policy-making* (pp. 73-96). New York: Columbia University Press.
- Bundesministerium für Familie und Senioren [Federal Ministry for Family and Senior Citizens] (Ed.). (1994). *Familien und Familienpolitik in geeinten Deutschland-Zukunft des Humanvermögens*. Bonn, Germany: Author (Bundestagsdrucksache 12/7560).
- Coontz, S. (1992). *The way we never were. American families and the nostalgia trap*. New York: Basic Books.
- Elias, N. (1987). *Involvement and detachment. Essays in the sociology of knowledge*. Oxford, UK: Blackwell.
- Etzioni, A. (1993). *The spirit of community The reinvention of American society*. New York: Touchstone.
- Gerlach, I. (1996). *Familie und staarliches Handeln. Ideologic and politische Praxis*. Opladen, Germany: Leske + Budrich.

- Giddens, A. (1990). *The consequences of modernity* Stanford, CA: Stanford University Press.
- Griswold, W. (1994). *Cultures and societies in a changing world* Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
- Gusfield, J. R. (1963). *Symbolic crusade. Status politics and the American temperance movement.* Urbana, IL University of Illinois Press.
- Gusfield, J. R. (1976). The literary rhetoric of science: Comedy and pathos in drinking driver research. *American Sociological Review* 41, 16-34.
- Gusfield, J. R. (1989). Constructing the ownership of social problems. Fun and profit in the welfare state. *Social Problems*, 36, 431-441.
- Habermas, J. (1978). *Technik und Wissenschaft als Ideologie.* Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Hilgarmer, S., & Bosk, C. L (1988). The rise and fall of social problems: A public arena model. *American Journal of Sociology* 94, 53-78.
- Hitzler, R. (1994). Wissen and Wesen des Experten. Ein Annäherungsversuch zur Einleitung. In R. Hitzler, A. Honer, & C. Maeder (Eds.), *Expertenwissen. Die institutionalisierte Kompetenz our Konstruktion von Wirklichkeit* (pp. 1330). Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Holstein, J. A., & Miller, G. (Eds.). (1993). *Reconsidering social constructionism. Debates in social problems theory* New York: de Gruyter.
- Kaufmann, F.-X. (1990). *Zukunft der Familie. Stabilität, Stabilitätsrisiken and Wandel der famili- alen Lebensformen sowie im gesellschaftlichen and politischen Bedingungen.* Munich, Germany: Beck (Perspektiven and Orientierungen. Schriftenreihe des Bundeskanzleramtes, Vol. 10).
- Kaufmann, E.-X. (1995). *Zukunft der Familie im vereinten Deutschland. Gesellschaftliche and politische Bedingungen.* Munich, Germany: Beck (Perspektiven and Orientierungen. Schriftenreihe des Bundeskanzleramtes, Vol. 16).
- Mayntz, R. (1994). Politikberatung and politische Entscheidungsstrukturen: Zu den Voraus- setzungen des Politikberatungsmodells. In A. Murswieck (Ed.), *Regieren and Politikberatung* (pp. 17-30). Opladen, Germany: Leske + Budrich.
- Moeller, R. G. (1993). *Protecting motherhood Women and the family in the politics of postwar West Germany* Berkeley, CA: University of California Press.
- Moyser, G. (1988). Non-standardized interviewing in Elite research. *Studies in Qualitative Method- ology* 1, 109-136.
- Murswieck, A. (1993). Policy advice and decision making in the German federal bureaucracy. In B. G. Peters & A. Barker (Eds.), *Advising West European governments. Inquiries, expertise and public policy* (pp. 87-97). Edinburgh, UK: Edinburgh University Press.
- Nave-Herz, R. (1994). *Familie heute.* Darmstadt, Germany: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Perelman, C., & Olbrechts-Tyteca, L (1969). *The new rhetoric. A treatise on argumentation.* Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.
- Popenoe, D. (1988). *Disturbing the nest. Family change and decline in modern societies.* New York: de Gruyter.
- Popenoe, D. (1992, December 26). The controversial truth: Two-parent families are better. *The New York Times*, p. 21.
- Popenoe, D. (1993a, April 10). Scholars should worry about the disintegration of the American family. *The Chronicle of Higher Education*, p. A48.

- Popenoe, D. (1993b). American family decline, 1960-1990: A review and appraisal. *Journal of Marriage and the Family*, 55, 527-542.
- Popenoe, D. (1993c). The national family wars. *Journal of Marriage and the Family* 55,553-555.
- Popenoe, D. (1996). *Life without father. Compelling new evidence that fatherhood and marriage are indispensable for the good of children and society* New York: The Free Press.
- Singer, O. (1990). Policy communities and discourse coalitions. The role of policy analysis in economic policy making. *Knowledge*, 11(4), 428-458.
- Singer, O. (1993). Knowledge and politics in economic policy-making. Official economic advisors in the USA, Great Britain and Germany. In B. G. Peters & A. Barker (Eds.), *Advising West European governments. Inquiries, expertise and public policy* (pp. 72-86). Edinburgh, UK: Edinburgh University Press.
- Skolnick, A. (1993). *Embattled paradise. The American family in an age of uncertainty* New York: Basic Books.
- Spector, M., & Kitsuse, J. I. (1977). *Constructing social problems*. Menlo Park, CA: Cummings.
- Stacey, J. (1993). Good riddance to "The Family": A response to David Popenoe. *Journal of Marriage and the Family* 55, 545-547.
- Stacey, J. (1994a, Fall). Scents, scholars, and stigma. *Social Text*, 40, 51-75.
- Stacey, J. (1994b, July 25). The new family crusaders. Dan Quayle's revenge. *The Nation*, 119122.
- Stehr, N. (1992). Experts, counsellors and advisers. In N. Stehr & R. V. Ericson (Eds.), *The culture and power of knowledge. Inquiries into contemporary societies* (pp. 107-156). Berlin, Germany: de Gruyter.
- Thibaut, J., & Walker, L. (1975). *Procedural justice. A psychological analysis*. New York: Wiley.
- Toulmin, S. E. (1958). *The uses of argument*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Walter, W. (1994a). Strategien der Politikberatung. Die Interpretation der Sachverständigen-Rolle im Lichte der Experteninterviews. In R. Hitzler, A. Honer, & C. Maeder (Eds.), *Expertenwissen. Die institutionalisierte Kompetenz zur Konstruktion Iron Wirklichkeit* (pp. 268-284). Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Walter, W. (1994b, July 20). The surveillance of family Towards a conceptual scheme for the comparison of family reporting in Germany France, and the United States. Paper presented at the XIIIth World Congress of Sociology (Research Committee 06 'Family Research'), Bielefeld, Germany.
- Walter, W. (1995). Familienberichterstattung and familienpolitischer Diskurs. In U. Gerhardt et al. (Eds.), *Familie der Zukunft. Lebensbedingungen and Lebensformen* (pp. 81-97). Opladen, Germany: Leske + Budrich.
- Walter, W. (1997a). Subsidiarität and Selbstverantwortung. Individualisierungsstrategien and Risikokonzeptionen in den Familienpolitiken der Bundesrepublik Deutschland and den USA. In S. Hradil (Ed.), *Denz and Integration. Die Zukunft moderner Gesellschaften* (pp. 102-110). Frankfurt a.M., Germany: Campus.
- Walter, W. (1997b). *Der Wert der Familie. Institutionenwandel and familiäre Lebensführung*. Unpublished manuscript, Universität Konstanz, Germany.
- Weaver, R. K. (1989). The changing world of think tanks. *PS: Political Science and Politics*, 22(3), 563-578.

- Weiss, C. H. (1983). Three terms in search of reconceptualization: Knowledge, utilization, and decision making. In B. Holzner, K. Knorr, & H. Strasser (Eds.), *Realizing social science knowledge. The political realization of social science knowledge and research: Toward new scenarios* (pp. 201-219). Vienna: Physics.
- Weiss, C. H. (1991). Policy research: Data, ideas, or arguments? In P. Wagner, C. H. Weiss, B. Wittrock, & H. Wollmann (Eds.), *The policy orientation: Legacy and promise* (pp. 307-332). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Whitehead, B. D. (1992). Crossing the cultural divide. A new familism? *Family Affairs*, 5(1), 1-5.
- Whitehead, B. D. (1993). Dan Quayle was right. *The Atlantic Monthly* 271(4), 47-84.
- Wingens, M. (1988). *Soziologisches Wissen und politische Praxis. Neuere theoretische Entwicklungen der Verwendungsforshung*. Frankfurt a.M., Germany: Campus (Campus Forschung, Vol. 591).

Глава 3.

Интеграция знаний в области социальных наук в политический процесс: действительно ли это случилось?

Габриэле Мецлер

Институт современной истории Тюбингенского университета. Германия

gabriele.metzler@uni-tuebingen.de

Интеграция социальных научных экспертов и экспертизы в политический процесс является недавним явлением. Интересно, что этот процесс не проходил гладко, даже когда «социальная наука» принятия политических решений или планирования была политической программой, как в случае с Западной Германией в 1960-х годах.

В этой главе рассматриваются социальные науки и их влияние на политические реформы и принятие решений в Западной Германии после Второй мировой войны. Однако заявленный спрос на социальные научные знания и навыки не является изолированным немецким феноменом. Планирование в качестве современного научно обоснованного политического инструмента осуществлялось и в других странах, особенно в странах с социал-демократическим правительством, таких как Швеция, где социал-демократы у власти расширяли государство с развитой социальной системой с конца войны или Соединенное Королевство при правительстве лейбористов после 1964 года. Однако планирование было не только социал-демократической политической программой; во Франции, где планирование было в моде после окончания войны, оно продолжалось и даже усиливалось как политическая программа после того, как де Голль пришел к власти в 1958 году. Таким образом, идея социально-научной основы принятия политических решений, безусловно, не была ограниченной Западной Германией. Как далеко, однако, действительно влияние социальных наук в Федеративной Республике достигло?

В 1960-е годы «современная» и «модернизация» были политическими лозунгами дня. В Западной Германии коалиция социал-демократов и либералов, пришедшая к власти в 1969 году, победила на выборах как на современном образе – самом канцлере Вилли Брандте, немецкой версии динамичного, перспективного молодого Джона Э. Кеннеди, который был ключевым элементом этого образа – так и на современной политической программе: новое правительство намерено, как заявил Брандт в своей инаугурационной речи, модернизировать общество, экономику, а также политическую систему страны. Вряд ли существовала какая-

либо область, не являющаяся объектом этой широкомасштабной программы реформ, простирающейся от изменений в правительстве и администрации, до экономики и инфраструктуры, а также социальной политики и системы образования. Инструментом достижения этих амбициозных целей было политическое планирование, воспринимаемое как «современный» метод принятия решений, основанный на научных принципах. Действительно, как сказал Хорст Эмке, глава канцелярии и ключевая фигура в первом кабинете Брандта, политики и политика отныне считаются наукой.

В ретроспективе годы «Коалиции Брандта» с 1969 по 1974 год, похоже, были расцветом власти социальных наук. В целом, как правило, социал-демократы и либералы придерживались того, что если политический механизм должен быть реконструирован, он будет на социально-научной основе; если цели политических решений должны быть переоценены, политикам придется учитывать результаты социальных исследований. Общественные науки рассматривались многими в качестве сторонников современности, как гаранты рационального установления и принятия решений, а также надежных сторонников эмансипационных целей – казалось, что годы надежды и славы придут.

Но насколько далеко зашло влияние социальных наук в Западной Германии? Какую роль играют социальные науки в политической повестке дня и принятии решений? Что ожидали от них политики и общественность? Как сами социологи определяли свою роль и как они адаптировались к растущим ожиданиям и требованиям? Более пристальное изучение этих вопросов показывает, вопреки многообещающим заявлениям, что социальные науки не оказали существенного влияния на законодательный процесс и его результаты. Однако эта оценка влияния социальной научной экспертизы заметно меняется, когда мы принимаем менее ограничительное определение институциональных изменений, включающее производство и распространение знаний, а также передачу его из области науки в сферу политики.

Ниже приводится пример влияния социальных наук на принятие и изменение политических решений. Я следовал за этим исследованием в основном с исторической точки зрения. Представленная история не организована в хронологическом порядке, а скорее как концентрические круги. Во-первых, будет обсуждаться роль социальных наук и социальных научных экспертов в политическом процессе в 1960-х годах. Затем я расширю теоретический фокус, приняв более всеобъемлющую концепцию «института» и «институциональных изменений». Затем я дам обзор (идей) модернизации немецкого общества и правительства после войны и того, как социальные науки помогли в этом развитии. Исходя из этого, можно будет решить вопрос о том, как социологи фактически влияли на политические и административные структуры и процессы.

Институциональные контакты между социальными учеными и правительством Германии в 1960-х годах

Большие надежды часто бывают разочарованы, и это, вероятно, справедливо и для отношений между политикой и общественными науками после 1969 года, если мы посмотрим на институциональные контакты между ними. Без всякого сомнения, была значительная поддержка социальных наук в плане финансирования. Согласно ежегодному докладу Федерального министерства науки и технологий (Bundesministerium für Forschung und Technologie, BMFT, 1975, стр. 81), государственные расходы, поддерживающие социальные научные исследования, почти утроились с 1969 по 1974 год, а расходы для всех отраслей науки (исследования и разработки) только удвоились. Была не только финансовая поддержка, но и попытки наладить тесное сотрудничество. Экспертные рекомендации по социальным наукам запрашивались практически во всех аспектах программы планирования: социологи предоставили модели для принятия решений, социальные данные и знания для их интерпретации; и их консультировали в вопросах изменений в институциональной структуре немецкой политической системы.

Эти контакты были институционализированы несколькими способами. Наиболее важным в этом контексте была группа, разрабатывающая стратегию административной реформы (Projektgruppe Regierungs- and Verwaltungsreform), начиная с 1967 года и в дни Великой коалиции и Комиссии по расследованию социально-экономических изменений (Kommission für wirtschaftlichen und sozialen Wandel), созданная в 1971 году. Обе комиссии состояли из ряда экспертов - из социальных наук, экономики, права и администрации, а также представителей обеих сторон промышленности, профсоюзов и организаций работодателей. Цель Комиссии по расследованию экономических и социальных изменений описана следующим образом: ей необходимо было представить доклад по всем проблемам, связанным с технологическими, экономическими и социальными изменениями в отношении дальнейшего развития социальной политики в самом широком смысле слова (Gesellschaftspolitik), и ожидается, что он даст рекомендации относительно дальнейшего продвижения технических и социальных изменений и формирования его в соответствии с интересами граждан - очень требовательная работа для Комиссии (Kommission für wirtschaftlichen und sozialen Wandel), возглавляемой социологом Карл-Мартин Болте. Он закончил свою работу пять лет спустя, представив свой окончательный отчет (Kommission für wirtschaftlichen und sozialen Wandel, 1977) и около 140 рабочих документов по целому ряду конкретных проблем. Некоторые из результатов нашли свой путь в законодательном процессе или были приняты во внимание, когда министерство должно было принять решение. Но, в целом, влияние этой Комиссии, вероятно, не оправдало ожиданий, которые ее участники возложили на свои расследования. То же самое относится к Группе проектов по реформе правительства и администрации (Projektgruppe Regierungs- and Verwaltungsreform), которая в некоторых отношениях была более

успешной, но работа над ней была прекращена к 1972 году. Группе проекта пришлось изучить организационные основы для принятия решений, особенно на уровне министерской организации и административного аппарата Федеративной Республики. Он должен был внести предложения относительно того, какие улучшения следует сделать, чтобы сделать систему более рациональной и эффективной. Поскольку его окончательный отчет никогда не был опубликован (основные аспекты отчета см. Mayntz & Scharpf, 1973) и еще не был раскритикован Федеральными архивами (Bundesarchiv), трудно оценить влияние Проектной группы в историческом значении. Тем не менее, все показания в доступных исторических источниках заключаются в том, что вряд ли какие-либо его предложения были введены в действие правительством (Katzenstein, 1987, стр. 260).

Таким образом, если бы кто-то надеялся сформировать новую, социально-научную основу политики, эти надежды, судя по всему, были напрасными. То, что начиналось как очень многообещающее, закончилось всего несколько лет спустя замешательством, досадой, разочарованием или недоразумением. Великий проект всеобъемлющих политических и социальных реформ не привел к желаемым и ожидаемым результатам. По крайней мере четыре причины этого провала очень очевидны:

Во-первых, некоторые современные социологические исследования показывают, что социологи и административная элита почти никогда не находили общего для обсуждения вопросов реформы; они часто даже не говорили на одном языке (Bruder, 1980). Во-вторых, планирование, как политический вариант на социально-научной основе, потеряло большую часть своей привлекательности к началу 1970-х годов, потому что серьезный экономический кризис уменьшил материальную основу такой политики - это было очень просто: реформы всегда стоят денег и деньги из государственных средств стали дефицитным ресурсом в 1970-х годах. В-третьих, планирование, которое подразумевало определенную степень центральной координации, также было постоянным источником трений в рамках Федеральной системы Германии и в отношениях между федеральными министерствами. Наконец, проблемы легитимации возникли из неявных противоречий самой программы планирования, которые были сформулированы, в частности, новыми левыми. Этот союз радикальных студентов, разделов движения за мир, а также ранних феминистских и экологических групп с интеллектуалами разного происхождения и ориентации достиг пика своего влияния в конце 1960-х годов. На новых левых сильно повлияло возрождение марксистской мысли. Несмотря на то, что в этих движениях циркулировали самые разнообразные политические идеи, они нашли общую точку зрения на основе двух идей: «демократии участия» и радикальной критики того, что они называли «системой». Достаточно интересно то, что в некотором отношении самая сильная критика политических целей и стратегий реформ правительства исходила не от оппозиции в парламенте, а от левых вне представительного органа Федеративной Республики

Германии (Бундестага). Они утверждали, что было бы непоследовательно проповедовать о личной свободе и социальной эмансипации, говорить о расширении демократических структур (*mehr Demokratie wagen*), в то же время, планируя, прописывать путь к этой свободе (Naschold, 1972) , стр. 27f). Таким образом, масштаб реформ, какими бы важными они ни были, оставался ограниченным, а также влияние социальных наук на реальные политические решения.

В самом центре этой истории неудачи, как она была представлена здесь, был вопрос легитимации (узаконения). Как можно узаконить влияние социологов на принятие политических решений и определение целей в рамках демократической, парламентской политической системы? Это был один из самых важных вопросов, возникших в связи с растущей политической значимостью социальных наук, и к концу 1960-х годов он даже не был новым, как показал Хабермас (Habermas, 1963). Действительно, вопрос о легитимности доминировал с самого начала взаимодействия между наукой и политикой.

Легитимность была в центре дискуссий по политическому консультированию среди социологов, когда Экспертный совет по оценке общего экономического развития (SVR)) был создан в 1963 году. Совет состоял из пяти членов, все они были специалистами по экономике, большинство из которых были профессорами университетов. По сравнению с Американским советом экономических консультантов СВР во время своего основания оказывало гораздо меньшее влияние на ход экономической политики (Wallich, 1968) Не разрешалось делать какие-либо четкие политические рекомендации, задача его членов заключалась в анализе перспективных разработок и представлении альтернативных сценариев. Конечно, когда они предоставляли свои годовые отчеты, на которые правительство должно было реагировать в течение определенного периода времени, экономисты СВР, без сомнения, внесли неявные политические рекомендации. Положение СВР стало сильнее после того, как представительский орган Федеративная Республика Германия (Бундестаг) приняла Закон о стабильности и росте в 1967 году, который должен был стать мощным инструментом среднесрочного планирования экономической и фискальной политики. Однако основа его легитимации оставалась очень маленькой. В то время как члены Американского совета экономических консультантов находились в составе советников президента, действуя в рамках институциональных структур правительства, СВР всегда был органом внешних экспертов-консультантов, а не формальной частью немецкой политической системы. Таким образом, растущее влияние СВР рассматривалось некоторыми ведущими немецкими экспертами в области права как несоответствующими как парламентской системе, так и ответственности правительства (Vocken-forde, 1964, стр. 256f.). Таким образом, было трудно смириться с экспертными советами за пределами политической системы, особенно в институциональной форме, с правилами парламентского правительства. Это особенно справедливо, если эксперты назначались не только в качестве внутренних

консультантов, но и в том случае, если они также имели право публиковать свои рекомендации и информировать общественность о своих выводах, как это было в случае с SVR.

Политический ход развития в Германии был (и до сих пор) во многом доминирует в мышлении с точки зрения закона. Это также отразилось на преобладании выпускников юридических факультетов в рядах административной и политической элиты Германии. Несмотря на то, что так называемая «юридическая монополия» (Юристенмонополь) становилась все слабее в течение 1960-х годов, изучение права по-прежнему считалось лучшей квалификацией для любого потенциального члена администрации, особенно для высших чинов государственной службы, которые открыли свои двери для выпускников других факультетов, таких как социальные науки, но только очень неохотно. Вообще говоря, социологи не смогли проникнуть в государственную бюрократию в значительных количествах; они, скорее всего, добьются успеха в департаментах, занимающихся социальной политикой. Но очень немногие из них работали в министерствах, занимающихся вопросами общей организации, таких как министерство внутренних дел.

В качестве предварительного результата можно сказать, что влияние социологов на смену политических институтов было очень ограничено, если смотреть с юридической точки зрения. Их советы были запрошены, но не очень часто практиковались, в то время как легитимность этого совета всегда обсуждалась. Даже в конце 1960-х и начале 1970-х годов, золотые годы эйфории планирования, предполагаемая «социальная наука-лизация» политического процесса не полностью развивалась. На этом этапе мы должны спросить, не влияют ли социальные науки на институциональные изменения.

Расширение фокуса: учреждения (институты) как авторитетные ресурсы

Концепция «институты» может быть определена несколькими способами. В самом непосредственном смысле это может означать материальное, юридическое лицо; в качестве примера можно привести федеральное министерство. Концепция, как она используется здесь, вдохновлена «теорией структурирования» Энтони Гидденса (Giddens, 1984). Согласно Гидденсу, социальные системы проявляют структурные свойства, позволяя социальным практикам «существовать в разных промежутках времени и пространства» и предоставляя им «системную форму» (стр. 17). Те практики, которые имеют наибольшее распространение во времени и пространстве, определяются как «институты». Институты содержат набор правил и ресурсов и существуют в течение значительного периода времени. Ресурсы могут быть описаны как распределяющие или авторитетные; первый тип относится к материальным особенностям окружающей среды, средств производства или произведенных товаров, а последний, среди других элементов, к организации жизненных шансов. В настоящем контексте полезно расширить значение авторитетных ресурсов для включения знаний о социальных системах, способах

воспроизводства социальных систем и социальных изменениях. Таким образом, институциональные изменения могут пониматься как результат изменений в ресурсах и соответствующих изменений в социальной практике.

Такое понимание «институтов» и «институциональных изменений» дает возможность преодолеть более узкий юридический взгляд, глубоко укоренившейся в западной немецкой политической культуре. Это также позволяет нам расширить нашу аналитическую структуру: вместо того, чтобы сосредоточиться исключительно на вопросе о том, насколько социальные науки оказали непосредственное влияние на правительство и законодательную власть, исследования также могут быть сосредоточены на воздействии социальных научных знаний на социальные и политические изменения и, таким образом, также на неформальном и менее прямом воздействии социальных наук. При таком расширенном понимании анализ влияния социальных наук на институциональные изменения может привести к другой оценке.

Расширение фокуса: современность в послевоенной Германии

Политические системы и их агентства принимающие решения не являются статическими субъектами. В любой момент времени их взгляды зависят от различных факторов, начиная от вклада конкретных групп социальных интересов и заканчивая идеями о том, как политический процесс может быть лучше организован, политической философии и, следовательно, вопросах о роли «государства». В настоящем контексте социальные и технологические изменения и изменяющаяся роль государства обеспечивают решающие координаты для анализа политической системы Западной Германии.

После Второй мировой войны Западная Германия, как и почти все другие страны, участвовавшие в войне, столкнулась с рядом серьезных политических, экономических и социальных проблем. Это было связано не только с огромными военными убытками, но и с процессом фундаментальных изменений, начавшимся в 1920-х годах, и в 1950-х годах достиг новых уровней интенсивности и социальной значимости. Изменение распределения ресурсов, вызванное быстрым экономическим и социальным восстановлением Западной Германии, экономическое чудо (*Wirtschaftswunder*) показало себя как модернизация аграрного сектора, растущая механизация и рационализация промышленного производства, а также расширяющийся сектор услуг подвергаются рационализации и модернизации. Эти события не только повлияли на структуру работающего населения, но также привели к значительным изменениям в характере и организации работы и требуемой профессиональной квалификации.

Опыт этого технического прогресса и сопутствующих изменений в структуре промышленного общества поставил новые задачи для политики и государства не только в Западной Германии, но и во всех индустриальных странах после войны. То, что делало западногерманский случай отличным от других западноевропейских

стран, было преобладание специфических немецких традиций политической философии и дискурса по технологиям, причем обе традиции тесно переплетаются друг с другом. С одной стороны, немецкий образ мышления о государстве, в 1950-х годах, все еще встроен в сферу метафизики. С другой стороны, были очень конкретные способы мышления о техническом прогрессе, достигнутые в 1920-е годы: хотя некоторые из них относились к техническому прогрессу скептически в целом, другие, как правило, одобряли его, но в то же время сочетали их принятие современных технологий с очень авторитарными политическими идеалами, тем самым отвергая причину Просвещения и политические идеи Французской революции. Это отношение было адекватно названо «реакционным модернизмом» (Herf, 1984). Имея эти сильные традиции в прошлом, было очень сложно построить концепцию демократического модернизма, основанного на современных технологиях для того, чтобы примирить понятие технического прогресса с идеей индивидуальной свободы и адаптировать институты к социальным изменениям.

Более того, полное отсутствие каких-либо демократических традиций политического планирования в Германии и объединение планирования либо с четырехлетним планом Гитлера, либо с социалистической плановой экономикой в Восточной Германии – оба явления были осуждены именем анти-тоталитаризма – тем не менее они сделали абсолютно невозможным в Западной Германии, в 1950-х годах, даже думать о планировании как инструменте содействия социальным изменениям. В то же время никто не думал об использовании новых технологий в политическом процессе (например, обработке данных), тем самым модернизируя политический аппарат на основе технического прогресса.

В этом отношении мощная причина инерции может быть найдена в дискурсе по технологиям. На первый взгляд этот дискурс был, в 1950-х годах, по-прежнему очень похож на то, что было в 1920-х годах. Идея о том, что современные технологии привели к опасностям для «души человека», по-прежнему остается доминирующей, что соответствует очень консервативному культурному контексту в целом. Однако между 1950-ми и 1920-ми годами было одно существенное различие: после войны понятия «реакционный модернизм» полностью разрушились из-за шокирующих переживаний, которые национал-социализм, как когда-то желаемое практическое выражение брака между современными технологиями и авторитарной политикой - представил радикальным консерваторам (Muller, 1987). К началу 1960-х годов в целом положительная оценка технологий была модной; все большее число людей было убеждено в том, что технический прогресс приведет к росту благосостояния для всех граждан и решит все проблемы будущего.

Действительно, есть еще ряд индикаторов того, что решающее изменение отношения к технологии, обществу и политике в целом происходило к концу 1950-х - 1960-х годов. Во-первых, произошли изменения в восприятии отношений между настоящим временем и будущим. Похоже, что западногерманское общество и

политика устанавливали будущее как период, который не просто нисходит на людей, как непреложная судьба, но это могло быть сформировано и приведено в форму в соответствии с социальными приоритетами (Metzler, 1999). Говоря о «конце послевоенного времени», как говорил канцлер Людвиг Эрхард (Erhard, 1965), или о «второй промышленной революции», как говорили социал-демократы ФРГ (Brandt, 1957), указывает на изменение восприятия. Кроме того, ожидается, что средства для формирования этого будущего будут обеспечиваться социальными науками. Это изменение взгляда, ориентация на будущее, было общей чертой почти во всех послевоенных промышленных обществах; действительно, построение концепции поддающегося влиянию будущего может даже рассматриваться как проект, составляющий общую европейскую «идентичность» (Schmidt-Gernig, 1998).

Во-вторых, споры между интеллектуалами о «конце идеологии» (Aron, 1957; Bell, 1960, Waxman, 1968) помогли ослабить идеологическую напряженность «холодной войны» и открыли новые области для политических идей. В-третьих, и самое главное, в контексте влияния социальных наук на политические переходы в Западной Германии после Второй мировой войны произошли изменения в авторитетных ресурсах: в знаниях о расширении и влиянии технических и социальных изменений и интерпретации политических возможностей, возникающих в результате этих изменений.

С начала 1960-х годов государство, что означает правительство и администрация, взяло на себя задачу технических и социальных изменений. Вопрос о том, какие формы политической и административной организации являются наиболее подходящими и эффективными, стал одним из основных вопросов внутренней политики. С этим вызван вопрос о том, какую роль должно играть государство, какие политические варианты существуют и на каких предположениях была основана политика в очень общем смысле.

Переходя от начала и до конца 1960-х годов, ответ на эти вопросы можно легко увидеть. С 1966 года и, как описано выше, особенно с 1969 года, государство должно было играть очень активную роль. Политика воспринималась как инструмент контроля, управления и даже того что приносит социальные изменения. Политическое планирование стало очень модным, поскольку с ним было связано сильное убеждение в возможности рационального, «социально-научного» политического процесса. Рациональность и применение научных методов к политическому процессу считались правящими и крупными частями немецкой общественности - лучшим противоядием студенческим беспорядкам, растущим политическим экстремизмам и усложнением политического процесса принятия решений. Хотя социальные научные методы и способы мышления не очень сильно проникали в процесс принятия политических решений, как обсуждалось выше, вопрос по-прежнему заключается в том, почему у социологов в 1960-е годы были возможности расширить свои идеи и почему, по крайней мере,

на несколько лет, попытки рассматривать политику как «науку» были вообще сделаны. Этот вопрос особенно актуален, поскольку мы пытаемся объяснить фундаментальные изменения в политическом стиле, методах и целях, которые сделали 1960-е годы в Западной Германии настолько отличными от 1950-х годов. Чтобы объяснить это изменение, мы снова должны вернуться в 1950-е годы.

Общественные науки и модернизация западногерманского политического дискурса

Социальные изменения влияют на политическую организацию. Отношения между обществом и его политическими структурами не просто одномерны, что значит, что общество не просто «организовано» и контролируется политикой. Как правило, политические структуры и базовые концепции адаптируются к социальным изменениям для удовлетворения меняющихся потребностей и запросов общества. Экспертное знание и его распространение обеспечили связь между этими двумя событиями (социальными и политическими изменениями), как покажет анализ модернизации западногерманского политического дискурса: знания о влиянии технических и социальных изменений, которые были созданы общественными науками, был решающим элементом в этом процессе.

Преобладающей особенностью публичного дискурса о техническом прогрессе в 1950-х годах был скептицизм. Массовое общество (*Vermassung*) в качестве следствия было политико-культурным лозунгом дня, смысл которого широко распространился и на сферу политики. Ответом на это был культурный, а также политический консерватизм. Это выглядело политической задачей - спасти человека от плохих последствий социальных и технологических изменений путем укрепления традиционных ценностей, то есть семейных ценностей и понятия «сообщества», в смысле подлинного немецкого различия между сообществом (*Gemeinschaft*) и обществом (*Gesellschaft*). В то время как, с одной стороны, правительство по экономическим соображениям продвигало новые технические разработки и промышленные изменения, с другой стороны, предпринимались попытки канцлера Конрада Аденауэра и его администрации предотвратить все негативные воздействия на душу человека, которые как считалось эти изменения приносят.

Цель правительства и администрации заключалась в том, чтобы сохранить в максимально возможном плане традиционный порядок, который служил бы маяком для общества, потерявшего чувство ориентации. По этой причине не было необходимости вносить существенные изменения в основные предположения, встроенные в политическую систему, или пытаться принимать политические решения на научной основе, как правительство Брандта требовало десятилетия спустя. Следующий анекдот может помочь проиллюстрировать этот момент: когда его спросили как министра торговли и коммерции, будет ли он консультироваться

с экономистами и социологами, Людвиг Эрхард ответил, что он, будучи сам ученым, не должен будет консультироваться с другими.

В начале 60-х годов произошли заметные изменения в этой перспективе. Когда он был избран федеральным канцлером в 1963 году, тот же Людвиг Эрхард в своей инаугурационной речи заявил, что было бы столь же желательно и необходимо получить мнение тех, кто был, по его словам, профессионально связан с развитием современных промышленных обществ, и принимать во внимание рекомендации, когда дело доходит до принятия политических решений. Первым шагом к институционализации этих контактов, между политикой и наукой, стало создание СВР в 1963 году.

Но влияние социальных наук также ощущалось и в других отношениях. Социальные науки способствовали институциональным изменениям - в смысле изменения знаний об обществе и восприятию технологических и социальных изменений - потому что они стали доминирующими элементами в дискурсе индустриального общества. Это было результатом двух событий: во-первых, как уже упоминалось, было все больше открытости общества в отношении будущего; во-вторых, произошли изменения в самих социальных науках, особенно в социологии, а также в политических науках и экономике. Социология, однако, была самым важным фактором институциональных изменений.

Развитие немецкой социологии как науки после Второй мировой войны само по себе является очень сложной ситуацией. Я ограничусь здесь тем, что назову несколько особенностей этого развития: социология, как и другие науки, потеряла большинство своих немецких традиций и пережила процесс «американизации» после 1945 года (Ple, 1990, Weyer, 1984). Некоторыми результатами этого внутреннего изменения были снижение его историко-философской ориентации, растущее число эмпирических исследований и рождение ряда специализированных областей социологических исследований, так называемого «*Bindestrich-Soziologien*» («социология с дефисом») (например, промышленная социология, социология организаций). Рост промышленной социологии, в частности, оказал огромное влияние на научный и общественный дискурс в обществе и социальные изменения. Первые исследования в промышленной социологии были опубликованы в конце 1950-х годов Генрихом Попиц и Гансом Полом Бахрдом (Popitz, Bahrtdt et al., 1957a, 1957b), Хельмутом Шелским (1957), Ренатой Майнц (1958, 1963) и другими и были связаны с воздействием технологий на промышленную работу, а также с бюрократией и организацией служебной работы. Все эти исследования подчеркивали динамику происходящих технологических и промышленных изменений, и они показали, что деиндивидуализация (снижение индивидуализации) (*Vermassung*) не является опасным результатом изменения, которое всегда рисовалось как черная картина. Подтверждая это на эмпирической основе, они создали набор знаний и интерпретации, которые должны были

формировать авторитетные ресурсы и тем самым приводить к институциональным изменениям.

Политические последствия стали очевидными очень скоро. Один из самых выраженных тезисов в контексте новой социологии и роли экспертов в современном обществе был выполнен Шельским. С его тезисами о «техническом государстве» (Шельский, 1961), Шельский утверждал, что власть принятия решений политиков, правительства и администрации была просто фикцией; в действительности они будут заменены правилом присущего давления (Sachzwang). Государство в какой-то момент этого развития полностью потеряет свою функцию; технология и государство растают вместе, и государство, наконец, умрет, создав место для господства технократов.

Хотя тезис Шельского был провокационным, эффект в действительности был как раз обратным. Государство в Германии не умерло, но с начала 60-х годов становилось все активнее; как показано на примере правительства Брандта, оно должен сыграть решающую роль в обеспечении и контроле над социальными изменениями. Чтобы справиться с присущим им давлением технологического прогресса и социальных изменений и сохранить государство как субъекта в политическом процессе, правительство попыталось принять новые методы управления и стремилось интегрировать экспертов из социальных наук в процесс принятия решений. Это отражало вышеупомянутое изменение авторитетных ресурсов. Наблюдалось увеличение авторитетных ресурсов, особенно в отношении соотношений между экономикой и обществом. Кроме того, поскольку признание социальных перемен привело к этому, оно привело к «социальной науке» политики и более тесному контакту между социальными науками и политикой.

Этот момент заслуживает некоторого более пристального внимания, потому что он приводит для рассмотрения другую отрасль наук: экономику. Престиж социальных наук в 1960-е годы был чем-то иным, чем развитием экономики. Теоретики, работающие в этой области, создали рамки для рационального принятия решений в экономической политике и разработали прогностические модели для будущих экономических показателей (Giersch & Borchardt, 1962). Экономисты также помогли уничтожить «табу» планирования, который парализовал политику Германии в 1950-х годах; на ряде конференций, которые привлекли большое общественное внимание, они обсудили возможность и даже необходимость экономических программ и планирования (например, Bergedorfer Gesprächskreis, 1964; List Gesellschaft & Plitzko, 1964; Verein für Social Politik, 1967). Кейнсианские подходы становились все более привлекательными, подчеркивая активную роль, которую государство должно играть в экономическом процессе, особенно когда дело доходит до сбоев рыночного механизма и экономического спада, как это было в Западной Германии в 1966 году.

Государство тогда, согласно кейнсианской теории, должно было играть особую роль в содействии материальному благосостоянию и росту. Хотя кейнсианство никогда не доминировало в русле экономической мысли западной Германии (кейнсианство в Германии см. Backhaus, 1988; Neu, 1998), некоторые сторонники Кейнса заняли очень важные позиции в принятии экономических решений, в частности Карл Шиллер, немецкий министр по Торговле и коммерции (и в течение некоторого времени также финансов) с 1966 по 1972 год. Таким образом, идея «политики как науки» как инструмента контроля и управления социальными изменениями нашла свое сопутствующее в экономической сфере в концепции глобального управления (Global-steuerung) экономики. В обеих сферах государство должно было стать ключевым игроком. Поэтому государство не просто не умерло как «техническое государство», а скорее превратило технические, экономические и социальные изменения в свою собственную и особую задачу, которую нужно было решать с помощью экспертов и которые нужно было примирить с основными идеями демократии.

«Социальная наука» западногерманской политики: каналы влияния

Начиная с 1960-х годов социологи доминировали в общественном дискурсе о технологическом прогрессе и индустриальном обществе. Они сделали рамки интерпретации, которые повлияли на политическую мысль и политические дебаты. Время от времени правительство консультировалось с ними в качестве экспертов-консультантов, социологов и политологов в основном после 1969 года, в качестве экономистов уже несколько лет ранее как, например, в СВР или в Консультативном совете при Министерстве торговли и коммерции. Учитывая, что эти институционализированные контакты между учеными и правительством не были очень успешными с точки зрения влияния на принятие политических решений, остается вопрос: как экспертные знания нашли свой путь в политическом процессе? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо переориентировать наше внимание на академическую социализацию политиков и государственных служащих, и особенно на профессиональную подготовку государственных служащих. Это очень запущенная проблема и, насколько мне известно, не была тщательно исследована в ее историческом контексте.

Хотя так называемый «Юристенмонополия» (имея в виду «монополию» студентов-юристов, вступающих в политическую карьеру) не оспаривался учеными-социологами, они могли влиять на мышление государственных служащих, ознакомив их с социальной научной мыслью. Немецкая последипломная школа административных наук (Hochschule für Verwaltungswissenschaften) в Шпейере, где значительное количество государственных служащих из государств (Ландер) были направлены на профессиональную подготовку, последовательно предлагала курсы и лекции по социологии; в 1950-х годах они были даны Арнольдом Геленом, позднее, ненадолго, Никласом Луманном, затем Ренатой Майнц. Помимо посещения аспирантуры в Шпейере высшие государственные служащие

федеральных (Бунд) и государственных (Ландер) правительств обучались в «летних школах», так называемых «университетских неделях» (Hochschulwochen). Некоторые из программ, которые я нашел на этих семинарах, читаются, как оглавление в книге Шельски. Например, Шельский, как и ряд его коллег, активно участвовал в «университетских неделях» (Hochschulwochen), например, читал лекции «Изменения в социальной структуре в XX веке», «Роль семьи в современном обществе» (Verwaltungs- Hochschulwochen, 1955) и «Социологические исследования по развитию городов» (Verwaltungs- Hochschulwochen, 1956).

Попытки создать современное учреждение для государственных служащих достигли кульминации в 1969 году в учреждении Федеральной академии государственного управления (Bundesakademie für Öffentliche Verwaltung). Курсы, предлагаемые в Академии, были основаны на последних социальных научных концепциях управления и были проинформированы современными методами управления (Bundesakademie für Öffentliche Verwaltung, 1974). Таким образом, социологи помогли определить, как выглядели государственные служащие, а также идеи об организации и задачах управления и, таким образом, повлияли на их бюрократический стиль. Как это ни парадоксально, можно сказать, что эти формы дальнейшей подготовки государственных служащих (Beamtenfortbildung), по-видимому, оказали большее влияние на принятие политических решений, чем официальные консультации экспертов, как в проектной группе (Projektgruppe Regierungs- and Verwaltungsreform) или Комиссии по расследованию экономических и социальных изменений (Kommission für wirtschaftlichen und sozialen Wandel).

Вывод

Когда дело доходит до вопроса о научном влиянии на принятие политических решений, Западная Германия была опоздавшей. Во Франции, например, государство столкнулось с проблемами, связанными с технологическими и социальными изменениями сразу после войны, приступив к курсу планирования. La planification основывалась на научных концепциях не только по социальным наукам, но и по математике и технике, с которыми французская административная элита была знакома в одном из Гранд-Эколес (Большие школы – неофициальные исторически сложившиеся категория высших учебных заведений), в частности в Национальной академии наук (ENA). Таким образом, во Франции расстояние от социальных научных знаний до практического применения было намного короче, чем в Западной Германии, где планирование как политический вариант достигло своего пика только в то время, когда французы уже участвовали в процессе пересмотра.

Влияние социальных наук на политический порядок Западной Германии и ее институты было почти ничтожным, если смотреть с строго правовой и

конституционной точки зрения. В долгосрочной перспективе организационная (то есть министерская) структура принятия решений подвергалась лишь незначительным изменениям, связанным с социальными научными знаниями. Чтобы адекватно оценивать влияние социальных наук, «институты» должны определяться как системы социальной практики и знания об обществе, а следовательно, как ресурсы распределения и авторитета. С этой точки зрения влияние социальных наук, в частности социологии, было значительным.

С конца 1950-х годов социальные науки доминировали в общественном дискурсе о технологических изменениях и будущем индустриального общества. В то время как они сами проходили процесс фундаментальных изменений, социальные науки, особенно социология, разрушили традиционное восприятие технологий и способствовали созданию более прагматичного образа государства. Освободив мышление о государстве от его метафизической подоплеки, правительство и администрация могли бы определить более активную роль государства, роль, которая по крайней мере несла основную идею, примирит социальные и технологические изменения с индивидуальной свободой. В то же время, однако, это по-прежнему считался одной из наиболее важных задач государства спасти человека от плохих последствий этих изменений посредством социальной политики. Думая в терминах государства с развитой социальной системой (Sozialstaat), это по-прежнему является характерным для политического порядка Германии и представляет собой великолепный пример «траектории развития» (зависимости от выбранного пути) политических разработок (для обсуждения этой концепции и примера социальной политики см. Конрад, 1998).

Часто каналы влияния, которые социальные научные знания распространяли на представителей политической и административной элиты, основывались на личных взаимоотношениях и неформальных сетях политиков и ученых. Вряд ли есть какие-либо письменные документы об этих отношениях и сетях, что затрудняет их восстановление в рамках исторического анализа. Более того, и это особенно верно в конце 1960-х годов, граница между политическими лицами, принимающими решения, и социологами становилась все более проницаемой. Поэтому необходимо тщательно проанализировать образовательные предпосылки политической и административной элиты и исследовать то, как они себя чувствовали.

Наблюдение за провалом программы планирования в начале 1970-х годов приводит к гипотезе о том, что история модернизации и «социального внедрения науки» западногерманской политики в определенном смысле является историей семантической модернизации (для концепции семантической модернизации см. Luhmann, 1991). Должен быть предмет дальнейшего, более тщательного анализа, чтобы доказать, что политическая и административная элита фактически просто использовала язык социальных наук для узаконивания политических решений и тем самым давала этим решениям - и себе - более современный образ. В этом

смысле можно утверждать, что в основном их «символическая польза» сделала такие социальные науки настолько привлекательными, с точки зрения политиков, потому что наука могла бы использоваться для «одобрения и облагораживания существующих и predetermined политических целей» (Stehr, 1996, 1.11). Если бы модернизация действительно имела место только на семантическом уровне, это послужило бы еще одним объяснительным элементом в отношении почти полной разбивки всех планов по планированию к 1972-1973 годам: планирование с этой точки зрения никогда не укоренилось очень глубоко в почве правительства и администрации и могут быть охарактеризованы как символическая политика.

Но каким образом социальные науки могли стать источником легитимации в политическом процессе? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны учитывать веру в осуществимость всеобъемлющих политических и социальных реформ, возможность управления экономическими процессами и тем самым гарантировать постоянный экономический рост. Вера в эту возможность была распространена в 1960-х годах; она глубоко укоренилась в доверии к возможностям социальных наук. Политические решения, основанные на социальных научных рекомендациях, считались рациональными решениями, и только рациональные решения гарантировали бы, что в процессе принятия решений не будет преобладания какой-либо одной социальной группы, а скорее, что все заинтересованные стороны будут учтены. Поэтому утверждалось, что только рациональные решения (основанные на социальном научном опыте) являются демократическими решениями.

Но как социологи узаконили себя в качестве экспертов-консультантов, как в политическом процессе, так и в рамках собственной группы равных? Что побудило их предоставить экспертные знания? Можно предположить, что не все из них имеют подлинные политические мотивы, хотя существует традиция политики реформ в немецких социальных науках, особенно в социологии. Многие из социологов, которые выступали в качестве консультантов для правительства и администрации, были обусловлены их научными интересами и игнорировали (или пытались игнорировать) политические последствия их работы (по этой проблеме см. Mayntz, 1977). Эти вопросы предполагают, что мы должны думать о взаимосвязи между социологами как экспертами-консультантами, а также политической и административной элитой с точки зрения спроса и предложения: обе стороны предлагают и ищут что-то (информацию, знания, финансирование или даже легитимацию). Однако эти рыночные отношения обмена сами по себе должны быть узаконены, как резкая критика ряда ученых в 1970-х годах показывает: например, Гельмут Шелский осудил очень сильными словами, что интеллектуалы (особенно социологи) будут монополизировать новые средства власти и контроля и утвердиться в качестве новой элиты. Когда он это увидел, социологи собирались стать классом производителей значений, авторитет которых основывался бы на их инсайдерских знаниях (Herrschaftswissen). Следовательно, появятся новые формы господства, которые будут основаны на обучении, заботе и планировании (Belehrung, Betreuung, Beplanung) (Schelsky, 1975).

Эти полемические тезисы Шельски выдвигают на первый план центральную проблему, касающуюся социальных наук как экспертов, так и политических советников: легитимность. Вопросы мотивации и легитимации возникают не только в контексте этого исследовательского проекта, но и имеют отношение к роли экспертов в современных и демократических обществах в целом.

Источники

- Aron, R. (1957). *The opium of the intellectual* New York: Doubleday.
- Backhaus, J. (1988). Die "Wegemeine Theorie": Reaktionen deutscher Volkswirte. In H. Hagemann & O. Steiger (Eds.), *Keynes' General Theory nach fünfzig Jahren* (pp. 61-81). Berlin: Duncker & Humblot.
- Bell, D. (1960). *The end of ideology* London: Macmillan.
- Bergedorfer Gesprächskreis. (1964). *Planung in der freien Marktwirtschaft*. Hamburg, Germany: Decker.
- Böckenförde, W. (1964). *Die Organisationsgewalt im Bereich der Regierung. Eine Untersuchung vom Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland* Berlin: Duncker & Humblot.
- Brandt, L. (1957). *Die zweite industrielle Revolution*. Munich, Germany: Paul List
- Bruder, W. (1980). *Sozialwissenschaften and Politikberatung. Zur Nutzung sozialwissenschaftlicher Information in der Ministerialorganisation*. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Bundesakademie für Öffentliche Verwaltung. (1974). *Ein Beitrag zur Verwaltungswissenschaft*. Bonn, Germany: Bundesinnenministerium.
- Bundesministerium für Forschung and Technologie (BMFT). (1975). *5. Forschungsbericht*. Bonn, Germany.
- Conrad, C. (1998). Alterssicherung. In H. G. Hockerts (Ed.), *Die Wege deutscher Sozialpolitik. NS-Diktatur, Bundesrepublik and DDR im Vergleich* (pp. 101-116). Munich, Germany: Oldenbourg.
- Erhard, L. (1965). Regierungserklärung. In *Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 5. Wahlperiode. Stenographische Berichte* (Vol. 60, pp. 17-33). Bonn, Germany.
- Giddens, A. (1984). *The constitution of society Outline of the theory of structuration*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Giersch, H., & Borchardt, K. (Eds.). (1962). *Diagnose and Prognose als wirtschaftswissenschaftliche Methodenprobleme. Verhandlungen der Tagung des Vereins für Sozialpolitik in Garmisch-Partenkirchen 25.-28. September 1961*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Habermas, J. (1963). *Verwissenschaftlichte Politik and öffentliche Meinung*. (Reprinted) In J. Habermas, *Technik and Wissenschaft als "Ideologie"* (pp.120-145). Frankfurt a.M, Germany.: Suhrkamp.
- Herf, J. (1984). *Reactionary modernism. Technology culture, and politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Heu, E. (1998). Kontinuität and Diskontinuität in der Nationalökonomie nach dem 2. Weltkrieg: Ordoliberalismus versus Keynesianismus. In K. Acham et al. (Eds.), *Erkenntnisverluste. Kontinuitäten and Diskontinuitäten in den Wirtschafts-, Rechts- und Sozialwissenschaften zwischen den 20er and 50er Jahren* (pp. 331-355). Stuttgart, Germany: Steiner.

- ----- - Katzensrein, P. J. (1987). Policy and politics in West Germany The growth of a semisovereign state. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Kommission for wirtschaftlichen and sozialen Wandel. (1977). Wirtschaftlicher and sozialer Wandel in der Bundesrepublik Deutschland Gutachten der Kommission für wirtschaftlichen and sozialen Wandel. Göttingen, Germany: Verlag Otto Schwartz.
- List Gesellschaft & Plitzko, A. (Eds.). (1964). Planung ohne Planwirtschaft. Frankfurter Gespräch der List Gesellschaft, 7-9. Juni 1963. Basel, Switzerland: Kyklos; Tübingen, Germany: Mohr (Siebeck).
- Luhmann, N. (1991). Das Moderne der modernen Gesellschaft. In W. Zapf (Ed.), Die Modernisierung moderner Gesellschaften. Verhandlungen des 25. Deutschen Soziologentages in Frankfurt am Main 1990 (pp. 87-108). Frankfurt a.M., Germany.: Campus.
- Mayntz, R. (1958). Die soziale Organisation des Industriebetriebs. Stuttgart, Germany: Enke.
- Mayntz, R. (1963). Soziologie der Organisation Reinbek, Germany: Rowohlt.
- Mayntz, R. (1977). Sociology, value-freedom, and the problems of political counseling. In C. Weiss (Ed.), Using social research in public policy-making (pp. 55-65). Lexington, MA.: Lexington Books.
- Mayntz, R., & Scharpf, F. (Eds.). (1973). Planungsorganisation. Die Diskussion um die Reform von Regierung and Verwaltung des Bundes. Munich, Germany: Piper.
- Metzler, G. (1999). Die Entdeckung der Zukunft. Gelebt, gez. hlt, erinnert: Ist die Zeit zu fassen? *Damals*, 12, 8-11.
- Muller, J. Z. (1987). The other god that failed Hans Freyer and the deradicalization of German conservatism. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Naschold, E (1972). Gesellschaftsreform and politische Planung. *Osterrreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft* 1, 5-34.
- PIE, B. (1990). Wissenschaft and "sekuläre Mission. Amerikanische Sozialwissenschaft" im politischen Sendungsbewußtsein der USA and im geistigen Aufbau der Bundesrepublik Deutschland Stuttgart, Germany: KlettCotta.
- Popitz, H., Bahrtdt, H. P., et al. (1957a). Das Gesellschaftsbild des Arbeiters. *Soziologische Untersuchungen in der Huttenindustrie*. Tübingen, Germany: Mohr (Siebeck).
- Popitz, H., Bahrtdt, H. P., et al. (1957b). Technik and Industriearbeit. *Soziologische Untersuchungen in der Huttenindustrie*. Tübingen, Germany: Mohr (Siebeck).
- Schelsky, H. (1957). Die sozialen Folgen der Automatisierung. Dusseldorf, Germany: Diederichs.
- Schelsky, H. (1961). Demokratische' Staat and moderne Technik. *Atomzeitalter*, 5, 99-102.
- Schelsky, H. (1975). Die Arbeit tun die anderen. *Klattenkampf and Priesterherrschaft der Intellektuellen*. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Schmidt-Gernig, A. (1998). Die gesellschaftliche Konstruktion der Zukunft. *Westeuropäische Zukunftsforschung and Gesellschaftsplanung zwischen 1950 and 1980*. *WeltTrends*, 6, 63-84.
- Stehr, N. (1996). The salt of social science. *Sociological Research Online*. 1(1). Available: [http:// www.socresonline.org.uk/1/i/stchr.html](http://www.socresonline.org.uk/1/i/stchr.html)
- Verein für Socialpolitik.(1967). *Rationale Wirtschaftspolitik and Planung in der Wirtschaft von heute*. Verhandlungen auf der Tagung des Vereins für Socialpolitik in Hannover 1966. Berlin: Duncker & Humblot.
- Verwaltungs-Hochschulwochen. (1955). *Staat, Mensch and Gesellschaft*. Programm der VIII. Verwaltungs-Hochschulwochen in Bad Meinberg, 14.-28.10.1955. Hauptstaatsarchiv Dusseldorf, NW 110 No. 924.

Verwaltungs-Hochschulwochen. (1956). Stadt and Dorf heute. Programm der DC VerwaltungsHochschulwochen in Bad Meinberg, 16.-30.10.1956. Hauptstaatsarchiv Dusseldorf, NW 110 No. 932.

Wallch, H. C. (1968). The American Council of Economic Advisors and the German Sachversandigenrat. A study in the economics of advice. Quarterly Journal of Economics, 82, 349-379.

Waxman, C. (Ed.). (1968). The end of ideology debate. New York: Funk & Wagnalls.

Weyer, J. (1984). Westdeunche Soziologie 1945-1960. Deunche Kontinuitden and nordamerika- nischerEinfluf. Berlin: Duncker & Humblot.

Глава 4

Социалистические правовые эксперты: новая профессия?

Шнайдер

*TU Darmstadt, Department of History Schloss, 64283 Darmstadt, Германия
schneiSer@pg.tu-darmst2dt.de*

Немецкое государство сыграло гораздо более сильную и более центральную роль в обучении, наборе и контроле над своими адвокатами, чем британское или американское государство. В отличие от своих англо-американских коллег, немецкие юристы пользовались привилегией и нагрузкой так называемого Юристенмонополя с 19-го века, унаследованного с тех времен, в которых большинство юристов было нанято государством в качестве государственных служащих. Это означает, что они должны пройти окончательную экзаменацию в университете и пройти второй экзамен после двух лет практики в качестве стажера. Несмотря на то, что с конца 19-го века большинство подготовленных юристов не смогли найти позицию на государственной службе по разным причинам и вынуждены были зарекомендовать себя как свободные адвокаты или аналогичные профессии, Юристенмонополю не был аннулирован. По этой причине Роттлейтнер называет немецких юристов «сфабрикованной профессией», а Джарауш говорит о «поробашенных профессиях» (Jarausch, 1990; Rottleuthner, 1988).

Профессионализация юристов, а также их место в элитах администрации и правительства являются продолжением темы исследований в социальных науках. Начиная с 19-го века история этой успешной профессиональной деятельности включала так называемый «Юристенмонополю», то есть привилегированный доступ адвокатов к должностям на государственной службе, механизмы саморекламы профессии, а также стремление отделить себя от других профессиональных групп. Часто исследования фокусируются на двух диктатурах, национал-социализме и Германской Демократической Республике (ГДР). В то время как исследования национал-социализма в конце 1960-х годов были во власти идеи о том, что политически конформистские элиты вытесняют предыдущую правовую элиту, более поздние исследования показали решающую роль, функцию и преемственность немецких юристов в области правосудия и управления. Тем не менее государственная политика была направлена на уменьшение профессионализации этой группы, ставя под сомнение ее самовосприятие, знание и этику (Dahrendorf, 1965; Ruck, 1996; Siegrist, 1996).

Исследования второй немецкой диктатуры в этом столетии все еще находятся в зачаточном состоянии. На данный момент в большинстве запросов подчеркивается,

прежде всего, процесс политики и уменьшения профессионализации. Борьба с «классовым правом» и осуждение элит, которые всегда находились под подозрением в склонности к буржуазному мышлению, были главной темой в политическом дискурсе и коммунистической политике. Центральным аспектом и часто пропагандируемой целью в Советской зоне, а затем и ГДР было увязать предполагаемые фундаментальные изменения в политических и социальных структурах с заменой «старых элитных» юристов.

Политика «уменьшению нацизма» и набора новой элиты, начавшаяся в Советской зоне сразу после войны, привела к обучению так называемых *Volksrichter* («народных судей») и народных прокуроров (*Volksstaatsanwolte*), институциональный сдвиг, интенсивно обсуждаемый между современниками и историками. Эти судьи и прокуроры были быстро обучены на юридических работников без академического прошлого. Партийное членство в Коммунистической партии Германии (*Kommunistische Partei Deutschlands [KPD]*), а с 1946 года в Партии социалистического единства Германии (*Sozialistische Einheitspartei Deutschlands [SED]*) было более важным, чем профессиональное обучение (Amos, 1996; Deutscher Bundestag, 1995; Bundesministerium der Justiz, 1994; Schroder, 1999; Wentker, 1997).

Более пристальный взгляд на замену старой элиты, помпезно распространяемой ГДР, демонстрирует, что она никоим образом не столь обширна, как заявлено в отношении юридической профессии. Даже ГДР не могла обойтись без опыта высококвалифицированных кадров, и она лишь постепенно освобождала свою юридическую систему от традиций и связей среднего класса до XIX века. Кроме того, даже ГДР нуждалась в таком опыте, чтобы превратить свою традиционную правовую систему в социалистическую. Поколение юристов, немецких юристов проходили обучение в Гражданском кодексе Германии (*Burgerliches Gesetzbuch [BGB]*), продолжало занимать ключевые должности в Министерстве юстиции ГДР. Находясь на руководящих должностях, они использовали закон и законодательство для влияния и регулирования политики и общества, всегда, конечно, в соответствии с политическими руководящими принципами. Эти эксперты кодифицировали новые социалистические нормы, которые затронули общество в целом, в то время как они одинаково придерживались стандартов своей профессии. Они использовали свою компетенцию для противодействия тенденциям де-профессионализации в первые годы существования Советской зоны и ГДР, настаивая на последовательных стандартах и экспертных знаниях. Они не только применили их к своей профессии, но также внесли свой вклад в социальные исследования (*Verwissenschaftlichung*) и, особенно, к созданию социологии в ГДР. В то же время они не остались незатронутыми политическими изменениями и на них повлияли усилия по превращению правовой системы в социалистическую. Результаты стали очевидными, когда новое поколение экспертов-социалистов-юристов приобрело большее влияние в законодательстве и других областях политического значения. Некоторые из старших юристов из всех сил старались не отставать от этих

экспертов, но в конце 1960-х годов им пришлось признать, что эпоха их влияния закончилась.

Этот процесс будет представлен на следующих страницах с тематическим исследованием. Все результаты ограничены Центральным управлением юстиции, позднее министерством юстиции ГДР, его персоналом и теми, кто связан с законодательством. Тезис будет посвящен новой кодификации семейного права, которая проходила в период между 1946 и 1966 годами. Этот закон был направлен на создание норм, прежде всего для стабилизации послевоенного общества, а затем для формирования основы для будущей реорганизации, необходимой для социалистического общества. Политические и экономические потребности послевоенного периода обусловили необходимость предоставления «протонатализма» (т. е. Государственной поддержки семей в целях повышения рождаемости – прим. пер. своего рода аналог «материнского капитала»), а также занятости женщин в центральном месте в семейном праве в Восточной Германии (Grandke, 1995) Jaraus, 1999). Таким образом, министерство юстиции и его эксперты приобрели ключевую роль, поскольку им приходилось создавать условия для предполагаемых изменений в обществе. Семейное право дало им возможность совершать глубокие вмешательства в общество.

Во-первых, я кратко расскажу о правовой политике Советской военной администрации (Sowjetische Militiiradministration Deutschlands [SMAD]) в период сразу после войны, а во-вторых, я буду иметь дело с составом комитета, который занимается кодификацией нового семейного права. Обсуждая рабочие процессы в комитете и роль технической терминологии, играемой для юристов, я хотел бы уточнить их настойчивость в отношении профессиональных знаний. Хотя профессиональные знания были одним из требований, социализм был другим требованием. Их работа была посвящена проекту социализма и развитию социалистической правовой системы. Это отнюдь не простая задача, и возникли конфликты по важным правовым вопросам, особенно с молодым поколением социалистических юристов. Одна фундаментальная область инакомыслия, представленная в этой главе, очень четко освещает недостатки первого поколения и различные политические взгляды обеих возрастных групп, касающиеся индивидуальных прав и общества.

В ГДР всегда было «политическое требование объединить различные политические организации и людей в законодательческий процесс. Но иногда комитету нелегко было получить необходимый опыт или эмпирические данные, поскольку до конца 1960-х годов в ГДР не было установленной дисциплины социологии. Таким образом, взаимосвязь между потребностями и работой комитета, установлением социологических исследований и институционализацией семейного права как юридической дисциплины, все важные аспекты процесса *Verwissenschaftlichung* требуют включения в это обсуждение. (организация на научной основе).

Правовая и кадровая политика Советской военной администрации

Критика правосудия была старой традицией при социал-демократах и коммунистах. Отсутствие безопасности перед законом и высокая доля юристов, участвующих в национал-социалистическом извращении закона, усиливали среди ссыльных и оппозиционных групп признание того, что после окончания войны срочно требуется реформа правосудия. Несмотря на различные предложения, реформа закона не была приоритетом среди коммунистов. Для этого было несколько причин, наиболее важным из которых было то, что традиционно очень немногие юристы были коммунистами, и лишь немногие из них, и это гораздо важнее, смогли найти свой путь к юридической позиции до 1933 года. Кроме того, в период сразу после войны коммунисты предпочитали сидеть на важных управляющих постах и, следовательно, предпочитали другие посты ответственности. По этой причине в Министерстве юстиции преобладали не парящие, либеральные, христианские демократические, а также социал-демократические юристы (Amos, 1996; Hoefs, 1999).

Должностное лицо, ответственное за Центральную администрацию юстиции Германии (Deutsche Zentrale Justizverwaltung), созданную в 1945 году, позже министерством юстиции, был Юджин Шиффер, которому было уже 85 лет. До 1933 года он был членом Германской демократической партии (Deutsche Demokratische Partei) и имел не только полную юридическую квалификацию, но и необходимый политический опыт, поскольку с 1919 по 1920 год он занимал должность министра юстиции. Политика и меры занятости его сотрудников привели к конфликту с самого начала с его заместителем, который не имел юридической подготовки (Amos, 1996; Bundesarchiv Berlin [BArchB], DP 1 VA 1, стр. 293).

Шиффер казался хорошим выбором в качестве главы Центральной администрации, потому что в 1920-х годах он выступал за правовую реформу и чтобы закон стал более доступным для населения. Однако, что касается концепций семьи и семейного права, он предостерегал против оценки и подражания российскому законодательству. Для коммунистов в центральном аппарате (Zentralsekretariat [ZS]) предложения партийного штаба Шиффера вскоре стали рассматриваться как «движущиеся в обратном направлении по своему характеру». По их словам, его требование о независимости судебных органов и других гарантиях конституционного государства имело тенденцию в том же направлении, а именно предоставление изолированной касте судей привилегированной и доминирующей позиции ». Шиффер отказался от своей приверженности независимой судебной системе «защищать демократию от несправедливости и беззакония». Более того, он продолжал требовать профессиональных судей и правосудия в целом и важную роль в правосудии в государстве:

В интересах выживания правосудия не допускать отчуждения от важных секторов государства и народа. Я не могу согласиться с тем, что наша доброжелательная, старая справедливость с ее древними принципами и академической подготовкой

должна быть вытеснена из правовой системы, и я не могу рассмотреть возможность разрешить старым профессиональным судьям с их академической подготовкой заменить на «Volksrichter» народные судьи. «Напротив, я желаю укрепить и углубить профессиональную подготовку профессиональных судей. Я не собираюсь позволять «Volksrichter» заменять профессиональных судей, а наоборот дополнять их. (BArchB, DP 1 VA 7844, стр. 20, BArchB, DP 1 VA 6592, стр. 261, Ramm, 1984; Schiffer, 1928)

Это было дорогое заявление, и Шиффер пытался отстоять его. Профессиональная компетентность и профессионализм были центральными критериями для получения работы под руководством Шиффера, даже если советская военная администрация сказала свое последнее слово о назначении. Почти все руководящие должностные лица были полностью подготовлены юристами. Среди общего числа сотрудников - почти 60 человек - 22 полностью подготовленных юриста: 19 мужчин и, как ни странно, 3 женщины. Все они родились между 1860 и 1911 годами. Большинство училось во времена Империи или Веймарской республики. До 1933 года они служили юристами в разных сферах. Рассматривая период национал-социализма, мы можем разделить их на четыре разные категории: небольшая группа тех, кто не скомпрометировал себя при нацистах, но остался на своих местах, вторая маленькая группа восточных мигрантов, большая группа западных эмигрантов и те, кто каким-то образом пережил преследования в Германии (Amos, 1996; BArchB, DP 1 VA 1, pp. 62-196; Schneider, 1999).

От Традиционного до Социалистического Правового Эксперта

После войны, а отчасти в результате этого, юридический и социальный статус женщин обсуждался во всех зонах. Требования к модернизации сопровождались изменениями в семейном праве, которые были включены в повестку дня демократических юристов со времен Веймарской Республики. В то время как обсуждение центральных аспектов, таких как равные права, было отложено в Западных зонах и в поздней Федеративной Республике Германии до 1950-х годов, ГДР провела реформу в форме отдельных законов, а затем новую кодификацию. Требования о равных возможностях в браке и семье, вопросы усыновления, развода и, что очень важно в послевоенном контексте, был рассмотрен вопрос о незаконных детях (Douma, 1994; Heinemann, 1999; Moeller, 1997; Muller-List, 1996; Schneider, 2000).

Несколько групп обсудили эти вопросы об освобождении и статусе женщин в обществе, семье и законе независимо друг от друга после войны. Среди групп, которые стремились к новым общественно-политическим решениям, были особенно видны женские организации, такие как Союз демократических женщин Германии (Demokratischer Frauenbund Deutschlands [DFD]), а также исследовательская группа женщин-юристов (BArchB, DP 1 VA 6633, стр. 168, BArchB, DP 1 VA 7354). Эти индивидуальные усилия были объединены в 1949 году после того, как Совет народа (Volksrat) дал министерству юстиции задачу

реформирования семейного законодательства (BArchB, DP 1 VA 8002, BArchB, DP 1 VA 8038; BArchB, DP 1 SE 1126; Эберхардт, 1995; Schneider, 2000).

Помимо этих общественных групп также существовала аналогичная дискуссионная группа, происходящая из министерства, обсуждая проблемы семейного права с несколькими близкими сотрудниками. В 1949 году министерство юстиции, уполномоченное Советом народа, объединило эти различные попытки. Он создал Комитет по семейному праву, который функционировал через несколько подкомитетов. Каждый из них занимался одним конкретным предметом, например, законом наследования. Состав подкомитетов оставался более или менее неизменным в течение лет их существования. Комитет состоял из сотрудников министерства юстиции и юристов из университетов.

В начале 60-х годов число делегатов, представляющих различные сектора общества, было увеличено по политическим мотивам, а в 1950-х годах молодые юристы были включены в состав Комитета. У членов старшего поколения была традиционная немецкая юридическая подготовка. Хотя они учились в разных условиях, младшие члены были хорошо знакомы с Гражданским кодексом Германии (БГБ), поскольку он оставался отчасти в силе до принятия Гражданского кодекса ГДР (Zivilgesetzbuch [ZGB]) в 1976 году (Gohring & Dost, 1995).

К сожалению, здесь недостаточно места для подробного представления отдельных членов. По этой причине я хотел бы назвать и сосредоточиться на нескольких интересных представителях. Гильде Бенджамин (1902-1989), министр юстиции, был председателем Комитета и, кроме того, отвечал за наем новых экспертов по правовым вопросам (BArchB, DP 1 VA 7842, стр. 302; Brentzel, 1997; Feth, 1997). Эрнст Мельсхаймер (1897-1960) был еще одним членом Комитета. В 1949 году он стал главным прокурором ГДР. Он работал в министерстве юстиции с 1921 года и был членом Социал-демократической партии с 1928 года. В 1937 году он был понижен до должности судьи Верховного суда (Каммергерихтсрат). Следовательно, он был одним из немногих юристов с прошлым «старейшины», что означало, что он мог продолжить свою карьеру в ГДР после дезактивации (BArchB, DC 20/7881, стр. 1ff.).

Одним из наиболее важных и долгоживущих членов Комитета был Ханс Натан, который заслуживает более детального ознакомления. Натан, родившийся в 1900 году, произошел от семьи еврейских адвокатов в Горлице. Он изучал юриспруденцию в Берлине, Марбурге, Мюнхене и Бреслау и получил докторскую степень в 1921 году. После учебы Натан работал адвокатом в кабинете своего отца в Горлице в период с 1925 по 1933 год. Бывший член студенческой корпорации, он описал себя как политически «бескорыстный». Однако родственники вербовали его в Демократическую партию Германии. Расовая политика национал-социалистов заставила его уехать в Чехословакию в 1933 году. Оттуда он эмигрировал в Англию в 1939 году. После периода интернирования Натан зарабатывал на жизнь различными работами в Манчестере. Именно в Манчестере

он впервые работал в своей жизни на фабрике, где он вступил в Коммунистическую партию.

В 1946 году Натан вернулся в Советскую зону. Он поступил на работу в Департамент юстиции после разговора с Мелсхаймером и Бенджаминном. Его карьера была типичной для многих людей, не только юристов, которые выжили в изгнании на Западе. Он потерял работу в 1952 году в результате чистки начала 1950-х годов, которая потрясла большинство восточных стран с целью разоблачения предполагаемых западных шпионов. Натан был весьма удачлив, в сложившихся обстоятельствах, и стал главным редактором юридического журнала *Neue Justiz (New Justice)*. Сам Натан предпочел бы остаться в администрации. Оглядываясь назад, он охарактеризовал свое время в министерстве как «самый плодотворный и творческий период». Вскоре после смены рабочих мест он был назначен профессором гражданского права в Университете Гумбольдта в Берлине и стал очень активным в юридическом образовании. Он был Деканом с 1954 по 1961 год, а с 1963 года занимал должность начальника Института изобретений и патентного права (*Institut für Erfindungs- und Urheberrecht*) до выхода на пенсию. Все эти годы он оставался активным членом ряда законодательных комитетов. Он умер высоко оцененным и почитаемым в 1971 году (интервью [все сделано автором] с Эрихом Буххольцем, 17 апреля 1998 года; Карл-Хайнц Эберхардт, 8 августа 1997 года; Сабина Натан, 27 июня 1997 года).

У Натана были те атрибуты, которые многие считали бы типичными для немецкого адвоката. Академически Натан «имел выше среднего юридического знания в области буржуазного законодательства», квалификация, которую Карл Полак (1905-1963) (*Baumgartner & Hebig, 1996*), один из ведущих юристов в ГДР, даровал ему в 1946 году. Он считался «хорошим и многогранным юристом» с большим практическим опытом во всех областях юриспруденции, испытал «расширение своего горизонта во время эмиграции» и, кроме того, «очень увлекался работой». Коллеги высоко оценили его и согласились, что он «так называемый юрист». Согласно другим источникам, дошло до того, что «когда судьи читали заявление доктора Натана, который своими статьями считается авторитетом в юридической практике, они не расходятся с его точкой зрения» (*SAPMO-BArchB, DY 30 / IV 2 / V 1036*).

В политическом отношении этот высокий уровень профессионализма и профессиональной компетентности рассматривался с некоторым подозрением:

Он склонен поставить свою профессиональную работу в министерство юстиции на первый план, и в результате его политическая и социальная работа отстает. Результатом переоценки его профессиональной юридической компетентности является недостаточная солидарность с партией. Он всегда стремится использовать в своем ведомстве только академически квалифицированных юристов. (*SAPMO-BArchB, DY 30 / IV 2 / V 1036*)

Это решение открыто критикует законный профессионализм Натана, который, очевидно, пережил как систему кадров, так и номенклатуру. Натан был - и это делает его прототипом для нас - решающим фактором в наборе легально подготовленных молодых талантов не только для Комитета по семейному праву, но и для многих других важных должностей.

Если взглянуть на молодое поколение, рожденное около 1930 года, которое находилось в министерстве юстиции и законодательном комитете по семейному праву, выясняется, что решающие люди были завербованы Натаном. Это были юристы, которые учились в начале 1950-х годов в ГДР, период, когда Германский гражданский кодекс (БГБ) все еще был авторитетным в ГДР, и когда ученикам все еще преподавали юристы с деканом, такие как Натан, хотя политический подход в отношении университетов был усилен, и ранние реформы уже начались в 1947 году, (Кессен, 1999; интервью с Анитой Гранде, 26 июня 1997 года). Среди них была даже женщина - народный судья (Volksrichterin), которая, судя по всему, нарушила принципы вербовки. Тем не менее, более тщательная проверка показывает, что ее обучение в качестве народного судьи было только завершением юридической карьеры, начавшейся в Веймарской республике (BArchB, DP 1 VA 1925, BArchB, DP 1 SE 3360, интервью с Линдой Ансорг, 31 Июля 1996 года). Существование такой сети, созданной для профессиональной компетентности и сопутствующего внешнего облика и поведения, является крайне интересным, учитывая кадровую систему в качестве основы для найма. Квалификация и патронаж, а также политическая надежность были, очевидно, важными критериями для вербовки в министерство юстиции и его различные законодательные комитеты. Это правило применялось как для Шиффера, так и для его преемников и не противоречило коммунистической идее кадров.

Это гарантировало профессиональную преемственность в этой специальной области государственной службы даже в ГДР. По этой причине старшее поколение юристов не отличалось от своих предшественников и большинства коллег на Западе. Кроме того, достаточно интересно, что политика вербовки государственных служащих в министерстве юстиции в начале ГДР последовала за немецкой традицией, требуя профессионализма и политической надежности правящему режиму.

Юристы, которые были членами Комитета, особенно старшего поколения, были универсалами. Благодаря своей прежней работе в качестве адвокатов они хорошо знакомы со всеми частями гражданского права. Семейное право составляло лишь небольшую часть этого, но оно играло и продолжает играть более важную роль в практике адвоката, чем в его обучении. Однако члены Комитета были достаточно знакомы с Гражданским кодексом Германии (БГБ) и его обоснованиями. По этой причине никто не сомневался в их экспертизе. Они также уже доказали свою квалификацию в других контекстах в их сотрудничестве с Комитетом.

Но члены Комитета также знали свои профессиональные ограничения. Эти ограничения существовали особенно в тех частях закона, которые вступили в силу из-за экономических преобразований в ГДР. Одним из важных элементов этого процесса была реструктуризация сельскохозяйственного сектора с введением коллективизации и появлением ферм (Landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaft [LPG]) (Bauerkamper, 1994). Эти изменения не только сильно повлияли на экономические и социальные структуры, но также имели глубокие юридические последствия. Компетенция членов Комитета действительно не распространяется на эти новые части закона, которые в определенной степени были установлены параллельно и в тесной связи с обсуждением новой кодификации. Поэтому изменения были предписаны отдельными законами (Einzelverordnungen) в сельскохозяйственном секторе до конца 1950-х годов. Правовые рамки для сельскохозяйственного сектора были установлены законом еще в 1959 и 1982 годах, но это не тот период, который мы обсуждаем здесь. (Это не место, где можно обсудить развитие законодательства о сельском хозяйстве, а также аргументы, которые он вызвал. Подробнее см. Heuer, 1995; Schonfeldt, 1997; Steding, 1995).

Что касается семейного права, вопросы равных прав для женщин-фермеров, имущества и законов наследования оказались особенно сложными для юристов. Часто они находились в полной потере. Например, возникло поразительное противоречие между «права у всех равны», установленными в конституции, и тем самым применимым к семейному праву и принципом неделимости свойств тех, кто впервые получил право собственности на землю на новой экспроприированной земле (Нойбауэрн). Семейное право должно иметь стандартизированные равные права для женщин, но принцип неделимости дискриминирует коллектив жен фермеров, поскольку у них нет доступа к земле. У жены давнего фермера, напротив, была претензия на любое семейное богатство в случае развода. Эти противоречия обсуждались с самого начала кодификации семейного права. Но не было экспертов в области земельного права, поскольку как вся земельная реформа, так и юридическая находились в процессе законотворчества. По этой причине соответствующие министерства обсудили эти вопросы в начале 1950-х годов.

Они не могли найти решения, потому что некоторые боялись вмешательства в систему земельной реформы. Поэтому они заявили о себе в пользу сохранения правового неравенства. Министерство юстиции, напротив, защищало принцип равных прав (BArchB, DP I VA 8038, стр. 143ff.). Только в конце 1950-х годов Комитет мог бы обратиться к эксперту по вопросам земельного права. Райнер Арль (1928-1997) принадлежал к молодому поколению юристов и изучал право в ГДР и Советском Союзе. Начиная с 1957 года он преподавал фермерское и земельное право в качестве профессора Немецкой академии государственного и юридического права (Deutsche Akademie für Staat und Recht (DASR)) в Потсдаме (Baumgartner & Hebig, 1996). Его знание земельного права и ситуация в различных типах ферм, наконец, помогли Комитету найти решение проблемы. Он предписывал совместное владение имуществом между мужем и женой в Законе о

семье (Familiengesetzbuch [FGB]) и дал право распоряжаться им (Familiengesetzbuch, 1965, 4439-40). Однако проблема равных прав новых женщин-фермеров не была удовлетворительно решена. Это стало очевидным, когда министерство юстиции в сотрудничестве с Арком и другими экспертами разработало «аргументацию для обсуждения плана семейного права с членами коллектива фермеров». Эти обсуждения были неотъемлемой частью процесса кодификации, поскольку «законы народа» означали не только участие населения в Комитете, но и участие избранной публики через переговоры и дискуссии (Schneider, 2000). Наконец, не было другого выбора, кроме как решить проблему равных прав для женщин-фермеров. Консультация заключалась в том, что «полные равные права могут быть реализованы только тогда, когда она стала членом группы фермеров» (Архив Университета Потсдама, AS 6476, SAPMO-BArchB, DY 34, 4295).

Пример LPG (коллектива фермеров) имеет важное значение, поскольку он означает переход гражданского права Гражданского кодекса Германии (БГБ) на «социалистический закон» Семейного права (FGB). Были трудности, следы которых можно найти в примерах, взятых из процесса, в котором возникло Семейное право (FGB). Этот процесс стал особенно тяжелым конфликтом поколений. Один из старейших членов Комитета, Натан, подвел итог своему опыту на юридически и политически важной встрече в феврале 1960 года. Отвечая на обвинение молодого коллеги в том, что Натан перешагнул традиционный, антисоциалистический закон, он привел свои аргументы в контексте принципа критики и самокритики. Этот принцип был одним из самых важных для политического развития и функционирования кадров в руководстве коммунистических партий, направленных на дисциплинирование членов в виде ритуала (Schroeder & Wilke, 1997).

Разрыв в поколении отличает старые кадры, несколько пожилых ученых, тех, кто получил образование до 1945 года и в целом занимал руководящие должности на факультетах университета и которые отстали. Нет сомнений в том, что эта группа, за которых я, как ее старший член, думаю, могу говорить, не торопилась. Критика по этому вопросу полностью оправдана, поскольку факты просты. Это также не удивительно. Для старых товарищей, которые отчасти, как и я, стали буржуазными юристами, а затем практиковали в течение многих лет, изучая гражданское право, особенно трудно отказаться от привычных путей. Это не случай злых намерений, а просто, насколько это сложно отказаться от старого. Пока речь шла только о том, чтобы сделать наш закон более демократичным, так как в первые восемь-десять лет мы стояли на переднем плане, участвовали с другими и делали все возможное. Теперь, когда речь идет о создании социалистического права, мы не можем идти в ногу с ними. (BArchB, DY 30 / IV 2 / 2.110 / 3)

Профессиональные стандарты и процесс учёбы

Юристы известны своей технической терминологией. В отличие от других профессий, их всегда критиковали за использование конкретного словаря, который непрофессионалы часто не понимают. Эта критика проявилась в стремлении к справедливости людей (Volksjustiz), что означало, что закон был понятен людям и управлялся судьями не среднего, а рабочего класса. Это требование почти так же старо, как и сама юридическая профессия (Luhmann, 1987; Neumann, 1992; Weber, 1964). Это было излюбленным требованием социализма, и поэтому правители ГДР неоднократно настаивали на том, чтобы система права «была близка» к народу. Понятные законы, по их словам, были характерны для «социалистического права». Сами адвокаты поддержали их требование, открыто настаивая на том, чтобы покончить с «юридическим немецким». Возможно, это означало подрыв их собственной позиции и функции, но многие юристы боялись обвинения в буржуазном формализме из-за их технической терминологии. Следовательно, они разработали все новые кодексы в сотрудничестве с рабочими, которых они взяли из нескольких областей производства. Кроме того, они приняли просьбы от общественности. Но оказалось невозможным «превратить закон в хрестоматию» (интервью с Эрихом Бухгольцем, 17 апреля 1998 года). Таким образом, лингвистическое упрощение было ограничено изменениями, которые не меняли смысла правовых требований. Некоторые юридические выражения, хотя и не понятные простым людям, не допускают изменений, не изменяя их смысла. Здесь, в своей собственной области, адвокаты отбивали все политические нападения. В то же время они пытались ввести более легкие или более подходящие условия во всех областях, которые они считают политически значимыми и / или юридически менее важными. Однако Комитет не единогласно согласился с использованием определенных идеологических терминов в правовых документах. Одним из примеров является преамбула Закона о семье (FGB), которая была исправлена после 12-й партийной конференции. Один из членов предложил продолжить первый абзац с заявлением о том, что «Семейное право поддерживает развитие средств производства». Генрих Теплиц, Председатель Высшего суда и опытный член Комитета, «предупреждает и выступает против формулировок в законе, в которых люди называют средства производства». Его мнение носило большой вес, и «средства производства» не заменили человеческих существ в Законе о семье (FGB) (BArchB, DP 1 VA 1925, Familiengesetzbuch, 1965).

Этот пример демонстрирует, как техническая терминология оставалась одной отличительной характеристикой юристов и характеристикой их профессионализма даже в ГДР. Несмотря на все политические уступки, адвокаты не были готовы отказаться от практических и установленных лингвистических стандартов своей профессии. Они не хотели заменять их произвольными, неясными выражениями. С учетом этих стандартов они заявили, хотя и не без трудностей, против напыщенной пропаганды и политических правителей, которые опирались на свою юридическую экспертизу.

Внешняя и внутренняя политика и ситуация в ГДР всегда напрямую влияли на работу Комитета. Его несколько проектов похожи на сейсмограф, демонстрирующий современные политические и социальные потрясения. Например, строительство стены в 1961 году позволило возобновить работу Комитета, поскольку сохранение единого немецкого законодательства уже не является приказом. Но повседневная жизнь в ГДР и академических дисциплин ГДР подчеркивала лимиты Комитета чаще, чем эти большие события. Это особенно касается недостатка социологии, в целом, и семейной социологии, в частности.

Это не место, где мы будем подробно обсуждать трудные отношения марксистской идеологии и социологии. Однако следует помнить, что эта дисциплина утратила свой статус независимой науки и, кроме того, находилась под решением «буржуа» в ГДР после 1948 года. Только 10-я партийная конференция Коммунистической партии Советского Союза в 1956 году создала условия для возрождения дисциплины. Но вначале это был медленный и неорганизованный процесс (Steiner, 1992).

Курт Браунройтер (1913-1975) был одним из отцов-основателей социологии в ГДР. В 1950-х годах он преподавал на кафедре политической экономики, являющейся частью экономического факультета, в Университете Гумбольдта в Берлине. После основания исследовательского отдела социологии в 1961 году он стал руководителем социологической группы исследований и общества (Soziologie and Gesellschaft). Кроме того, Браунрейтер способствовал установлению дисциплины исполнять и другие функции (Sparschuh & Koch, 1997).

Связь между включением социологии в академическую систему ГДР и необходимостью социально-политического анализа очевидна в случае Комитета по семейному праву. В то время как в 1950-х годах Комитет всегда полагался на статистику, составленную самим министерством, с 1962 года ее члены постоянно требовали социологических исследований семьи. В основном это молодое поколение обращало постоянное внимание на этот дефицит. У их жалоб была конкретная причина. Комитет зашел в тупик по одному из важных вопросов семейного права. Вопрос касался проблемы разделения или общности товаров и имущества (Gutertrennung запах Gutergemeinschaft) в браке. Мнение юристов было разделено в зависимости от поколения. Старшее поколение, такое как Бенджамин и Натан, уже задавали себе этот вопрос после войны. В 1948 году, после интенсивных дискуссий, они заявили о том что выступают в пользу так называемого «Эррунгеншафта» - нефтяника Зуге-Виннгемейншафти (равное разделение имущества, приобретенного после вступления в брак). Их дебаты привели к отказу от первоначально избранного разделения собственности (Gutertrennung). Основой их решения была идея о том, что брак основан на использовании и увеличении имущества мужем и женой, каждый из которых имеет равные права на это. Строгое разделение имущества они осуждали как буржуа,

очень негативный вердикт и несоциалистический. Разделение должно быть разрешено только по выражению желания жены и мужа.

Первый проект Закона о семье соответствовал вышеупомянутому принципу. Когда он обсуждался публично и общенационально в ГДР в 1954 году, женщины, в частности, протестовали против Errungenschaftsgemeinschaft (общность благоприобретённого супругами имущества). Они заметили, что в случае развода это не обязательно означает материальную компенсацию для них (Архив Потсдамского университета, AS 6476, BArchB, DP 1 VA 1925, BArchB, DP 1 VA 7198, стр. 181, стр. 365, BArchB, DP 1 SE 1126).

Закон о браке, принятый в 1955 году вместо Закона о семье, не предусматривал обязательство ни одного из партнеров предоставлять финансовую поддержку в случае развода. На самом деле это обычно ущемляло жену, потому что ей не материально компенсировали то время, которое она потратила на воспитание детей. Такое законодательное решение было обусловлено экономической ситуацией и проблемами ГДР в конце 1940-х годов и в начале 1950-х годов. После строительства стены в 1961 году экономическая ситуация несколько улучшилась. Кроме того, в это время новое поколение получило большее влияние во всех профессиях, как и в Комитете по семейному праву.

Эти более молодые участники снова открыли дискуссию о собственности и высказались в пользу объединенного имущества. Их основная цель состояла в том, чтобы предотвратить несправедливость с помощью равного, в некоторых случаях даже неравного распределения имущества в случае развода. В Комитете и в других местах разразился спор, в котором основное внимание уделялось идеологическому пониманию брака и равных прав. Главным сторонником совместного имущества была Анита Грандке. Родилась в 1932 году, она изучала юриспруденцию в Университете Гумбольдта в Берлине в период с 1950 по 1954 год. Назначенная Комитетом по рекомендации Натана, она была ее членом с конца 1950-х годов. Грандке горячо защищала принцип совместного имущества как достижение социализма и выражение «социалистического права». Но она не смогла убедить старших членов Комитета и, как следствие, даже не смогла опубликовать свою диссертацию по этому вопросу (Архив Университета Потсдама, AS 6476). Ни следующие частные обсуждения, ни расчёт конфликтов в отношении имущества в результате развода, ни нотариальные контракты, ни регулирование имущественного права в других социалистических странах не дали ясных результатов. Наконец, было решено проконсультироваться с эмпирическими данными о финансовом положении супружеских пар в ГДР (BArchB, DP 1 VA 8150, интервью с Карлом-Хайнцем Эберхардтом, 8 августа 1997 года, интервью с Анитой Грандке, 26 июня 1997 года).

В этом случае отсутствие академической социологии стало очевидным. Поскольку дисциплина была включена в Институт политической экономики, эмпирическая социальная наука находилась в зачаточном состоянии. Не было никаких

эмпирических данных, позволяющих министерству юстиции, а также Комитету принять решение. Опять же, сам Комитет был вынужден провести опрос. Но в то же время министерство юстиции связалось с Куртом Браунройтером. Они попросили его проинструктировать одного из своих сотрудников о методах и результатах исследований в области социальных наук. Министерство считало сотрудничество взаимно выгодным и, в отличие от прежних времен, даже руководство партии поддерживало научный обмен. Наконец, такое сотрудничество было в полном соответствии с официальной партийной политикой реформирования системы образования и повышения научной активности во всех областях (BArchB, DP 1 VA 6838, Meuschel, 1992; Weber, 1999). Министерство юстиции в полной мере использовало все эти новые возможности и методы для получения надежных обследований. Его сотрудники провели опрос в нескольких национальных компаниях, касающихся отношений собственности. Результат был неожиданным для более старых членов Комитета, потому что, за исключением фермеров, большинство участников этого опроса практиковали модель совместного имущества. Следовательно, идея младших членов Комитета наконец-то нашла признание в Familiengesetzbuch (семейного кодекса). Вместе с тем представляется также важным, что концепция Комитета о статусе-кво в праве собственности раскрывает некоторые традиционные юридические идеи в постоянно повторяющемся требовании отражать социальные отношения, а не создавать произвольные нормы. В этом контексте общие тенденции научного подхода (*Verwissenschaftlichung*) и установление социологии заставляют Комитет отходить от отчетов внешних экспертов и консультироваться с ними по важным вопросам, которые ранее были рассмотрены внутри страны. В то же время, со своими конкретными вопросами, Комитет содействовал дальнейшему установлению и дифференциации социологии. Более того, почти все научные заявления, касающиеся семейного права, подчеркивали необходимость устойчивой социологии семьи (Архив Университета Потсдама, AS 6476, Benjamin, 1965). Наконец, этот процесс повлиял на институционализацию самого семейного права.

Семейное право до сих пор не является независимой областью права в немецких университетах. Вместо этого, в рамках гражданского права, это рассматриваются специалистами в области гражданского права. Сначала ГДР также передала эту традицию. Но в контексте уже упомянутого нового поколения и смещения идеологического внимания на образование после 6-й партийной конференции в 1963 году ГДР привлекла новое внимание к семье как к части общества. В отличие от предыдущего периода значение семьи, по крайней мере, как важный институт социализации, было полностью признано. Исследования показали тесную связь между успеваемостью детей в школе и ситуацией в их семье дома (Архив Университета Потсдама, AS 6476). Эти открытия и новая политическая ситуация в ГДР после строительства Стены, что сделало немецкие правовые традиции и общие черты менее актуальными, вновь поставили на повестку дня проект нового семейного закона. Причина этого очевидна: семейное право регулирует не только отношения между семьями и государством, но и отношения между членами семьи.

Это был важный и ключевой момент, поскольку он открыл возможность для государства вмешаться в семью и создать условия для реформы образования как еще один шаг к социализму как основе общества. Фактически ГДР следовала уже принятому курсу использования семейного права в качестве инструмента социальной политики государства и требований социального регулирования. Без каких-либо публичных уведомлений Комитет и министерство работали над этим проектом непрерывно с 1954 года. Прохождение Кодекса семейного права, вступившего в силу 1 апреля 1966 года, было одним из этапов на этом пути. Эксперты, как уже упоминалось, осознали необходимость социологии семьи и постоянно требовали ее создания. По их мнению, социология семьи не должна ограничиваться юридическими аспектами, а должна представлять собой «сложную науку» семьи и приобретать в университете свою интеллектуальную и институциональную идентичность. Для этой цели также необходимо было установить семейное право как самостоятельную отрасль правовой системы. Его кодификация как отдельной ветви, которая не соответствовала немецкой традиции в рамках гражданского права, уже создала основу для такого исследовательского центра. Вскоре после этого в соответствии с намерением государства была создана новая кафедра социального права семьи (Familiensozialrecht) в Университете Гумбольдта в Берлине. Анита Грандке, член Комитета и эксперт по семейному праву в ГДР, была обладателем кафедры, пока в 1995 году ей не был присвоен статус почетного члена. Ее статус почетного профессора означал конец кафедры, специально посвященной семейному праву, поскольку с объединением Германии прежняя ГДР вернулась к традиционной правовой системе Германии и ее созданным университетским структурам.

Вывод

Это тематическое исследование сосредоточилось на одном аспекте права и общества в ГДР в период с 1945 по 1966 год, а именно на Комитете по семейному праву. Взгляд на решительных членов этого Комитета показал, что последовательный, тщательный обмен между верхушками общества произошел в ГДР после 1945 года. Но это касается только персонала, а не профессии. В министерстве юстиции и университетах приняло участие поколение юристов, обученных в Империи (Кайзеррайх) или Веймарской республике. Они были политически отмечены, за некоторыми исключениями, из-за их непосредственного опыта с национал-социалистами. Даже такие случаи, как Бенджамин и Натан, наиболее видные члены Комитета, показывают, что коммунистические юристы не отказались от своего профессионального идеала с созданием нового режима. Они придерживались своих профессиональных стандартов, в том числе их профессиональной идентичности. Благодаря их примеру и политике набора, они передали это молодому поколению.

В отличие от них, это второе поколение приобрело свою профессиональную квалификацию после войны. Даже если они все еще преподавались старшим

поколением, фундаментальные различия между этими двумя группами стали очевидными, когда они занимались вопросами права и его кодификации. Кроме того, были классовые различия, молодое поколение было погружено в социализм и марксистскую идеологию. Политическая деятельность и требования были частью их жизни, по крайней мере, начиная с их студенческих дней. В то время как первое поколение юристов ГДР в основном занималось стабилизацией нового режима и общества после войны, второе поколение направилось к «социалистическому праву». У старшего поколения все чаще возникали трудности, и молодое поколение обвиняло их в том, что они «застряли на дороге», от традиционной правовой экспертизы, до социалистических концепций права.

Этот процесс повлиял на академические исследования не только в области права, но и в других дисциплинах, поскольку даже социалистам-юристам иногда нужна помощь других экспертов. Главной дисциплиной в пользу этого процесса была социология, которая по идеологическим причинам все еще находилась в зачаточном состоянии в начале 1960-х годов. Требование адвокатов по эмпирическим данным о семейной жизни в ГДР стало одним из важных стимулов для развития дисциплины. Наконец, семейное право не только способствовало процессу научного подхода ГДР *Verwissenschaftlichung* GDR, но и подчинялось ему. Его дифференциация от гражданского права привела к созданию новой профессиональной идентичности: эксперта по семейному праву.

Источники

- Archive of the University of Potsdam: AS 6476.
Bundesarchiv Berlin (BArchB): Ministerium der Justiz (DP 1): VA 1, VA 7844, VA 6592, VA 6633, VA 7198, VA 7354, VA 8002, VA 8038, VA 7842, VA 8150, VA 821, VA 8232, VA 1925, VA 6838, SE 1126, SE 3360. Ministerrat (DC 20): 7881.
Stiftung Archive der Parteien and Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (SAPMO- BArchB): Sozialistische Einheitspartei Deutschlands: DY 30/IV 2/V 1036; DY 30/IV 2/4/ 134; DY 30/N 2/4/ 92; DY 30/ N 2/2.110/3.
Freier Deutscher Gewerkschaftsbund: DY 34, 4295.
Vereinigung der Verfolgten des Naziregimes: DY 55/v 278/3/176.
Interviews fall made by the author] with Linda Ansorg, 31 July 1996; Erich Buchholz, 17 April 1998; Karl-Heinz Eberhardt, 8 August 1997; Anita Grandke, 26 June 1997; Sabine Nathan, 27 June 1997.
Amos, H. (1996). *Justizverwaltung in der SBZ/DDR Persona/politik 1945 bis Anfang der 50er Jahre*. Cologne, Germany: BShlau.
Bauerk3ttuper, A. (1994). *Von der Bodenreform zur Kollektivierung. Zum Wandel der lSndlichen Gesellschaft in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands and der DDR 1945-1952*. In H. Kalble, J. Kocka, & H. Zwahr (Eds.), *Sozialgeschichte der DDR* (pp. 119-143). Stuttgart, Germany: KlettCotta.
Baumgartner, G., & Hebig, D. (Eds.). (1996). *Biographisches Handbuch der SBZ/DDR 1945-1990*. Munich, Germany: Saur.

- Benjamin, H. (1965). Das Grundgesetz der Familie im Sozialismus. In Kanzlei des Staatsrates der DDR (Ed.), Ein gluckliches Familienleben-Anliegen des Familiengesetzbuches der DDR (pp. 13-35). East Berlin, GDR Staatsdruckerei.
- Brentzel, M. (1997). DieMachtfmu. Hilde Benjamin 1902-1989. Berlin, Germany: Ch. Links.
- Bundesministerium der Justiz (Ed.). (1994). Im Namen des Volkes? Ober die Justiz im Sraat der SED. Wssenschaftlicher Begleirband Leipzig, Germany: Forum.
- Dahrendorf, R. (1965). Gesellrchaft and Demokratie in Deutschland Munich, Germany: dtv- Taschenbuch.
- Deutscher Bundestag. (1995). Materialien der Enquete Kommission Aufarbeitung von Geschichte and Folgen der SED-Diktatur in Deutschland' (12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages). Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp (IV, Recht, Justiz and Polizei im SED-Staat).
- Douma, E. (1994). Die Entwicklung des Familiengesetzbuches der DDR 19451966: Frauen and Familienpoltik im Spannungsfeld zwischen theoretischer Grundlage and realexistenter wirtschaftlicher Situation. Zeitschrift der Savigny-Stiftung frir Rechtsgeschichte, 111, 592-620.
- Eberhardt, K.-H. (1995). Die Bedeutung der Volksratverfassung vom 7. Oktober 1949 hit die Entwicklung des Familienrechts der DDR. In T. Ramm & A. Grandke (Eds.), Deutsche Wie- dervereinigung (pp. 183-223). Cologne, Germany: Carl Heymanns.
- Familiengaetzbuch der Deutschen Demokratischen Republik vom 20. Dezember 1965. East Berlin, GDR.
- Feth, A. (1997). Hilde Benjamin-Eine Biographic. Berlin, Germany: Berlin Verlag.
- Gohring, J., & Dost, A. (1995). Zivilrecht. In U.-J. Heuer (Ed.), Die Rechtsmrdnung der DDR (pp. 475-516). Baden-Baden, Germany: Nomos.
- Grandke, A. (1995). Familienrecht. In U.-J. Heuer (Ed.), Die Rechordnung der DDR (pp. 173210). Baden-Baden, Germany: Nomos.
- Heinemann, E. D. (1999). What difference does a husband make? Women and marital status in Nazi and Postwar Germany Berkeley, CA: University of California Press.
- Heuer, K. (1995). Bodenrecht. In U.-J. Heuer (Ed.), Die Rechtsordnung der DDR (pp. 147-172). Baden-Baden, Germany: Nomos.
- Hoefs, B. (1999). Kaderpolitik des Ministeriums der Justiz 1945-60. In R. Schroder (Ed.), Zivilrechtskultur der DDR (pp. 145-178). Berlin, Germany: Duncker & Humblot.
- Jarausch, K. H. (1990). The unfree professions. German lawyers, teachers and engineers 1900-1950. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Jarausch, K. H. (1999). Care and coercion: The GDR as welfare dictatorship. In K. H. Jarausch (Ed.), Dictatorship as experience. Towards a soeio-cultural history of the GDR (pp. 47-72). New York: Berghahn.
- Jessen, R. (1999). Akademische Elite and kommunistische Diktatur. Die ostdeuuche Hoch- schullehrerschaft in der Ulbricht Ara. Gottingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Luhmann, N. (1987). Rechtssoziologie. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Meuschel, S. (1992). Legitimation and Parteiherrschaft in der DDR Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Moeller, R. G. (1997). Geschatzte Matter. Frauen and Familien in der w stdeutschen Nachkriegspoli- tik. Munich, Germany: div.

- Muller-List, G. (Reviser). (1996). Gleichberechtigung alt Verfassungsauftrag. Eine Dokumentation zur Entstehung des Gleichberechtigungsgesetzes from 18. Juni 1957. Dusseldorf, Germany: Droste.
- Neumann, U. (1992). Juristische Fachsprache and Umgangssprache. In G. Grewendorf (Ed.), *Rechtskultur alt Sprachkultur* (pp. 110-121). Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Ramm, T. (1984). *bas nationa/sozialirtische Familien- and Jugendrecht*. Heidelberg, Germany: Decker & Muller.
- Rottleuthner, H. (1988). Die gebrochene Burgerlichkeit einer Scheinprofession. Zur Situation der deutschen Richterschaft zu Beginn des 20. Jahrhunderts. In H. Siegrist (Ed.), *Bargerliche Berufe* (pp. 145-173). Gottingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Ruck, M. (1996). *Korpsgeist and StaassbewuJ{trein. Beamte im deutschen Srdwesten 1928 his 1972*. Munich, Germany: Oldenbourg.
- Schiffer, E. (1928). *Die Deutsche Justin Grundzilge einer durchgreden Reform*. Berlin, Germany: Otto Liebmann.
- Schneider, U. (1999). Der deutsche Einheitsjurist in der fruhen DDR. Elitenbildung beim Aufbau des Sozialismus. *Archiv fir Sozialgeschichte*, 39, 235-264.
- Schneider, U. (2000). Das Familienrecht der DDR. In H. Timmermann (Ed.), *Die DDR-Recht and Justiz alt politisches Instrument* (pp. 61-80). Berlin, Germany: Duncker & Humblot.
- Schonfeldt, H.-A. (1997). Zur Entwicklung von Recht and Rechtswissenschaft in der Deutschen Demokratischen Republik. In H. Mohnhaupt & H.-A. Schonfeldt (Eds.), *Normdurchsetzung in Osteuropdischen Nachkriegsgesellschaften (1994-1989). Sowjetische Besatzungszone in Deutsch- land-Deutsche Demokratische Republik (1945-1960)* (Vol. 1, pp. 109-120). Frankfurt a.M., Germany: Vittorio Klostermann.
- Schroder, R. (Ed.). (1999). *Zivilrechtskultur der DDR*. Berlin, Germany: Duncker & Humblot.
- Schroeder, K., & Wilke, M. (1997). Kritik and Selbstkritik. In R. Eppelmann, H. Moller, G. Nooke, & D. Wilms (Eds.), *Lexikon des DDR-Sozialismus* (Vol. 1, pp. 486-487). Paderborn, Germany: Schoningh.
- Siegrist, H. (1996). *Advokat, Burger and Stoaat. Sozialgeschichte der Rechtsanwdlte in Deutschland (18.-20. Jahrhundert)*. Frankfurt a.M., Germany: Vittorio Klostermann.
- Sparschuh, V., & Koch, U. (Eds.). (1997). *Sozialismur and Soziologie. Die Grundergeneration der DDR-Soziologie. Verruch einer Konturierung*. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Steding, R. (1995). Agrarrecht. In U.-J. Heuer (Ed.), *Die Rechtsordnung der DDR* (pp. 75-94). Baden-Baden, Germany: Nomos.
- Steiner, H. (1992). Soziologie and empirische Sozialforschung in der Nachkriegsperiode Deutschlands. In D. Jaufmann, E. Kistler, K. Meier, & K.H. Strech (Eds.), *Empirische Sozia#5rschung im vneinten Deutschland Bestandsaueahme and Perrpektiven* (pp. 145-154). Frankfurt a.m., Germany: Campus.
- Weber, H. (1999). *Geschichte der DDR*. Munich, Germany: dtv
- Weber, M. (1964). *Wrtschaft and Geselischaft. Grundriss der Verstehenden Soziologie*. Cologne, Germany: Kiepenheuer & Wirsch.
- Wentker, H. (Ed.). (1997). *Volksrichter in der SBLDDR 1945-1952. Eine Dokumentation*. Munich, Germany: Oldenbourg.

Раздел 2

Кто называется экспертом?

В главах этого второго раздела рассматривается вопрос о том, кто считается экспертом. В этом вопросе глава Кристофа Антонова ведет нас в сложный мир защиты авторских прав традиционных произведений искусства. В Австралии суды слышали как аборигенов, так и антропологов в качестве свидетелей в делах об авторском праве, связанных с искусством аборигенов. Должны ли старейшины-аборигены считаться экспертными свидетелями обычного права в таких случаях? Это вопрос, который поставлен для австралийской правовой системы.

Ожидается, что эксперты будут адаптировать свои отчеты согласно потребностям своих клиентов. Научные специалисты не всегда в лучшем положении чтобы выполнить эти ожидания. Майкл Хау представляет нам удивительный случай, когда вся профессия, медики во время Веймарской республики, почувствовали необходимость адаптировать не только свои знания, но и их профессиональную «личность», чтобы соответствовать образу более гуманного эксперта. Оспариваемое естественным движением терапии, которое предлагало альтернативное понимание исцеления и целителя, ведущие врачи того времени были вынуждены защищать чуткие способности выдающегося врача.

В главе Жана-Поля Бродера выдвигается сильное и тревожное утверждение о том, что опыт, который сильно основан на научном знании, нежелателен в уголовном правосудии. Часто такой сильный опыт не может быть адаптирован к стандартным юридическим, полицейским и терапевтическим процедурам. Вместо этого Бродер описывает, насколько во многих областях, связанных с применением уголовного законодательства, были установлены более слабые формы экспертизы. Он также представляет нам случай, когда сопротивление судебной власти и юридического сообщества принимать руководящие принципы вынесения приговоров на основе эмпирических баз данных, представленных в экспертных системах, привело к полной аннулированию таких усилий. Броудер, криминолог, занимал должность директора по исследованиям для комиссии экспертов, которая консультировала правительство Канады о том, как устанавливать новые принципы вынесения приговоров, - это случай экспертизы с богатым опытом, которая потерпела неудачу. Бродер занимает хорошее место, чтобы рассказать нам, почему.

Последняя глава в этом разделе представляет нам случай, когда историческая экспертиза вступила на исследовательскую арену, традиционно населенную учеными-естествоиспытателями: это арена - контроль за загрязнением воздуха. Это проблема с научной, технологической и политической историей, в которой участвуют многие исторические личности. В главе Маттиаса Хеймана говорится о том, что изучение этой сложной истории способствует науке борьбы с загрязнением воздуха.

Глава 5

Защита фольклора в Австралии: кто эксперт в традиции коренных жителей?

Кристоф Антонс¹

Центр исследований социальной трансформации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Университет Вуллонгонга, Австралия

cantons@uow.edu.au

В октябре 1998 года в австралийской национальной ежедневной газете «Австралиец» появилась статья «Немец оскорбляет работы местных жителей» (The Australian, 9 октября 1998 года, стр. 19). В статье сообщается о разочаровании и гневном арте-дилера и галериста в Мельбурне, который предложил отобрать коллекцию искусства местных жителей на художественной ярмарке в Кельне и его запрос был отклонен второй раз за три года. На этот раз не было причин для отказа, но отказ от первой заявки основывался на аргументе о том, что этот вид искусства был племенным или примитивным. Всего несколько десятилетий назад такое мнение, вероятно, разделили бы многие австралийцы.

В этой главе рассматривается роль экспертов в оценке выражений культуры коренных народов в Австралии в целях защиты авторских прав. Трудности сбора доказательств нарушения авторских прав мотивов и конструкций аборигенов исходили из тайного и священного характера традиционной части искусства аборигенов. Не только традиционное искусство использует религиозную символику, но также часто устанавливает связь с землей предков, изображая следы и места предков. В случае предполагаемых нарушений авторских прав, связанных с искусством аборигенов, суды, таким образом, были вынуждены полагаться на свидетелей-экспертов из рядов антропологов и соответствующих общин аборигенов. Поскольку в соответствии с австралийским законом показаний - только экспертам разрешено высказывать свои мнения на основе обобщений из более ранних исследований, показания аборигенов об их собственном законе обычаев ранее часто исключались как просто «слухи». В последние годы суды пытались избежать этого парадоксального положения дел, пытаясь сопоставить антропологические экспертные доказательства и свидетельства художников-аборигенов и старейшин общин, не слишком точно интерпретируя правила показаний. Затем в ходе исследования этих подходов последуют некоторые сравнительные замечания, сделанные на основе опыта Индонезии. Однако, прежде чем перейти к правовым подходам, выбранным в этих двух странах, и привлечению экспертов, представляется необходимым краткое описание политического и социального фона обсуждения.

От «terra nullius» (ничья земля) до «Культурная и интеллектуальная собственность коренных народов»

В 1962 году аборигенским австралийцам было предоставлено право голоса, и они были включены в перепись только после референдума и поправки к конституции в 1967 году (Комиссия по правовой реформе 1986 года, стр. 22). Однако до 1992 года австралийские суды рассматривали так называемую доктрину terra nullius (см. *Mabo and Others v. Queensland* [№ 2], 1992, 175 CLR 1). В колониальные времена доктрина terra nullius обеспечивала полный прием английского права и пренебрежение обычным правом аборигенов, поскольку земля считалась необитаемой (terra nullius) или, по крайней мере, населенной людьми без устоявшихся законов или обычаев (Bourke & Cox, 1998, стр. 59; Parkinson, 1994, pp. 126129). После первого исследования восточного побережья Австралии Джеймс Кук описал аборигенов как «не фиксированные обитатели, а перемещаются с места на место, как дикие звери в поисках пищи» (Castles, 1982, стр. 22). Следовательно, он следовал официальным инструкциям, чтобы завладеть землей в качестве первого открытия, а не рассматривать это как завоевание. Отныне вся земля была возложена на британскую корону, и попытки заключить отдельные договоры были объявлены недействительными (Castles, 1982, pp. 20-31).

Отношение австралийцев к культурным выражениям аборигенов медленно начало меняться в течение XX века, развитие, которое было точно охарактеризовано как «от неоригинального до аб-оригенного» (Sherman, 1994). Раньше часто классифицированные как «этнографические объекты», искусство аборигенов – их работы были все более признаны как изобразительное искусство и как международная история успеха для Австралии в этой категории (Alberts & Anderson, 1998, pp. 254257, Chanock, 1996, pp. iii-iv, Davies, 1996, стр. 2, Gray, 1996, стр. 30). В то же время политика правительства в отношении аборигенов изменилась с ассимиляционных подходов к поддержке самоуправления и самоопределения (Комиссия по реформе законодательства 1986 года, стр. 18-23).

В 1980-х и 1990-х годах австралийцы также заняли другую позицию в мире и понимание Австралии. Ссылки на «Мать Англию», которые в настоящее время являются членами Европейского союза (ЕС), продолжают ослабевать, и к началу 1990-х годов Япония и Корея были крупнейшими торговыми партнерами Австралии. Тогда правительство труда приняло жесткую позицию страны в контексте Азиатско-Тихоокеанского региона. Это, в свою очередь, потребовало коррекции негативного имиджа Австралии в Азии из-за прежней «политики Белой Австралии», которая ограничивала иммиграцию людей европейского происхождения. Многие азиаты рассматривают степень интеграции австралийских аборигенов в качестве индикатора изменения отношения Австралии.

Известное решение австралийского Высшего суда 1992 года, которое окончательно положило конец доктрине terra nullius, касалось признания традиционных прав аборигенов на землю (Bourke & Cox, 1998, pp. 65-69). Однако существует еще одна

область права, в которой воспринимается сильный конфликт между обычным правом аборигенов и австралийским государственным законодательством: область прав интеллектуальной собственности. Права интеллектуальной собственности обсуждаются в отношении двух областей традиционных знаний аборигенов: художественных выражений и традиционных медицинских знаний об исцеляющих эффектах растений и натуральных веществ, которые в последнее время стали интересовать биотехнологические компании (McKeough & Stewart, 1997, стр. 1 Из.). Из-за их традиционного характера и отсутствия лица создателя материала трудно подвести обе области под эгиду защиты интеллектуальной собственности. Права интеллектуальной собственности, которые обсуждались для защиты этого материала, далее извлекаются из различных областей права интеллектуальной собственности, таких как торговая марка, дизайн, патент и авторское право. Дискуссия о правовой защите, таким образом, предполагает гораздо больше, чем обычно характеризуется фольклором с его отношением к принципам авторского права. Он также включает знания о растениях и других генетических ресурсах и их целебных эффектах, которые превращаются в «промышленную собственность», когда они используются фармацевтическими и биотехнологическими компаниями. Аборигенные сообщества в настоящее время предпочитают говорить о правах коренных народов на культурные и интеллектуальные права (Janke, 1997, p. 24). Они заявляют о признании этих прав новой областью интеллектуальной собственности и ее защитой в соответствии с конкретным законодательством (Janke, 1998). В целях этой главы я оставляю в стороне дискуссию о традиционных знаниях и генетических ресурсах и сконцентрируюсь на художественных выражениях коренных народов и трудностях в их защите.

Большинство традиционных австралийских работ связано со сновидением аборигенов. Сновидение можно грубо объяснить как миф создания у аборигенов и их местную религию. Термин «сновидение» - это перевод на английский язык одного из выражений, используемых аборигенами для обозначения на их разных местных языках комплекса мистических историй о творческом периоде их родовых существ и происхождении области, в которой они проживают (Berndt & Berndt, 1996, стр. 2291, Edwards, 1998, стр. 79f, Stanner, 1965, стр. 214f, Swain, 1993, pp. 20-22). Важно помнить, что аборигены были изначально кочевыми людьми, которые блуждали по какой-то части австралийского континента, которую они считали своим племенным районом (Blainey, 1983, стр. 27f, Bourke, 1998, стр. 220). Подобным же образом их мистические характеры и духи блуждали по этой стране и время от времени превращались в священный участок (например, камень, дерево, Edwards, 1998, стр. 80f.) Или населяли определенный артефакт (Berndt & Berndt, 1996, стр. 429). Поскольку духи могут, таким образом, обитать в творчестве художника (и на самом деле для этого было сделано много художественных работ), традиционные художники-аборигены являются посредниками между человеческим и духовным мирами (Berndt & Berndt, 1998, стр. 24).

В качестве такого посредника традиционный аборигенный художник ограничивается использованием конкретных символов, цветов и рисунков в представлении духов и племенной области. Более того, при изображении пейзажа художнику разрешено ссылаться только на участок земли, населенный сообществом, к которому принадлежит художник (Berndt & Berndt, 1996, п. 411, р. 444; Berndt & Berndt, 1998, pp. 25-32, pp. 36-40). В частности, в центральной Австралии картины земли часто были довольно точными изображениями определенного района с высоты птичьего полета с реками, водяными лучами и следами блуждающих духов. Если кто-то, знаком с искусством аборигенов, и летает над центральной Австралией, они сразу поймут, что то, что появляется в виде следов, водяных ям, деревьев и кустарников в искусстве, будет выглядеть как точки сверху. Эти изображения земли с символами и красками племени художника были тогда также квази-претензией на владение этим участком земли в глазах других аборигенов (Alberts & Anderson, 1998, стр. 253; Berndt & Berndt, 1998, pp. 25-28; Isaacs, 1984, pp. 12-15).

Как защита авторских прав на искусство аборигенов бросает вызов австралийской правовой системе

В основе всех авторских действий лежит принцип оригинальности. В отношении этого принципа юристы по авторскому праву обычно отличают понимание континентальной Европы, которое сосредоточено на авторе и требует определенного уровня оригинальности (немецкие суды и литература говорят здесь о *Gestaltungshöhe*), от англо-американской концепции, которая является более утилитарной и требует просто, чтобы работа не была простой копией и вела к общественно полезному материалу (Dreier & Karnell, 1991; Ricketson, 1991). В то время как большинство произведений коренных народов, на самом деле, практически не удовлетворяют требованиям по крайней мере англо-американской концепции оригинальности, часто связано с массовым выпуском определенных образцов и мотивов рисунка для растущего рынка туристов и зарубежных покупателей, то есть этот материал имеет классификацию «фольклора» с недостаточной оригинальностью для защиты авторских прав. Утверждалось, что многие предметы фольклора слишком ограничены относительно выбора их мотивов (узоров) и материалов, используемых для того, чтобы продемонстрировать оригинальный вклад их создателей и для получения права на защиту авторских прав (Ellinson, 1994, стр. 332f, Puri, 1995, р. 313f, Wambugu Githaiga, 1998, стр. 4f, Weiner, 1987, стр. 69 €). В то время как это может быть справедливо относительно многих бумерангов или диджериду (дух.муз инструмент), массово произведенных для туристических магазинов, должно быть ясно из моей предыдущей заметки об искусствк аборигенов, что то же самое нельзя сказать о традиционных произведениях аборигенов. Конечно, как упоминалось выше, традиционный художник ограничивался бы особенностями окружающего пейзажа и цветами и символами, используемыми в этом районе. Помимо мотивов (узоров), художник дополнительно ограничен тем, что доступно для живописи и

скульптуры в естественном окружении: камни и дерево для скульптур и глины, и древесного угля и марганца, чтобы сделать краску в разных тонах красного, белого, желтого и черного (Berndt & Berndt, 1996, стр. 409 €).

Однако то, что художники-аборигены создают с помощью этих средств и в пределах ограничений социально приемлемых узоров, на самом деле, очень оригинально. Их художественная свобода еще более отмечается благодаря личному союзу художников с особыми духами и их символами (Ellinson, 1994, стр. 331). В определенной степени можно провести аналогию с анонимным средневековым европейским художником или скульптором, который ограничился христианскими религиозными мотивами и символами, но тем не менее создал шедевры, которые демонстрируют стиль и подход одного и того же человека в разных проявлениях. Хотя авторское право защищает только отдельные выражения, а не лежащие в основе идеи, в большинстве случаев будет достаточным индивидуальное выражение, связанное даже с простым воспроизведением ранее существовавших мотивов или конструкций (Davies, 1996, стр. 3f, Milpurrurru & Ors a Indofurn Pty Ltd. & Ors, 1995, AIPC, pp. 91-116, Puri, 1995, pp. 311-314).

Таким образом, на самом деле это не столько оригинальность затрудняет применение принципов авторского права к этому материалу, а скорее социальное и религиозное значение произведений аборигенов. Это противоречит западному пониманию искусства как продукта, первоначально принадлежащего художнику, который может его продать, отобразить, воспроизвести или разрешить другим воспроизводить его, предоставив им лицензии. В тех случаях, когда произведение аборигенов использует мотивы и символы, которые, по мнению обычного сообщества, воспринимаются сообществом художника как тайное и священное, художник-абориген по законам обычаев не может свободно распоряжаться своей работой, и он зависит от разрешения его сообщества чтобы сделать все те действия, которые были бы естественной частью авторского права в западном смысле. Эти противоречивые подходы к защите художественных выражений стали очевидными в случае Юмбулула против Резервного банка Австралии 1991 года (21 ПИС 481). В этом случае нельзя было предотвратить несанкционированную репродукцию «тотемного утреннего полюса звезды», потому что суд признал действительное лицензионное соглашение между отдельным художником и его агентством (Blakeney, 1995, стр. 442).

Однако все сказанное относится к «традиционному» искусству аборигенов с религиозными мотивами. Конечно, эти традиции не статичны; они эволюционировали с течением времени и адаптировали новые материалы и формы выражения (Caquana, 1993, стр. 11, стр. 14, Gray, 1996). Тем не менее, что оставалось неотъемлемой чертой этого искусства, является его религиозная символика. Но существует также «современная» версия искусства аборигенов, предназначенная для удовлетворения растущего спроса на этот вид искусства в австралийских городах и за рубежом, выражать политические цели или и то, и

другое. В этой категории есть не только художественные работы, которые позволяют избежать религиозных мотивов и символов, но и работу так называемых «городских аборигенов», которые изображают современные австралийские пейзажи и темы, используя средства выражения аборигенов (Berndt & Berndt, 1998, pp. 126-145).

Хотя в Австралии была интенсивная дискуссия о надлежащей защите более традиционно ориентированной версии художественных работ аборигенов (и предложения решений начиная от принципов авторского права до национальных законодательством о наследии в регулировании уникальности; Эллинсон, 1994; Puri, 1993, 1995), мало было сделано для того, чтобы выполнить различные предложения на практике и в последовательную часть законодательства. После десятилетий обсуждения Закон об авторском праве, следовательно, по-прежнему остается единственным законодательством, куда художники-аборигены могут обратиться за защитой. В нескольких недавних случаях участвовали художники-аборигены Джонни Булун Булун и Джордж Милперурру, чьи проекты и мотивы были воспроизведены без разрешения на футболках, между прочим, и на полотнах и коврах, изготовленных во Вьетнаме (John Bulun Bulun e & Anor v. R & T Textiles Pty. Ltd., 1998, 1082 FCA; Milpururru cr Ors v. Indofurn Pty Ltd. & Ors, 1995). Такие случаи обычно решаются в Федеральном суде Австралии, который обладает юрисдикцией рассматривать дела, касающиеся федерального законодательства, в том числе законодательства в области интеллектуальной собственности. Затем судья сталкивается с двумя вопросами: во-первых, чтобы определить, в какой степени в рамках австралийской правовой системы могут использоваться доказательства или данные обычаев и традиций коренных народов, а во-вторых, как установить эти доказательства. Последний вопрос, очевидно, приводит к проблеме идентификации кого-то, у кого есть необходимый опыт для дачи показаний в этих вопросах.

Первый вопрос относительно положения обычного права как части австралийской правовой системы был эффективно удовлетворен вышеупомянутым решением Высшего суда в деле Мабо и Другие против Квинсленда (1992). В то время как в решении было признано, что обычное право аборигенов пережило колонизацию Австралии и может быть признано общим правом, это остается верным только до тех пор, пока такое признание не означает (по словам судьи Бреннана) «переломать скелетный принцип нашей правовой системы" (Mabo and Others v. Queensland 1992, [№ 2] стр. 18, см. также подробное обсуждение в Chesterman, 1998, pp. 76-84). В последующих решениях (и в случае с Джоном Булун Булун и Анором против R T T Textiles Pty. Ltd) было проведено различие между недвижимостью и интеллектуальной собственностью, а также между соответствующим общим правом и уставными институтами, на которых эти права собственности основаны, является таким «скелетным принципом» австралийской правовой системы (John Bulun Bulun 6. Anor v. R. & T Textiles Pty. Ltd., стр. 13). Следовательно, суды отклонили претензии художников-аборигенов о том, что родной прилив на земле,

признанный в Мабо, расширился до интеллектуальной собственности, такой как авторское право, поскольку в обычном праве аборигенов художественные выражения не были отделены от права на землю. Суды признали, что такие обычные права на собственность на художественные произведения могут существовать, но они отказались признать, что такие права могут стать обязательными для неаборигенов, поскольку понятие авторского права для всей Австралии будет регулироваться исключительно Законом об авторском праве 1968 года (*John Bulun Bulun bAnor v. R. et T Textiles Pty Ltd.*, стр. 14).

Несмотря на это возобновление отказа от понятия отдельного авторского права основанного на обычае коренных народов, сообщество аборигенов, тем не менее, могло претендовать на важный частичный успех своих прав на обычаях в решении Джона Булуна Булуна и Анора против R et T Textiles Pty Ltd., 3 сентября 1998 года. Судья фон Дусса из Федерального суда заключил в этом случае, что лицо художник-абориген, как автор произведения искусства, имел право хранить авторские права на эту работу. Однако в еще одном важном заключении судья сделал вывод (стр. 181.), что это авторское право было под влиянием фидуциарного обязательства, которое художник обязан сообществу, чтобы сохранить религиозное и ритуальное значение произведения. Фидуциарное отношение представляет собой концепцию права справедливости, которое налагает конкретные строгие обязанности на так называемого фидуциарного лица уважать интересы другого лица, поскольку они могут оказать отрицательное влияние на интересы этого другого человека (Мигер, Gummow, & Lehane, 1992, стр. 130). Традиционными примерами таких фидуциарных отношений являются отношения между попечителями и бенефициарами, поверенными и клиентами, директорами и компаниями, биржевыми брокерами и клиентами, а также между партнерами по бизнесу (Evans, 1996, pp. 100-107; Parkinson, 1996, pp. 326-331). Канадские суды были первыми судами в Содружестве, кто использовал эту справедливую концепцию для дел коренных народов, и они разработали понятие фидуциарных отношений между канадским государством и его коренным населением (*R-v. Sparrow*, 1990, 70 DLR [4th] 385, цитируется в Parkinson, 1996, стр. 360). Хотя этот подход еще не соблюден в Австралии, решение Федерального суда в настоящее время ввело концепцию регулирования отношений между коренными народами, а именно между местными художниками и их сообществом.

Аборигены как свидетели

Чтобы решить, должно ли такое фидуциарное обязательство подчиняться художнику из числа коренных жителей уважать ритуальные знания, включенные в произведение, Федеральный суд теперь также должен принять решение о религиозном значении произведения для определенного племенного сообщества. Однако, поскольку большинство этих символов являются секретными и священными, у суда нет другого выбора, кроме как полагаться на опыт старейшин сообщества и самих художников, чтобы те объяснили значимость работы. В случае

с Джоном Булуном Булуном против Р. т. Текстиль Пти. Лтд. основное доказательство было получено из письменного показания самого г-на Булуна Булуна и двух высокопоставленных лиц его общины, людей Ганалбинг в восточной части Арнем на Северной территории. Дело касалось картины колодца, который был воспроизведен на текстиле без разрешения ответчика. Г-н Булун Булун заявил в своем письменном показании, что эта водяная скважина является основным тотемическим колодцем для его рода людей Ganalbingu; это был источник, из которого возникли их предки-создатели. Этот создатель-предок создал не только природный ландшафт этого района, но и конструкции и элементы для произведения искусства. Таким образом, художественное произведение было частью Мадаина (корпуса ритуальных знаний), которое было связано с землей, и несанкционированное воспроизведение означало бы серьезное нарушение естественного порядка. Г-н Булун Булун далее различал определенное использование (например, воспроизведение в художественной книге), для которого он был, как правило, уполномочен своим народом, и другим использованием (таким как тот, о котором идет речь), для чего ему пришлось бы консультироваться с традиционными владельцами по законам обычаев (John Bulun Bulun d Anor v. R. d T Textiles Pty Ltd., стр. 7-9).

Свидетельство г-на Булуна Булуна было подтверждено г-ном Милперурру, старшим из людей Ганалбингу и сами им - знаменитым художником, который представлял людей Ганалбинг и их претензии к произведениям искусства, а также г-н Эшли, который был в состоянии так называемого Джунгай по отношению к г-ну Булуну Булуну. Г-н Эшли заявил, что его роль может быть примерно описана как роль менеджера или полицейского. Лучшее описание, возможно, было бы лучше хранителя традиций. Сам г-н Эшли описал свои обязательства следующим образом (стр. 9):

(...) среди обязанностей Джунгаи - обязательство обеспечить, чтобы владельцы определенных земель и Мадаин, связанные с этой землей, рассматривались в соответствии с обычаем Yoingu⁷, законом и традицией. Джунгай иногда, возможно, должен выдать предупреждение или совет традиционному владельцу аборигенов по способу использования определенной земли или Мадаина, связанного с землей. Джунгай играет важную роль в поддержании целостности земли и Мадаина.

Джунгай изучает картины земли, которыми они управляют. Они производят картины Мадаина для церемонии и для продажи там, где это необходимо (...). Более старший Джунгай должен проконсультироваться о важных решениях относительно их «родной» страны и ее Мадаина. Например, во время подготовки этого дела мне нужно было посоветоваться и присутствовать, когда г-н Булун Булун дает показания нашему адвокату. Я вел большую часть разговоров, потому что Джунгай более открыто говорит о земле и Мадаине. Мне также нужно было

посоветоваться, когда г-н Булун Булун хотел пригласить нашего адвоката в Джулибинямэрр.

(...) Мои права как Джунгайи относительно Джулибинямюрра включают право производить картины, связанные с этим местом, и право на консультации с г-ном Булуном Булуном по поводу использования Джулибинямэрра и Мадаина, связанных с ним. Я могу говорить о законе и обычае народа Ганалбинг, в частности о том, что связано с Джулибинямаром из-за моей позиции Джунгайи по отношению к г-ну Булун Булун.

Из этого утверждения становится очевидным, насколько тщательно такие ритуальные знания охраняются традиционными хранителями общины аборигенов. Поэтому в большинстве случаев неизбежно, что самыми важными свидетелями являются люди, которые имеют важное отношение к претензии в качестве члена сообщества, чьи обычаи они описывают (что касается аналогичной ситуации в отношении прав на землю, см. Neate, 1989, стр. 190). Знание экспертов вне этого сообщества, о ритуальном значении символов, обязательно ограничено. Однако в докладе Комиссии по правовой реформе 1986 года о признании права обычаев аборигенов были выявлены в основном две проблемные области в отношении свидетелей аборигенов, когда суды настаивают на строгом применении общих норм права. Первая проблема - это «правило против показаний с чужих слов», которое исключает показания, которые не основаны на непосредственном личном опыте (Law Reform Commission, 1986, стр. 475f.). Однако в какой-то мере все доказательства права обычаев, даже если они предоставляются «инсайдерами», всегда будут включать в себя обобщения из личных наблюдений на более общий обычай, и эти обобщения будут также основываться на информации, полученной от других. В вестимом случае *Milirrpum v. Nabalco Pty. Ltd.* (1971, 17 FLR 141) судья частично обошел эту проблему, значительно расширив сферу того, что следует рассматривать как вопросы факта. Поскольку верования людей и их восприятие в определенный момент, по сути, были бы вопросами факта, аборигенный человек мог в определенных пределах давать доказательства относительно убеждений и представлений об их сообществе. По словам судьи Блэкберна:

*Не было никаких трудностей при получении устных свидетельств аборигенов в отношении их религиозных убеждений, их образа жизни, их отношения к другим аборигенам, их организации кланов и т. д., Во-первых, что свидетель говорил по собственному воспоминанию и опыту, а во-вторых, что он не касался вопроса о клановых отношениях с конкретной землей или о связанных с ней правилах. На этом этапе речь не идет о показаниях с чужих слов; речь идет только о личном опыте и воспоминании людей. (*Milirrpum v. Nabalco Pty Ltd.*, стр. 153, цитируется в Комиссии по правовой реформе, 1986, стр. 476)*

Тем не менее исключение обобщений в правилах обычаев, в частности, в обстоятельствах этого решения, все еще может препятствовать значительным показаниям аборигенов в отношении правового обычая. В этом конкретном случае

судья смог предотвратить это последствие, исключив правило против показаний с чужих слов, которое позволяет давать показания по заявлениям умерших лиц по вопросам общественных и общих прав (Комиссия по реформе законодательства, 1986 г., стр. 4761.). Больше обобщений было бы возможно в дальнейшем исключении к правилу против показаний с чужих слов (Heydon, 1996, п. 1021 f.), если абориген может давать показания в качестве свидетеля-эксперта. Это также позволило бы судам преодолеть вторую связанную с этим проблему, которая представляет собой различие между фактами и мнением. Только экспертам-свидетелям может быть предложено высказать мнение, основанное на обобщениях предыдущих исследований, проведенных другими или самими экспертами-свидетелями (Heydon, 1996, стр. 795). Тем не менее, в деле *Milirrpum* против *Nabalco Pty. Ltd.*, Федеральный суд отказался рассматривать лидеров кланов аборигенов как экспертов в правовом обычае своего клана, а судья Блэкберн говорил о «двух видах свидетелей, а именно: аборигены (...) и свидетели-эксперты» (цитируется в «Neate», 1989, стр. 192). Это может быть основано на более раннем допущении в других случаях, когда экспертные доказательства связаны с «организованной областью знаний, в которой свидетель является экспертом» (*Clark v. Ryan*, 1960, 103 CLR 486, p. 5011. and p. 508, цитируется в Heydon, 1996, p. 7911.). «Организованные ветви знаний» далее определяются как «те, в которых обученные люди или эксперты обмениваются общепринятыми принципами и методами». По-видимому, в глазах Федерального суда в *Милирпум* против *Набако Пти, Ltd.*, коренные старейшины не вписывались в такое техническое и научное определение.

Комиссия по правовой реформе критиковала результаты в *Milirrpum v. Nabalco Pty Ltd.*, как странные и трудно оправданные (Комиссия по правовой реформе, 1986, стр. 474f, см. Также критические замечания Харриса относительно случая острова Хиндмарш, 1996 год), Таким образом, Комиссия по правовой реформе предложила смягчить правила доказывания в отношении правового обычая и соблюдать правило о показаниях с чужих слов, в частности «где лицо, предоставляющее доказательства, обладает специальными знаниями о законах обычаев сообщества в этом отношении "или", вероятно, имел бы такие знания или опыт, если бы такие законы существовали». Федеральное и государственное законодательства, касающиеся прав на землю, сделали еще один шаг вперед. Уполномоченный по правам аборигенов, созданный в соответствии с законодательством для Северной территории, например, проводит административное расследование и связан только правилами естественного правосудия, а не с конкретными правилами доказывания. Следовательно, Практическое руководство 25 (1979) первого уполномоченного юстиции Тоохи заявило следующее:

Не будет строгого соблюдения обычных правил показаний. В частности, в качестве общего предложения будут допущены свидетельства показаний с чужих слов, значение которых должно прилагаться к нему для представления и определения. Релевантность будет контрольным испытанием для допустимости

показаний. (цитируется в Комиссии по правовой реформе, 1986, стр. 465; Neate, 1989, стр. 191)

Несмотря на положительный опыт в этом неформальном процессе (Neate, 1989) и аналогичные решения в таких странах, как Папуа-Новая Гвинея, Комиссия по правовой реформе до сих пор избегала рекомендации об общем исключении правил доказывания в отношении правового обычая. Вместо этого Комиссия по правовой реформе заключила:

Исключая закон о показаниях, было бы недостатком не структурировать аргументы о допустимости, и лишить суды той помощи, которую могут дать удовлетворительные правила. Только в том случае, если существующие правила, модифицированные для содействия в доказательстве обычного права аборигенов, будут совершенно неподходящими для настоящих целей, было бы целесообразным их полное исключение. (Комиссия по правовой реформе, 1986, стр. 467f.)

В упомянутых случаях интеллектуальной собственности судьи придали значение доказательствам художников-аборигенов и хранителей, не слишком строго толкуя правила о показаниях. При этом суды часто, по-видимому, применяли подход как в случае *Milirrupum v. Nabako Pty. Ltd.*, чтобы включить вопросы веры и личного восприятия в качестве фактов или утверждать, что правила могут быть смягчены, поскольку затрагиваются вопросы общности (*John Bulun Bulun & Anor v. R. & T Textile's Pty. Ltd.*, стр. 11). Вместе с тем было также отмечено, что прецедентное право в этой области характеризуется слабостью и несоблюдением правил (судья Мюирхед в *R. v. William Davey* и сообщил, Федеральный суд Австралии [13 ноября 1980 года], цитируется в Комиссия по правовой реформе, 1986, с. 470; что касается аналогичных жалоб со стороны канадских судей, см. Кеоп-Сохен, 1993, р. 190). В более позитивном плане Комиссия по правовой реформе рассматривает закон Австралии как движущийся в правильном направлении. Комиссия указывает, в частности, на решение *Naraluma v. Baker* (1982, 29 SASR 192, 194), в котором квалификация эксперта-свидетеля основывалась на «привычке и опыте» при условии, что характер и глубина опыта более тщательно изучен, чем обычно (Комиссия по реформе законодательства, 1986, стр. 4701, стр. 474). Более того, Кин-Коэн утверждал, что в результате решения Мабо различие, сделанное в Милирпуме, больше не должно применяться там, где на карту поставлен родной титул, и поэтому суды должны полагаться на еще не разработанную главу приемлемости " традиционные доказательства »(Кеоп-Сохен, 1993, pp. 192-197). Однако, даже если такие «традиционные доказательства» стали приниматься как отдельная категория, это не решило бы проблему в тех случаях, когда правила обычаев должны быть доказаны в качестве основы для прав, отличных от национального названия, например, в случаях, связанные с авторским правом.

Антропологи в качестве экспертных свидетелей

На практике суды подходят к спорам о правах на землю, как и в других случаях, так, чтобы объединить показания сообщества аборигенов, участвующих в экспертных заключениях. Как правило, подробные доказательства аборигенов слушаются прежде, чем антрополог или эксперт в области искусства аборигенов (Davies, 1996, стр. 7) рассматривает вопрос в более общем контексте (Davies, 1996, стр. 7; Neate, 1989, р. 192). В деле г-на Булуна Булуна два профессора антропологии из Университета Джеймса Кука в Северном Квинсленде и из Лондонского колледжа Лондона были заслушаны, чтобы подтвердить важность унаследованных узоров как часть священного Мадаина народов земли Арнем. Антропологи сыграли важную роль в делах, связанных с доказательством правового обычая аборигенов. В целом, их показания рассматриваются как дополнение к показаниям аборигенов, и их мнение приветствуется в качестве иного подхода к вопросу, отличающимся от мнения адвоката. Тем не менее, антропологи находятся в трудном положении, когда их просят дать показания в таких случаях: им нужно общаться с юристами, с одной стороны, и с сообществом аборигенов, с другой. Заявления различных уполномоченных по делам аборигенов в соответствии с Законом о земельных правах аборигенов, 1976 (Cth) (Северная территория), хотя в целом восхваляют вклад антропологов в процесс установления фактов, также выявляют определенную оговорку. Например, судья Тоухи указал в претензии на землю Утопии пределы роли антропологов в судебном процессе:

Закон о земельных правах не является практикой в антропологии. Антропологи записывают материал и способны его сопоставлять, помогать в его представлении на слушании, и комментировать его - все это оказалось бесценным. Взгляды антропологов на язык Закона, особенно в тех случаях, когда устав использует термины, имеющие разумно понятное значение в антропологии, оказывают большое содействие, и я полагался на них в ходе предыдущих слушаний. Но в конце концов, что нужно сделать, так это определить значение слов, используемых в Законе, толковать определение соответствующим образом, а затем применить его к представленному материалу (...). (Комиссия по правовой реформе, 1986, стр. 466)

Несколько лет спустя правосудие Морис частично противоречило этому заявлению, сказав, что «эти запросы - это очень практикуются в антропологии», но признал, что это было так «несмотря на проблемы, которые могут иметь юристы относительно согласия с языком и идеями антропологов» (Warumungu Land Claim, 1 октября 1985 года, цитируется в Neate, 1989, стр. 239). Тот же судья также выразил озабоченность по поводу потенциальной предвзятости антропологов из-за чрезмерной зависимости от предпочтительных информантов и тесной связи с сообществом, которое исследовалось. Neate (1989, стр. 246) добавил, что антропологи должны быть обеспокоены сохранением своих отношений с сообществом для будущих исследований. Аналогичные утверждения о

предвзятости были сделаны с обеих сторон в деле острова Хиндмарш, что, согласно Харрису (1996, стр. 123), привело к «расколу в антропологическом братстве в Южной Австралии».

С другой стороны, антропологи также часто недовольны их ролями. Профессор Рональд Берндт, например, предупредил своих коллег, чтобы те не попали в ловушку чрезмерно упрощенных данных для законных оснований в целях потребления. Далее он рассказал о взаимоотношениях между адвокатами и экспертами-свидетелями по антропологии следующим образом:

Что касается юристов-практиков (...), то «антропологические» данные сохраняют свою значимость по очевидным причинам: поскольку, с точки зрения юристов-практиков, сбор таких материалов является как дорогостоящим, так и трудоемким, а также потому, что «надежная» (действительная) информация зависит от подходящих коммуникативных каналов и от установления и поддержания дружественных социальных отношений. В некотором смысле, и, возможно, преднамеренно несправедливо, можно сказать, что практикующие юристы считают антропологов некоего рода «сырым» материалом, когда они не считают их препятствующими; или, говоря более любезно, как своего рода ресурс. Чтобы следовать за Леви-Стросом, юристы, напротив, «приготовлены» - у них есть последнее слово, независимо от антропологического мнения и независимо от взглядов аборигенов. (Berndt, 1981, цитируется в Neate, 1989, стр. 284)

Это повторяет аналогичные опасения, высказанные ранее Боханном (1957, 1969) на основе его исследований в Африке (Neate, 1989, стр. 285) о различиях в складе ума и концепциях юристов и антропологов, соответственно.

Догматически, экспертные показания от антропологов сталкиваются с аналогичными трудностями с правилом против дачи показаний с чужих слов в качестве доказательств, предоставленные аборигенами. Из-за своего статуса экспертов, антропологи могли бы выразить свое мнение и, следовательно, у них было бы меньше трудностей в обобщении на основе своих наблюдений. Тем не менее, по своей природе, антропологические доказательства и исследования содержат много данных основанных на слухах, то есть это показания с чужих слов. Опять же, антропологические экспертные заключения были бы трудными, если бы правило против показаний с чужих слов было применено строго. Поэтому австралийские суды проводят различие между недопустимым простым повторением чужих слов и допустимым выражением мнения, которое частично основано на чужих словах (Комиссия по правовой реформе 1986 года, стр. 473). Это различие снова было резюмировано судьей Блэкберном в деле *Milirpum v. Nabako Pty Ltd.* следующим образом:

Я не думаю, что правильно применять правило о показаниях с чужих слов, чтобы исключить показания антрополога в виде предложения антропологии - вывод, имеющий значение в этой области дискурса. Этого нельзя было утверждать - и

не утверждалось, - чтобы антропологи могли дать показания в форме: г-н Мунггураууи сказал мне, что это Земля Гума. Но, на мой взгляд, антропологу разрешено давать показания в форме: «Я изучил социальную организацию этих аборигенов. Это исследование включает в себя наблюдение за их поведением, общение с ними, чтение опубликованной работы других экспертов, применяя принципы анализа и проверки, которые признаны действительными в общей области антропологии. Я выражаю мнение эксперта, что предложение X справедливо для их организации». На мой взгляд, такие доказательства неприемлемы из-за того, что они основаны частично на заявлениях, сделанных для эксперта аборигенами. (стр. 151, как цитируется в Комиссии по правовой реформе, 1986, стр. 473)

В оставшейся части этого решения судья Блэкберн также размыл различие между «фактом» и «мнением»:

Эксперт является экспертом-наблюдателем, и его особое мастерство позволяет ему выбирать и формулировать «факты», которые являются значимыми и значительными, и отвергать и не упоминать те, которые не являются таковыми. Процесс отбора предполагает применение невысказанного мнения. Более того, он формулирует «факты» в специализированных терминах, которые подразумевают, что обобщения приняты как действительные в его области знания (...). В этом широком смысле все, что говорит эксперт в своей области экспертных знаний, является вопросом мнения, в том числе его рассказом о «фактах». (стр. 161, цитируется в Neate, 1989, стр. 241)

Как следствие, вопрос заключается не в том, допустимы ли доказательства эксперта, но сколько значения ему следует придать. Как впоследствии высказал Высший суд, это зависит от количества заявлений, основанных на чужих словах, и о том, подтверждены ли они другими доказательствами:

Заявления, сделанные эксперту-свидетелю, допустимы, если они являются основой или частью фонда экспертного заключения, о котором он свидетельствует, но (...), если такие заявления, являющиеся чужими словами, не подтверждены в качестве доказательства, показания эксперта, основанные на них, мало или вообще не имеют ценности. (Гордон v. R., 1982, 41 ALR 64, цитируется в Комиссии по правовой реформе, 1986, р. 472)

Таким образом, Федеральный суд недавно продвигал подход к авторским правам художников-аборигенов, который рассматривает художников-аборигенов как доверенных лиц своих общин, где они используют секретные и священные символы. Если этот подход будет применен дополнительно, для этого необходимо будет проконсультироваться с экспертными доказательствами, чтобы решить, будут ли художники-аборигены действовать в рамках их разрешения со стороны их сообщества при создании произведений искусства. Но такие доказательства также станут актуальными для принятия решения об использовании традиционных

символов и рисунков аборигенов городскими аборигенами, имеющими мало отношения к их соответствующим общинам и к использованию символов аборигенов посторонними. Недавним примером здесь является спор о книге Марты Сайкс. Доктор Сайкс - известный феминист и академик частично афроамериканского происхождения. Ее книга описала ее трудное детство, как цветного человека в Северном Квинсленде. Вскоре после публикации ее книги д-р Сайкс была обвинена членами общины аборигенов в своем родном городе в создании неверного впечатления о том, что значит иметь аборигенное происхождение и об использовании тотемической змеи как символа этого сообщества аборигенов в несанкционированном порядке.

Подход Австралии в сравнении: защита фольклора в Индонезии

При пересечении Тиморского моря мы сталкиваемся с аналогичными проблемами с проявлениями культуры этнических меньшинств в Индонезии, где правительство выбрало другое решение. Это неудивительно с учетом того факта, что Индонезия, как страна гражданского права, не располагает гибкими справедливыми доктринами, такими как фидуциарные отношения, характерные для юрисдикций общего права, как в Австралии. Кроме того, британская колониальная традиция поглощать различные законы обычаев, под эгидой общего права, облегчает решение проблем на передний плане государства и правового обычая, в отличие от голландской колониальной системы довольно строгого разделения разных рас и их законов. Выбор Индонезии для сравнения требует некоторого объяснения. Во-первых, Индонезия и Австралия - это общества с большим количеством различных этнических общин. Как и в Австралии, художественные работы племенных общин, таких как Асмат или Дайак, а также различных людей из разных регионов обширного архипелага, составляющего Индонезию, можно найти в большинстве туристических магазинов. Во-вторых, и, что еще важнее, религиозная и социальная значимость произведений многих индонезийских групп населения во многом сходна с религиозными сообществами аборигенов Австралии.

Это сходство не случайно. Недавние исследования преколониальных контактов между азиатскими людьми и австралийскими аборигенами показали, что эти контакты были более обширными и более развитыми, чем считалось ранее. Разумеется, существуют те теории, которые предполагают переселение аборигенов из Юго-Восточной Азии в Австралию в доисторические времена, когда морской разрыв между Австралией и Индонезийскими островами еще не был таким широким (Berndt & Berndt, 1996, pp. 2-4). Но для многих из этих контактов есть достаточные исторические данные. Мифология аборигенов в регионе Кимберли в северо-западной Австралии относится к родине предка, который, по-видимому, является островом Индоны в Тиморе (Swain, 1993, стр. 2131). Бугийские торговцы из южной части острова Сулавеси посещали северное побережье Австралии, по крайней мере, с начала 18 века (Swain, 1993, стр. 1591.), возможно даже еще в 15 веке (Berndt & Berndt, 1996, стр. 17). Эти контакты оставили свой след на

аборигенных языках области, в которых содержится немало индонезийских слов, но также и в местной культуре (Berndt & Berndt, 1996, стр. 19). Как и у аборигенов Австралийское искусство, традиционное индонезийское ремесло, такое как яванский кинжал, крис или гамелан, музыкальный инструмент, часто имеют духовную коннотацию. Индонезийцы говорят об артефактах, которые *rupya isi* (имеют содержание). Содержание, о котором идет речь, является духовной энергией, которая обитает в этом предмете (Koentjaraningrat, 1985, с. 343-345) аналогично тому, как это происходит в искусстве аборигенов.

Однако представляется, что в этом отношении также много важных различий между большей частью индонезийского искусства, с одной стороны, и искусством аборигенов, с другой. Прежде всего, Koentjaraningrat указал на примере яванских марионеточных пьес, что только уменьшающийся процент яванцев смотрит на символику марионетки *wayang* как на форму религии (Koentjaraningrat, 1985, п. 286 €). Во-вторых, по крайней мере, на густонаселенном острове Ява, обряды, похоже, играют гораздо большую роль для религиозного символизма, чем произведения искусства или ремесла. Основным предметом, используемым для защитной магии на Java, является крис, но есть и другие предметы, такие как ювелирные изделия, амулеты и волшебные камни (Koentjaraningrat, 1985, стр. 415). Опять же, в отличие от традиционного искусства в Австралии, духовная сила этих предметов не нуждается в защите от посторонних. Обычно он активизируется только через ритуал и только по отношению к определенному человеку. Следовательно, нет никакой проблемы в производстве тех же предметов без такой духовной энергии для туристического рынка.

По-видимому, в соответствии с Тунисским Типовым законом об авторском праве для развивающихся стран, который был разработан Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) и ЮНЕСКО в 1976 году, правительство Индонезии решило защитить традиционные произведения искусства в статье 10 Закона об авторском праве Индонезии 1982 года. Статья 10 защищает так называемые «продукты народной культуры» и упоминает в качестве примеров рассказы, сказки, легенды, хроники, песни, ремесла, хореографии, танцы, каллиграфию и «другие произведения искусства». Согласно статье 10 (2) (б), государство использует авторские права на эти работы «в отношении иностранных государств». Последняя часть положения была добавлена в качестве компромиссного решения, поскольку в многонациональном обществе Индонезии полное осуществление авторского права со стороны государства будет рассматриваться этническими группами в разных провинциях в качестве присвоения авторских прав центральным правительством в Джакарте. Поэтому нынешняя интерпретация положения заключается в том, что государство ограничено в осуществлении своих прав на иностранцев, тогда как местные общины по-прежнему имеют право использовать свой материал (Rosidi, 1984, стр. 79f.; Simorangkir, 1982, стр. 136).

Это положение, очевидно, создает целый ряд проблем, наиболее заметным из которых является создание того, что было названо в проекте закона ВОИС / ЮНЕСКО «полномочным органом» для принятия решения о том, как эти права будут осуществляться (Weiner, 1987, pp. 76 -78). Статья 10 (5) относится к административным декретам, которые будут регулировать детали осуществления авторского права государства. Возможно, и это не удивительно, эти административные декреты должны быть реализованы через 16 лет после вступления в силу Закона об авторском праве. Без «полномочного органа» в настоящее время никто не может различать традиционное и современное искусство или между индивидуалистическими выражениями определенного узора и «фольклора», и нет также органа, который мог бы принять решение о распределении авторских гонораров. В условиях нестабильной ситуации на расовой почве в Индонезии данный вопрос также будет очень трудно решить. Если необходимо создать «полномочный орган», такой как «Фольклорная комиссия», как его укомплектовать? Кто будет уполномочен принимать решение о художественном качестве и использовании традиционных произведений искусства, происходящих из разных провинций? Каждая попытка дальнейшей централизации полномочий по принятию решений в Джакарте в настоящее время может столкнуться с сопротивлением в провинциях. Ввиду этих трудностей, индонезийские положения о защите фольклора, вероятно, пока остаются нереализованными.

Вывод

Австралия и Индонезия - это страны с многонациональным населением. В обеих странах большое внимание уделяется политике центрального правительства в отношении этнических меньшинств. В связи с новым интересом к проявлениям культуры таких этнических меньшинств и технологическим прогрессом, который значительно облегчает копирование, защита таких выражений культуры стала важной проблемой в этом контексте. Здесь две страны выбрали совершенно разные подходы. Индонезия интерпретирует необходимость защиты фольклора в основном как еще один вариант конфликта между Севером и Югом и стремится собрать соответствующее вознаграждение за индонезийское искусство от иностранцев. Фольклор и искусство интерпретируются как часть национальной культуры, и подход является централизованным. В соответствии с действующим законодательством эксперты будут играть решающую роль в определении потенциальных конфликтов интересов между различными индонезийскими сторонами. Однако сам законодательный акт не дает никаких указаний относительно административных деталей, и все еще ожидаются необходимые положения об осуществлении.

В Австралии, с другой стороны, суды уже обсудили некоторые из этих проблем. Хотя федеральный суд недавно отклонил отдельные национальные авторские права, правовой обычай, тем не менее, был введен через справедливые доктрины

для определения границ художественного выражения, когда используются религиозные символы. Для подтверждения этих правил обычаев суды вновь обращаются к экспертам. «Эксперты» ранее были определены в западном смысле как научные эксперты и отличались от членов общины аборигенов. Совсем недавно суды избегали разъяснения статуса свидетелей-аборигенов, но во многих случаях имели значение относительно их показаний. Однако такие показания от членов сообщества должны дополняться экспертными доказательствами, представленными антропологами, историками искусства и т. П. Точно так же экспертные доказательства не будут иметь большого значения, если это не подтвердится показаниями членов сообщества. Суды ищут дополнительные заявления. Из-за различных ограничений, вытекающих из норм доказательного права, такие дополнительные доказательства чаще всего будут достигаться при помощи показаний старейшин сообщества относительно деталей и мнения экспертов относительно общего контекста этих доказательств.

Источники

- Alberts, F., & Anderson, C. (1998). Art: Interpreting reality. In C. Bourke, E. Bourke, & B. Edwards (Eds.), *Aboriginal Australia: An introductory reader in Aboriginal studies* (2nd ed., pp. 245-258). St. Lucia, Australia: University of Queensland Press.
- Berndt, R. M. (1981). Long view-. Some personal comments on land rights. *ALAS Newsletter*, 16, 5-20.
- Berndt, R. M., & Berndt, C. H. (1996). *The world of the first Australians Aboriginal traditional Life: Past and present*. Canberra, Australia: Aboriginal Studies Press.
- Berndt, R. M., & Bemdt, C. H. (with Stanton, J. E.). (1998). *Aboriginal Australian art*. Sydney, Australia: New Holland.
- Blainey, G. (1983). *Triumph of the nomads*. Sydney, Australia: Sun.
- Blakeney, M. (1995). Protecting expressions of Australian Aboriginal folklore under copyright law. *European Intellectual Property Reviews* 9, 442-445.
- Bohannan, P (1957). *Justice and judgment among the Tiv of Nigeria*. London, UK: Oxford University Press.
- Bohannan, P. (1969). Ethnography and comparison in legal anthropology. In L. Nader (Ed.), *Law in culture and society* (pp. 401-418). Berkeley, CA: University of California Press.
- Bourke, C. (1998). Economics: Independence or welfare. In C. Bourke, E. Bourke, & B. Edwards (Eds.), *Aboriginal Australia: An introductory reader in Aboriginal studies* (2nd ed., pp. 219-244). St. Lucia, Australia: University of Queensland Press.
- Bourke, C., & Cox, H. (1998). Two laws: One land. In C. Bourke, E. Bourke, & B. Edwards (Eds.), *Aboriginal Australia: An introductory reader in Aboriginal studies* (2nd ed., pp. 56-76). St. Lucia, Australia: University of Queensland Press.
- Caruana, W. (1993). *Aboriginal art*. London, UK: Thames and Hudson.
- Castles, A. (1982). *A. Australian legal history* Sydney, Australia: The Law Book Company.
- Chanock, M. (1996). Introduction. In M. Chanock & C. Simpson (Eds.), *Law and cultural heritage [Special issue]*. *Law in Context*, 14(2), I-X.
- Chesterman, S. (1998). Skeletal legal principles: The concept of law in Australian land rights jurisprudence. *Journal of Legal Pluralism*, 40, 61-88.

- Davies, T. (1996). Aboriginal cultural property? In M. Chanock & C. Simpson (Eds.), *Law and cultural heritage* [Special issue]. *Law in Context*, 14(2), 1-28.
- Dreier, T., & Karnell, G. (1991). Originality of the copyrighted work. In *Association Littéraire et Artistique Internationale* (Ed.), *Congrès de la Mer Egh II* (pp. 153-166). Paris: Association Littéraire et Artistique Internationale.
- Edwards, B. (1998). Living the dreaming. In C. Bourke, E. Bourke, & B. Edwards (Eds.), *Aboriginal Australia: An introductory reader in Aboriginal studies* (2nd ed., pp. 77-99). St. Lucia, Australia: University of Queensland Press.
- Ellinson, D. A. (1994). Unauthorised reproduction of traditional Aboriginal art. *UNSW Law Journal*, 17(2), 327-344.
- Evans, M. (1996). *Outline of equity and trusts* (3rd ed.). Sydney, Australia: Butterworths.
- German snub to Aboriginal work. (1998, October 9). *The Australian*, p. 19.
- Gray, S. (1996). Squatting in red dust: Non-Aboriginal law's construction of the "traditional" Aboriginal artist. In M. Chanock & C. Simpson (Eds.), *Law and cultural heritage* [Special issue]. *Law in Context*, 14(2), 29-43.
- Harris, M. (1996). The narrative of law in the Hindmarsh Island royal commission. In M. Chanock & C. Simpson (Eds.), *Law and cultural heritage* [Special issue]. *Law in Context*, 14(2), 115-139.
- Heydon, J. D. (1996). *Cross on evidence* (5th Australian ed.). Sydney, Australia: Butterworths.
- Isaacs, J. (1984). *Australia! living heritage: Arts of the dreaming*. Sydney, Australia: Lansdowne.
- Janke, T. (1997). *Our culture, our future: Proposals for the recognition and protection of indigenous cultural and intellectual property* Sydney, Australia: Australian Institute of Aboriginal and Torres Strait Islander Studies.
- Janke, T. (1998). *Our culture, our future: Report on Australian indigenous cultural and intellectual property rights*. Sydney, Australia: Michael Frankel & Company.
- Keon-Cohen, B. A. (1993). Some problems of proof: The admissibility of traditional evidence. In M. A. Stephenson & S. Ramapala (Eds.), *Mabo: A judicial revolution* (pp. 185-202). St. Lucia, Australia: University of Queensland Press.
- Koentjaraningrat. (1985). *Javanese culture*. Singapore: Oxford University Press.
- Law Reform Commission. (1986). *The recognition of Aboriginal customary laws* (Report No. 31, Vol. 1). Canberra, Australia: Australian Government Publishing Service.
- McKeough, J., & Stewart, A. (1997). *Intellectual property in Australia* (2nd ed.). Sydney, Australia: Butterworths.
- Meagher, R. P., Gummow, W. M. C., & Lehane, J. R. F. (1992). *Equity: Doctrines and remedies*. Sydney, Australia: Butterworths.
- Neale, G. (1989). *Aboriginal land rights law in the Northern Territory* (Vol. 1). Chippendale, NSW, Australia: Alternative Publishing Co-operative Ltd.
- Parkinson, P. (1994). *Tradition and change in Australian law*. Sydney, Australia: Law Book Company.
- Parkinson, P. (Ed.). (1996). *The principles of equity* Sydney, Australia: LBC Information Services.
- Puri, K. (1993). Copyright protection for Australian Aborigines in the light of Mabo. In M. A. Stephenson & S. Ratnapala (Eds.), *Mabo: A judicial revolution* (pp. 132-164). St. Lucia, Australia: University of Queensland Press.

- Puri, K. (1995). Cultural ownership and intellectual property rights post-Mabo: Putting ideas into action. *Intellectual Property Journal* 9, 293-347.
- Ricketson, S. (1991). The concept of originality in Anglo-Australian law. In *Association LittEraire et Artistique Internationale (Ed.), Congr2s de la Mer Egie 11* (pp. 183-201). Paris: Association LittEraire et Artistique Internationale
- Rosidi, A. (1984). *Undang-Undang Hak Cipta 1982: Pandangan SeorangAwam*. Jakarta, Indonesia: Penerbit Djambatan.
- Sherman, B. (1994). From the non-original to the Ab-original. In B. Sherman & A. Strowel (Eds.), *Of authors and origins: Essays on copyright law* (pp.11130). Oxford, UK: Clarendon Press.
- Simorangkir, J. C. T. (1982). *Undang-Undang Hak Cipta 1982 (UHC 1982)*. Jakarta, Indonesia: Penerbit Djambatan.
- Stanner, W. E. H. (1965). Religion, totemism and symbolism. In R. M. Berndt & C. H. Berndt (Eds.), *Aboriginal man in Australia: Essays in honour of Professor A. P. Elkin*. Sydney, Australia: Angus and Robertson.
- Swain, T. (1993). *A place for strangers: Towards a history of Australian Aboriginal being*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Wambugu Githaiga, J. (1998) 'Intellectual property law and the protection of indigenous folklore and knowledge. *E Law-Murdoch University Electronic Journal of Law*, 5(2) [Online serial].
- Weiner, J. G. (1987). Protection of folklore: A political and legal challenge. *International Review of Industrial Property and Copyright Lain* 18(1), 56-92.

Цитаты из следующих судебных кейсов:

- Clark v. Ryan, 103 CLR 486 (1960).
- Gordon v. R, 41 ALR 64 (1982).
- John Bulun Bulun O'Anor v. R. dT. Textiles Pty Ltd., 1082 FCA (1998).
- Mabo and Others v. Queensland (No. 2), 175 CLR I F.C. 92/104'(1992)'.
Milirrpum v. Nabalco A)s Ltd, 17 FLR 141 (1971).
- Milpurrurru &Ors v. Indofurn Pty Ltd &Ors, AIPC 91-116 (1995).
- Napaluma v. Baker, 29 SASR 192 (1982).
- R. u Sparrows 70 DLR (4th) 385 (1990).
- Yumbululv. Reserve Bank ofAunra/a, 21 IPR 481 (1991).

Глава 6

Гуманный эксперт: кризис современности Медицина во время Веймарской республики

Майкл Хау

*Школа исторических исследований, Университет Монаш, Мельбурн, Австралия
майкл. hau@arts.monash.edu.au*

Современные эксперты основывают свою профессиональную компетентность и авторитет на специализированных, технических знаниях, приобретенных в ходе долгой и жесткой теоретической и практической подготовки. Специализированная подготовка и знания не только являются предварительным условием для доступа к современным профессиям, но также имеют решающее значение для легитимации профессий. Личные или человеческие характеристики обычно не считаются важными аспектами современного опыта; действительно, кажется, что сама концепция современного знания основана на понятии стандартизации профессиональных услуг, которые, по крайней мере теоретически, могут предоставляться любым человеком, который овладевает знаниями и навыками, необходимыми для получения доступа к профессии.

Этот безличный портрет современного эксперта, как правило, не является достаточным. Поучительным делом в этом отношении является реакция немецких традиционных врачей (Schulmediziner) на те вызовы, что связаны с их профессиональным авторитетом во время Веймарской республики. Легитимность в глазах профессиональной группы сверстников и в глазах публики может отличаться. Хотя доступ к современным профессиям действительно может основываться исключительно на овладении специализированными навыками и знаниями, легитимность профессионалов в глазах непринужденной общественности также может основываться на личных характеристиках и репутации отдельных профессионалов, которые превосходят способность овладения профессиональными навыками в узком смысле.

В годы Веймара врачи видели, что их профессиональной автономии угрожают по нескольким причинам. Рынок медицинских услуг был насыщен из-за растущего числа врачей, прошедших подготовку в университете. Число зарегистрированных врачей в Германии выросло с 34 000 в 1913 году до примерно 52 500 в 1932 году, а растущее число студентов-медиков с середины 1920-х годов усилило опасения врачей по поводу избытка докторов и снижения доходов (Kater, 1986, pp. 49-58; Wolff, 1997, pp. 124-130). Такой кризис не был уникален для медицинской профессии; другие специалисты, будь то юристы, преподаватели или инженеры,

также сталкивались с аналогичными перспективами, которые наряду с травматическим опытом инфляции в 1923 году создали мрачное настроение среди немецких образованных средних классов (Qarausch, 1989; Weisbrod, 1996). Врачи затем обвиняли растущую силу системы медицинского страхования здоровья в распределении ресурсов в ограничении их профессиональной автономии на ограниченном рынке медицинских услуг (Hubenstorf, 1993).

В глазах современных врачей также растет число альтернативных практиков, что еще больше усугубляет их экономическое состояние. Это привело к поиску души среди членов медицинской профессии. В то время как современная медицина повышала техническую компетентность врачей, некоторые из них признали, что современная медицина также оттолкнула их от своих пациентов. Практика медицины, как они утверждали, не могла быть сведена к овладению научными знаниями. Врач - был больше, чем просто технические навыки. Чтобы обрести уважение и доверие своих пациентов, современные медики также должны обладать сильными личными характеристиками. Они должны были стать эмпатическими экспертами и выдающимися целителями, которые пытались понять своих пациентов как индивидуальное человеческое существо. Делая такие заявления врачи Веймара выделяли дискурс движения терапии природных лекарств, который еще до войны оспаривал авторитет традиционной профессии.

В этой главе я впервые изложил отношение врачей Веймара к альтернативным врачам. Будучи обеспокоенными легитимностью и репутацией своей профессии, врачи рассматривали пропаганду сторонников альтернативных медицинских практик как серьезную проблему. Затем я обращаюсь к ответам врачей на эту ситуацию и призыву к новой форме экспертизы, которая возобновляет легитимность ортодоксальной (традиционной) медицинской профессии среди простых людей. В заключительном разделе рассказывается, как представители альтернативной медицины оценили новую риторику традиционных врачей, заявляющих о важности эмпатии и личного понимания как неотъемлемых аспектов современной медицинской практики.

Современная медицинская практика и проблема альтернативной медицины

В начале 1920-х годов врач Карл Людвиг Шлейх обратился к прошлому относительно быстрого развития современной медицины во время его долгой и успешной карьеры. Как и многие его коллеги в 1920-х годах, он был особенно обеспокоен последствиями современной медицинской практики, основанной на лабораторных и технологических инновациях:

Общий эскулап (т.е. врач из древнеримской мифологии) из лаборатории заменяет врача -паломника, перемещающегося по стране из дома в дом. Фабрика медленно заменяет аптеку и знание Эрлиха, Вассермана, и может свергнуть весь беспорядок персональной диагностики. Анализы крови просвещают нас как рентгеновские лучи; пробирки и микроскопы делают диагнозы удаленно от пациента. (...) Наука

движется в этом направлении с большим импульсом; Эрлих был командующим армией, и Вассерман станет великим лидером кампании. Однако у врача, который может стать подозрительным из-за призрака безличной медицины, есть одна вещь в его опытной, гуманной, утешительной руке, которая не может лишиться его ни лаборатория, ни химическая реакция, ни теория токсинов: Это душа сострадания. Чем больше лекарств становится общими и универсальными, тем больше врач должен стать этичным, культурным и высоко моральным. Чем больше наука стремится к обобщению методов лечения, монополии и специализации, тем больше [врача] вписывают в его спокойную комнату, где исповедь, утешение и посредничество между душами освобождают их утешение. (Schleich, 1948, p. 308f.)

Шлейх пытался убедить себя и своих коллег в том, что современные медицинские технологии не изменят основ медицинской практики, подрывая доверие между врачами и их пациентами. Такие страхи усугублялись во время «кризиса медицины» в 1920-х годах, когда врачи и их пациенты потеряли уверенность в потенциале современной лабораторной медицины (Bothe, 1991, pp. 16-37, Klasen, 1984). Для немецких врачей «кризис медицины» был, в частности, кризисом легитимности по отношению к их пациентам и простым людям в целом. Врачи приписывали этот кризис росту альтернативных оздоравливающих движений, особенно распространению новых медицинских сект и успеху новых чудодействующих лекарей в 1920-е годы, поэтому они искали новые средства для установления своего культурного и научного авторитета в качестве терапевтических экспертов.

В лекциях, статьях, книгах и выставках, направленных на популярную аудиторию, врачи признали, что аналитическая и редуционистская методология научной медицины часто игнорировали пациентов как людей. Современная медицина дистанцировала врачей от своих пациентов, и, чтобы преодолеть это расстояние, врач должен был стать эмпатическим целителем, гуманным экспертом. Помимо медицинской экспертизы, врачи должны были развивать квалификацию, которая превосходила их опыт в качестве экспертов, обучающихся в естественных науках. По словам пропагандистов идеала гуманного специалиста, врачи, столкнувшиеся с отчуждающими перспективами современной медицины, должны были стать выдающимися личностями-целителями, чтобы завоевать доверие простых людей и своих пациентов. Историки, которые изучали профессионализм немецких врачей, утверждали, что экспертный авторитет современных немецких врачей основывался на специализированных знаниях, которые были доступны только на основе длительного, дорогого и теоретически основанного образования. Теоретические знания современных врачей стали основой их опыта, которая не зависела от их личного характера или репутации и не подвержена их влиянию (Huerkamp, 1990; Lachmund & Stollberg, 1995, стр. 208f, McClelland, 1997).

Однако в 1920-е годы немецкие врачи утверждали, что специализированная подготовка в области естественных наук является необходимой, но недостаточной

основой для терапевтической практики современного врача. Некоторые утверждали, что врач должен был нечто большим, чем просто ученым или техником, который обслуживал тела своих пациентов. Как видно из словаря Карла Людвиг Шлейха, врачи также должны были выполнять роль священников, которые слушали признания своих пациентов и утешали их. Другие врачи Веймара утверждали, что все дело было в технической компетентности и выдающихся личных качествах, именно они отличали от посредственного врача харизматическую личность-целителя, которому доверяли пациенты. Для некоторых из них такие характеристики неизменно связывались с полом, поскольку они считали, что только мужчины могут развить такую выдающуюся личную харизму (Кречмер, 1929b, стр. 125-128, Лик, 1927, стр. 102).

Поскольку вновь созданный образ врача в качестве гуманного эксперта был частично стратегией ре-легитимизации современной научной медицины, врачи Веймара пытались изменить способы, которыми регулярная медицинская профессия связана с альтернативными движениями здоровья, организации, которые уже завоевали свое членство перед Первой мировой войной. К 1913 году движение терапии природных лекарств выросло до массового движения – их было почти в 150 000 человек. Сторонники терапии природных лекарств отказались от использования «искусственных» лекарств и вместо этого выступали за возобновление самовосстановительных сил человеческого организма посредством здорового образа жизни, гидротерапии и солнечного и воздушного купания. Они осуждали терапию обычной медицины как схематичную и потребовали, чтобы врачи и терапевты придерживающиеся природных лекарств относились к своим пациентам целостно, поскольку у каждого пациента была отличная физическая, духовная и психическая конституция (Huetkamp, 1986; Krabbe, 1974; Regin, 1995, стр. 27ff., стр. 48ff., стр. 102f, Stollberg, 1988).

В 1920-х годах, обычные врачи видели, что их профессиональному авторитету не только угрожает движение терапии природных лекарств, но и возрождение гомеопатии и новых медицинских причуд, таких как «биохимия». Огромная популярность «биохимии» была относительно недолговечным явлением 1920-х годов. Опираясь на теории врача Вильгельма Шиллера, «биохимики» приписывали все болезни несбалансированному питанию в организме из 11 основных питательных минеральных солей. Расцвет таких медицинских увлечений был симптомом фрагментации медицинского рынка веймарских лет, в котором различные медицинские секты конкурировали с терапией природными лекарствами и ортодоксальной медициной (Dorter, 1991; Jutte, 1996; Wuttke-Groneberg, 1982). Чтобы противостоять таким вызовам, преподаватели, получившие высшее образование, все чаще выделяли элементы дискурса альтернативных движений здоровья. Известный хирург Август Бир потребовал, чтобы регулярная медицина стала более открытой для аутсайдеров, таких как гомеопатия. Он выступал за менее интервенционистский подход в хирургии и утверждал, что гомеопатия и терапия природных лекарств являются важными

средствами реактивации сил самовосстановления человеческого организма (Bier, 1926, p. 8ff., P. 30ff.).

Требования, чтобы медики учитывали духовно-физическое единство и индивидуальные конституции своих пациентов при принятии терапевтических предписаний также довольно часто встречались среди видных представителей традиционной медицинской профессии (Bier, 1926, стр. 9, Grote, 1921, pp. 31-34; Krehl, 1929, стр. 33ff). Однако остается неясным, влияет ли риторика на целостные подходы и необходимость учитывать индивидуальность каждого пациента в результате каких-либо существенных изменений в обычной медицинской практике. Также неясно, что такая риторика влечет за собой фактические практики движения терапии природных лекарств и других брендов альтернативной медицины. То, что может быть несоответствие между громкими прокламациями и фактическими практиками, по-видимому, иногда забывается в литературе о движении терапии природных лекарств (Regin, 1995, pp. 447-459).

Хорошим примером стратегии ре-легитимизации ортодоксальной медицинской профессии были деятельность врача Отто Нойштэттер, председателя Общества по борьбе со знахарством (Deutsche Gesellschaft zur Bekämpfung des Kurpfuschertums) с 1913 года. До первой мировой войны Нойштэттер был одним из самых восторженных борцов против пропагандистских и терапевтических практик движения терапии природных лекарств (Neustatter, 1904; Regin, 1995, стр. 443). Однако после войны такие люди, как Нойштэттер, пересмотрели свои конфронтационные стратегии. Они пропагандировали «защиту через образование» вместо лобовых нападений профессиональных организаций врачей на сторонников альтернативной медицины (Bundesarchiv Berlin [BArchB], R 1501, № 9371, стр. 20f). Нойштэттер все больше признавал опасения простых людей о традиционной медицине, и он был готов уступить людям, организованным в ассоциациях терапии природных лекарств, имеющим важную роль в народном образовании здоровья, если они не бросили вызов терапевтической монополии традиционных врачей. Теперь он даже допускал ассоциации терапии природных лекарств государственным комитетам по гигиеническому народному образованию (Landesausschuss für hygienische Volksbelehrung) и Рейхскому комитету по гигиеническому народному образованию (Reichsausschuss für hygienische Volksbelehrung), поскольку он считал, что интеграция этих ассоциаций терапии природных лекарств повысит авторитет и легитимность традиционной медицинской профессии среди простых людей (BArchB, R 1501, № 9370, стр. 253-258, стр. 313-320).

Эти национальные и государственные комитеты были созданы для оказания помощи в восстановлении «здоровья нации» (Volksgesundheit) после проигранной войны. Их цель заключалась в содействии и координации усилий по гигиеническому воспитанию со стороны должностных лиц здравоохранения, учреждений медицинского страхования, организаций врачей и организаций

социального обеспечения. Сам Нойштаттер возглавлял саксонский и национальный комитет. Наиболее заметным действием рейхсауссюзса была Неделя здоровья Рейха (Reichsgesundheitswoche) в 1926 году по просьбе Министерства внутренних дел. Во время этой Национальной недели пропаганды здоровья, лекции медики, гигиенические выставки и образовательные фильмы, а также другие мероприятия с пропагандой гигиены были организованы на местном и государственном уровнях в сотрудничестве с Государственными комитетами по гигиеническому народному образованию и муниципальными и районными врачами (BArchB, R 1501, № 9374, pp. 360-380, BArchB, R 1501, No. 9411, стр. 106f, BArchB, R 1501, No. 9412, стр. 11).

Несмотря на то, что Нойштаттер и его сторонники (среди них Карл Александр, который был автором двух из самых агрессивных нападений в статье на движение терапии природных лекарств два десятилетия назад, Александр, 1899) отличились как крестоносцы против терапевтов природных лекарств, предложение Нойштеттера укротить ассоциации терапии природных лекарств, объединив их, получили смешанную реакцию среди традиционных врачей. В конечном итоге его планы были обречены на провал, потому что Ассоциация профессиональных союзов врачей (Deutscher Arztevereinsbund), профессиональная ассоциация ортодоксальных (традиционных) врачей, отказалась каким-либо образом сотрудничать с ассоциациями терапии природных лекарств. Его представитель, Герцау, успешно сопротивлялся принятию ассоциаций терапии природных лекарств в рейхском и государственном комитетах, поскольку такое сотрудничество позволило бы сторонникам терапии природных лекарств добавить легитимность (BArchB, R 1501, № 9370, стр. 194, стр. 202f; BArchB, R 1501, No. 9371, стр. 26f, pp. 64-69). Тем не менее, планы Нойштеттера были симптомом тенденции в ортодоксальной медицине о соответствии дискурсу альтернативной медицины, признавая недостатки механистических подходов в традиционной медицине.

Гуманный эксперт: преобразование отношение пациент – целитель

Этот «чистый опыт в биологическом смысле», о котором говорил Мартиус, был одной из характеристик гуманного эксперта, «врача как человеческого существа». Медики с реформированным образом мышления, прошедшие подготовку в университете, критиковали подходы классической современной научной медицины, примером которой является современная лабораторная медицина, которая якобы относилась к людям как к машинам. Они утверждали, что врачи должны быть больше, чем механики или техники, которые просто чинили неисправности человеческого тела. Опыт современного врача все еще должен был основываться на технических навыках и научных знаниях. Однако личные качества, не имеющие прямого отношения к специализированным знаниям и практическим навыкам, были центральными для нового типа врача,

представляющего выдающуюся личность целителя, которая могла бы строить личные и индивидуальные отношения со своими пациентами.

Некоторые врачи требовали целостного подхода, который признавал индивидуальность каждого пациента, а также единство физики духовного у пациентов. Например, терапевт и иммунолог Ханс Мух утверждал, что результаты лабораторных исследований и экспериментов на животных не могут стать основой для терапевтических решений. Поскольку каждый пациент был непохожим на другого, и поскольку у каждого пациента была уникальная индивидуальная конституция, необходимо было адаптировать терапию к отдельным пациентам (Much, 1928, стр. 22-55, 1932, стр. 92-104, Wirtz, 1991). В этом, конечно, нет ничего нового. Новым было то, что традиционные врачи Веймарской эры присвоили заявления движения терапии натуральных лекарств, представители которого долгое время говорили о том, что медики прошедшие подготовку в университете, не учитывали индивидуальность пациентов. Мух утверждал, что великий врач должен иметь невероятные личностные характеристики помимо его технической квалификации. Такой врач должен был интуитивно понять всю личность больного человека в его здоровом состоянии. Согласно Муху, это было возможно только с помощью синтеза, который пытался понять всю совокупность органической конституции (*Gesamthabituus*) пациента. Такой синтез был возможен только для наделенного и одаренного «художника-медика» (Much, 1928, стр. 50).

Поскольку врачи Веймара утверждали, что именно гуманность врача сделала его превосходным целителем, они утверждали, что необходимо основать медицину не только по методологии естественных наук. Вместо этого медицина как естественная наука должна была быть дополнена методологией гуманитарных наук. Разумеется, тщательное обучение методам естественные науки считались решающей основой для экспертизы современного врача. Но, интуиция и эмпатия были важны и для врачей. Медицина воспринималась как искусство, и интуитивный взгляд врача должен был синтезировать бесчисленные симптомы и характеристики отдельных пациентов, чтобы уловить конституциональную сущность и индивидуальность каждого отдельного пациента. Такие призывы к интуитивному взгляду врача, подразумевающие аналогию между медициной и искусством, стали одним из признаков конституциональной медицины того времени, хотя их действительность не была бесспорной (Hau, 2000; Kretschmer, 1929a, pp. 2-7, Mathes, 1924-1929, pp. 8-12; Trienes, 1989; Vacha, 1985).

Традиционные медики утверждали уникальные интуитивные способности, которые позволяли им развивать естественное сочувствие к больным и их окружению. При этом они реагировали на проблемы своих пациентов, которые боялись стать пассивными объектами научных экспертов, которые не воспринимали их всерьез как полноправных людей. Врач Эрвин Лик (Kater, 1990), который опубликовал несколько бестселлеров о кризисе медицинской профессии, утверждал, что врачи будущего должны полностью понять больного человека и

установить взаимосвязь доверия с их пациентами. Поэтому врач не мог быть удаленным ученым в университетской лаборатории. По словам Лика, врач, как гуманный целитель, должен был интуитивно понять всего человека. Однако отношения между врачом и пациентами не были симметричными. Лик утверждал, что доверие к врачу должно основываться на вере и доверии к опыту врача, потому что это был опыт, скрытый тайной и секретом, которая внушала доверие к искусству практикующего (Lick (Лик), 1930, pp. 189-205). Совет Лика попытался восстановить доверие к компетенции традиционной медицины. Но обновленная легитимность медицинской профессии больше не должна основываться исключительно на специализированном опыте в естественных науках. Вместо этого его нужно было дополнить личным авторитетом врача и гуманистической методологией, основанной на эмпатии (Lick, 1929, стр. 177-179).

Эти попытки врачей найти новую основу для легитимности современной медицины становятся особенно очевидными, когда мы смотрим на те случаи, когда медики обращаются к массовой аудитории. В 1926 году известный хирург и медицинский профессор Фердинанд Зауэрбрух имел возможность поговорить с большой аудиторией во время проведения GeSoLei в Дюссельдорфе, крупнейшей гигиенической ярмарки в Германии в межвоенные годы с более чем 7 миллионами посетителей. Аббревиатура GeSoLei предназначалась для Gesundheit (здоровье), Sozialrsorge (благосостояние) и Leibesubungen (физические упражнения), а цель этой выставки, как и других крупных гигиенических выставок того периода, состояла в том, чтобы просвещать широкую общественность по вопросам личного и социальной гигиены (Weindling, 1989, стр. 413ff.). Как и Лик, Фердинанд Зауэрбрух пытался проявить симпатию к опасениям пациентов, которые были отчуждены от современной медицины. Зауэрбрух различал «искусство исцеления» и просто естественную науку, и он утверждал, что каждый раз, когда естественные науки достигают высшей точки, страдала медицина как исцеляющее искусство. Он утверждал, что не существует такой науки, как медицинская наука; было только медицинское искусство, и интуиция врача была самым важным инструментом этого искусства.

Врачи, такие как Сауэрбрух, жаловались, что современные врачи не могут провести тщательные клинические обследования, а вместо этого потратили свое время на так называемые научные исследования. Медицина, как утверждает Зауэрбрух, была «очень личным искусством», и исключительные целители основывали бы свое искусство на своих субъективных чувствах и личном опыте. Из-за их гуманности врачи превосходили современные технологии. Сочувствие врачей сделало их «самым большим и точным физическим аппаратом, который существовал»; поэтому интуиция, как улучшенный человеческий инстинкт, была решающей для задачи врача, который должен был воспринимать жизнь субъективно (BArchB, R 86, № 885).

Для Эрвина Лика модель такой выдающейся личности целителя была личность врача Отто фон Бисмарка – по имени Эрнст Швеннингер, который лечил страдающего ожирением и неврастенией канцлера Германии с помощью натуральной природной терапии (Radkau, 1998, стр. 60ff.). Из-за его критики современной научной медицины Швиннингер уже был моделью врача для естественного терапевтического движения во время Империи. Лик, с другой стороны, был впечатлен харизматичным Швеннигром, который добился того, чего раньше никто не мог добиться: заставить Железного Канцлера подчиниться его авторитету. Он процитировал Бисмарка: «Я был тем, кто хорошо относился к моим предыдущим врачам (их было около сотни, среди них лучшие имена), он (Швинингер) - первый, кто хорошо относится ко мне» (Лик, 1933, р 128).

Сауэрбрух и Лик были не единственными врачами, которые подчеркивали эмпатические способности выдающихся врачей. Карл Ясперс, бывший психиатр, который преподавал философию и психологию в Гейдельберге, сделал то же самое в своей работе по общей психопатологии (Ash, 1995, стр. 289). Хотя многие современные врачи, возможно, искренне верили в необходимость дополнения технических знаний эмпатией, такие утверждения также пытались установить альтернативный источник авторитета для современных врачей. Экспертиза врача не должна была основываться исключительно на машине, в данном случае на лаборатории и технологии. Вместо этого экспериментальная непосредственность, эмпатия и человеческий контакт должны были «построить мост от души к душе» (Lick, 1930, стр. 192) между врачом и его пациентами, которые возмущались что они становились пассивными объектами бездушных научных экспертов.

Акцент на человечности врачей, в отличие от врача-техника, также проявляется на крупных выставках гигиены в Дрездене в 1930 и 1931 годах, которые были организованы Немецким музеем гигиены в Дрездене. Ядром этих выставок стала выставка «Человек» (Der Mensch). Цель состояла в том, чтобы просвещать широкую общественность об основных функциях человеческого тела и принципах современной медицины. Мартин Фогель и Родерих фон Энгельгардт, которые редактировали и писали статьи для выставки, утверждали, что врачи должны понимать людей в своей конституционной и физической индивидуальности посредством интуитивного взгляда врача (Vogel, 1930, р. IVF.). Они выразили здесь вариацию современного народного дискурса, отмеченного предпочтением интуиции и экспериментальной непосредственности над экспериментом и разделением на части (Ash, 1991).

Фогель и фон Энгельгардт отвергли механическое мировоззрение, которое рассматривало болезнь как явление функциональных нарушений конкретных органов и патологических изменений в конкретных тканях. Их аргумент напоминал критику Иоганна Вольфганга Гёте о Ньюtone как представителя механистического мировоззрения в его «Теории толстой кишки». Медицина была, по их мнению, более естественной наукой, принадлежащей к гуманитарным наукам, и в качестве

оправдания этой позиции они указали на некоторые из гносеологических принципов, разработанных Гете (Hopfner, 1990). Врачи, как утверждал фон Энгельгардт, могли только понимать явления природы «изнутри» (Vogel, 1930, стр. 2f.). Другими словами, гуманность врача как части живого мира было ключом к их пониманию других живых организмов.

Врачи, как заявляли читатели выставки, должны были быть сочувствующими, им приходилось интуитивно осознать упорядоченную и целенаправленную организацию организма в своем значении (Sinnzusammenhang). Это нельзя сделать с помощью режущего ножа или микроскопа. Классическое механистическое естествознание считалось необходимым, но не позволяло выявить самые важные аспекты истины. Изучая физиологию или анатомию частей человеческого тела, нужно было понять тело в целом и видеть отдельные органы в их зависимости от целого (Vogel, 1930, pp. 3-7, pp. 256-259). Это был не эпистемологический принцип точной науки, а скорее художественный, интуитивный подход к пониманию природы, основанный на предположении эпистемологического превосходства совершенствования (Bildung) как привилегированного средства для раскрытия секретов природы посредством интуиции.

Разочарование врачей Веймара относительно принципов классической, механистической науки и медицины поражает. Это разочарование нельзя объяснить исключительно стремлением врачей набирать обороты на медицинском рынке, присваивая заявления о целостности движения натуральной терапии. Речь относительно гуманного врача, который серьезно относился к своим пациентам по их индивидуальности, не всегда была циничной профессиональной стратегией. Некоторые из их сомнений по диагностическим и терапевтическим возможностям медицинской науки, основанные исключительно на естественных науках, были подлинными.

Но многие врачи Веймара приписывали популярность альтернативных движений здоровья проблеме современной медицины, которая, по-видимому, все больше полагалась на технологии и лабораторию. Они были очень обеспокоены общественным имиджем современной медицины, который, казалось, увеличивал эмоциональную дистанцию между врачами и их пациентами. В популярной прессе это эмоциональное расстояние иногда представлялось географическим расстоянием. Примером может служить иллюстрированная статья в *Berliner Illustrierte Zeitung* о будущем современной медицины. В этой статье утверждается, что современные технологии позволят врачу контролировать здоровье своих пациентов, даже если пациенты находятся на другом континенте, поскольку диагностические признаки, такие как сердечный ритм или кровяное давление, будут передаваться электронным путем врачу в его офис. Там они будут контролироваться машинами, и, основываясь на результатах, врач затем даст свои терапевтические рецепты. (Kahn, 1925). Согласно таким видениям современности, врач был техником, служителем медицинской технологии будущего (см. Рис. 1).

Рисунок 1. Врач будущего, контролирующей сердечный ритм, артериальное давление, дыхание и температуру тела пациентов на расстоянии.

Однако было бы ошибкой не признавать двусмысленность таких утопических видений. В 1920-х годах такие видения технологической осуществимости также несли большие перспективы для современников. Особенно после первого послевоенного кризиса и гиперинфляции в 1923 году среди общественности растет оптимизм в отношении того, что Германия окончательно преодолела невзгоды военных лет и что наука и современные технологии обещают восстановление разрушенной нации. GeSoLei как великая гигиеническая выставка 1920-х годов была задумана в таком технократическом духе. По словам его организаторов, GeSoLei должна была продемонстрировать, как здоровье нации и ее производительность могут быть повышены за счет улучшения здоровья людей. В этом отношении GeSoLei отразила озабоченность экономической эффективностью, рационализацией и идеями Фредерика В. Тейлора о научном управлении в

публичных дебатах о немецкой экономике, аспекте так называемого американизма веймарских лет, который стремился к технократическим решениям для социальных, а также экономических проблем.

В годы стабилизации периода Веймара воображение было увлечено утопическими обещаниями, объявленными достижениями американской цивилизации, и именно в этом контексте необходимо понимать видения медиков как служащих медицинской техники (Нолан, 1994; Пьюкерт, 1993, с. 178184). Однако современники воспринимали рационализацию и механизацию несколько неоднозначно: это было обещание прогресса, а также отчуждения. Такое двойственное отношение к технологиям было, например, отражено в дискуссиях современных инженеров, которые почувствовали необходимость подчеркнуть духовные аспекты технологии для противодействия обвинениям, которые современные технологии приведут к отчуждающему, бездушному миру (Hard, 1998, pp. 40). -45). Журналист Адольф Фалльфельд осудил бесчеловечные аспекты того, что он осудил как американизм. Он увидел «будущее общество, в котором карточные файлы, измерения, анализы душ и тесты мозга принимают на себя роль судьбы для стандартного человека без права заключать их в камеру огромного социального механизма» (Halfeld, 1928, p. 155).

Лик не удивительно оказался среди тех, кто отвергал утопические представления о современной технологической медицине, потому что они отчуждали пациентов от своих целителей:

Будущий врач журналов? Человек в большом машинном доме, который ставит диагноз, не видя своих пациентов, которому достаточны результаты, переданные по проводам и который лечит пациента, не видя его? Нет, наш идеальный врач выглядит по-другому: врач должен быть человеком, который сочетает знание с добротой и будет с понимающим терпением. (Лик, 1931, стр. 30)

По словам Лика, идеальный врач должен был быть не только ученым, техником, физиком и химиком, но и должен был быть философом, священником и знатоком человеческой природы. Приписывая эту речь терапевтам натуральных лекарств, Лик выступал за мягкую реактивацию естественных лечебных сил организма. Идеальный врач, по его мнению, не только хорошо подготовился к наукам и новейшим медицинским технологиям, но и должен был стать педагогом и лидером измученных и уставших душ (Лик, 1931, стр. 30).

Эмпатический врач должен был узнать, как преодолеть расстояние между пациентом и целителем, установив личную связь без ущерба для авторитета и опыта врача. Действительно, по мнению некоторых врачей Веймара, именно эмоциональная дистанция подрывала экспертную власть врача, и такая власть могла быть восстановлена только в том случае, если врач стал бы гуманным экспертом и эмпатическим целителем.

Берлинский врач Альфред Голдшайдер требовал в самом престижном немецком медицинском журнале *Deutsche Medizinische Wochenschrift*, что врачи должны были учитывать субъективный опыт своих страдающих пациентов, вместо того, чтобы отбросить эти субъективные переживания как несущественные. Он утверждал, что существует разрыв между наукой и субъективным опытом болезни, и что этот пробел в опыте был использован «шарлатанами», которые, в отличие от традиционных врачей, пытались связать с личным опытом больного. Для больных, согласно Goldscheider, их непосредственным опытом и восприятием их заболевания была болезнь. Таким образом, пациенты формируют «автопластическое изображение болезни» (автопластическое изображение *Krankheitsbild*), как назвал его Goldscheider, который был частично основан на субъективном опыте пациента в отношении боли, тошноты, эмоций, слабости, вялости (*Unlustgefrihk*) и т.д. Кроме того, мысли, которые были у пациента о его собственной болезни, наряду с тем, что они читали или слышали от других людей, или от врачей или «шарлатанов», определяли бы субъективное восприятие пациентом своих болезней.

Авто-пластический образ болезни был полон ошибок и не имел ничего общего с объективной реальностью. Для Голдшайдера логическая несогласованность этих восприятий иногда была действительно потрясающей. Тем не менее, они должны были серьезно относиться к врачам, потому что на автопластический опыт легко влияли и манипулировали им альтернативные практики, которые могли относиться только к субъективному опыту пациента. Медицинские сектанты отмечали бы свои величайшие триумфы, рассматривая весь комплекс субъективного образа болезни (*Krankheits-vorstellungskomplex*) без лечения основной сущности болезни. Это было опасно для пациентов, потому что очень часто возможности своевременного лечения были упущены. За такое положение дел научная медицина должна была взять вину, потому что автопластическое изображение болезни не принималось во внимание при обучении врачей, и были упущены талант и мастерство эмпатических качеств отдельных практикующих, которые позволило бы правильно относиться врачу к его пациентам (Goldscheider, 1927, п. 289ff.). Медицинские историки неоднократно обращали внимание на расходящиеся направления научной медицины и обычных людей. Они обычно рассматривали развитие этих отдельных дискурсов как источник экспертного авторитета современного врача, тем более что медицинские технологии (стетоскоп, лаборатория, рентген) открыли новое дискурсивное поле для традиционных практиков. Это дало врачам привилегированный доступ к скрытым диагностическим признакам, из-за которых обычные люди затруднялись интерпретировать врачей (Lachmund, 1997, стр. 235f., Pp. 247-260; Lachmund & Stollberg, 1995, p. 208f., Pp. 217-223; Reiser, 1977).

Однако, по мнению врачей Веймара, расхождение легких и профессиональных дискурсов создало расстояние между пациентами и врачами, которые подрывают общественное доверие к научной медицине. Поэтому, по мнению Голдшайдера, было неправильно полагаться исключительно на современные технологии, на

лабораторию и на рентген. Они не могли заменить тщательный личный осмотр пациентов, не говоря уже о замене утешительной поддержки пациентов врачом (Goldscheider, 1927, стр. 331). По словам Лика, врач должен был быть другом и советником пациента (Лик, 1932, стр. 112), и это общение стало основой для возобновления доверия пациентов к врачам. В этом отношении тщательное изучение пациента и вербальная поддержка принимали какое-то ритуальное значение. Это было не так важно, что сказал врач, или что нужно было провести тщательный осмотр со строгой медицинской точки зрения. Тот факт, что врач не торопился, слушал и не спешил при обследовании и лечении своих пациентов, должен был передать чувство заботы и сочувствия. По мнению Голдшайдера и Лика, пациенты не желали ничего больше, чем патерналистские указания.

В отличие от врачей, участвующих в выставках гигиены, Лик и Голдшайдер скептически относились к преимуществам популярного гигиенического образования. Они думали, что это будет поощрять «опасное полужнание» (*gefährliches Halbwissen*), которое может бросить вызов авторитету медиков, кроме поощрения ипохондриков. Чем более загадочна работа врача, тем больше их авторитет, если они могут передать свои эмпатию. По мнению Голдшайдера и Лика, необходимо, чтобы расстояние между врачами и простыми людьми, их расходящиеся языки и интерпретации болезней оставались нетронутыми в качестве источника экспертного авторитета врача, но оно было бы дополнено гуманными качествами врача как источника эмпатии (Goldscheider, 1927, стр. 332f., стр. 377, Lick, 1932, стр. 124ff., 1933, стр. 174).

Лик пошел еще дальше. По его мнению, врач должен был стать священником с магической аурой. Поскольку внушение играло важную роль в процессе лечения, врач поставил бы под угрозу его эффективность, если бы делился своими секретами со своими пациентами. Это то, чему традиционные врачи могли бы научиться у альтернативных практиков, которые завоевали доверие своих пациентов, окутав свой опыт пеленой тайны (Lick, 1930, стр. 202). Для Лика, эффективность врача заключалась в его харизме, поддерживаемой мифической верой его пациентов в привилегированный доступ врача к знанию. Популярное гигиеническое образование, как правило, подрывало такие наивные, но полезные, верования в силу и непогрешимость врача и лишало практикующего врача его эффективности.

Альтернативный ответ

Остается открытым вопрос о том, была ли простая публика поражена новой речью представителей традиционной медицинской профессии и ее акцентом на выдающуюся, эмпатическую целительницу: гуманный эксперт, который относился хорошо к своим пациентам, учитывая их индивидуальность и не просто лечит болезни, а человека как целое. Реакция на презентацию Сауербруха в GeSoLei, которую я привел выше, дает нам некоторые ответы. Наблюдатель Управления здравоохранения Рейха в GeSoLei, который следовал за презентацией Сауербруха, несколько лаконично сообщил начальству: «Совершенно очевидно, что

презентация, кульминацией которой стали красивые слова «Быть врачом, значит быть слугой для человека», (*Arzt sein ist Dienst am Menschen*) вызвали огромные аплодисменты». (*BArchB*, R 86, № 885).

Среди сторонников альтернативных движений здоровья обещанная переориентация современной научной медицины также получила положительную оценку. Автор в ведущем гомеопатическом журнале «*Leipziger Populdré Zeitschrift für Homo opathie*» похвалил критику Лика практики традиционной медицинской профессии (Schmid, 1989, стр. 116). В случае движения природно-лекарственной терапии положительное принятие было смешано с опасениями. Лидеры движения природно-лекарственной терапии приветствовали новую реформу и гуманизацию традиционной медицинской профессии. Врачи, такие как Bier, Liek, Sauerbruch и Much, были приведены в качестве примера обнадеживающего нового направления в научной медицине, тем более что эти врачи пытались интегрировать естественные методы лечения в свой терапевтический арсенал (Kapferer, 1927, Mummert, 1927). Но в то же время сторонники природно-лекарственной терапии были обеспокоены тем, что риторика в отношении реформированной медицины подрывает поддержку движения естественной терапии среди простых людей. В Натурарцте, официальном органе Национальной лиги ассоциаций Натуральных живых и терапевтических исследований (*Deutscher Bund der Vereine für naturgemäße Lebens- und Heilweise*), Пол Ширмархер надеялся, что новый акцент в популярном гигиеническом образовании в научной медицине не был разработан для того, чтобы «убрать ветер из парусов движения природно-лекарственной терапии» (Schirmacher, 1926, стр. 89).

В течение 1920-х годов среди движения терапии природных лекарств были голоса, в которых выражались опасения, что эта терапия потеряет свои отличия на медицинском рынке, поскольку традиционные врачи все больше интегрировали естественные методы лечения в свой собственный терапевтический арсенал. В 1929 году врач-природных лекарств Эрвин Силбер утверждал, что введение терапии природных лекарств в традиционную медицинскую профессию было поверхностным уступком со стороны медицинской организации, чтобы ввести в заблуждение общественность. Традиционная медицина пыталась исказить терапию природных лекарств как достижение традиционной медицинской профессии и никогда не упоминала о важном вкладе, которое альтернативное движение здоровья внесла в развитие таких методов лечения. На самом деле, как утверждает Зильбер, традиционная медицинская практика мало изменилась. Все еще было подавляющее внимание к химическим лекарствам и операциям, и движение терапии природных лекарств все еще было важной миссией в борьбе с материалистически-механистическим духом современной медицины (Silber, 1929).

Защитники терапии натуральными лекарствами, таким образом, ясно видели опасность. Натуральная терапия могла потерять свою отличительность на медицинском рынке веймарской эпохи из-за традиционной медицины. Поэтому в

1921 году 12-е Федеральное собрание Немецкой лиги натуральной жизни и ассоциации терапий приняло резолюцию, которая обращалась к общественности относительно фундаментальных различий между терапиями, то есть между натуральной терапией и натуральной терапией, предлагаемой традиционной медициной. Согласно этой резолюции, вторая была доктриной компромисса о разбавлении великого наследия натуральной терапии традиционной терапией и раздаче медикаментов. Кроме того, традиционные врачи были неопытны в активизации естественных лечебных сил организма, заявленных сильной стороной опытных натуропатических (подразумевающих эмпатических) врачей (Anonymous, 1921).

Гуманный эксперт, выдающийся целитель, который учитывал индивидуальность своих пациентов, было одним из давних требований немецких реформ в области здравоохранения. Это проявляется не только в речи сторонников натуральной терапии, но и в их пропагандистских заявлениях человеческого экспериментирования в научной медицине. Однако, когда традиционные врачи предъявляли такие требования, подозревали в том что они пытались дать дискредитированной медицинской науке новую легитимность.

Вывод

В Веймарской Республике традиционные врачи пытались разработать дискурсивные стратегии для решения кризиса легитимности современной научной медицины. Длительное университетское обучение врачей в области наук, а также современные технологические видения современных медицинских практик обеспечили важные символические ресурсы для врачей, которые хотели убедить мировую общественность в своей компетентности как современных специалистов. Однако такие современные образы медицинской практики были обоюдоострым мечом, потому что они также подразумевали эмоциональное дистанцирование между практикующими и пациентами, которые ни пациенты, ни медики не считали привлекательными. С точки зрения некоторых современных врачей решение этой дилеммы было новой формой экспертизы, которая сочетала безличный авторитет современного специалиста с полномочиями выдающейся личности целителя. Это была попытка построить новую форму экспертизы, чтобы справиться с противоречиями современного общества: с одной стороны, образы научной и технической компетентности создают утопические надежды на техническую осуществимость, с другой стороны, эти же образы вызывают опасения отчужденного и безличного общества.

Признание

Благодарность Йенсу Лакмунду за его критические замечания и предложения.

Источники

- Bundesarchiv Berlin (BArchB)
 R 86, No. 885; R 1501, No. 9370, No. 9371, No. 9374, No.9411, No. 9412.
- Alexander, C. (1899). Walla and fal the Heilkunde. Ein Wort der Aufk/drung uber den Wert do wis- senschafilichen Medizin gegenuber der Gemeingefdhrlichkeit der Kurpfuscherei. Berlin: Reimer.
- Anonymous. (1921). Zwdfifte Bundesversammlung des Deutschen Bundes. Naturarzt, 49, 105109.
- Ash, M. G. (1995). Gestalt psychology in German culture, 1890-1967 Holism and the quest for objectivity Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Ash, M. G. (1991). Gestalt psychology in Weimar culture. History of the Human Sciences, 9, 395415.
- Bier, A. (1926). Wie sollen wir uru zur Hombopathie stellen? (10th ed.). Munich, Germany: Lehmann.
- Bothe, D• (1991). Neue Deutsche Heilkunde 1933-1945. Husum, Germany: Matthiesen (Abhand- lungen zur Geschichte der Medizin and der Naturwissenschaften, No. 62).
- .....o----- --- ----- --- --- --- - - - - - Dorter, M. (1991). Die Naturheilmovement in Deutschland zur Zeit der Weimarer Republik. Unpublished doctoral dissertation, Leipzig, Germany.
- Goldscheider, A. (1927). Das Wesen des Kurpfuschertums and der 3rztlichen Wissenschaft. Deutsche Medizinische Wochenschrift, 53, 289f., 331 ff., and 376f.
- Grote, L. R. (1921). Grundlagen drztlicher Betrachtung. Einfhhung in begriche and konstitutions- pathologische Fragen der Klinik filr Studierende and Arzre. Berlin: Springer.
- Halfeld, A.(1928). Amerika and derAmerikanismus. Kritische Betrachtungen eines Deutschen and Europders (2nd ed.). Jena, Germany: Eugen Diederichs.
- Hard, M. (1998). German regulation: The integration of modern technology into national culture. In M. Hard (Ed.), The intellectual appropriation of technology: Discourses on modernity 1900-1939 (pp. 33-67). Cambridge, MA: MIT Press.
- Hau, M. (2000) " The holistic gaze in-German medicine, 1890-1930. Bulletin of the History of Medicine, 74, 495-524.
- Hopfner,t nenrchaf wider die Zeit. Goethes Farbrn/ehre our rezeptionrgeschichtlicher Sicht. Heidelberg, Germany: Winter.
- Hubenscorf, M. (1993). Von der "freien Arztwahl" zur Reichsarzteordnung. Arztliche Standespoli- tik zwischen Liberalismus and Nationalsozialismus. In J. Bicker & N. Jachertz (Eds.), Medizin im Drirren Reich"(2nd ed., pp. 43-53). Cologne, Germany: Dc. Arzte- Verlag.
- Huerkamp, C. (1986). Medizinische Lebensreform im spatn 19. Jahrhundert. Die Naturheilkunde als Protest gegen die naturwissenschaftliche Universititsmedizin. Vierieljah- reschrift fitr Sozial- and Wirtschaft sgeschichte, 73, 158-182.
- Huerkamp, C. (1990). The making of the modern medical profession, 18001914: Prussian doctors in the nineteenth century. In G. Cocks & K. Jarausch (Eds.), German professions, 18001950 (pp. 66-84). New York. Oxford University Press.
- Jarausch, K. H. (1989). Die Krise des deutschen Bildungsburgertums im ersten Drittel des zwanzigsten Jahrhunderts. In J. Kocka (Ed.), Bildungsbargertum im 19. Jahrhundert. Teil N. Politischer Einfluss and geselltchaftliche Formation (pp. 180-205). Stuttgart, Germany: Klett- Corta.
- Jotte, R. (1996). Geschichte der alternativen Medizin. Von der Volksmedizin zu den unkonventio- nel/en Therapien von heute. Munich, Germany: C. H. Becks.

- Kahn, F. (1925). Der Arzt der Zukunft. *Berliner Illustrierte Zeitung*, 35, 733736.
- Kapferer, Dr. med. (1927). Fine Wandlung in der Medizin. *Naturarzt*, 55, 164165.
- Kater, M. (1986). Physicians in crisis at the end of the Weimar Republic. In P. Stachura (Ed.), *Unemployment and the great depression in Weimar Germany* (pp. 49-77). London: St. Martin's Press.
- Kater, M. (1990). Die Medizin im nationalsozialistischen Deutschland and Erwin Lick. *Geschichte and Gesellrchaft*, 16, 440-463.
- Klasen, E.-M. (1984). Die Diskttssion ilber tine Krire der Medizin in Deutschland zwischen 1925 and 1935. Unpublished doctoral dissertation, Mainz, Germany.
- Krabbe, W. R. (1974). *Gesellschaftsveränderung Durch Lebensreform. Strukturmerkmale einer sozial- reformerischen Bewegung im Deutschland der Ind uerialisierungsperiode*. Göttingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Krehl, L. von. (1929). *Krankheitsforn and Persönlichkeit*. Leipzig, Germany: Thieme.
- Kretschmer, E. (1929a). *Kdrperbau and Chamkter. Untersuchungen zum Konstitutionsproblem and zur Lehre von den Temperamenten* (7th and 8th ed.). Berlin: Julius Springer.
- Kretschmer, E. (1929b). *Geniale Menschen*. Berlin: Julius Springer.
- Lachmund, J. (1997). *Der abgehombt, Kdrper. Zur hutorischen Soziologie der medizinischen Unterru- chung*. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Lachmund, J., & Stollberg, G. (1995). *Patientenwrlten. Krankheit and Medizin vom spdten 18. his zum frilhen 20. Jahrhundert*. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Liek, E. (1927). *Der Arzt and seine Sendung* (2nd ed.). Munich, Germany: Lehmann.
- Lick, E. (1929). *Irrwrge der Chirurgie*. Munich, Germany: Lehmann.
- Lick, E. (1930). *Dar Wunder in der Heilkunde*. Munich, Germany: Lehmann.
- Lick, E. (1931). *Die zukiinfte Entwicklung der Heilkunde*. Stuttgart, Germany: Fr. Frommanns.
- Lick, E. (1932). *Krrbsvrrbreitung, Knbsbekmpfung Krrbsi&utung*. Munich, Germany: Lehmann.
- Lick, E. (1933). *Die Welt des Arzm. Aus 30 Jahren Praxis*. Dresden, Germany: Reissner.
- Mathes, P. (1924-1929). Die Konstitutionstypen des Weibes, insbesondere der intersexuelle Typus. In J. Halban & L. Seitz (Eds.), *Biologic and Pathologic des Weibes. Ein Handbuch der Frauenheilkunde and Geburtshilfe* (Vol. 111, pp. 1-122). Berlin: Urban & Schwarzenberg.
- McClelland, C. E. (1997). Modern German doctors. A failure of professionalization? In M. Berg & G. Cocks (Eds.), *Medicine and modernity Public health and medical care in Nineteenth- and Twentieth-Century Germany* (chap. 4). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Much, H. (1928). *Dar Wesen der Heilkunst. Grundlagen finer Philosophic der Medizin*. Darmstadt, Germany: Reichl.
- Much, H. (1932). *Arzt and Mensch. Dar Lebensbuch tines Forschers and Heifers*. Dresden, Germany: Reissner.
- Mummert, O. (1927). Naturheilkunde oder Medizin. *Naturarzt*, 55, p. 134.
- Neustatter, O. (1904). Die sogenannte Naturheilkunde. In W Back (Ed.), *Das Kurpfruchertum and seine Bekdmpfung* (pp. 45-90). StraEburg: Back.
- Nolan, M. (1994). *Visions of modernity American business and the modernization of Germany* New York: Oxford University Press.
- Peukert, D. (1993). *The Weimar Republic. The crisis of classical modernity* New York: Hill & Wang.

- Radkau, J. (1998). *Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismarck und Hitler*. Munich, Germany: Carl Hanser.
- Regin, C. (1995). *Selbsthilfe und Gesundheitspolitik. Die Naturheilbewegung im Kaiserreich, 1889 bis 1914*. Stuttgart, Germany: Franz Steiner.
- Reiser, S. (1977). *Medicine and the reign of technology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Schirmacher, P. (1926). Reichsgesundheitswochen. *Naturarzt*, 54, p. 89.
- Schleich, C. L. (1948). *Besonnte Vergangenheit. Lebenserinnerungen 1859/1919*. Stuttgart, Germany: Rowohlt.
- Schmid, W. (1989). *Die Bedeutung Erwin Liek! für das Selbstverständnis der Medizin in der Weimarer Republik und Nationalsozialismus*. Unpublished doctoral dissertation, Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany.
- Silber, E. (1929). Wie weit ist der Naturheilgedanke in die medizinische Klinik eingedrungen? *Naturarzt*; 57, 341-245.
- Stollberg, G. (1988). Die Naturheilvereine im deutschen Kaiserreich. *Archiv für Sozialgeschichte*, 28, 287-305.
- Trienes, R. (1989). Type concept revisited. A survey of German idealistic morphology in the first half of the twentieth century. *History and Philosophy of the Life Sciences*, 11, 23-42.
- Vacha, J. (1985). German constitutional doctrine in the 1920s and 1930s and pitfalls of the contemporary conception of normality in biology and medicine. *Journal of Medicine and Philosophy* 10.339-367.
- Vogel, M. (Ed.). (1930). *Der Mensch. Vom Werden und Wesen des menschlichen Organismus*. Leipzig, Germany: Barth.
- Weindling, P. (1989). *Health, race and German politics between national unification and Nazism, 1870-1945*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Weisbrod, B. (1996). The crisis of bourgeois society in interwar Germany. In R. Bessel (Ed.), *Fascist Italy and Nazi Germany Comparisons and contrasts* (pp. 23-39). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Wirtz, R. (1991). *Leben und Werk des Hamburger Arztes, Forschers und Schriftstellers Hans Much unter besonderer Berücksichtigung seiner medizintheoretischen Schriften*. Unpublished doctoral dissertation, Aachen, Germany.
- Wolff, E. (1997). Mehr als nur materielle Interessen: Die organisierte Ärzteschaft im Ersten Weltkrieg und in der Weimarer Republik. In R. Jütte (Ed.), *Geschichte der deutschen Ärzteschaft. Organisierte Berufs- und Gesundheitspolitik im 19. und 20. Jahrhundert* (pp. 97-142). Cologne, Germany: Dt. Ärzte-Verlag.
- Wuttke-Groneberg, W. (1982). "Kraft im Schlagen-Kraft im Ertragen!" Medizinische Reformbewegung und Krise der Schulmedizin in der Weimarer Republik. In H. Cancik (Ed.), *Religions- und Geistesgeschichte der Weimarer Republik* (pp. 289-300). Düsseldorf, Germany: Patmos.

Глава 7

Экспертиза не требуется: дело уголовного права

Жан-Поль Бродер

*Международный центр сравнительной криминологии Университета Монреаля
(Квебек), Канада*

brodeuj @ cicc. Umo n ueal.ca

Моя проверка исследовательской литературы по экспертизе в ее связи с законом привела меня к мысли, что разработка комплексной и всеобъемлющей теории экспертизы в законодательстве является проблематичной. Экспертная оценка риска об отравлении токсическими веществами, или в случае ущерба для окружающей среды может быть процессом, столь отличающимся от прогнозирования поведения в уголовных делах, что поиск общих признаков может быть бесплодным. Это не означает, что общие характеристики не распространяются на всю экспертизу. За исключением случаев, когда юристы пишут об экспертных показаниях, большинство исследований, проведенных по экспертизе и уголовному праву, осуществляются посторонними лицами, то есть лицами, которые сами не участвуют в делах между наукой и уголовным законодательством. Эта внешняя точка зрения особенно бросается в глаза в отношении публичных комиссий, назначаемых правительствами для изучения проблем или событий, шокирующих общественное мнение, и разработки политики для устранения этих проблемных ситуаций. За исключением работы Шермана (1978) и Джонсона (1985) в США и моей собственной работы в Канаде (Brodeur, 1984), большинство из этих комиссий были тщательно изучены извне.

В годы моей практики в качестве преподавателя и консультанта в криминологии мне посчастливилось получить внутреннее представление о том, что происходит в разных областях, где научная экспертиза соответствует уголовному праву в Канаде (т. е. Я был членом различных более 16 комиссий по исследованию и разработке политики). Вместо того, чтобы представлять абстрактные предложения по экспертным знаниям в области уголовного права, я намерен использовать мой предыдущий опыт и исследования для разработки основных уроков, которые я узнал, и указать, какие тенденции я идентифицировал в отношениях между опытом и уголовным законом.

В этой главе основное внимание уделяется исключительно научным знаниям в отношении уголовного законодательства. Эта презентация разделена на пять частей. Во-первых, я буду обсуждать работу профессионалов, которых индивидуально не ищут в качестве экспертов-консультантов; они применяют свои профессиональные знания на регулярной основе в различных областях. Во-вторых,

я представлю результаты исследований докторов, проведенные под моим руководством над экспертами-свидетелями в Канаде. В-третьих, я дам мои результаты оценки проекта, который пытался внедрить использование экспертных систем и компьютеризированных банков данных приговоров в зале суда. В четвертой части этой главы я буду обсуждать роль таких органов, как общественные расследования и учебные комиссии по формированию и реформированию уголовного права. Наконец, после этого обсуждения будет проведена оценка работы этих общественных комиссий.

Общая нить, которая проходит через пять частей моей главы, такова: я утверждаю, что, когда экспертиза играет реальную роль в уголовном правосудии, она находится в ее менее знающем и слабом смысле; когда экспертиза сильно обоснована научным знанием, она либо рассматривается с большой осмотрительностью, либо полностью отвергается уголовным законодательством.

Эксперты: в слабом и сильном смысле

Прежде чем проверять эти различные области компетенции в рамках уголовного законодательства, я обсужу две предварительные темы. Во-первых, это общий смысл слова «эксперт»; во-вторых, его значение в области уголовного права. Обсуждая общий смысл эксперта, моя цель состоит не в том, чтобы дать определение, а в том, чтобы провести различие между слабым смыслом и сильным смыслом (речь идет об опыте) эксперта. Говоря этимологически слово «эксперт» происходит от латинского *expertus*, что означает «тот, кто был утвержден» (чтобы иметь возможность чего-то). Следовательно, необходимо признать определенную квалификацию, которая будет признана экспертной. Эта квалификация может быть понята в целом или в конкретных выражениях. То, что наиболее обычно квалифицирует кого-то как эксперта, - это его обладание научными знаниями по конкретному предмету.

В *William Daubert* и другие в деле против *Merrell Dow Pharmaceutical, Inc.*, высказал знаковое суждение о допустимости экспертных доказательств в суде, Верховный суд США подчеркнул этот критерий за счет «технических или других специальных знаний», к которым также применяется правило 702 Федеральных правил Доказательства. Такая общая квалификация необходима для того, чтобы лицо признавалось экспертом, но этого может быть недостаточно. Помимо обладания научными знаниями, также может потребоваться конкретная квалификация, чтобы быть признанным авторитетом в научной области. В отношении этих дополнительных критериев экспертиза внедряет иерархическую структуру. Ранжирование эксперта судами может не совпадать с ранжированием этого человека в научном сообществе. Как заметил Ясанов, «на товарном рынке экспертиза, талант убеждения определяют ценность лица свидетельствующего больше, чем сырые научные качества» (Jasanoff, 1995, стр. 49). Таким образом, многие ученые неохотно участвуют в состязательных процедурах, когда один эксперт завербован одной из сторон и, как ожидается, будет убедительно давать

показания от имени этой стороны. Каким бы ни был источник этого ранжирования, нельзя отрицать, что человек действительно квалифицирован как эксперт в силу его авторитета, который несет их слово. Поэтому я предлагаю различать экспертов в слабых и в сильном смысле этого слова. В слабом смысле эксперты - это профессионалы с высшим образованием в научной дисциплине и значительным опытом, которые выполняют свою деятельность в области своей специализации профессии. В сильном смысле эксперты являются квалифицированными учеными, чьи голоса несут определенную роль в определенной области знаний. Это различие может быть неравнозначным во всех областях знаний, хотя, как я сразу же покажу, оно должно быть сделано для учета несоответствия опыта в области уголовного правосудия. Это различие также полезно для привлечения внимания к тому факту, что опыт скорее связан с отношением, чем с какой-то вещью. Другими словами, один признается экспертом по своей позиции в иерархии среди конкурентов, а не по своей значимости. Количество квалификаций, необходимых для продвижения вверх в иерархии, сильно варьируется от одной сферы к другой; он прямо пропорционален доступности научных знаний в данной области. Там, где есть множество знаний, нужно быть однозначно квалифицированным, чтобы быть признанным экспертом. В молодых областях знаний, таких как криминология, недостаточно квалификации, чтобы просачиваться к вершине.

Эксперты в области уголовного права

Сейчас я кратко рассмотрю значение экспертизы в уголовном праве. То что я скажу относительно криминологии, которая является одной из социальных наук, может не относиться к сфере уголовного права. Есть области, которые связаны с научной экспертизой, а некоторые – менее связаны. Например, сферы, в которых скитаются два американских агентства, изученные Ясановым (1990) - Агентством по охране окружающей среды (EPA) и Управлением по контролю за продуктами и лекарствами (FDA) - зависят от научной экспертизы в очень важном смысле: Экология и еда и тестирование фармацевтических препаратов в значительной степени являются научными разработками (см. также примеры естественных наук, рассмотренные Salter & Slaco, 1982). Таким образом, научная экспертиза не может восприниматься как вторжение со стороны EPA или FDA, поскольку они зависят от него, хотя это может рассматриваться, таким образом, производителями продуктов питания или препаратов или лесозаготовительными компаниями. Ситуация заметно отличается в уголовном праве, где поле уже занято - и оно было занято с незапамятных времен - людьми, имеющими веские основания воспринимать себя как экспертов. Судьи, юристы и ученые-юристы имеют обоснованное право на юридическую экспертизу, хотя их нельзя назвать учеными. Следовательно, то, что происходит на форуме уголовного права, - это собрание различных видов экспертизы. Такое совещание может проходить гладко; он также может превратиться в конфронтацию. Конфликты могут легко возникать, потому что экспертиза уголовного права и научная экспертиза принадлежат к двум различным традициям. В частности, в странах общего права, где простая

кодификация правовых норм рассматривается с подозрением, традиция уголовного права фокусируется на отдельном случае, а обсуждение правовых прецедентов часто принимает форму утомительной игры слов, враждебной статистическим рассуждениям. Напротив, наука не только стремится к набору правильных и последовательных обобщений, но научные эксперты часто используют комплексный подход к решению проблем, что не очень хорошо работает с экспертами-юристами, чей подход является поэтапным.

Области слабой экспертизы

Название этого раздела относится к различию, сделанному выше, между экспертами в слабом смысле и в сильном смысле. Деятельность, которую я сейчас буду обсуждать относится к экспертам в слабом смысле. Таких областей слабой экспертизы много, и я буду обсуждать только самые важные из них. Из-за нехватки места я не буду обсуждать роль естественных наук в создании доказательств уголовного права (например, баллистика, отпечатки пальцев ДНК и т. д.). Несмотря на престиж естественных наук, подобные доказательства вполне достижимы.

Полицейская сфера

Что характерно для полиции, так это то, что ее неоднократные требования к экспертизе не выполняются в их повседневной деятельности на самом деле. Эти претензии исходят не только от полиции. Один из ведущих ученых Канады в области полицейской социологии недавно разработал новую парадигму полицейской деятельности, где полиция определяется как «работники знаний», которые предоставляют свои знания в области оценки рисков различным учреждениям (например, страховым компаниям, см. Ericson & Hagerty, 1997; Stehr, 1994; Stehr & Ericson, 1992). Эта парадигма может указывать путь к будущему. Однако это сильно контрастирует с нынешней реальностью полицейской деятельности. Политическая профессиональная культура путает знания с разведывательными данными, собранных с помощью скрытых источников; когда это недопонимание исчезает, полиция неохотно начинает искать экспертные знания для своей научной цели. Знание и экспертиза означают определенный объем документов, которыми полиция уже перегружена. За исключением элитных сил, таких как Федеральное бюро расследований (ФБР) или Федеральное управление уголовной полиции (Германия) (ВКА), полицейское образование, как правило, значительно ниже уровня колледжа, хотя сейчас все чаще требуют, чтобы следователи полиции, по крайней мере, получали высшее образование. Полицейское обучение является традиционным и милитаристским, и оно не способно передать навыки, необходимые для охраны информации в эпоху информации, особенно в отношении навыков общения. Несмотря на то, что полиция инвестировала огромные суммы денег в покупку информационных технологий, Питер Мэннинг показал, что они либо не владеют использованием такой технологии, либо использовали ее для достижения собственных организационных целей, а не для внешних целей обслуживания, таких как

предоставление большей безопасности для граждан (Мэннинг, 1988, стр. 2411, 1992, стр. 388-391). Ситуация во многом похожа на раздутую область криминального профилирования, в которой полиция еще не обучена воспользоваться предоставленными им экспертными системами (Jackson & Bekirian, 1997). Другими областями, в которых требуется экспертиза полицейской деятельности, являются предотвращение преступлений, экономические преступления, транснациональная организованная преступность и контроль демонстрантов, не говоря уже о «полицейской работе в Интернете». Однако есть уверенность в том, что полиция должна будет получить необходимый опыт для решения своих будущих задач, или они будут заменены частным сектором безопасности.

Прогнозирование девиантного поведения

Ранее я заявлял, что вопрос о научной экспертизе в отношении уголовного права не был так тщательно исследован, как другие темы. Есть одно исключение из этого утверждения; это вопрос прогнозирования поведения, который является предметом множества исследовательской литературы. Этот вопрос делится на два основных вопроса, которые являются предсказанием будущего поведения обвиняемых и осужденных преступников и предсказанием решений должностных лиц уголовного правосудия. Несмотря на то, что по второму вопросу растет число исследований, которые приобрели большую известность из-за большого административного стресса, при котором сотрудники системы уголовного правосудия в настоящее время работают, это первый вопрос, который был в центре внимания большинства исследований, и который я буду рассматривать. Из-за его объема исследовательская литература о предсказании девиантного поведения не может быть обобщена, и я ограничусь несколькими ключевыми моментами, непосредственно связанными с вопросом экспертизы.

Прогнозирование в теории

Как подчеркивалось в Gottfredson and Gottfredson (1980), вся деятельность уголовного правосудия основывается на прогнозировании поведения. Основными моментами, когда выбор делается на основе предсказаний, является решение о том, - направить заключенного в превентивное заключение в ожидании судебного разбирательства, решения о вынесении приговора и решения о его освобождении. Все эти решения касаются вопроса о том, заключать обвиняемого в тюрьму или нет. Готтфредсон заключил что сегодня способность прогнозировать поведение осужденных, или решения специалистов уголовного правосудия, было умеренным и прогнозирование решений более точны, чем предсказания поведения (Готтфредсон , 1987, более широко см. Работы в Gottfredson & Tonry, 1987). Эта растущая сдержанность определяется в силу перехода от избирательного к категориальному ограничению дееспособности. В своем докладе Гринвуд и Абрахамсе (1982) полагали, что они нашли способ идентифицировать потенциальных рецидивистов и выступали за их содержание под стражей на более

длительный срок. Это убеждение, что правонарушители с высоким уровнем риска могут быть идентифицированы на индивидуальной основе, было непродолжительным, а предсказание предназначалось для определения категорий или классов правонарушителей, которые имели более высокий риск рецидивизма (например, преступники, осужденные за грабеж, представляют более высокий риск, чем преступники, осужденные за непредумышленное убийство, фон Хирш, 1985 год, фон Хирш и Готтфредсон, 1984 год). Таким образом, были ли сделаны предсказания вместе с классификацией? Эта связь может рассматриваться как прогрессивное или как регрессивное развитие.

Классификация правонарушителей в отношении риска может быть истолкована недетерминистически как один фактор, который следует учитывать среди других в обсуждении их судьбы, причем этот фактор рассматривается совместно с другими для окончательного решения. Например, Леблан (Leblanc, 1983) показал, что единственной важнейшей детерминантой реабилитации молодых правонарушителей было их участие в стабильных эмоциональных отношениях с партнером после освобождения. Сеть внешней поддержки для правонарушителя может затем компенсировать или смягчить его классификацию в категории правонарушителей с высоким уровнем риска. С другой стороны, категорическая дезадаптация может иметь катастрофические последствия, если ее рассматривать детерминистически, как выборочную недееспособность. В этом последнем случае вместо того, чтобы автоматически вывести из строя отдельных лиц, отобранных как принадлежащих к большим рискам, целые категории правонарушителей могут рассматриваться как требующие более длительных сроков лишения свободы чтобы защитить общество.

В Канаде существует постоянная традиция интеллектуальных исследований, которая пытается «пересмотреть» инструменты прогнозирования, разработанные в начале 1970-х годов (Bonta, Harman, Hann, & Cormier, 1996; Gendreau, Little and & Goggin, 1996). Эти инструменты достаточно хорошо оценивают прогноз общего рецидивизма, устанавливая по крайней мере положительную корреляцию между высокой оценкой на прогнозирующем инструменте и любым видом повторного нападения; они слабее в предсказании насильственного повторного нападения в широком смысле (например, грабеж, где используется степень насилия, является предметом дискреционного определения); они генерируют высокий процент «ложных результатов» (людей, которые не подтверждают прогноз), когда насильственное нападение определяется узко. Ключевым моментом является то, что эти интеллектуальные инструменты представляют собой шкалы, состоящие из статических предметов (например, возраст в момент помещения под стражу), которые не дают никаких указаний о том, как контролировать нарушителя, после того как он выйдет на свободу (Hanson & Harris, 1998).

Несмотря на эти оговорки в отношении возможности предсказать поведение преступника, стремление системы уголовного правосудия к предсказаниям

поведения правонарушителей остается столь же сильным, как и прежде. В США наемные психиатры свидетельствуют о том, является ли преступник подлежащим освобождению или нет в случаях смертной казни. Американская ассоциация психиатров (АПА) представила краткое сообщение в этом отношении Верховному суду США. В нем говорилось, что «лучшая оценка APR заключается в том, что два из трех прогнозов совершенных психиатрами о долгосрочном насилии в будущем ошибочны». Тем не менее Верховный суд США дважды постановил, что такие психиатрические показания о том, был ли человек или нет, неопровержимым социопатом, был юридически допустим в качестве доказательства.

Существует также новая тенденция в прогнозировании поведения, которая превращается в растущую отрасль. В настоящее время считается, что потенциальные насильственные и / или повторные нарушители могут быть выявленные в очень раннем возрасте - в дошкольные годы - и что чем раньше мы вмешиваемся, чтобы изменить поведение этих «детей с высоким риском», тем больше шансов на успех (Tremblay & Craig, 1995, стр. 167 [возраст : предрождение до 17 лет], стр. 184 [возраст: 3-51, стр. 215 [возраст: проект предродового / раннего младенчества], стр. 224 [в заключение: «С точки зрения политики, кажется, что деньги, вложенные в ранние (например, дошкольные) мероприятия по профилактике с семьями, подверженным риску, дадут большую отдачу, чем деньги, вложенные в более поздние (например, подростковые) мероприятия по профилактике с теми же группами риска.]]].

Эта ситуация является примером парадигмы дисбаланса между фактическим знанием и «желанием знать» - или, перефразируя Ницше, *der Wille zum Wissen*, который был сказано Мишелем Фуко (1975, 1976). Уголовное право рассматривает только «доказательство, выходящее за рамки разумных сомнений», и, несмотря на ограничения знаний, оно не имеет смысла для приостановки убеждений, которые характеризуют научное отношение. Его взгляд сродни решающему, разработанному Карлом Шмиттом (Carl Schmitt, 1990, 1993) в политической теории.

Прогнозирование на практике

В Северной Америке основная часть прогнозов поведения преступника осуществляется неспециалистами, которые полагаются на свою интуицию и опыт, а также на экспертов в слабом смысле этого слова. Среди неэкспертов, кроме как в отношении их опыта, - это судьи, которые монополизируют решение освободить преступника под залог или подвергнуть его превентивному заключению. Решение о предоставлении условно-досрочного освобождения правонарушителю также принимается в значительной степени лицами, не имеющими научной экспертизы (немногие эксперты сидят на заседаниях по условно-досрочному освобождению, где можно найти ряд политических назначенных лиц, бывших полицейских и представителей общественности). Когда эксперты вмешиваются, они полагаются

на устаревшие интеллектуальные инструменты, которые не были пересмотрены за периоды превышающие десять лет (Bonta et al., 1996).

Эксперты в основном привлекаются из рядов офицеров наблюдающих за поведением условно освобождённых. Эти офицеры - это профессионалы, которые контролируют правонарушителей, пользующихся различными формами условной свободы (под залог, условно-досрочное освобождение, и др) и которые несут ответственность за составление отчетов до вынесения приговора судьей. Во многих американских юрисдикциях такие отчеты являются обязательными для вынесения приговора правонарушителям, осужденным за серьезное уголовное обвинение. В Канаде они представлены по просьбе судьи, выносящего приговор. Экспертиза этих офицеров варьируется в значительной степени от одной юрисдикции к другой. Во многих случаях их наибольшая претензия к экспертным знаниям заключается в их опыте с правонарушителями; в лучшем случае они имеют степень бакалавра в области криминологии, психологии или смежной области. Хотя сотрудники службы наблюдающей за поведением условно освобожденных имеют общую претензию на получение квалификации в качестве экспертов с помощью научного образования и профессионального опыта, они проводят оценку риска правонарушителей на регулярной основе и, за некоторыми исключениями, они не выделяются как лица, чьи мнения являются однозначно авторитетными. Доклад до вынесения приговора показывает значительные различия в их качестве, а эти офицеры имеют широкую свободу в выборе своих методов прогнозирования, поскольку они, как правило, не ограничены научными стандартами процедуры. В редких случаях, когда мнение офицеров оспаривается в открытом суде, они свидетельствуют в качестве слабых экспертов в отличие от своих возражателей, которые завербовываются на основе их индивидуальной репутации (это не означает, однако, что их мнение не будет преобладать в суде).

Двойная опасность

Прогнозы поведения правонарушителя могут быть научно непредвзятыми по своему содержанию, но их правовое использование сильно склоняется против восстановления интеграции правонарушителя в общество. Например, общепризнано, что большинство убийц представляют низкий риск повторного нападения. Однако, поскольку уголовное правосудие совместно следует утилитарным и карательным целям, то, что преступник может получить под утилитарным предсказательным обоснованием, он потеряет при ориентации уголовного закона на возмездие. Это означает, что вместо освобождения убийцы с очень низкой степенью риска уголовное право будет считать, что необходимо заключить это лицо под стражу в течение длительного периода (в странах, где смертная казнь по-прежнему применяется, это лицо может быть казненным). Другими словами, оценке эксперта охотнее последуют, если она идентифицирует высокий риск рецидивизма, а не низкий (в этом последнем случае можно найти другие причины для обоснования долгосрочного лишения свободы). Это

репрессивное предубеждение в применении, связанное с экспертизой, мешает многим экспертам участвовать в уголовном праве.

Терапия

Я не могу оставить тему недостаточного опыта (слабой экспертизы), не упоминая тот факт, что уголовное право, особенно его исправительная рука, традиционно предоставляла гавань для терапевтических практик, которые претендуют на поддержку экспертизы, но которые были неэффективными и оскорбительными для прав человека (Brodeur, 1994). Сегодня в Квебеке есть один исправительный институт, Институт «ПайнЛ», который утверждает, что обнаружил новый метод лечения насильников. Эта терапия осуществляется специалистами, называющими себя «фаллометриками» и основана на здравом убеждении, что у сексуальных преступников нет самоконтроля. Лечение идет таким образом. Субъект сидит в кресле, окруженном несколькими мониторами, а его пенис и другие части его тела закреплены электрическими датчиками. Затем субъект демонстрирует сексуальное возбуждение на изображения, и проводятся различные измерения в отношении его эрекции (скорость возбуждения, продолжительность, кровотоков и т. д.). Субъект должен научиться смотреть на эти фотографии и поддерживать минимальное возбуждение, таким образом, демонстрируя прогресс в самоконтроле. Хотя эта форма терапии показалась бы как непрофессионалам, так и специалистам короткой версией фильма «Заводной апельсин», сексуальные преступники регулярно отправляются в этот институт для лечения, а фаллометрики публикуют свои результаты в научных журналах. Особенность этого лечения была показана на национальном телевидении в Канаде и не вызвала каких-либо значительных чувств неодобрения. Вполне возможно, что фаллометрия частично зависит от действительных научных предположений. Однако нам приходится ссылаться только на колотую лоботомию Фримана (Smith & Kiloh, 1974), чтобы напомнить, что были грубые нарушения прав человека, совершаемые в тюрьмах и психиатрических учреждениях под прикрытием терапии. Следовательно, мы должны быть чрезвычайно осторожными, когда мы продолжаем действовать в этих рамках.

Подводя итог, в области полицейской деятельности существует разрыв между экспертизой и технологией, имеющейся в настоящее время, и практической компетентностью и готовностью, необходимой для их применения. В исправительных учреждениях ситуация обратная. Что касается прогнозирования поведения, требования предъявляются ученым, которые не могут их выполнить сегодня из-за недостатка знаний. Фактически, выполнение этих требований предоставляется практикующим, которые обычно применяют инструменты прогнозирования, игнорируя при этом свои ограничения. В худших случаях они злоупотребляют своими полномочиями, чтобы экспериментировать с так называемыми терапиями, которые заставили бы научных экспертов содрогнуться.

Свидетели-эксперты и Уголовное право

В настоящее время роль экспертов-свидетелей в законе растет с начала 20-го века. Jasanoff (1995, стр. 43) говорит, что в 60% случаев в Верховном суде штата Массачусетс полагались на один вид специализированных свидетельств. Эта цифра, следует помнить, относится ко всем случаям, а не только к уголовным делам. Ситуация, как мы увидим, значительно отличается в отношении уголовного законодательства.

Результаты исследований

Чтобы понять результаты исследований, которые я приведу, нужно иметь в виду две вещи. Говорят, что англо-саксонская судебная процедура является состязательной, как в гражданском, так и в уголовном праве. В отличие от европейской гражданской процедуры, которая используется в Германии и других странах Европы, именно адвокаты, представляющие конфликтующие стороны, играют важную роль в расследовании фактов. Хотя судьи могут вызывать экспертов, как это обычно бывает в Германии, в основном по воле сторон, за которых свидетельствуют эксперты. Как отмечал Лангбейн в статье, справедливо озаглавленной «Преимущество Германии в гражданской процедуре», состязательная процедура всегда подвержена риску искажения доказательств, и эксперты не могут избежать пристрастности, поскольку они свидетельствуют по просьбе одной стороны против другой (Johnston, 1987; Langbein, 1985, стр. 823). Во-вторых, крайне важно подчеркнуть, что судебные процессы - это редкие события в англосаксонской традиции уголовного права из-за процесса сделки о признании вины. В США и Канаде обвиняемых склоняют к тому, чтобы те признавали себя виновными, чтобы уменьшить расходы, освободить суды и сэкономить государству расходы на судебное разбирательство. В США такие переговоры приводят к признанию вины и предотвращению судебного разбирательства в более чем 90% случаев; в канадской городской юрисдикции этот показатель составляет не менее 70%. Это резкое сокращение числа судебных разбирательств в уголовном праве также резко сокращает число случаев, когда свидетельствуют эксперты, поскольку это, как правило, эксперты должны предстать для этого перед судом.

Восприятие роли экспертов в уголовных процессах подорвано тем, что я назову синдромом O. J. Simpson. Согласно мифологии, порожденной очень «медиа-тизированными» (то есть СМИ) случаями, свидетели-эксперты защищают от обвинения и в конечном итоге выигрывают за день, потому что богатые обвиняемые могут позволить себе лучших экспертов. Это может произойти в нескольких *affaires cflibres* случаях, но это восприятие очень далеки от фактической работы уголовных судов в Северной Америке.

Чтобы поддержать это, я представлю основные выводы Роберта Пуарье, который для защиты докторской диссертации по философии изучил роль экспертных свидетелей в уголовном подразделении суда Квебека в районе Монреаля (этот суд обрабатывает самые высокие объемы уголовных дел в провинции Квебек). Я был руководителем этой диссертации и представляю свою собственную интерпретацию своих выводов.

В исследовании был рассмотрен случайный выбор 10% судебных дел, обработанных каждый пятый год с 1960 по 1990 год. Всего было проанализировано более 10 000 случаев; Пуриер оставил 7557 человек в выборке, и из них 815 участвовали в показаниях экспертов-свидетелей. В 1960 году 4% всех случаев касались свидетельских показаний экспертов; эта цифра увеличилась до 12% в 1975 году и осталась на этом уровне в последующие годы. Доля случаев, когда эксперты-свидетели были умножены на три в период между 1960 и 1975 годами, использование тестов на алкогольные напитки в значительной степени объясняет это увеличение. Показатель 12% случаев, связанных с экспертными показаниями, обманчив. Как мы видели, только 30% всех дел привлекаются к суду, около 70% всех обвиняемых признают свою вину. Поскольку эксперты в большинстве случаев свидетельствуют в ходе судебного разбирательства, процентная доля 12% всех уголовных дел означает, что эксперты засвидетельствовали 36% случаев, которые привели к фактическому испытанию.

Здесь основные выводы Пуарье:

- Эксперты засвидетельствовали в 815 случаях. В 28% случаев их показания были сделаны в отношении обвиняемого или осужденного за уголовное обвинение, а в 72% они засвидетельствовали в отношении какого-либо существенного факта, имеющего отношение к делу.

- В 91% случаев, когда эксперт свидетельствовал о подозреваемом или осужденном преступнике, эксперт был психиатром. Психологи были в 7% оставшихся случаев и принадлежали к одной из социальных наук, в том числе к криминологии, всего лишь в 2% случаев. В подавляющем числе 98% этих случаев были свидетельства о психическом или эмоциональном состоянии подозреваемого или осужденного преступника.

- Для этих случаев эксперт должен был оценить способность обвиняемого предстать перед судом или мог ли он осмыслить разбирательство в 56% случаев. Именно прокуроры или сами судьи использовали такую экспертизу; защита почти никогда не запрашивала экспертизы по этому вопросу (только в 4 случаях из 111). Удивительно, но психиатрическая экспертиза в отношении ответственности правонарушителя за его поведение была запрошена только в 8% случаев.

Эти выводы заслуживают комментариев. Расхождение между использованием психиатрической экспертизы для определения того, может ли обвиняемый

предстать перед судом (56% показаний психиатров) и определить, несет ли обвиняемый ответственность за свое поведение на момент совершения преступления (только 8% этих свидетельств), является неожиданным. Можно было бы ожидать, что тип вопросов, поднятых о способности предполагаемого правонарушителя предстать перед судом, также будет задан в отношении их ответственности за правонарушение. Возможным объяснением этого несоответствия является то, что эти разные виды экспертизы не запрашиваются одной стороной. Ответственность правонарушителя редко ставится под сомнение защитой из-за риска того, что они объявлены безумными и преданы психическому учреждению на неопределенный срок (подробнее об этом позже). Однако обвинение или судья не относятся к интересам обвиняемого; следовательно, они гораздо менее охотно спрашивают, может ли это лицо идти на судебное разбирательство и чтобы они были переданы психиатрическому учреждению, если ответ на этот вопрос отрицательный. Зная о последствиях такого мнения, психиатры неохотно заключают, что обвиняемый непригоден для судебного разбирательства, и их вмешательство часто приводит к тому, что преступник соответствует тому, чтобы принять наказание. Общественное восприятие психиатра, которое освобождает преступника от тюремного заключения, лишая их уголовной ответственности, не подтверждается фактами. На самом деле есть свидетельства того, что психиатры могут больше преследуют карательные меры, чем обычно считают (Menzies, 1985, 1989).

В тех случаях, когда экспертиза запрашивается не относительно лица преступника, а по существенным фактам дела, эксперт обычно имеет технические, а не научные знания, за исключением врачей, практикующих судебную медицину и биологов. Эксперты свидетельствуют о результатах различных видов тестов: написании тестов в случае мошенничества, алкоголя и наркотиков, баллистической, опознание личности подозреваемого, химической идентификации различных веществ и взрывчатых веществ и финансового учета. Экспертов, которые дают показания по результатам тестов на алкоголь и наркотики, называют «судебные токсикологи»; их подготовка сильно варьируется, равно как и их уровень научного образования. В настоящее время требуется более высокий уровень экспертизы в случае ДНК-отпечатков пальцев и других тестов биологической идентификации (Freckelton, 1990; Robertson, Ross, and Burgoyne, 1990).

- В течение рассматриваемого периода эксперты, чаще всего призванные давать показания, это занимающиеся судебной медициной, а также лицами, ответственными за алкоголь, и различными химическими тестами (доказательства тестов на алкоголь часто представлены в письменной форме).

Поведение защиты и обвинения совершенно иное по отношению к уголовным обвинениям, связанным с выборкой Пуэрье по 815 делам (кража, незаконное вторжение в частное владение, убийство и непредумышленное убийство, сексуальное насилие, нападения и угрозы, мошенничество, пьяное вождение,

поджог, множество мелких правонарушений). За исключением случаев сексуального насилия, в отношении которых защита просила экспертные показания в 39% случаев, уровень требований защиты к экспертизе составляет менее 18% для всех других преступлений (в среднем 11%). Уровень обвинения намного выше, начиная с высокого уровня 98% пьяных водительских правонарушений и составляет в среднем 58% за все преступления.

- Само собой разумеется, обвинение гораздо шире использует свидетелей-экспертов, чем защита. Рассматриваются все виды экспертизы, 75% свидетельских показаний экспертов производятся от имени обвинения, 9% - от имени защиты, а остальные - по просьбе судьи или источника, которого невозможно идентифицировать. Однако, если рассматривать только самую частую категорию экспертизы, то, что касается фактов дела, а не психологического профиля правонарушителя, доля запросов на экспертизу со стороны защиты и судьи соответственно падает до 4 % и 3%, тогда как запросы обвинения составляют 93% от общего числа,

- Наконец, когда защита представила экспертные показания, она должна была поддержать наложение более легкого наказания на этапе слушания приговора. В общем, обвинение представило экспертные показания суду, чтобы получить обвинительный приговор и защиту на этапе вынесения приговора. Психиатрическая экспертиза в равной степени запрошена защитой (24% запросов) и обвинением (23%), с более высокой вероятностью того, что судья потребует оценить способность обвиняемого предстать перед судом.

Результаты

Из этого исследования вытекают три вывода. Главное умозаключение заключается в том, что экспертные показания представлены от имени обвинения. Этот вывод подтверждается более поздней оценкой государственным прокурором Квебека. Он утверждает, что большинство прокураторской экспертизы запрашивается не прокурором, а обычной полицией (Legault, 1995, p. 43f.). Этот дисбаланс во многом уходит корнями в экономику. Большая часть материальной экспертизы, запрошенной прокуратурой, предоставляется бесплатно, экспертами являются должностные лица уголовной юстиции. В том случае, если защита будет готова заплатить за эту экспертизу, она не имеет большого значения для оправдания обвиняемого. Будучи произведенной для государственного обвинителя, она предназначена для доказательства вины. Что касается экспертов, пользующихся поддержкой защитников-психиатров, то их гонорары обычно очень высоки и средне-статистический ответчик не может себе этого позволить. Jasanoff (1995, стр. 46) приводит пример психиатра и невролога с Манхэттена, который заработал в 1983 году 200 000 долларов США в качестве эксперта-свидетеля и юридического консультанта.

Во-вторых, также выясняется, что когда защита прибегает к экспертным психиатрическим показаниям, она использует ее против наиболее уязвимых жертв преступлений, то есть жертв сексуального насилия. Довольно высокий процент использования психиатров защитой в таких случаях (39%) также свидетельствует об экономическом статусе обвиняемого.

Наконец, большое количество специальных свидетелей, свидетельствующих от имени обвинения, будет квалифицироваться только как слабые эксперты. За последние 20 лет не менее трех человек - Дональд Маршалл, Дэвид Милгаард и Гай-Поль Морин - были незаконно осуждены за убийство первой степени и официально освобождены судом, проведя много лет в тюрьме. Общественные расследования, которые проводились с предубеждениями, подчеркивали, что так называемые свидетели-эксперты смотрели туннельным зрением, так же как и полиция. Справедливости ради следует сказать, что последние сомнения в виновности двух из этих неправомерно осужденных преступников были окончательно развеяны с помощью проведения теста ДНК, то есть с помощью экспертной процедуры.

Повторение слабой экспертизы

Существует один постскрипtum, который необходимо добавить относительно роста экспертов в слабом смысле слова, которые в основном полагаются на технические знания, полученные из их опыта. До 1997 года доказательства, по крайней мере, двух психиатров были необходимы для того, чтобы преступник был объявлен «опасным преступником» в Канаде, таким образом, заставляя этого правонарушителя подвергаться тюремному заключению на неопределенный срок (Канада, Уголовный кодекс, 1996 год и предшествующие, с. 755 [1]). Это сильно изменилось документом С-55 (Канада, Устав Канады, 1997 год). Закон теперь гласит, что суд неопределенно заключает в тюрьму преступника, когда он считает, что имеются разумные основания полагать, что этот преступник может быть признан опасным или правонарушителем в долгосрочной перспективе. Суд должен основываться на оценке, представленной лицом, «направленным» судом в качестве исполняющего приговор суда относительно правонарушителя, и «который может провести оценку, проводимую экспертами» (Канада, Уголовный кодекс, 1998, с. 752.1). Мало того, что лицо может быть объявлено опасным или преступником в долгосрочной перспективе при оценке только одним должностным лицом, таким образом, заставляя этих лиц быть ответственными за неопределенное вынесение приговора или долгосрочный общественный надзор, но так же и квалификация лица, выполняющего оценку не указана за пределами того факта, что это лицо, которое «направляется» судом и «кто может провести оценку». Чтобы лицо было объявлено как опасный или закоренелый преступник, теперь необходим только один человек, который дает такую оценку, и этот человек даже не должен быть психиатром. Это снова свидетельствует о росте слабых специалистов, которое мы описывали.

Подводя итог, большинство экспертов свидетельствуют о судебном преследовании, и они демонстрируют слабую экспертизу, склонную время от времени к туннельному видению. Когда требуется серьезная экспертиза, чтобы решить, должен ли преступник находиться в тюрьме в течение неопределенного периода времени, закон старается обходиться без экспертов настолько, насколько это возможно.

Экспертные системы и Уголовное право

Существует третья область, где опыт имеет многочисленные взаимодействия с законом. Эта область известна под общим обозначением информационных технологий и права, если заимствовать название справочной библиографии, опубликованное Национальным исследовательским советом Италии (1992), (Istituto per la documentazione giuridica) (1992). Объем этой библиографии - два тома в общем 475 страниц - указывает на величину и жизнеспособность этой сферы. В дополнение к компьютеризированным базам данных и автоматизированным правовым справочным системам (Martino, Natali, & Binozzi, 1986), эта сфера включает в себя юридические дисциплины, автоматизированный анализ юридических текстов, экспертных систем в законе (Lovegrove, 1989; Martino, 1992; Susskind, 1987, 1993, 1996) и другого применения искусственного интеллекта в законе (Gray, 1997). Экспертная система - это компьютерная программа, в которой есть база знаний, механизм вывода и интерфейсы для получения конкретной информации; его цель состоит в том, чтобы дать обоснованный ответ на конкретную проблему (например, какой приговор установить для преступника в заданном наборе обстоятельств). Хотя в Канаде предпринимались попытки разработать экспертные системы в области уголовного права, особенно в области вынесения приговоров, все такие системы обращались только к узким проблемам и были использованы только исследователями на поисковой основе. В настоящее время ни один из них не используется уголовными судами, да и ранее не использовался.

Эмпирически ориентированные директивы для определения меры наказания

В Канаде были два проекта, которые подпадают под категорию информационных технологий и уголовного права, которые были разработаны за пределами экспериментальной стадии. Один из них был сформулирован профессором А. Н. Дубом из Университета Торонто (Doob & Park, 1987), а другой - профессором Джоном Хогартом и его коллегами из Фонда правовых информационных систем и технологий (LIST), первоначально поддерживаемых Университетом Британской Колумбии (Franson, 1985, этот проект полностью описан у Brodeur, 1990). Оба проекта были схожими по своей концепции и могут быть описаны как директивы для определения меры наказания для судей описательно и эмпирически ориентированные. Такие директивы представлены судьям выносящих приговоры в качестве средства защиты от необоснованного несоответствия, которое рассматривается как фундаментальная проблема в уголовных судах США и

Канады. Признание несоответствия необоснованно, когда два правонарушителя, обвиняемым в одном и том же преступлении, совершенном в аналогичных обстоятельствах, получают значительно разные санкции (например, одному дается штраф, а другому - срок тюремного заключения). Эмпирически основанные описательные директивы о вынесении приговора принимают форму базы данных приговоров, в которой описывается практика вынесения приговоров, то есть какие виды санкций применяются к правонарушителям за все преступления, по которым могут собираться данные. Эти руководящие принципы (директивы) основаны на предположении, что дисбаланс при вынесении приговора обусловлен тем фактом, что судьи выносящие приговор работают в относительной изоляции в залах судебных заседаний и не знают о штрафах, которые их коллеги налагают на какое-либо преступление. Считается, что после предоставления этой информации судьи будут приспосабливаться к выявленным таким образом тенденциям приговоров и что дисбаланс при вынесении приговора будет уменьшен.

Два перспективных проекта: Хогарт и Дуб

Проект, разработанный профессором Джоном Хогартом - системой данных о вынесении судебных решений (SDS) - является прекрасной иллюстрацией этого подхода. Министерство юстиции Канады в значительной степени финансировалось, и министерство попросило меня провести оценку его ценности и использования юридическим сообществом. SDS состояла из пяти компьютеризированных файлов, в основе которых лежал «Файл 1». Этот файл содержал около 70 000 судебных решений, налагаемых различными уголовными судами в Британской Колумбии, и обновлялся раз в два года. Он предоставлял статистическую информацию

в отношении ряда судебных решений по конкретным правонарушениям и правонарушителям и позволяет пользователю отображать информацию в виде графиков, таблиц диспозиций или онлайн-резюме отдельных случаев. Он включил 129 преступлений из всех уголовных законов в канадское законодательство. Пользователь базы данных смог указать критерии поиска с точки зрения преступления, возраста и пола правонарушителя, а также наличия или отсутствия судимости. В «файле 2» представлены краткие резюме более 1600 решений Апелляционного суда. В «файле 3» сообщается о состоянии юриспруденции в отношении большой серии смягчающих и отягчающих факторов при вынесении приговора. «Файл 4» был электронным учебником по закону о вынесении приговора, а в «файле 5» содержался полностью подробный справочник всех исправительных учреждений и программ консультирования преступников в провинции.

Я подробно рассказал в своем описании этой базы данных вынесения приговоров, чтобы показать, что у нее есть потенциал помочь судьям, выносящим приговоры и в конечном итоге для уменьшения необоснованного неравенства. То же самое относится и к базе данных профессора Дуба, которая имеет вариации от

предложений, вынесенных канадскими провинциальными судами и апелляционными судами в пяти разных провинциях. Тем не менее, оба этих проекта в настоящее время не функционируют, и нет никаких указаний на то, что подобные проекты разрабатываются.

Гибель этих проектов

Что случилось? Во-первых, правовая культура при вынесении приговора подкрепляется непоколебимой убежденностью в том, что каждый случай уникален и требует индивидуального подхода. Это убеждение сводит на нет мысль о том, чтобы полагаться в вынесении приговоров на тенденции, показанных компьютером. Эту мысль разделяют как судьи, так и юристы, хотя они знают, что из-за объема уголовных дел в подавляющем большинстве случаев нет времени на какое-либо индивидуальное рассмотрение. Согласно интервью, проведенным мной с судьями, прокурорами и адвокатами, среднее судебное слушание длится от 5 до 15 минут. Эта нехватка времени из-за большого количества дел препятствует индивидуализированному наказанию. Это также резко снижает привлекательность компьютеризированной базы данных судебных решений, которая заключается именно в той скорости, с которой база данных может отображать тенденции судебных решений в тысячах случаев. Тем не менее, по-прежнему требуется несколько минут, чтобы проконсультироваться с наиболее высокопроизводительной и удобной базой данных. Как бы мало ни было времени, юристы не видели цели, чтобы инвестировать его в компьютерный поиск, потому что безумный темп судебных слушаний не позволил бы им представить то, что они узнали в суде в любом случае.

Во-вторых, независимость судебной власти является определяющим принципом мировоззрения магистратов. Этот принцип не только применяется совокупно, подразумевая, что, группы магистратов поддерживают дистанцию между собой и любым внешним воздействием, но она также оказывает сильное влияние на отдельных магистратов. Как выяснили Хогарт и Дуб, судьи очень индивидуалистичны и не особенно заинтересованы в обучении своих коллег выносить приговоры, если они, конечно, не принадлежат верховному суду.

Наконец, юридическое сообщество имеет острое чувство корпоративного интереса, которое связывает всех его членов несмотря на их различия. Все судьи помнят, что они когда-то были адвокатами. Поэтому, когда предполагалось предоставление им персональных компьютеров, хранить данные с вынесениями приговоров, они очень неохотно монополизировали инструмент, которым должны были обладать в ограниченном доступе государственные прокуроры и адвокаты защиты. Что еще более важно, возможно, судьи настаивают на том, чтобы на них влияли при вынесении их решений профессионалы их вида, то есть адвокаты. Адвокаты могут представлять экспертов- свидетелей, но через перекрестный допрос они остаются хозяевами игры. Судьи опасались, что аутсайдеры будут иметь беспрепятственный доступ к ним через то, что отражено на компьютерах, следовательно, подрывая

монополию юристов на суды. Другими словами, компьютерная база данных воспринималась судьями как непредусмотренный суррогат статистиков и социологов, непосредственно вторгающихся в их кабинеты.

Эпилог

Когда профессор Дуб, наконец, убедился, что судьи не очень заинтересованы в том, чтобы узнать, что делают их коллеги через базу данных вынесения приговоров, которую он разрабатывал для них, он прекратил свой проект. Выучив тот же урок, профессор Хогарт попытался переработать свой проект на благо практикующих юристов. По причинам, которые были выражены выше, эта переработка не удалась.

Делая обзор литературы искусственного интеллекта и закона (например, Susskind, 1987, 1993, 2000), один из них поражен оптимизмом, который его пронизывает. Экспоненциальный рост правовых информационных технологий во всех его аспектах неоднократно прогнозируется, и его влияние на закон предполагается массовым. Что касается уголовного законодательства, я не могу поделиться этим оптимизмом. Экспертиза по системному вынесению приговоров, созданная с помощью информационных технологий, пока еще просто нежелательна в Канаде. То, что сейчас происходит в области уголовного правосудия, является более регрессивным, чем прогрессивным, это то, что я стараюсь вам показать.

Научная экспертиза и разработка политики

До этого момента я рассматривал роль экспертов в применении уголовного законодательства. Сейчас я рассмотрю их вклад в разработку политики и, в частности, на формирование и реформу уголовного законодательства. В этом отношении, публичные комиссии по расследованию, слово, находящееся на этом этапе, понимаемое в самом широком смысле, традиционно играло важную роль в управлении, а также в разработке политики и права в англосаксонских и британских странах Содружества. Согласно Канадской энциклопедии, Комиссия по делам, назначенная английским королем Генрихом VIII в 1517 году, может быть далеким предшественником Королевских комиссий по расследованию в Канаде. В часто цитируемой статье, озаглавленной «Правительство по комиссии», социолог из США Даниэль Белл утверждал, что, консультируясь с общественностью, эти комиссии предоставили форум для открытого обсуждения государственной политики и, таким образом, стали альтернативой Дворца-резиденции, где «решения принимаются в уединенных комнатах небольшими группами мужчин» (Белл, 1966, стр. 9). Эта положительная оценка контрастирует с взглядом Шейлы Ясанов на научные консультативные комитеты как на формирование относительно независимой «пятой ветви власти» (Jasanoff, 1990). Я сначала опишу различные публичные комиссии, а затем перейду к оценке их воздействия.

Общественные комиссии по расследованию

Как я уже говорил ранее, общественные комиссии по расследованию играют важную роль в управлении в англосаксонских странах. Такие комиссии имеют разные обозначения в различных англоязычных странах - «Королевские комиссии» в Соединенном Королевстве, «Президентские комиссии» в США, «Комиссии по расследованию» в Канаде, но они имеют общие институциональные особенности. Я буду использовать обозначение, используемое в моей стране-Канаде, для указания на эти органы.

Комиссии по расследованию назначается по закону, по просьбе правительства. Роль исполнительной власти в назначении президентских комиссий в США больше, чем в демократических странах «Вестминстерского стиля». Они имеют следующие особенности: а) их возглавляет один или несколько уполномоченных (инспекторов), которые обычно выбираются не на основе их знаний о проблемах, которые необходимо решать, а на основе политической принадлежности, престижа и представительства в отношении к различным избирательным округам, заинтересованным в вопросе (-ах), которые должны быть рассмотрены Комиссией. В лучшем случае Члены комиссии (инспектора) назначаются за их мнение с хорошей репутацией. В Канаде Председатель Комиссии по расследованию обычно является членом судебной системы; (b) у них есть исследовательский персонал, назначенный на время работы Комиссии, и они также нанимают консультантов, как правило, из научного сообщества; (c) они консультируются с общественностью с помощью сложного процесса (публичные слушания, слушания, проводимые в камерах, публичные и частные ассигнования в письменной форме); (d) в зависимости от того, если Комиссия для расследования нарушений назначена, она укомплектована практикующими адвокатами, выступающими в качестве обвинителей во время публичных или закрытых слушаний. Однако есть одна последняя особенность, которая варьируется от страны к стране. Это степень независимости, которой обладает комиссия в отношении авторитета, устанавливающего ее. По мнению комментаторов президентских комиссий, эти комиссии могут быть не столь застрахованы от вмешательства со стороны исполнительного директора, поскольку британские и канадские комиссии принадлежат их правительствам (Lehman, 1968; Popper, 1970; Wilson, 1967).

Описав функции, которые имеют комиссии по расследованию в странах общего права, я сейчас поговорю более конкретно о канадских комиссиях по расследованию. Однако то, что я должен сказать, однозначно не относится к канадским учреждениям; это относится в определенном контексте, к другим странам, которые используют такие комиссии.

Частота

Федеральные комиссии по расследованию обычно устанавливаются в соответствии с Законом о расследованиях (Канада, 1985 год, пересмотренный Устав Канады, с.

1-11, s. 2). Согласно перечню, опубликованному Национальным архивом Канады (НАС, 1990, т. I, стр. X), в Канаде было включено более 450 комиссий по расследованию в соответствии с Частью 1 Закона о расследованиях, начиная с рождения Канадской Конфедерации в 1867. Эта цифра увеличивается до 1500, когда мы принимаем во внимание комиссии, созданные различными департаментами правительства по Части II настоящего Закона. В Канаде имеется не менее 47 статута, которые предусматривают официальные расследования и ссылаются на Закон о запросах. Кроме того, поскольку публичные запросы также могут быть назначены на провинциальном и муниципальном уровнях, мы получаем очень значительное количество комиссий (более 2000). Мне следует добавить, что слово «комиссия» используется здесь как общий термин, который также относится к юридически назначенным органам, таким как правительственные комитеты, целевые группы или рабочие группы.

Классификация

Излишне говорить, что не все эти комиссии изучали вопросы, связанные с уголовным законодательством. Комиссии могут классифицироваться по их функциям и их объектом. Что касается функции, комиссии можно разделить на запросы по вопросам политики, которые изучают конкретный вопрос и следственные действия, которые как правило, шокировали общественное мнение (Brodeur, 1984, pp. 15-19; d'Ombraïn, 1997, стр. 88, Schwartz, 1997). Запросы политики могут быть инициативными, то есть назначены до того, как проблема достигнет масштабов кризиса, требующего немедленных действий; следственные запросы по определению являются реактивными и устанавливаются после возникновения проблемного события. В последнее время большинство комиссий сократилось между этими подразделениями: они расследуют крупный скандал - например, заражение кровезамещающих продуктов вирусом ВИЧ - с целью выработки рекомендаций по предотвращению повторения такой ситуации. Хотя до 1920-х годов не проводились расследования, вопросы, рассмотренные этими следствием, были в основном местными и были слишком узкими, чтобы их можно было назвать политическими запросами. Что касается их целей, Национальный Архив Канады (1990, т. I, стр. Xiii-xiv) классифицировал комиссии по четырем категориям, которые частично совпадают в следующих отношениях: (а) запросы, исследующие либо крупные катастрофы, либо беспорядки, либо кризис, затрагивающий министерство; (б) запросы о конфликтных ситуациях и по социальным или культурным вопросам; (с) запросы, которые изучают аспекты экономики; (d) запросы, расследующие некоторые аспекты государственной службы, нарушения в конкретных правительственных ведомствах или обвинения в отношении должностных лиц в отделе. Запросы с интерфейсом уголовного правосудия могут охватывать все категории, кроме третьей (любое расследование кризиса или конфликтной ситуации может иметь последствия для уголовного права). Отличия, когда это возможно, между политическими и следственными расследованиями, рисунок 1 представляет среднее количество запросов,

установленных в год каждой федеральной администрацией, обозначаемое именем премьер-министра, с 1867 года. Четко выделяются три момента: во-первых, число комиссий резко сократилось с момента своего пика при администрации Бордена (1896-1911); во-вторых, политические запросы были более многочисленными, чем исследовательские с 1920 года по начало 1980-х годов; в-третьих, политические запросы теперь исчезли, последний был назначен премьер-министром Малруни. После пика под управлением Джонсона произошло параллельное снижение числа назначенных в США президентских комиссий, причем все президентские комиссии были политическими запросами (Popper, 1970, приложение 1).

Юридические полномочия

Правовые полномочия комиссий достаточно обширны. Инспектора уполномочены вызывать в суд свидетелей для дачи показаний, приносить доказательства под присягой и документы о запросах. Особенно то как они применяют эти полномочия. Комиссии могут использовать угрозу тюремного заключения, чтобы заставить свидетелей давать показания, даже если их показания являются материалом для обвинения самого себя. Во-вторых, комиссии использовали свою силу для документов запросов в очень широком смысле, особенно когда они расследуют секретные агентства, такие как службы безопасности и разведки. Одним из неоспоримых преимуществ комиссий по расследованию стало рассекречивание массы документов.

Продолжительность и стоимость

Канадские комиссии по расследованию не являются постоянными органами. Однако они проводят свое разбирательство в течение длительного периода времени. Используя репрезентативную выборку комиссий (d'Ombraïn, 1997, стр. 97), я обнаружил, что политические запросы продолжались в среднем 3,25 года, а следственные расследования длились в среднем 1,66 года. Самый длинный запрос по политике длился почти 7 лет, а самый короткий - 8 месяцев. В общем, канадские запросы по вопросам политики занимают значительно больше времени, чем президентские комиссии США для выполнения своего предписания. Это долгое действие комиссий по политическим вопросам может иметь серьезные неблагоприятные последствия: многие комиссии назначаются политическим руководством, которое к тому моменту, когда комиссия готова передать свой отчет, изменилась. Поскольку Инспектора являются политическими назначенцами, они теряют все свое влияние с новым правительством, и их отчет откладывается, независимо от количества времени, денег и работы, которые были потрачены на его производство.

Слишком много вариаций в стоимости комиссии, чтобы обозначить среднюю стоимость. Самый дорогостоящий запрос на политику стоил около 60 миллионов канадских долларов, тогда как самая низкая стоимость была ниже 100 000 долларов. Последняя комиссия по политике, которая была назначена - Комиссия

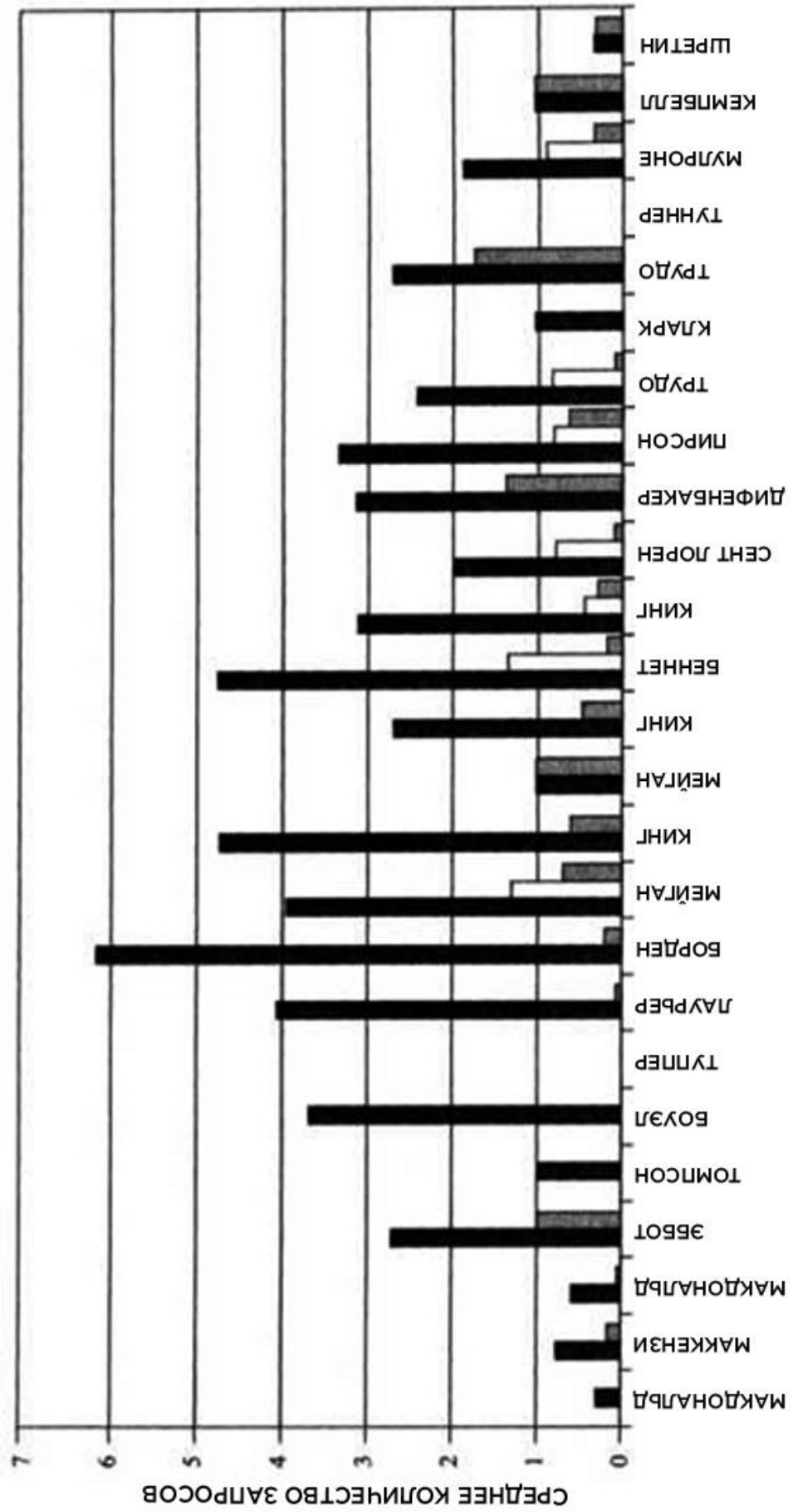

РИСУНОК 1. СРЕДНЕЕ КОЛ-ВО ЗАПРОСОВ АДМИНИСТРАЦИИ ЗА ГОД

■ ВСЕ ЗАПРОСЫ □ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ■ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ

Дюссо / Эразма по вопросу коренных жителей (1991-1996) - самая дорогостоящая комиссия в истории Канады. Она была назначена правительством «Тори» (полит партия) и сообщена в Либеральной. Несмотря на впечатляющий объем работы и мудрость, которые вошли в его создание, отчет Комиссии был отложен в дни, следующие за его принятием. Это не сулит ничего хорошего для будущих комиссий по политике.

Кадровый состав

Как я уже говорил ранее, комиссии возглавляют инспектора, избранные в основном из юридического сообщества на основе политической принадлежности. В них также входят исследователи. Нечасто случалось, что академики были назначены в качестве инспекторов, потребность в представительстве из академического сообщества рассматривается тогда как соответствующая проблема. По моему опыту, исследовательский персонал играет ключевую роль. Во-первых, он проводит исследование, которое будет предоставляться в качестве поддержки рекомендаций инспекторов. Во всех практических целях исследовательский персонал определяет варианты, из которых рекомендации будут выбраны Инспекторами на их заседаниях. Во-вторых, в нем приводятся первоначальные проекты доклада комиссии, которые рассматриваются инспекторами в той или иной степени. В нескольких случаях Инспекторы по правам человека могут быть, как утверждается, авторами отчета; в большем числе случаев исследовательский персонал является автором, руководство Инспекторов является поверхностным. Важным моментом является то, что в большинстве случаев отчеты комиссии представляют собой смесь исследований, политической целесообразности и индивидуальной интуиции инспекторов. Однако следует сделать важный вывод в отношении качества исследований, проводимых в контексте комиссий по расследованию. Хотя эти комиссии обычно укомплектованы специальным персоналом, исследования значительно различаются по качеству. Большая часть исследований проводится внешними консультантами, которые принадлежат университетам или частному сектору. За исключением случая, когда ученым гарантировано, что их исследования будут независимо опубликованы под их собственным именем, таким образом, будет рецензироваться их коллегами, есть значительная часть из них, которые преследуют меркантильные цели и производят работу значительно ниже стандартов. Например, когда я был директором по исследованиям для Канадской комиссии по вынесению приговоров, мне приходилось иметь дело с учеными, которые просто приносили свою ранее опубликованную работу и даже делали плагиат работ других ученых. Исследования, проводимые частными консалтинговыми фирмами, также сильно различаются по своему качеству: в некоторых случаях чем крупнее фирма, тем ниже качество исследований, которые были поручены лицам, которые даже не могли бы квалифицироваться как ассистенты научных работников в университете. Это не означает, что в исследовании, опубликованном в контексте работы комиссий по расследованию,

отсутствует качество. Тем не менее, это усиливает точку зрения Ясанов на случай непредвиденных обстоятельств и разницы между нормативно-правовой и научной наукой (Jasanoff, 1990, p. 12 и p. 80, Table 4.1, новаторская работа по непредвиденному знанию - Knorr-Celina, 1981, стр. 49 и стр. 152).

Постоянная комиссия

Комиссия по законодательной реформе Канады (LRCC) была активной комиссией по политике, действующей в период с 1971 по 1992 год. За этот период она представила 33 доклада в парламент, а также выпустила 63 рабочих документа. У LRCC был отличный внутренний исследовательский персонал и спонсируемые исследования внешних консультантов, известных своими работами. Процесс обзора каждого исследования, проведенного LRCC или выполненного для него, был очень тщательным, каждый документ просматривался коллегами и проходил несколько этапов написания до его публикации. Таким образом, отчеты и рабочие документы, опубликованные LRCC, были высшего качества. LRCC пользовался большой международной репутацией, и ее публикации были широко распространены. Он был отменен в 1992 году правительством «Тори» в контексте резких бюджетных сокращений, но в 1997 году был восстановлен в соответствии с Комиссией по правам человека Канады (LCC) после обещания Либеральной партии во время его избирательной кампании. Однако мандат LCC сам по себе более узкий, чем у LRCC, и его профиль до сих пор был настолько низким, что едва ли кто-либо из канадцев за пределами небольшого круга, в рамках юридического сообщества, знает, что он существует вообще. Насколько мне известно, он еще не опубликовал никакого отчета.

Комиссии по аспектам уголовного права и уголовного правосудия

Излишне говорить, что лишь небольшая часть из 2000 или около того комиссий, которые были созданы с 1867 года, изучала аспекты уголовного права. Как мы заявили, любая комиссия, которая изучала кризисные или конфликтные ситуации, имела потенциальные последствия в уголовном праве. Я не пытался оценить количество этих комиссий. Ограничивая свой счет до наиболее важных комиссий, я покажу следующие результаты: были созданы три важные комиссии - перед конфедерацией и около 31 после конфедерации; к этому мы можем добавить примерно 14 провинциальных запросов, в общей сложности 48 комиссий, без учета муниципальных комиссий. Из-за его важности необходимо было учитывать работу LRCC, которая была постоянной комиссией.

Оценка вклада комиссий по уголовному правосудию

В рамках этой главы я не могу приступить к оценке всех комиссий, которые, как я определил, имеют связь с уголовным законодательством. Я буду действовать следующим образом. Во-первых, единственный критерий, который я собираюсь применить, заключается в том, удалось ли конкретной комиссии создать

законодательство в соответствии с его рекомендациями. Даже этот, по-видимому, простой критерий трудно применить, поскольку может быть 20 лет отделять публикацию отчета комиссии и принятие законопроекта, который слабо связан с рекомендациями комиссии. В этих случаях трудно оценить с какой-либо точностью то, что данный законопроект фактически соответствует рекомендациям Комиссии, опубликовавшим свой отчет за 20 лет до принятия законодательства.

Я постараюсь избежать таких методологических трудностей, сосредоточив внимание на случаях, когда они возникают не значительно. Я предлагаю выполнить четыре вида оценок. Две из этих оценок будут системными; третья - будет сосредоточена на комиссии, которая преуспела в создании законодательства; последняя, в комиссии, которая в этом отношении не справилась. После представления этих оценок я попытаюсь определить факторы, которые учитывают успех и факторы, которые могут объяснить провал.

Работа Комиссии по правовой реформе Канады: систематическая оценка

Слова «системная оценка» не должны запугать нас в случае LRCC. Очевидным фактом является то, что за 17 лет работы она не смогла создать какой-либо закон, несмотря на постоянное превосходство ее работы. Чтобы быть справедливым однажды она близко подошла к созданию закона. К сожалению, законопроект, спонсируемый LRCC, уме на заявке, а правительство, которое было намерено передать его, не было переизбрано. Хотя было много ссылок на доклады и рабочие документы LRCC в канадской юриспруденции - Верховный суд Канады часто ссылался на него - его неспособность стимулировать любую законодательную реформу была важным фактором его кончины в 1992 году. Другой фактор заключался в том, что LRCC был специально запрошен в 1991 году министром юстиции для изучения того, как реформировать уголовное правосудие в отношении коренных жителей и что мы называем в Канаде видимыми меньшинствами, термин «видимость», относящийся к цвету кожи. Несмотря на сильные сигналы со стороны министерства о том, что оно не было готово потворствовать созданию независимой системы правосудия коренного населения, полностью подпадающей под ответственность людей Первых наций, LRCC пришел к выводу, что это наиболее перспективное направление реформы. Нежелание отвечать ожиданиям министерства могло сыграть определенную роль в упразднении Комиссии, хотя трудно оценить, насколько значительным это было.

Вопрос тюремного заключения: периодическая оценка

В этом втором случае сравнительно просто провести системную оценку. В своем докладе 1987 года Канадская комиссия по вынесению приговоров (CSC) процитировала позицию 16 наиболее важных органов (1831-1983 годы: Федеральные комиссии, провинциальные комиссии, правительственные заявления), которые ранее изучали тюремное заключение (CSC, 1987). Не существует ни одного из этих органов, которое не критично относится к

последствиям тюремного заключения, что заключение только ужесточает преступников, а не отвлекает их от повторного совершения преступления. Опять же, нет ни одной комиссии, которая не защищала бы то, что тюремное заключение должно использоваться с большей сдержанностью. Это также позиция, принятая CSC, в которой представлен всеобъемлющий пакет рекомендаций по реформированию уголовного законодательства для ограничения использования тюремного заключения. CSC не был более успешным, чем назначенные органы, которые предшествовали ему, в попытке правительства принять законодательные меры по сокращению тюремного заключения.

Ситуация более драматична в США, где лишение свободы достигло беспрецедентных масштабов (уровень лишения свободы достигает 600 человек на 100 000 взрослых, по меньшей мере 1,7 миллиона взрослых находятся в тюрьме, а вместе с Канадой США допускают большее количество молодежи под стражу, чем любые другие западные демократии, США сажают под стражу молодых людей на более длительные сроки, чем Канада). Тем не менее в докладе Комиссии президента о правоохранительных органах и Администрации и применения норм права (1967 г.) было указано в отношении несовершеннолетних, что «заключение под стражу в ожидании решения суда (...) должно основываться на стандартах сформулированных дорогой ценой и сводится к минимуму» (р 293); он также выступал в отношении поправок, что

(...)усиления в полном объеме воздействия на правонарушителей средствами общины и гораздо большей приверженности ресурсам их реабилитации являются основными направлениями, в которых необходимо предпринять действия, чтобы создать исправительное воздействие более эффективным в снижении рецидивизма (стр. 297).

Эти заявления были отражены в отчетах Национальной консультативной комиссии по стандартам и целям в области уголовного правосудия, в которых был поставлен диагноз, что «исправления, ориентированные на учреждения» потерпели неудачу и соответственно указано:

Комиссия считает, что наиболее обнадеживающий шаг к эффективным исправлениям заключается в продолжении и усилении тенденции уйти от ограничения свободы людей в учреждениях и надзора за ними в обществе. (Министерство юстиции США, 1973, стр. 48 €)

Ни одно из этих заявлений - и многие другие, которые должны были быть сделаны государственными комиссиями США, - не привели к действиям, сдерживающим экспоненциальный рост лишения свободы в США.

Запрос Макдональда: частичная история успеха

Комиссия Макдональда провела в Канаде расследование утверждений о нарушениях со стороны Службы безопасности Королевской канадской полиции (RCMP). Во время расследования Канадская служба безопасности была встроена в Королевскую канадскую полицию, наши национальные полицейские силы. Расследование Макдональда было начато в 1978 году, и его несколько отчетов были опубликованы в 1981 году. Его основная рекомендация заключалась в отмене ККП и создании гражданской службы безопасности, которая была бы лишена юридических полномочий, предоставляемых полицейским организациям, в первую очередь ККП (Канада, 1981a, 1981b). Эта рекомендация была окончательно применена в 1984 году путем принятия Канадского закона о службе разведки в области безопасности, но не без серьезной борьбы с очевидным намерением правительства убраться от основной направленности рекомендаций отчета Макдональда, которая направлена на сокращение полномочий, возложенных на новое гражданское агентство. Первый проект правительства - Закон С-157 (Канада, Палата общин, 1983 год, Билл С-157 не был внесен в законодательство как таковой, и были внесены многочисленные поправки для разработки нового законопроекта: см. Канада, Сенат, 1983 г.) воспринимался как извращение рекомендаций Комиссии Макдональда общественным мнением о том, что ему необходимо назначить сенатский комитет для внесения поправок в его первоначальный проект (Канада, Сенат, 1983 год). Канадская служба разведки безопасности (CSIS) была окончательно создана в 1984 году по рекомендациям Комитета Сената. Большое количество рекомендаций отчета Макдональда было отброшено с созданием CSIS. Палата специального комитета, назначенная в 1989 году для пересмотра Закона CSIS, попыталась реанимировать дух Комиссии Макдональда, но безрезультатно (Канада, Палата общин, 1990 год). За исключением очень немногих рекомендаций, все 117 предложений этого Комитета были отклонены Министерством генерального солиситора, который отвечает перед CSIS в парламенте (Канада, Генеральный солиситор, 1991 год). Несмотря на то, что рамки, разработанная для разведки безопасности по запросу расследования Макдональда, были применены лишь частично, суть их рекомендаций привели, тем не менее, к Акту CSIS, который не изменил дух расследования Макдональда, в силу значительной степени вмешательства Специального Комитета Сената.

Факторы победы

В случае следственных расследований, таких как Макдональдских, где разработка политики менее важна, чем определение личных и коллективных обязанностей, качество экспертизы играет лишь косвенную роль в объяснении того, почему комиссия преуспевает в создании закона и, в конечном счете, в осуществлении реформы. В состязательном контексте Следственных комиссий, основными игроками являются тем не менее, являются агрессивными юристами, а не экспертами. Вот список факторов, которые способствуют успеху.

Поддержка общественного мнения

Подавляющим фактором успеха является поддержка общественного мнения, которое крайне зависит от видимости СМИ и позитивного отношения прессы. Некоторые из наиболее успешных комиссий были такими, как Комиссия Макдональда, следственные органы, назначенные для расследования скандала, который глубоко потряс общественность. Проведение публичных слушаний с участием звездных свидетелей держит эти комиссии в глазах общественности и поддерживает поддержку общественности. Еще одна недавняя комиссия, которая добилась значительных реформ, исследовала очень эмоциональный вопрос о переливании крови, зараженной вирусом ВИЧ. Интерес общественности и прессы по этому вопросу никогда не колебался, и многие из рекомендаций Комиссии были окончательно реализованы.

Значение прошлых и действующих запросов

Когда в 1978 году Комиссия Макдональда была назначена, Служба безопасности RCMP (Королевская полиция Канады) ранее была предметом двух следственных расследований (Канада, 1966, 1969а). В запросе Маккензи 1969 года уже рекомендовалась замена службы безопасности КПК гражданским агентством. Более того, две провинции назначили комиссии по расследованию злоупотреблений Службы безопасности КПК; Эти комиссии проходили параллельно с расследованием Макдональда. В провинции Квебек, где проводилась большая часть злоупотреблений Королевской Полицией Канады, провинциальное правительство назначило свое собственное расследование за несколько месяцев до того, как федеральное правительство, чтобы провинция не заняла верхнюю позицию в этом вопросе (Квебек, 1981 год). В Онтарио служба безопасности КПК находится под следствием за привлечение врачей в качестве информантов и использование медицинских записей своих пациентов (Онтарио, 1980 год). К тому времени, как Запрос Макдональда начал собственное расследование, Служба безопасности КПК уже побеждала. Он был ранее рассмотрен дважды, один из предыдущих запросов рекомендовал его отменить. Кроме того, он находится под пристальным наблюдением двух провинциальных комиссий. Другими словами, время для реформы было так сказать перезрелым. Повторное возникновение проблемы уже играет значительную роль в создании окончательного эффекта комиссии.

Связи

Из-за того, что предыдущая комиссия рекомендовала заменить службу безопасности КПК гражданским агентством, эта идея уже была известна и получила признание, поскольку служба безопасности КПК снова оказалась в беде. Согласно моим беседам, Комиссия Макдональда пыталась подготовить правительственных чиновников к своей рекомендации об отмене Службы безопасности КПК, которая была полностью дискредитирована, когда доклад был

обнародован. Некоторые сотрудники Макдональда пытались создать избирательный округ в рамках КПК для его замены гражданским агентством, которое в свое время было укомплектовано бывшими членами службы безопасности КПК. Эти попытки Комиссии Макдональда уйти от традиционной изоляции комиссии и инициировать какую-то форму переговоров с лицами, которые будут затронуты их рекомендациями, оказались основным фактором успеха. Как мы сразу увидим, Комиссия о вынесении приговоров Канады заплатила цену за то, что не смогла выйти из своей замкнутости.

Канадская комиссия по вынесению приговоров: почти полный провал

Будучи директором по исследованиям для ККВП и ответственным за составление своего доклада, я, естественно, проявлял большой интерес к выполнению своих рекомендаций. В докладе ККВП представлены 91 рекомендация, в основном предназначенные для устранения дифференциации при вынесении приговора и ограничения использования тюремного заключения путем разработки руководящих принципов вынесения приговоров. Руководящие принципы вынесения приговора основаны на декларации о соблюдении и принципах вынесения приговоров. Таким образом, Комиссия рассмотрела максимальные и минимальные штрафы за все преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Канады и соответствующим Уставом. Она рекомендует отменить все обязательные минимальные штрафы и уменьшить все постоянные максимумы.

Единственное законодательство имеющее отдаленное отношение к рекомендациям ККВП было Изложение целей и принципов вынесения приговоров, что был принят в 1995 году Билль С-41 (Канада, Устава Канады, 1995), то есть через восемь лет после опубликования доклад о ККВП в 1987 году. Документ сочетает в себе все возможные цели, которые могут быть вынесены при вынесении приговора, и противоречит предложению ККВП, в котором подчеркивается необходимость согласованности в заявлении о целях и принципах вынесения приговора. Единственной мерой, включенной в Билль С-41, с целью ограничения использования тюремного заключения, которая никогда не рассматривалась ККВП, является оксюморон: условное наказание в виде тюремного заключения, которое должно было служить обществу, то есть не связанное с лишением свободы заключение. Такое противоречие в терминах может только добавить путаницы уже агрессивно озадаченной публики.

Билль С-41 был не единственным законодательным актом, который был принят в период с 1987 года по сегодняшний день. Brodeur (1999) показывает, что с момента публикации отчета ККВП до сегодняшнего дня наблюдается устойчивая законодательная деятельность. Вот неполный список поправок к уголовному праву:

- Законодательство увеличивает максимальные санкции за отдельные правонарушения

- Билль С-15 (S.C. 1987): увеличение санкций за сексуальные преступления.
- Билль С-128 (S.C. 1993, с 46): Увеличение санкций за детскую порнографию.
- Билль С-53 (S.C. 1994, с. 44): пожизненные приговоры за поджог.
- Билль С-28 (S.C. 1997, с. 16): новое преступление: сексуальный туризм.
- Билль С-27 (S.C. 1997, с.16): новое преступление: отягчающее обстоятельство; (сводничество несовершеннолетних для занятия проституцией); минимальные санкции в 5 лет лишения свободы.

- Структурное законодательство

- Билль С-61 (S.C. 1988, с. 5) о доходах от преступлений (канадский эквивалент законодательства США RICO): создание нового преступления.
- Закон об исправлении и условном освобождении (S.C. 1992, с. 21): ограничения на условное освобождение.
- Билль С-37 (S.C. 1995, с.19): увеличение максимумов для молодых правонарушителей и облегчение их отсрочки перед взрослыми судами.
- Билль С-68, Закон об огнестрельном оружии (S.C. 1995, с. 39): минимальный штраф в размере 4 лет лишения свободы за преступления, совершенные огнестрельным оружием.
- законопроект С-8 (S.C. 1996, с.19) о консолидации преступлений с наркотиками с предполагаемым основанием для вынесения приговоров в пользу тюремного заключения.
- Билль С-55 (S.C. 1997, с. 17): упрощение заключению на не определенный срок для лиц с высоким риском. w M
- Билль С-95 (S.C. 1997, с. 23): новое правонарушение: преступление в преступной организации; различные положения в отношении организованной преступности.

Ни было ни одного из пунктов, которое бы не противоречило рекомендациям ККВП. В частности, возврат к минимальным санкциям, облегчение вынесения приговора на неопределенный срок и разработка руководящих принципов назначения наказания в пользу тюремного заключения все прямо противоречат как форме, так и духу рекомендаций ККВП. Кроме того, не существует ни одного из этих правовых изменений, которые были бы связаны с научной экспертизой. Как и почему это произошло?

Факторы неудач

В отличие от запросов Макдональда и Кривера, Комиссия Archambault или ККВП была политической комиссией. Можно даже утверждать, что это была парадигма в политической комиссии. Несмотря на то, что он встречался с избранными людьми в комнатах, он не проводил никаких публичных слушаний и не имел никакого медиа профиля. Его доклад был принят высоко в академических кругах и по-прежнему высоко ценится и используется в университетском обучении. Как мы уже отмечали, на практике он не имел реальных последствий. Существует множество причин такого недостатка, и я буду обсуждать только те, которые выходят за рамки этого конкретного случая.

Приобретение политического характера

Есть много способов, чтобы запрос стал политизированным. Наиболее распространенным является тот, когда политический авторитет, который его установил, пытается определить его ориентации. Насколько мне известно, это никогда не происходило в ходе работы ККВП. Политизация приобрела другую форму. ККВП была создана в конце мандата Либеральной Партии, который затем сформировал правительство. За исключением одного академика, все его девять инспекторов были так или иначе связаны с Либеральной партией, которая их назначила. К сожалению, либералы проиграли следующие выборы, и Комиссии пришлось отчитываться перед министром юстиции «Тори». Хотя министр никогда не мешал процессу Комиссии, он оставался в стороне и никогда не проявлял никакой приверженности работе Комиссии. После того, как в Парламенте незаметно был представлен отчет Комиссии, первое решение министра состояло в том, чтобы назначить Комитет палаты представителей возглавляемой депутатом парламента от его собственной партии – Давида Даубни, - чтобы еще раз рассмотреть все вопросы, о которых сообщал ККПП. Из-за длительных периодов времени, проведенных канадскими комиссиями для выполнения своего мандата, ККПП был далеко не единственным органом, который был назначен одним правительством и должен был подчиняться другому. Два из самых последних и дорогостоящих запросов - расследование Дюссо / Эразма о тяжелом положении коренных народов и расследование Уттоно по вопросу о размещении канадского Воздушно-десантного полка в Сомали - были назначены правительством «Тори» и делали отчеты под либералами. Оба отчета были отложены, несмотря на значительные усилия, которые были потрачены на их написание.

Нет связи

Рекомендации ККВП должна была сопротивляться сильным группам. Он рекомендовал сократить свободу действий судей, выносящих приговоры, представив им на рассмотрение руководящих принципов вынесения приговора. Также было предложено упразднить условно-досрочное освобождение, таким образом, угрожая могущественной бюрократии властей, органов по условно-

досрочному освобождению, и офицеров условно-досрочного освобождения. Комиссия только усугубляет эти вопросы, и совершенно не устанавливает каких-либо рабочих отношений с профессиональными группами, на которые повлияют ее рекомендации. Первый председатель Комиссии был настолько одержим защитой своей независимости, что отказался от всех предложений правительственных изданий, чтобы публично известить о призыве Комиссии к повиновению сторон, занятых в мандате. Комиссия работала в вакууме, и ее рекомендации также оказались в полном вакууме. ККВП является примером парадигмы Комиссии, которая представила свою книгу министру, а затем разорвала любые будущие отношения с политическими властями, которые решали применять рекомендации доклада или нет. Этот разрыв всех связей между комиссией и правительством, как правило, является смертельным для доклада Комиссии, поскольку его выполнение отводится бюрократическому механизму, который ненавидит изменения. Оттуда не возникнет инновационная реформа. Например, сотрудники Министерства юстиции решили провести семинар для изучения рекомендаций ККВП и их последствий; Человек, выбранный министерством для организации семинара был бывшим председателем Совета по условно-досрочному освобождению, который, следуя рекомендациям ККПП, должен был быть отменен.

Столкновение с опросами общественного мнения

Когда ККВП была создана в 1984 году либеральным правительством, общественность еще не страдала от «притупления чувства сострадания» и все еще чувствительна к необходимости использовать лишение свободы с ограничениями. Смертная казнь была отменена и заменена пожизненным заключением, с возможностью освобождения от принудительного надзора после 25-летнего тюремного заключения. Когда ККВП опубликовала свой отчет в 1987 году, настроения правительства и общественности переместились в сторону большей нетерпимости. К сожалению, момент выпуска отчета совпал с кампанией по восстановлению смертной казни в Канаде. Проведение свободного голосования в парламенте для восстановления смертной казни было одним из самых популярных обещаний «Тори» во время избирательной кампании. Когда вышел отчет ККВП, его критиковали даже либералы. Его рекомендация сократить срок принудительного тюремного заключения осужденных убийц была воспринята как бросание масла в огонь, таким образом, подстрекая членов парламента голосовать в пользу восстановления смертной казни. Как на самом деле произошло, лица производящие опрос неправильно поняли общественное мнение как обычно, и когда они это все-таки поняли, члены парламента проголосовали против восстановления смертной казни. Тем не менее, это совпадение между публикацией доклада ККВП и возрождением дебатов о смертной казни помогло продвинуть отчет дальше в тень. Это также поднимает два важных вопроса. Первый вопрос - все возрастающее значение опросников и недобросовестных интерпретаторов при разработке общественных дебатов. Во-вторых, должны ли эксперты

приспосабливаться к их отчетам и пытаться опережать часто разрушительные последствия опросов общественного мнения.

Дух времени

Тем не менее, есть кое-что, что гораздо больше повлияло на провал ККВП, чем опросы общественного мнения. Как это ни парадоксально, некоторые ранние комиссии, которые были назначены до того, как мы начали говорить о появлении века информации или века знаний, были, по крайней мере частично успешными в проведении реформ в рамках уголовной юстиции Канады (Канада, 1956, 1969b; Квебек, 1968). Теперь кажется, что резкий сдвиг настроений общественности в отношении нетерпимости, с которыми мы столкнулись с середины 1980-х годов, теперь нейтрализует любые эмансипационные последствия работы в области знаний, что было сделано последними комиссиями. Это изменение духа времени интерпретировалось по-разному. Он был назван в Северной Америке как наступление «политики негодования». Каким бы ни было его толкование, это подразумевает разрыв связи гражданской солидарности, который не так давно по-прежнему связывал осужденных преступников с осуждающим обществом.

Заключительные замечания

Рассмотрев роль экспертизы как в применении, так и в производстве уголовного права в Канаде и других англосаксонских странах, я пришел к трем выводам. Во-первых, техническая экспертиза, применяемая на регулярной основе низкопоставленными специалистами, играет все более важную роль в уголовном правосудии за счет научно-исследовательской экспертизы. Эти специалисты среди штатных сотрудников системы уголовного правосудия, и они индивидуально участвуют в повседневных операциях. Истина этого первого наблюдения может быть проверена в широких масштабах в области частной безопасности, где обычно используются устройства, такие как детекторы лжи, которые производят оценки, недопустимые в качестве доказательств в суде. Во-вторых, рост индивидуальной экспертизы, который я только что описал, в значительной степени опередил развитие экспертизы команды, например, был найден в директивных комиссиях и других органах, занимающихся изучением проблем уголовного правосудия. Политические комиссии не только ослабевают, но и правительственные учреждения сокращают свои исследовательские отделы, если, они вообще не избавляются от них. Наконец, Хабермас развивает концепцию «эмансипационного познавательного интереса» (Habermas, 1972, стр. 198), в которой зрелое (мундиг) стремление к знаниям само по себе совпадает с ее инвестициями в самообразование человеческого вида (стр. 197f и стр. 210). Когда я читал, Хабермас устанавливает ключевую связь между знанием и свободой (или самореализацией) через понятие эмансипации. Выражаясь в этой терминологии, мой третий вывод состоит в том, что экспертиза больше не служит интересам эскалации в области уголовного правосудия, поскольку она по существу используется для обеспечения

безопасности, рассматриваемой как совокупность ограничений, налагаемых на свободу других. Взятые вместе, мои три вывода указывают на появление того, что можно назвать техно-менеджеризмом в области уголовного правосудия.

В конце главы я бы хотел кое-что сказать о том, что как я считаю настоящим затруднительным положением. Мы постоянно слышим, что мы вошли в информационный век (Castells, 1996, 1997, 1998), общество знаний (Stehr, 1994) или тысячелетие интеллекта. Хотя я в основном согласен с этими описаниями, я хотел бы представить предостережение, которому я дам название «синдром Беркли». Епископ Джордж Беркли - с Джоном Локком и Дэвидом Юмом, три великих философа-эмпириста Великобритании XVIII века. Имя Беркли навсегда связано с загадочным выражением «*esse est percipi*», которое переводится как «быть значит быть понятным». За что купил это изречение за то и продаю, и избегу вникания в его много обсуждаемое значение.

Мне кажется, что мир, в котором мы живем, в отношении уголовного правосудия - это не то мир как мы его знаем, а тот мир, как его воспринимаем. Критическое различие между миром знания и миром восприятия таково: мир как мы его знаем согласно научным правилам по которым он создан, которые ломаются здравым смыслом или, если заимствовать выражение Эдмунда Гуссерля, ломается средой (то есть тот мир, который пережит в реальной жизни). Хотя идеал истины никогда не достигается в соответствии с этими правилами, и даже если этот идеал теряет часть своего значения в свете фундаментальной конструктивистской науки, по крайней мере, следует придерживаться эпистемической действительности. Тем не менее, мир в настоящее время все чаще **воспринимается** в сфере притворяющегося здравого смысла или извращенной среды, который потерял всякую непосредственность, а это во многом зависит от того, что мы называем недобросовестными интерпретаторами Северной Америки, которые манипулируют здравым смыслом и производством восприятия. В этой сфере противоречивых и потрясающих восприятий вся научная экспертиза растворяется, как воск, над огнем. В течение последнего десятилетия я неоднократно сталкивался с тем, что в Северной Америке на политику в области уголовного правосудия гораздо больше влияют убеждения политиков о том, как мир воспринимается и мир действует за счет «большинства», независимо как это происходит - тихо, с песней, морально или иным образом, чем тем, что мы действительно знаем об этом мире. В последующие годы может стать известно о новых типах экспертов: не эксперт о том, как обстоят дела, ни эксперт о том, что мы знаем о вещах, а эксперт о том, как вещи воспринимаются и мифологизируются в политических целях.

Источники

Bell, D. (1966, Spring). Government by commission. *The Public Interest*, 3, 3-9.
Bericht des Senats fiber Absichten and Umsetzungen der Empfehlungen des
Parlamentarischen Untersuchungsausschusses "Hamburger Polizei," Hamburg, Mitteilung
des Senats an die Btirgerschaft (Drucksache 15/75/14, 03.06.97).

Bonta, F. Harman, W. G., Hann, R. G., & Cormier, R. B. (1996). The prediction of recidivism among federally sentenced offenders: A re-validation of the SIR scale. *Canadian Journal of Criminology* 38(1), 61-79.

Brodeur, J.-P. (1984). *La délinquance de l'ordre*. Montreal, Canada: Hurtubise HMH.

Brodeur, J.-P. (1990, June). Computers and the law. UBC sentencing database. Final report. Ottawa, Canada: Department of Justice.

Brodeur, J.-P. (1994). La criminologie entre savoir et pouvoir. In *Science ou Justice? Les savants, l'ordre et la loi*. Paris: Editions Autrement (Serie Mutations/Sciences en Société No. 145).

Brodeur, J.-P. (1999). Sentencing reform. Ten years after the Canadian Sentencing Commission. In J. V. Roberts and D. P. Cole (Eds.), *Making sense of sentencing* (pp. 332-348). Toronto, Canada: University of Toronto Press.

Canada. (1956). Report of the committee appointed to inquire into the principles and procedures followed in the remission service of the Department of Justice of Canada (The Fauteux Report). Ottawa, Canada: Queen's Printer and Controller of Stationery.

Canada. (1966). Report of the Commission of Inquiry into complaints formulated by George Victor Spencer (The D.C. Wells Report). Ottawa, Canada: Queen's Printer and Controller of Stationery.

Canada. (1969a). Abridged report of the Royal Commission on Security (The Mackenzie Report). Ottawa, Canada: Queen's Printer and Controller of Stationery.

Canada. (1969b). Report of the Canadian Committee on Corrections. *Toward unity: Criminal justice and corrections*. Ottawa, Canada: Queen's Printer and Controller of Stationery.

Canada. (1981a). Second report of the Commission of Inquiry concerning certain activities of the Royal Canadian Mounted Police: Freedom and security under the law (The Second McDonald Report, Vols. I & II). Ottawa, Canada: Minister of Supply and Services.

Canada. (1981 b). Third report of the Commission of Inquiry concerning certain activities of the Royal Mounted Police (The Third McDonald Report). Ottawa, Canada: Minister of Supply and Services.

Canada (1985). Revised Statutes of Canada, c. I-11, s. 2. Ottawa, Canada: Minister of justice.

Canada. (1987). Sentencing reform: A Canadian approach. Report of the Canadian Sentencing Commission. Ottawa, Canada: Ministry of Supply and Services.

Canada, Criminal Code. (1996). *Anglais et Français*. Montreal, Canada: Wilson et Lafleur.

Canada, Criminal Code. (1998). *Anglais et Français*. Montreal, Canada: Wilson et Lafleur.

Canada, House of Commons. (1995). Bill C-41. Ottawa, Canada: House of Commons.

Canada, House of Commons. (1983). Bill C-157 Ottawa, Canada: House of Commons.

Canada, House of Commons. (1990). *Influx but not in crisis. A report of the House of Commons Special Committee on the review of the Canadian Security Intelligence Service Act and the Security Offences Act*. Ottawa, Canada: Canadian Government Publishing Centre, Supply and Services Canada.

Canada, Senate. (1983). *Delicate balance. A security intelligence service in a democratic society*. Report of the Special Committee of the Senate on the Canadian Security Intelligence Service. Ottawa, Canada: Minister of Supply and Services.

- Canada, Solicitor General. (1991). *On course: National security for the 1990s*. Ottawa, Canada: Minister of Supply and Services.
- Canada, Statutes of Canada. (1997). Bill C-55, c. 17. Ottawa, Canada: Minister of justice.
- Canada, Statutes of Canada. (1995). Bill C-41, c. 22. Ottawa, Canada: Minister of Justice.
- Castells, M. (1996). *The rise of network society The information age: Economy society and culture (Vol. 1)*. Oxford, UK: Blackwell Publishers.
- Castells, M. (1997). *The power of identity The information age: Economy society and culture (Vol. 2)*. Oxford, UK: Blackwell Publishers.
- Castells, M. (1998). *End of millennium. The information age: Economy society and culture (Vol. 3)*. Oxford, UK Blackwell Publishers.
- CSC-Canadian Sentencing Commission. (1987). *Sentencing reform: A Canadian approach. Report of the Canadian Sentencing Commission*. Ottawa, Canada: Minister of Supply and Services.
- d'Ombraïn, N. (1997). Public inquiries in Canada. *Canadian Public Administration*, 90(1), 86107.
- Doob, A. N., & Park, N. W. (1987). Computerized sentencing information for judges: An aid to the sentencing process. *Criminal Law Quarterly* 30(1), 54-72.
- Ericson, R. V., & Hagerty, K. D. (1997). *Policing the risk society* Toronto, Canada: University of Toronto Press.
- Foster, K. R., & Huber, P. W (1997). *Judging science. Scientific knowledge and the federal courts*. London, UK: MIT Press.
- Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir*. Paris: Gallimard.
- Foucault, M. (1976). *La volonti de savoir*. Paris: Gallimard.
- Franson, R. T. (1985). The centre for the study of computers and the law. *Canadian Computer Law Reporter*, 3(2), 31-39.
- Freckelton, I. (1990). DNA profiling: A legal perspective. In J. Robertson, A. M. Ross, & L. A. Burgoyne (Eds.), *DNA in forensic science* (pp. 156-158). New York: Ellis Harwood.
- Gendreau, P., Little, T., & Goggin, C. (1996). A meta-analysis of the predictors of adult offender recidivism: What works! *Criminology* 34, 575-607.
- Gottfredson, D. M. (1987). Prediction and classification in criminal justice decision making. In D. M. Gottfredson & M. Tonry (Eds.), *Prediction and classification. Criminal justice decision making: Crime and justice. A review of research (Vol. 9, pp. 1-21)*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Gottfredson, D. M., & Tonry, M. (Eds.). (1987). *Prediction and clauifration. Criminal justice decision making: Crime and justice. A review of research (Vol. 9)*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Gottfredson, M., & Gottfredson, D. M. (1980). *Decision-making in criminal justice*. Cambridge, MA: Ballinger.
- Gray, P. N. (1997). *Artificial legal intelligence*. Aldershot, UK: Dartmouth.
- Greenwood, P W., & Abrahamse, A. (1982). *Selective incapacitation*. Santa Monica, CA: The Rand Corporation.
- Habermas, J. (1972). *Knowledge and human interests* U. J. Shapiro, Trans.). Boston, MA: Beacon Press. (Original work published 1968)
- Hanson, R. K., & Harris, A. (1998). *Dynamic predictors of sexual recidivism (User Report 1998-01)*. Ottawa, Canada: Solicitor General of Canada.

- Hirsch, A. von. (1985). *Past or future crimes-Deservedness and dangerousness in the sentencing of criminals*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Hirsch, A. von, & Ashworth, A. (1992). *Principled sentencing*. Boston, MA: Northeastern University Press.
- Hirsch, A. von, & Gottfredson, D. M. (1984). Selective incapacitation: Some queries about research design and equity. *New York University Review of Law and Social Change*, 12, 11-51.
- Istituto per la documentazione giuridica, Consiglio Nazionale delle Ricerche. (1992). *Information technology and the law: An international bibliography (2 vols.)*. The Hague, The Netherlands: Martinus Nijhoff.
- Jackson, J. L., & Bekerian, D. A. (1997). *Offender profiling: Theory research and practice*. New York: Wiley.
- Jasanoff, S. (1990). *The fifth branch. Science advisers as policy makers*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jasanoff, S. (1995). *Science at the bar. Law science and technology in America. A twentieth century fund book*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Johnson, L. K. (1985). *A season of inquiry: The senate intelligence investigation*. Lexington, KY: The University Press of Kentucky.
- Johnston, P. L. (1987). Court-appointed scientific expert witnesses: Unfettering expertise. *High Technology Law Journal* 2(2), 249-279.
- Knorr-Cetina, K. D. (1981). *The manufacture of knowledge. An essay on the constructivist and contextual nature of science*. Oxford, UK: Pergamon Press.
- Langbein, J. H. (1985). The German advantage in civil procedure. *The University of Chicago Law Review* 52(4), 823-832.
- Leblanc, M. (1983). *Boscoville. La reeducation haluee*. Montreal, Canada: Hurtubise HMH.
- Legault, F. (1995). *La preuve d'expert: Aspects pratique. Point de vue de la poursuite*. In *Septieme journee d'etude de l'association des avocats de la defense de Montreal* (pp. 43-61). Cowansville, Canada: Les Editions Yvon Blais.
- Lehman, W (1968, May). Crime, the public and the crime commission: A critical review of the challenge of crime in a free society. *The Michigan Law Reviews* 66, 1487-1540.
- Lovegrove, A. (1989). *Judicial decision making, sentencing policies and numerical guidance*. Berlin, Germany: Springer.
- Manning, P. K. (1988). *Symbolic communication. Signifying calls and the police response*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Manning, P. K. (1992). Information technologies and the police. In M. Tonry & N. Morris (Eds.), *Modern policing, crime and justice. A review of research* (Vol. 15, pp. 349-398). Chicago: The University of Chicago Press.
- Martino, A. A. (Ed.). (1992). *Expert systems in law*. Amsterdam, The Netherlands: North-Holland.
- Martino, A. A., Natali, F. C., & Binozzi, S. (Eds.). (1986). *Automated analysis of legal texts*. Amsterdam, The Netherlands: North-Holland.
- Menzies, R. J. (1985). *Doing violence: Psychiatric discretion and the prediction of dangerousness*. Unpublished doctoral dissertation, University of Toronto, Canada.
- Menzies, R. J. (1989). *Survival of the sanest*. Toronto, Canada: Toronto University Press.
- NAC-National Archives of Canada, Government Archives Division. (1990). *Records of federal royal commissions (2 vols.)*. Ottawa, Canada: Minister of Supply and Services Canada.

- Ontario. (1980). Report of the Commission of Inquiry into the confidentiality of health information (The first Krever Report). Toronto, Canada: Queen's Printer for Ontario.
- Poirier, R. (1998). Expertise scientifique et justice pénale: Une étude sociocriminologique sur le fonctionnement des tribunaux. Thèse présentée et acceptée pour l'obtention d'un diplôme de doctorat le 27 février 1998. Montréal, Canada: Université de Montréal, disponible au Centre de documentation de l'école de criminologie de l'Université de Montréal.
- Popper, F. (1970). The president's commissions. New York. Twentieth Century Fund.
- President's Commission on Law Enforcement and the Administration of Justice. (1967). Report: The challenge of crime in a free society Washington, DC: US Government Printing Office.
- Quebec. (1968). La société face au crime. Rapport de la commission d'enquête sur l'administration de la justice en matière criminelle et pénale au Québec. Québec, Canada: Gouvernement du Québec, Éditeur officiel du Québec.
- Quebec. (1981). Rapport de la commission d'enquête sur des opérations policières en territoire québécois (The Keable Report). Québec, Canada: Ministère des Communications.
- Robertson, J., Ross, A. M., & Burgoyne, L. A. (Eds.). (1990). DNA in forensic science. New York: Ellis Harwood.
- Robitscher, J. (1980). The powers of psychiatry Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Salter, L., & Slaco, D. (1982). Les engendres publics au Canada. Ottawa, Canada: Conseil des sciences du Canada (Étude de documentation No. 47).
- Saltzburg, S. (1993). Judicial control of scientific evidence: The implications of DAUBERT. Framework of the issues. Scientific Evidence Review Monograph No. 2, 7-16. (Ed. by Standing Committee on Scientific Evidence Section of Science and Technology, American Bar Association)
- Schmitt, C. (1990). Du politique "légalité" et légitimité, et autres essais Puiseux, France: Pardès.
- Schmitt, C. (1993). Théorie de la constitution (L. Deroche, Trans.). Paris, France: Presses Universitaires de France.
- Schwartz, B. (1997). Public inquiries. Canadian Public Administration, 40(1), 7285.
- Sherman, L. W. (1978). Scandal and reform: Controlling police corruption. Berkeley, CA: University of California Press.
- Smith, J. S., & Kiloh, L. G. (1974). Psychosurgery and society Oxford: Pergamon Press.
- Stehr, N. (1994). Knowledge society London, UK: Sage.
- Stehr, N., & Ericson, R. V. (Eds.). (1992). The culture of power and knowledge: Inquiries into contemporary society Berlin, Germany: de Gruyter.
- Susskind, R. E. (1987). Expert systems in law. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Susskind, R. E. (1993). Essays on law and artificial intelligence. Oslo, Norway: Tano.
- Susskind, R. E. (1996). The future of law Oxford, UK: Clarendon Press.
- Susskind, R. E. (2000). Transforming the law. Essays on technology justice and the legal market. New York: Oxford University Press.
- Tremblay, R. E., & Craig, W. M. (1995). Developmental crime prevention. In M. Tonry & D. P. Farrington (Eds.), Building a safer society Strategic approaches to crime prevention, crime and justice. A review of justice (Vol. 19). Chicago: The University of Chicago Press.

US Department of justice. (1973). Executive summary-Reports of the National Advisory Commission on Criminal Justice Standards and Goals. Washington, DC: Law Enforcement Assistance Administration.

Wilson, J. Q. (1967). A reader's guide to the crime commission reports. The Public Interest, Fall 1967(4),64-82.

Цитированы следующие судебные кейсы:

Barefoot P. Estelle, 463 US 880, 103 S. Ct. 3383 (1983).

Estelle P. Smith, 451 US 454, 101 S. Ct. 1866 (1981).

William Daubert et al u Merrell Dow Pharmaceutical, Inc., 113 S. Ct. 2786 (1993).

Глава 8

Контролирование загрязнение воздуха: Кто является экспертами?

Матиас Хейманн

Мюнхенский Центр Истории наук и технологий, Немецкий музей, 80306, Мюнхен, Германия.

В июле 1998 года Научный руководящий комитет EUROTRAC, крупнейшего европейского исследовательского проекта по проблемам загрязнения тропосферного воздуха, принял необычное решение. Его члены, все из которых были известными учеными атмосферы, приняли исторический проект по загрязнению воздуха в качестве подпроекта. EUROTRAC была создана в 1986 году для поддержки научного исследования выбросов, транспорта, химической трансформации и осадков атмосферных загрязнителей. У него есть явная цель улучшить научную основу для политических решений, связанных с проблемами загрязнения воздуха. В 1990 году EUROTRAC включил 14 согласованных подпроектов, занимающихся лабораторными и полевыми экспериментами, проектами компьютерного моделирования и методами измерения. В этих подпроектах участвовало более 200 отдельных научных проектов и более 500 ученых, в основном физиков, химиков и метеорологов из 17 европейских стран (Исаксен, 1991, стр. 16). В 1996 году начался второй этап (EUROTRAC-2). Исторический проект Тропосферных проблем загрязнения воздуха и борьбы с загрязнением воздуха в Европе с 1945 года (TRAP45) стал 12-м подпроектом EUROTRAC-2; его целью было изучение исторических перспектив загрязнения воздуха и борьбы с загрязнением воздуха в послевоенной Европе. В частности, его цели заключались в анализе корней и причин проблем загрязнения воздуха в Европе, поддержке интеграции информации и знаний о загрязнении воздуха, а также в улучшении выявления недостатков или запущенных проблем, связанных с борьбой с загрязнением воздуха (Heumann, 1998; подробнее см. <http://www.gsf.de/eurotrac/indexsubprojects.html>).

Представляется несколько неожиданным включать исторические исследования в проект исследований атмосферных наук. Исследования загрязнения воздуха традиционно были областью, в которой доминируют эксперты из технических и естественных наук. Существует ли потребность в исторических знаниях для поддержки исследований в области атмосферных наук и борьбы с загрязнением воздуха? Каковы исторические вопросы, на которые нужно ответить, и что могут сделать историки (и, в целом, социологи)? Существует общее согласие в том, что для будущего контроля за загрязнением воздуха необходимы научные знания. Но, менее известно, какие знания и опыт необходимы.

Научные эксперты из всех сил старались помочь контролировать загрязнение воздуха. Они участвовали во всех основных этапах анализа проблем и в формировании политики контроля за загрязнением воздуха (Jasanoff, 1990; Salter, 1988; Wolf, 1986). Но, несмотря на несколько десятилетий экологических исследований и экологической политики, и несмотря на огромный рост научных знаний и экологического законодательства, проблемы загрязнения воздуха остаются одними из важнейших экологических проблем в Европе. Выбросы оксидов серы и азота, летучих органических соединений (ЛОС) и монооксида углерода по-прежнему вызывают проблемы образования кислот, фотоокислительного загрязнения (например, озона) и заболачивание (путем осаждения питательных веществ в экосистемах). Выбросы хлорфторуглеродов (ХФУ) и других соединений угрожают озоновому слою в стратосфере. Кроме того, выбросы углекислого газа, метана и других загрязнителей могут вызывать глобальное потепление. Существует общее мнение о том, что по-прежнему отсутствуют перспективы для комплексных решений этих проблем (Grant, 1999; Schneider, 1998).

В этой главе я утверждаю, что загрязнение воздуха воспринимается в основном как технологическая проблема, которая должна быть передана техническим экспертам, таким как инженеры. Только недавно и с большим неохотой стало ясно, что проблема не только технологическая, но и затрагивает специалистов вне технической области, таких как экономисты, социологи и даже историки (Miller & Edwards, 2001; Stehr & von Storch, 1999). Несмотря на распространение этого понимания, потребность в социально-исторических исследованиях по контролю за загрязнением воздуха редко признавалась.

Когда загрязнение воздуха стало проблемой

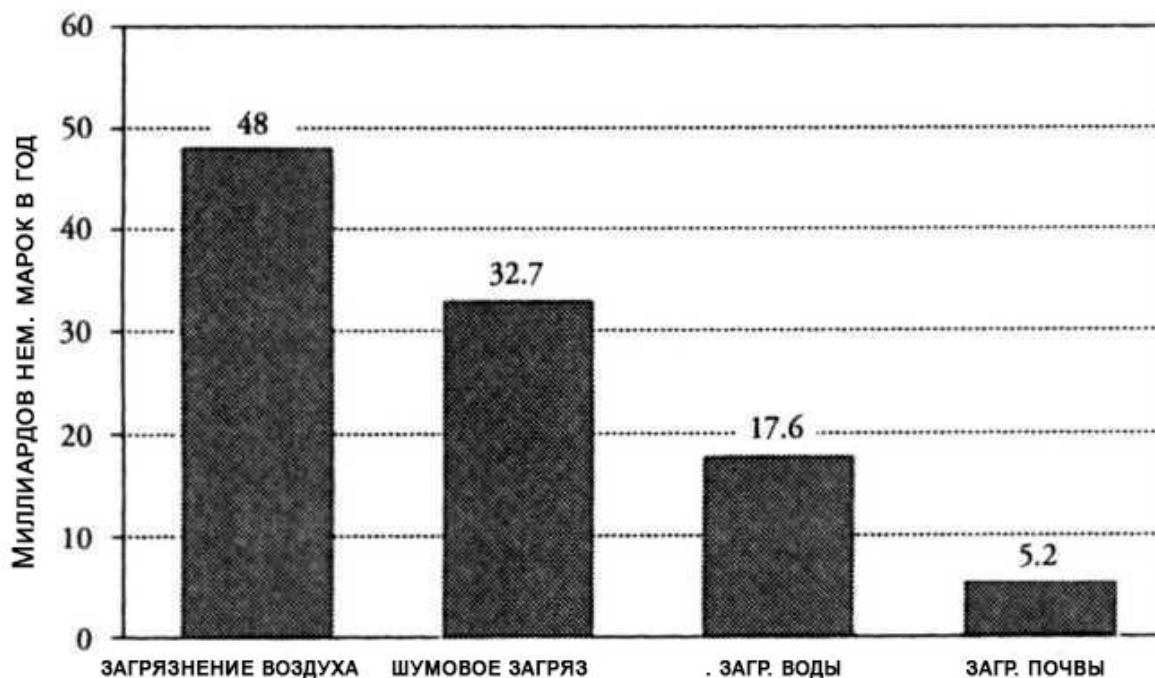
Загрязнение воздуха не является новой проблемой. Она получает все большее внимание, особенно с XIX века, когда сильный рост сжигания угля, а также других промышленных процессов привел к крайнему локальному и региональному загрязнению воздуха с воздействием на растительность и здоровье (Andersen, 1996; Brimblecombe, 1987; Bruggemeier, 1996). Большое количество выбросов дыма и серы сильно повлияло на местную окружающую среду. Наибольшее внимание в XIX и в начале 20-го века уделялось загрязнению дымом, хотя вредное воздействие серной кислоты, образующейся в результате выбросов серы, было известно к середине XIX века. Построение высоких дымовых труб стало самой важной мерой для уменьшения местного загрязнения. Однако из-за роста потребления угля и растущей промышленной активности проблемы загрязнения продолжались, увеличивались и затрагивали все более крупные регионы. Более эффективные подходы к борьбе с загрязнением оставались слабыми и неуловимыми. В 1927 году комиссия по загрязнению дымом в Рурской области (Рейн) подвела итог о том что существует «плачевный результат (...), и что нет средств чтобы удалить из дымовых газов серную кислоту, которая настолько вредна для растений. (...) Борьба с

ущербом от дыма, которая является особенно важной целью, в настоящее время считается безнадежной ». (Spelsberg, 1984, стр. 159, перевод М. Х.). Небольшое изменение произошло до Второй мировой войны.

После войны концентрации пепла и диоксида серы (SO₂) достигали невыносимых уровней в промышленных и густонаселенных районах, таких как Рурский район. Проблемы загрязнения вызвали повышенный политический интерес и стали причиной внедрения мер по борьбе с загрязнением воздуха, главным образом строительство более высоких труб и установку фильтров улавливающих пыль в больших выбросах труб. В последующие годы промышленные трубы достигали высоты до 300 м; таким образом, большая часть загрязняющих веществ была вынесена на большие расстояния (Prittwitz, 1984). Эти меры оказались очень успешными. К 1960-м годам концентрация атмосферной пыли и серы в Рурской области значительно сократилась, хотя выбросы серы все еще увеличивались. Прошло еще два десятилетия, прежде чем крупные источники выбросов, такие как электростанции, были юридически вынуждены устанавливать оборудование для удаления серы. Эта мера также оказалась чрезвычайно успешной. Выбросы серы резко сократились в течение нескольких лет в Германии и во многих других странах Западной Европы, в США, Канаде и Японии (Организация экономического сотрудничества и развития [ОЭСР], 1991 год, Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде [ЮНЕП], 1993). В Рурской области средняя концентрация SO₂ (оксид серы) упала примерно с 200 пг / м³ в 1964 году до примерно 100 пг / м³ (пикограмм на кубический м) в 1980 году и 20 пг / м³ в 1988 году (Bruggemeier & Rommelspacher, 1992, стр. 69). Выбросы азота и ЛОС (летучие органические соединения), напротив, продолжали расти вплоть до конца 1980-х годов и стали застойными в 1990-х годах. Большинство экспертов считают, что уровни выбросов этих соединений по-прежнему слишком высоки во многих регионах (Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций [ЕЭК ООН], 1995а, 1996).

Несмотря на несколько десятилетий экологических исследований и экологической политики, умирающих лесов и окисленных озер, опасности для здоровья и потери урожая, деградация материалов и ущерб, вызванный загрязнением воздуха, по-прежнему повсеместно распространены по всей Европе. Загрязнение воздуха остается одной из самых проблемных экологических проблем в Европейском союзе (ЕС). Считается, что загрязнение воздуха в Германии вызывает больший денежный ущерб, чем любая другая экологическая проблема (рис. 1).

Рисунок 1. Ориентировочные затраты на борьбу с загрязнением окружающей среды в Германии в начале 1980-х годов в соответствии с Федеральным агентством по охране окружающей среды Германии (Umweltbundesamt, цитируется в Wicke, 1986).

Решение проблем с помощью технологии

Антропогенное загрязнение воздуха вызвано техническими процессами и считается в основном технической проблемой. С 19-го века усилия по контролю качества воздуха были сосредоточены на технических средствах, таких как высокие трубы, улучшенные методы сжигания и технологии фильтрации (Brimblecombe, 1987). Начиная примерно с 1850 г., было выпущено 146 патентов в Англии и 43 патента во Франции для бездымных сжигающих устройств. В то время считалось что выбросы дыма были вызваны целостным сгоранием. Были предприняты более эффективные процессы сжигания как для экономии ресурсов угля, так и для предотвращения выбросов. Осенью 1881 года в Лондоне состоялась международная выставка бездымных сжигающих устройств. В мае 1890 года Ассоциация немецких инженеров (Verein Deutscher Ingenieure [VDI]) объявила о присуждении 4000 немецких марок методам сжигания, которые могли бы быть как можно более бездымными. Было представлено только два предложения, ни одно из которых не было признано достойным получения награды (Spelsberg, 1984, стр. 90f). Все усилия по улучшению методов сжигания оставались недостаточными для борьбы с загрязнением воздуха. Бездымное сгорание оказалось невозможным.

Высокие трубы оказались лучшим компромиссом для согласования противоречивых интересов промышленности и местного населения (Uekbttter, 1996). В конце 19-го века муниципалитеты в Германии обычно требовали высоты

труб 20 м для промышленных предприятий в городских районах (Bruggemeier, 1996, стр. 112 €). В случае металлургических работ вокруг саксонского города Фрайберг были подняты длительные споры о последствиях загрязнения воздуха. В 1840-х годах правительство Саксонии профинансировало всесторонние научные исследования StBckhardt в Tharandt около Freiberg. Эти исследования подтвердили пагубные последствия загрязнения воздуха. В связи с тем, что следует избегать ограничений производства, в 1860 году был построен дымоход в 60 м. Спустя двадцать девять лет, в 1889 году, был установлен новый 140-метровый дымоход, который оставался самой высокой трубой в Европе в течение нескольких десятилетий. Тем не менее, продолжались жалобы на неприятности, последствия для здоровья и ущерб, наносимый растениям. Вместо того, чтобы обеспечить длительное облегчение, использование высоких труб скорее увеличило размеры районов, затронутых загрязнением воздуха (Andersen, 1996; Andersen, Ott, & Schramm, 1986; Bruggemeier, 1996, p. 161ff.). Многочисленные эксперименты с дополнительными устройствами, такими как конденсационные камеры, системы подземных каналов для отвода дыма или улучшенные печи, были предприняты во Фрайберге, но ни одна из этих мер не оказалась достаточно успешной для эффективного сокращения выбросов (Bruggemeier, 1996, стр. 192).

До Первой мировой войны электрические пылевые фильтры с эффективностью 98% были доступны, но очень дороги для применения (Bruggemeier, 1996, стр. 214). Аналогичным образом, удаление серы было предметом исследований. В 1933 году электростанция в Лондоне Battersea была оснащена устройством для мойки серы, которое нуждалось в 35 тоннах воды из Темзы на 1 тонну сгоревшего угля. Это оказалось дорогостоящим и неэффективным и вскоре было прекращено (Wey, 1982, p. 1921). После Второй мировой войны, когда уровни загрязнения достигли новых размеров, технологии фильтрации и десульфуризации стали важной особенностью политики контроля качества воздуха. Хотя в послевоенный период быстро росли усилия, сами подходы и стратегии по существу не изменились. Политика относительно высоких труб стала профессионализированной, а высота труб быстро увеличивались. С 1980-х годов правовые меры вынудили применение фильтрующих технологий, таких как методы десульфуризации и денитрификации, для сокращения выбросов серы и азота крупных электростанций. А где то еще использовался каталитический нейтрализатор наряду с более эффективными двигательными технологиями, и он стал основной надеждой контролировать выбросы транспортных средств.

Загрязненный воздух и грязные правила

В XIX веке возник конфликт между экономической целью промышленного роста и целью создания здоровой и чистой среды. Как правило, экономические цели имеют приоритет и ограничивают меры контроля за качеством воздуха и законодательства. В Соединенном Королевстве «ранние предложения по

сокращению дыма не работали, частично из-за того, что администраторы, как правило, симпатизировали потребностям промышленности» (Brimblecombe, 1995, стр. 4, см. Также Ashby And Anderson, 1981). Для Германии Гилхаус описал благоприятную для промышленности политику центрального правительства в Берлине, которая часто корректировала решения местных администраций с повышенным интересом к охране окружающей среды. «В результате экологические стандарты постоянно сокращались» (Gilhaus, 1995, стр. 316, см. Также Bruggemeier, 1996, стр. 124). Защита окрестностей, растительности и материальных благ в значительной степени перешла от ответственности государства к гражданскому праву. Теперь жертвам загрязнения воздуха пришлось подавать судебные иски против промышленных предприятий, вызывающих выбросы. Обвиняемая сторона была обязана предоставить четкие доказательства того, что загрязненный воздух вызвал наблюдаемые убытки и что существует причинно-следственная связь между выбросами и ущербом. Как правило, такие доказательства невозможно было предоставить. Как следствие, традиционные права окрестностей были «упразднены практически во всех немецких государствах законодательством», как заявлял современник (Bruggemeier, 1996, стр. 148).

Согласование экономических и экологических целей казалось невозможным. Законодатели скорее приняли мягкие подходы к регулированию окружающей среды, предназначенные как для защиты промышленного развития, так и для предотвращения невыносимых уровней загрязнения окружающей среды (Prittwitz, 1984, p. 50ff.). Такие правила касались неопределенных юридических терминов, которые подразумевали гибкость интерпретации и передавали ответственность за разрешение противоречащих интересов от правительств местным администрациям и судам (Wolf, 1986). В Германии постепенное увеличение выбросов было узаконено, разрешив промышленным предприятиям загрязнять воздух в соответствии с общими местными условиями (Ortsriblichkeit). Поскольку загрязнение воздуха быстро стало общим местным состоянием во многих регионах, увеличение загрязнения воздуха оказалось юридически оправданным. Местным администрациям приходилось выдавать разрешения на строительство промышленных предприятий. Они могут требовать технические требования, такие как высокие трубы, чтобы гарантировать минимальную защиту в пострадавшем районе. Как только разрешение было предоставлено, оно гарантировало постоянную защиту промышленного предприятия.

Правовые требования по контролю выбросов в соответствии с состоянием технологии (Stand der Technik) и в соответствии с экономической обоснованностью (wirtschaftliche Zumutbarkeit) создали проблемы интерпретации. Местным администрациям приходилось решать противоречивые интересы промышленного сектора и защиты окружающей среды и принимать решения о допустимых уровнях загрязнения воздуха. Отсутствие точности юридических терминов вызвало значительную неопределенность. Фактическое применение правил варьировалось от региона к региону, как показали несколько тематических исследований

(Bruggemeier, 1996; Gilhaus, 1995; Uekotter, 1996, 2001). Снижение загрязнения воздуха остается сложным и в значительной степени зависит от личной компетентности и участия в местных администрациях. Однако местные администрации, как правило, не располагали достаточной рабочей силой и опытом для обеспечения (более эффективного) контроля за загрязнением воздуха (Gilhaus, 1995, стр. 399). Общий консенсус до 1970-х годов стал защитой промышленного роста с попыткой смягчить его воздействие на загрязнение воздуха с помощью политики высокого уровня. Политика контроля качества воздуха в значительной степени сузилась до формулирования технических правил и таких правил, как Германский технический регламент качества воздуха (Technische Anleitung Luft [TA Luft]).

Важным шагом для расширения политики контроля качества воздуха в Германии был Закон о защите качества воздуха 1974 года (Bundesimmissionsschutzgesetz). Этот закон превратил контроль качества воздуха из второстепенной темы промышленного кодекса в центральное обязательство правительства, предоставляющего законодателю гораздо больше возможностей для юридического вмешательства. Закон был принят с большим энтузиазмом комментаторами, поскольку он включал фундаментальное концептуальное изменение политики технического регулирования в пользу политики предосторожности и защиты окружающей среды. Закон обязывал администрации принимать меры в случаях высокого уровня загрязнения (Muller, 1986, стр. 186ff, Wolf, 1986, стр. 161ff.). В первые годы влияние закона оставалось очень ограниченным. Как пояснил Майнтц (1978), ограниченное влияние было вызвано проблемами реализации. Ответственным органам не хватало персонала, опыта и технической информации и оборудования для мониторинга загрязнения воздуха. Кроме того, из-за ограниченных ресурсов власти должны были опасаться участия в судебных делах. Майнтц пришел к выводу, что эти условия «почти вынудили (власти) избегать конфликтов и ограничивать административные расходы» (стр. 53). Тем не менее, после значительной политической борьбы, в 1983 году было принято окончательное решение «Регулирование крупных горелок» (Großfeuerungsanlagenverordnung) и вынудило крупные электростанции установить оборудование для десульфурирования и денитрификации.

С ростом интереса к охране окружающей среды с 1970-х годов в Германии наблюдалось быстрое расширение экологической политики и законодательства. В 1980-х годах природоохранное законодательство стало весьма сложным и довольно разрозненным вопросом в связи с увеличением числа национальных и международных норм и регулировок. В середине 1980-х годов немецкое природоохранное законодательство приняло около 1350 различных норм, связанных с борьбой с загрязнением. Этот набор норм был описан как «беспорядочная коллекция очень разных и специфических правил» (Sammelurium höchst unterschiedlicher Spezialreglungen) и как «хаос норм» (Normenwirrwarr).

(Wolf, 1986, стр. 19, стр. 186). Единое и последовательно структурированное природоохранное законодательство еще не достигнуто (Kloepfer, 1994).

Под контролем?

Еще в 19 веке ущерб, вызванный загрязнением воздуха, мотивировал систематические исследования по проблемам загрязнения воздуха и воздействия на растительность и здоровье. Ранним примером является работа Стокхарда, в которой указывается причинно-следственная связь между загрязнением воздуха и ущербом для здоровья в районе Фрайберга, причинной связи загрязнения воздуха и ущерба, которые могут быть установлены с помощью научных доказательств. Эксперименты предполагали, что даже низкий уровень концентрации серы вызывал ущерб и проблемы со здоровьем. Но не было достигнуто согласия в отношении эффективных мер по охране окружающей среды, поскольку цели промышленного производства имели политический приоритет (Bruggemeier, 1996, p. 193ff.).

Какое влияние эти и другие ранние научные исследования оказали на контроль качества воздуха? Ответы на этот вопрос значительно разнятся. По словам Спельсберга (1984, стр. 38f.), исследования, связанные с загрязнением воздуха, оставались ограниченными и довольно незначительными с точки зрения политической силы в борьбе с загрязнением воздуха. Они мало способствовали тому, чтобы проблемы загрязнения воздуха были предметом публичных и политических дебатов. Гильхаус подчеркнул, что более эффективной профилактике загрязнения воздуха препятствуют «сильные институциональные недостатки и нехватка персонала в области научных исследований и консультаций» (Gilhaus, 1995, стр. 399). Властям не хватало измерительных технологий и научной компетентности. Количество и качество измерений качества воздуха оставались плохими и снижали как достоверность, так и политическое влияние научных результатов (стр. 131f.).

Историк Uekotter (1996) исследовал загрязнение воздуха в городах в Берлине, Штутгарте и Бремене в конце 19-го и начале 20-го века. Основываясь на анализе современной технической литературы, он считал возможным техническое решение о загрязнении дымом в то время. В его интерпретации борьба с загрязнением воздуха была проблемой организации, а не технической проблемой. «Горлышко бутылки (эффективная стратегия борьбы с загрязнением дымом) - это координация и организация подходящей стратегии борьбы с загрязнением». В основном не было «конструктивного диалога» технических и юридических экспертов и четкой ответственности за сокращение дыма. Загрязнение воздуха стало повсеместной и растущей проблемой, поскольку не существовало какой-либо политической группы или власти, которая была бы готова и могла бы создать подходящие организационные условия для борьбы с загрязнением воздуха (стр. 13ff.).

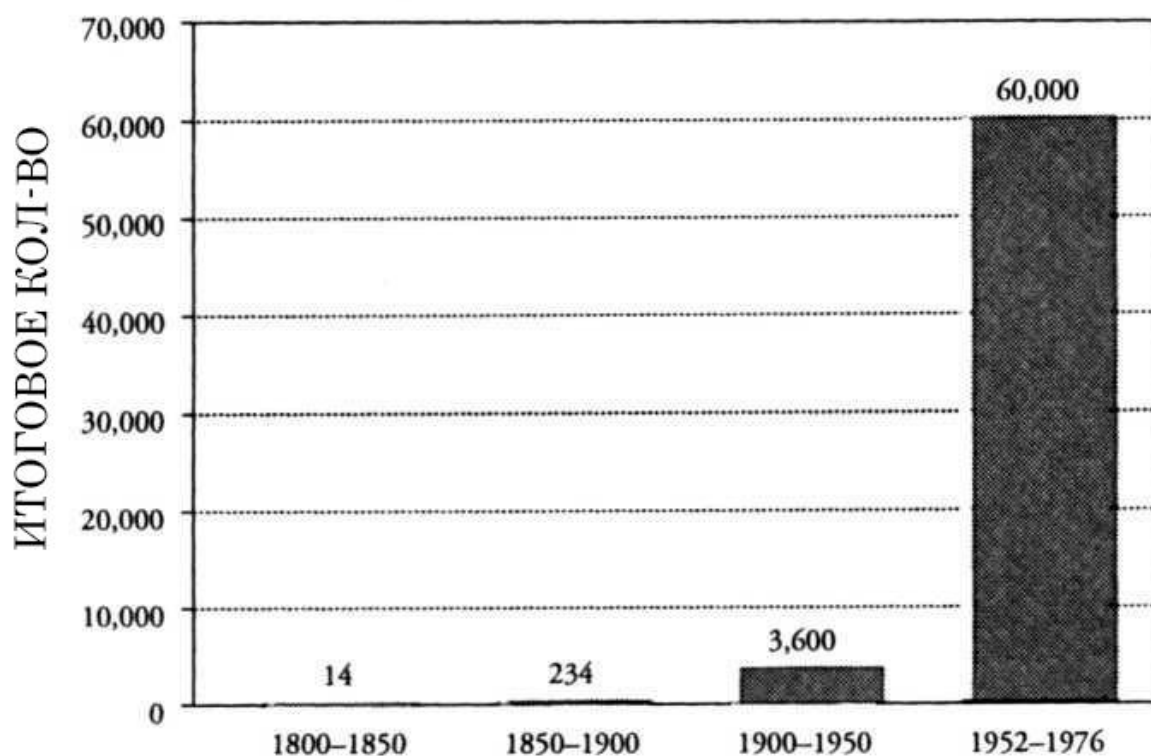
Из примеров исследований промышленного загрязнения воздуха в XIX веке в Германии, Италии и Бельгии Штольберг (1994) сделал вывод о том, что научные эксперты стали играть важную роль не в борьбе с загрязнением воздуха, а для легитимизации индустриализации и принятия негативных последствий этого. По мнению Штольберга, вопрос о допустимых уровнях загрязнения не может быть удовлетворен научной строгостью, а должен основываться на принятии важных решений. В то время как заявления и рекомендации ученых несли авторитет, экологические интересы и аргументы местного населения часто оставались не услышанными. В результате ученые помогли «сделать загрязнение воздуха и воды приемлемым как неперемное следствие стремления к прогрессу, процветанию и труду» (стр. 304). Аналогичная тенденция профессионализации экспертизы и сдвига политического влияния наблюдалась в XX веке. По словам Вей (1982), расследование и обсуждение проблем загрязнения воздуха перешли от политических институтов или общественных учреждений в научные конференц-залы. Проблема загрязнения воздуха постепенно трансформировалась из вопроса общественного интереса и дебатов в дело экспертного дискурса. В результате существовали два разных подхода к охране окружающей среды: они так и остались отдельными: сохранение природы и технологическая охрана окружающей среды. Эти стратегии никогда не связывались). и интегрировались в последовательную концепцию борьбы с загрязнением (стр. 13f1 Штольберг, Вей и Вольф описали снижение политизирования борьбы с загрязнением в XIX и XX веках, которая продолжалась до 1970-х годов. С другой стороны, события с 1970-х годов интерпретируются как повторная политизация борьбы с загрязнением (Muller, 1986, стр. 56ff, Wolf, 1986, стр. 161f1). С ростом экологического движения политический интерес к экологическим вопросам увеличился. Хотя научная экспертиза, по-видимому, способствовала де-политизации борьбы с загрязнением вплоть до 1970-х годов, переориентация экологических вопросов не уменьшила ее значение. Напротив, инвестиции в исследования, ориентированные на политику, значительно выросли. Научная экспертиза стала предметом большого общественного и политического интереса.

Исследования после 1945 года: кто является экспертами?

Растущие проблемы загрязнения воздуха способствовали чрезвычайному росту исследований загрязнения воздуха в послевоенной Европе. Знания о загрязнении воздуха в 1950-х годах были в основном недостаточными. Данные о выбросах и источниках выбросов были неполными и ненадежными (только для самых больших источников использовались какие-либо данные), имелась небольшая информация о процессах атмосферного транспорта, и, как известно, не было подробностей о воздействии загрязнения воздуха (например, критические уровни загрязняющих веществ концентрации). Концепций комплексных стратегий управления не существует. Рост исследований загрязнения воздуха с 1950-х годов отразился на растущем потоке научных публикаций. В 1950-х годах число публикаций по загрязнению воздуха во всем мире выросло с количества в 160 до более чем 800

ежегодно (Halliday, 1964, стр. 3). Ученый-атмосферник Стерн подсчитал около 3600 научных публикаций по загрязнению воздуха в первой половине 20-го века по сравнению с примерно 60 000 публикаций в период 1952-1976 гг. (Стерн, 1977, стр. 1022, см. Рисунок 2). Исследовательские усилия относительно атмосферы и климата, финансируемые федеральными правительствами и правительствами штатов, выросли почти на 29% в год, с 6,2 млн. Марок в 1979 году до 168 млн. Марок в 1992 году (Bundesministerium für Forschung and Technologie [BMFT], 1990, стр. 347, Wissenschaftsrat, 1994, стр. 138).

РИСУНОК 2. (ГЛ.8)

Рисунок 2. Количество научных публикаций по загрязнению воздуха (на основе тех, что опубликованы Halliday, 1964, Spelsberg, 1984; Stern, 1977).

Неудивительно, что послевоенные исследовательские усилия и научный опыт по загрязнению воздуха по-прежнему характеризовались технологической ориентацией. В 1957 году VDI (ассоциация инженеров) создала комиссию по контролю качества воздуха. Комиссия VDI стала ведущим экспертом в области политики чистого воздуха. Она создала многочисленные рабочие группы в четырех основных областях исследований (Spiegelberg, 1984, стр. 47ff.): (1) происхождение и выброс дыма и газов (700 экспертов из 75 рабочих групп в 1983 году); (2) транспортировка и осаждение пыли и газов (24 рабочих группы в 1983 году); (3) воздействие на здоровье человека, животных, растительность и материальные блага (около 170 экспертов в 37 рабочих группах); и (4) измерительные технологии

и технологические проблемы (450 экспертов в 50 рабочих группах). Эксперты Комиссии VDI пришли из промышленности (48,2%), университетов и научно-исследовательских институтов (23,8%), из государственных органов (16,6%) и других учреждений. Профессиональный опыт был в основном инженерным, физическим или химическим (76,2%), а также небольшим медицинским, биологическим, лесным и т. д.(14,5%). Экономисты, юристы и социологи играли лишь незначительную роль (Wolf, 1986, стр. 1471.). Комиссия VDI разработала технические регламенты, поддерживающие законные меры контроля качества воздуха. Примером является техническое регулирование строительства высоких труб, которое было изложено в 1964 году (Technische Anleitung Luft, 1964). В нем описано применение сложных методов расчета для определения требуемой минимальной высоты труб (Prittwitz, 1984, стр. 711.).

РИС. 3 (ГЛ.8)

Рисунок 3. Количество исследовательских проектов по загрязнению воздуха, финансируемых Федеральным агентством по окружающей среде Германии (Umweltbundesamt) в области инженерных наук, естественных и социальных наук (рассчитано из списков проектов Федерального агентства по окружающей среде Германии).

В период 1974-1995 годов около 64% всех проектов по проблемам загрязнения воздуха, финансируемых Федеральным агентством по окружающей среде Германии, находились в машиностроении, около 34% в естественных науках и примерно в 1,5% в социальных науках (рисунок 3). В технических и естественных науках исследования загрязнения воздуха достигли высокой степени сложности, организации и интернационализации, начиная с 1970-х годов. В 1978 году ЕЭК ООН создала Европейскую программу мониторинга и оценки (ЕМЕП). Следовательно, значительная исследовательская работа напрямую связана с политическими переговорами (ЕЭК ООН, 1995 год). В 1988 году программа EUROTRAC начала работать и обеспечила самую сильную европейскую сеть исследований в области атмосферных наук по загрязнению воздуха в тропосфере.

Степень исследовательских усилий, степень организации и интернационализации социальных исследований в области загрязнения тропосферного воздуха оставались значительно ниже. Проблема закисления среды вызвала значительный интерес у социальных ученых в 1980-х годах (Janicke, 1990; Knoepfel & Weidner, 1983; Mayntz, 1978; Regens & Rycroft, 1988; Weidner, 1986; Wetstone & Rosencrantz, 1983). Большинство этих материалов были сосредоточены на проблемах реализации политики и международного сотрудничества. В 1990-х годах число вклада социальных наук в проблемы, связанные с загрязнением воздуха в тропосфере, сильно сократилось. Интерес скорее переключился на темы, связанные с проблемой изменения климата (van der Sluijs, 1997). В 1996 году правительство Германии запустило новую комплексную исследовательскую программу по проблемам загрязнения воздуха в тропосфере. В качестве одного из четырех ключевых мероприятий программы были запланированы социально-экономические исследования по загрязнению воздуха в тропосфере. Однако эта часть программы не была реализована.

Дополнение технологии: влияние и стимулирующий контроль

В последние годы были различные стратегии контроля качества воздуха. Различные европейские страны, в том числе Германия, Австрия, Швейцария и Швеция, применяют стратегии сокращения выбросов на основе наилучшей имеющейся технологии. Эти технологические подходы позволили довольно быстро сократить выбросы в важных секторах. Экологическое регулирование вынуждало использовать технологию сокращения выбросов, такую как методы десульфурирования на электростанциях или каталитический нейтрализатор в автомобилях. Технологические подходы имеют преимущество потенциально быстрой реализации, потому что они не требуют большого количества дополнительных исследований (Heumann, Trukenmuller, & Friedrich, 1993). Реализация технических мер борьбы с загрязнением в прошлом была скорее проблемой институциональных структур и политических интересов и власти, чем проблемой научного понимания и доказательств (Boehmer-Christiansen & Skea, 1991; Mayntz, 1978; Uekotter, 2001; Wolf, 1986).

Однако в последние годы ученые противятся технологическим подходам в силу их неэффективности, поскольку инвестиции в контроль качества воздуха на основе наилучших имеющихся технологий не обязательно приводят к максимальному сокращению экологического ущерба. Инвестиции в лучшие технологии для сокращения выбросов в конкретном секторе могут оказаться чрезвычайно дорогими и менее эффективными, чем инвестиции сопоставимого порядка в других регионах или секторах. Эта проблема становится особенно очевидной в международном контексте. Инвестиции в Германии, направленные на дальнейшее сокращение закисления среды в атмосфере, скорее всего, будут намного менее эффективными, чем инвестиции того же порядка в Польше или Чехии, которые по-прежнему используют гораздо более старые и менее эффективные технологии.

Международный контекст загрязнения воздуха оказался особенно важным, поскольку крупные доли всех национальных выбросов в Европе экспортируются в другие страны (Sandnes & Styve, 1992).

Чтобы избавиться от недостатков технологических подходов, с конца 1980-х годов ученые предложили стратегии борьбы с выбросами (Grennfelt, Nov, Derwent, 1994). Стратегии сокращения выбросов основаны на повышении эффективности затрат на борьбу с загрязнением воздуха (наилучшие результаты с наименьшими затратами). Поскольку меры по сокращению выбросов приводят к значительным расходам, было сочтено чрезвычайно важным предоставить знания о том, какие загрязнители атмосферы должны уменьшаться и в какой степени их уменьшить, с тем чтобы добиться максимального улучшения состояния окружающей среды. Стратегии, основанные на воздействиях, направлены на максимальное сокращение вредных последствий загрязнения атмосферы, что может означать разные уровни сокращения выбросов в разных секторах и регионах и не обязательно максимальное сокращение выбросов во всех секторах и регионах. В идеале эти стратегии требуют полного знания причинно-следственной цепи выбросов и последующих ущербов, то есть причинно-следственной связи выбросов, атмосферного переноса, осадков загрязняющих веществ, последствий и ущерба, вызванных этими загрязнителями, и денежной стоимости этих ущербов. Ученые из атмосферы в EUROTRAC и многие другие проекты сосредоточились на исследовании взаимосвязи между выбросами и эффектами с помощью компьютерных моделей атмосферного моделирования (моделирование источника-рецептора). На основе знаний о фактических выбросах были рассчитаны метеорологические параметры, химия атмосферы и поведение осадков, отношения источника-рецептора. На основе таких расчетов можно исследовать положительное влияние возможных мер по сокращению выбросов. Этот подход называется Интегрированным методом оценки (IAM). Он подразумевает, однако, очень сложные и затратные усилия сам по себе. Более того, он по-прежнему связан с фундаментальными неопределенностями (Neumann, 2000; van der Sluijs, 1997).

Стратегии сокращения выбросов на основе эффектов были применены в рамках Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (ЕЭК ООН, 1995b). Второй протокол по сокращению выбросов серы, который был подписан в 1994 году, обязывает государства-члены сократить выбросы серы в соответствии с ущербом, которые они наносят. В настоящее время по-прежнему существует большой разрыв между фактическими осадками серы в Европе и максимальными уровнями осаждения без негативного воздействия на окружающую среду (критическая нагрузка). Соглашение по второму протоколу по сере требует, чтобы государства-члены сократили этот разрыв на 60% (закрытие 60% разрыва) к 2010 году. Из-за разной чувствительности экосистем такие страны, как Испания и Греция, должны сократить выбросы серы на 35% и 4 %, соответственно, по отношению к выбросам в 1980 году, в то время как Германия,

Швеция и Соединенное Королевство должны реализовать сокращение выбросов серы на 80% (ApSimon, Pearce, & Ozdemiroglu, 1997, стр. 5).

Другая область исследований, посвященная контролю загрязнения воздуха, - экологическая экономика. Экономисты предложили заменить экологическую политику, основанную на большом количестве индивидуальных правил внедрением новых систем экономических стимулов, совместимых с экологическими целями. Такие системы стимулирования могут включать экономические инструменты, такие как экологические налоги, например налоги на использование энергии или выбросы, или покупку разрешений на выбросы, которые позволяют владельцу выпускать определенный объем выбросов в окружающую среду. Дополнительные расходы, вызванные экологическими налогами или покупка разрешений на выбросы, устанавливают экономический стимул для сокращения выбросов, если можно ожидать, что меры по сокращению выбросов (или меры по экономии энергии) будут дешевле. Стратегии, основанные на экономических стимулах, направлены на изменение экологического контроля с регулирующей политики на рыночные механизмы и, таким образом, освобождение государственных органов от подготовки, реализации и контроля огромного набора экологических норм и регулирований и освобождение промышленности от преодоления сотен различных правил. Тем не менее, экономические инструменты до сих пор оставались маргинальными в европейской экологической политике (Frey & Schneider, 1996, OECD, 1994).

Признаки затруднений

Политики, ученые и экологи в целом согласны с необходимостью исследований загрязнения воздуха. В последнее время заметны признаки затруднения в отношении качества и применимости научных результатов для экологической политики.

Один пример связан с проектом EUROTRAC. На симпозиуме EUROTRAC в 1990 году ответственный сотрудник Министерства исследований и технологий Германии Бернхард Рами выразил свое разочарование в своем вступительном слове. Он подчеркнул, что «в какой-то момент необходимость рассказать общественности, что сделал EUROTRAC и каков ее точный вклад в решение насущных проблем загрязнения воздуха будет очень ясной» (Rami, 1991). Два года спустя рецензенты EUROTRAC заключили на симпозиуме EUROTRAC в 1992 году, что «был достигнут очень ограниченный прогресс в достижении этой цели» (Hardy & Muirhead, 1993). Исследовательские проекты и исследователи EUROTRAC создавали впечатление, что доминируют исключительно научные интересы. Руководящий комитет EUROTRAC получил это сообщение с большим вниманием. В качестве ответа они создали новый подпроект под названием «Проект приложения», который будет проводиться несколькими наиболее известными учеными из атмосферы в EUROTRAC. Участникам проекта была поставлена задача обобщить результаты исследований EUROTRAC, выработать

политические рекомендации из этих результатов и представить их в форме, которую должны понимать экологические политики (Borrell, Bultjes, Grennfelt, & Nov, 1997). В ЕВРОТРАК-2 была принята другая стратегия для обеспечения подходящего научно-политического отношения с самого начала. Параллельно с исследовательскими проектами EUROTRAC была создана Группа экологической оценки, в которой ведущие ЕВРОТРАК и другие ученые-атмосферники и представители природоохранных органов постоянно рассматривают и сообщают о прогрессе в ЕВРОТРАК.

Знаки затруднений также были заметны в отношении результатов исследований в области экономики окружающей среды. Бывший министр окружающей среды Германии Клаус Топфер считал, что исследования неадекватны:

Ученые участвовали в обсуждении абстрактных и теоретических моделей в идеальных условиях, которые далеки от реальности. Рекомендации контрольных инструментов (...), следовательно, основывались на изолированном анализе экономической и экологической эффективности в модельных условиях. Исключение составляют исследования этих гипотез в реальных условиях и разработка подробных рекомендаций для политических действий. Раздражение в области политики, вызванное этим дефицитом, не способствовало повышению политической массы экономических инструментов в административных рамках. (...) В конце концов, все такие политические инициативы ни к чему не привели. (Topfer, 1989)

Аналогичным образом Фрей и Шнайдер (Frey and Schneider, 1996) пришли к оценке того, что потенциал экономических стимулов в экологической политике был переоценен, и, тем самым, проблемы, связанные с осуществлением таких экономических мер, были недооценены для конституционных демократий.

Восприятие загрязнения воздуха: технократический предрассудок?

В последние годы стали очевидны пределы технических подходов к борьбе с загрязнением воздуха. Это особенно справедливо для выбросов мобильных источников, которые по-прежнему являются «одной из наиболее неотложных и неразрешимых проблем» (Grant, 1999, с. 1). «Многие проблемы загрязнения воздуха остаются, потому что значительный прогресс в противодействии этим проблемам сводится на нет благодаря экономическому росту и особенно росту трафика». (De Voer, 1998, стр. 4) «Технологические улучшения недостаточны для компенсации тенденций роста», - заключил Ван Эгмонд (van Egmond, 1998, стр. 45). В ходе всесторонней оценки экологических исследований в Германии Германский научный совет (Wissenschaftsrat) критиковал продолжающееся доминирование «природоочистных технологий» для смягчения экологических проблем, которые не влияют или не меняют процессы выбросов, а пытаются уменьшить выбросы после того, как они произошли (Knoepfel & Weidner, 1983; Wissenschaftsrat, 1994, стр. 30).

Почему технологически ориентированные подходы были настолько привлекательными? Почему социальные исследования по загрязнению воздуха не имеют интеграции? На первый взгляд, причина объясняется характером проблемы. Загрязнение воздуха заставляет технические и естественные науки отвечать на сложные проблемы. Тем не менее Германский научный совет выразил озабоченность по поводу низкого представительства гуманитарных и социальных наук в исследованиях в области окружающей среды, которые до сих пор оказывались «второстепенными» (Wissenschaftsrat, 1994, стр. 8).

Важным фактором может быть наличие и выбор мер и показателей для описания состояния загрязнения. Поскольку концентрации дыма и серы были ведущими (или даже единственными) показателями и исследованиями, ориентированными на городские и промышленные регионы, другие явления загрязнения оставались вне поля зрения. Загрязнение воздуха, по-видимому, является локальной проблемой пыли(дыма) и серы. С этой точки зрения, высокие трубы оказались вполне достаточными для улучшения качества воздуха, а выбросы все еще увеличивались. Не менее важным может быть отсутствие общепринятых показателей, описывающих последствия загрязнения воздуха.

Последствия от загрязнения воздуха редко можно было доказать, и жалобы на неприятности и чувства нездоровья, вызванные загрязнением воздуха, не воспринимались очень серьезно. Хорошо известно, что даже низкие концентрации серы в атмосфере могут влиять на экосистемы. Но эта часть проблемы оказалась маргинальной и в значительной степени игнорировалась до конца 1960-х годов. Открытие таких проблем, как популяция умирающих рыб в подкисленных скандинавских озерах (в середине 1960-х годов), высокие уровни загрязнения озоном в Европе (в середине 1970-х годов), умирающие леса в Германии (в начале 1980-х годов), истощение озонового слоя в стратосфере (середина 1980-х годов), и глобальное потепление (в конце 1980-х годов), следовательно, появилось как научные эффекты с сильными последствиями в обществе и в политике. Эти проблемы были предсказаны или проанализированы задолго до этого, но казались незначительными и получили мало внимания (Grimblecombe, 1995). Однако научное, политическое и общественное восприятие этих событий сильно изменилось. Разработка стратегий борьбы с выбросами на основе эффектов в последние годы может рассматриваться в результате этих сдвигов восприятия.

Коммуникация среди экспертов в разных областях

В последние десятилетия в ЕС наблюдался фундаментальный сдвиг относительно загрязнения воздуха от проблем первичного загрязнения (сера и пыль) к вторичным проблемам загрязнения (фотоокислители). Это изменение отражает изменение и экономических структур, технологий, образа жизни и социальных институтов. В то время как первичное загрязнение воздуха можно рассматривать как решенное, в значительной степени, в ЕС, проблемы вторичного загрязнения еще далеки от решения. Смена использования топлива с угля на нефть и смещение основных

источников выбросов из крупных угольных горелок, таких как электростанции в рассеянные малые источники, такие как транспортные средства, создают новые проблемы для контроля качества воздуха. Выбросы серы могут быть эффективно уменьшены за счет уменьшения выбросов сравнительно небольшого количества крупных источников (главным образом, электростанций) с помощью дополнительного технического оборудования. Эти меры по-прежнему не повлияли на промышленную деятельность, экономический рост, потребительские привычки и образ жизни (но все же вызвали значительную политическую борьбу).

В случае азота и летучих органических соединений эффективное сокращение выбросов представляется гораздо более сложным. Выбросы вызваны большим количеством разнообразных и рассеянных источников, а технологические средства, такие как использование каталитических нейтрализаторов в автомобилях или экономичные моторные технологии, кажутся недостаточными, поскольку они частично компенсируются ростом размера автомобиля и пробегом. Таким образом, традиционные стратегии контроля, как представляется, имеют ограниченный эффект. Более эффективные стратегии контроля в будущем могут потребовать более глубоких вмешательств в экономику и общество, таких как сокращение выбросов, например, сокращение использования автотранспортных средств. Например, в Германии были предложены и приняты меры, такие как повышение цен на топливо или введение экологических налоговых систем. Будущие усилия по решению проблем загрязнения воздуха могут потребовать политических, экономических и социальных процессов параллельно с техническими мерами.

Еще одна проблема, заслуживающая внимания, - это отношение науки и политики. Производство и передача соответствующих знаний не кажется простой. Организационные проблемы, такие как Uekotter (1996, 2001) описал в исторических тематических исследованиях, также должны соблюдаться в текущих исследованиях и усилиях контроля. Они поднимают вопрос о том, какие институты необходимы для обеспечения и улучшения потока информации и взаимной коммуникации, а также для определения будущих потребностей и стратегий исследований. Проблемы обмена и коммуникации не только влияют на отношение науки и политики, но и существуют между различными областями исследований:

Дефицит диалога в немецких экологических исследованиях проявляется как в разных областях естественных, технических, так и социальных наук, но, прежде всего, между этими большими областями науки. Этот дефицит препятствует достижению экологических исследований и препятствует разработке и реализации стратегий и мер по охране окружающей среды. (Wissenschaftsrat, 1994, стр. 8).

В настоящее время цели исследований в печати делит на экономистов, исследующих стратегии экономического контроля, ученых-атмосферников, сосредоточенных на инструментах для стратегий борьбы с последствиями, и технологов, работающих над технологиями борьбы с загрязнением. Как сочетать такие стратегические варианты? Есть ли перспективы интеграции и комбинации?

Представляется очень сложной задачей для лиц, принимающих решения, сделать свой выбор из большого объединения различных стратегических вариантов, которые разрабатываются и оцениваются в совершенно разных научных сообществах, которые не имеют перекрёстных данных и, по-видимому, не поддерживают коммуникацию между друг другом (Grant, 1999; Haas, Keohane, & Levy, 1993; Проект социального обучения в Гарварде, см. Clark, 2001).

Есть ли здесь роль для исторической экспертизы?

Почему проблемы управления и контроля потерпели провал на пике огромных научных и политических усилий? В какой степени это является провалом проблемного восприятия, понимания научной проблемы или экологической политики и законодательства? Как институционализировалась связь между наукой и политикой? Каковы проблемы и перспективы для будущего контроля качества воздуха?

Те, кто обращается к будущему контролю качества воздуха, должны знать об опыте и ограничениях прошлых усилий. Ответ на поставленные выше вопросы - подлинная задача исторических исследований, в частности, экологических историков. Исторические исследования не станут средством поиска комплексных решений проблем загрязнения воздуха. Тем не менее, это может способствовать управлению загрязнением воздуха, улучшая наше понимание проблемы. У историков есть задача проанализировать восприятие и подходы в области атмосферных наук и экологической политики прошлых лет и выделить сильные стороны и проблемы прошлых событий. Региональные условия, политические структуры, экономические интересы и институциональные условия, а также способы понимания, убеждения, утверждений и идеологии способствуют многообразию проблем развития, проблем понимания и проблем управления многообразных способов. Сила исторических исследований заключается в том, чтобы погрузиться в глубину исторических процессов (которые могут быть процессами совсем недавнего прошлого) и пересмотреть множество факторов и причинно-следственных связей.

Историческая экспертиза может способствовать выявлению проблем, улучшению понимания проблем и предоставлению рекомендаций для выработки политики. Такой опыт может включать рекомендации, касающиеся вопросов, например, как изменились проблемы загрязнения воздуха в прошлые годы и что это может означать относительно необходимости будущих исследований или какие проблемы интеграции знаний и научной экспертизы существуют и как они могут быть преодолены в будущем. Проект TRAP45, упомянутый во введении, представляет собой небольшой шаг в этом направлении. Принятие TRAP45 в качестве подпроекта EUROTRAC указывает на понимание междисциплинарного характера проблемы загрязнения воздуха. Однако разработка проекта дает пессимистический прогноз. Хотя цели TRAP45 были оценены научным сообществом, его задачи не

могут быть выполнены в полном объеме к 2002 году из-за отсутствия поддержки со стороны национальных и международных финансовых учреждений.

Источники

- Andersen, A., Ott, R., & Schramm, E. (1986). Der Freiburger Huttenrauch 1849-1865. Umweltauswirkung, ihre Wahrnehmung and Verarbeitung. *Technikgeschichte*, 53, 169-200.
- ApSimon, H., Pearce, D., & Ozdemiroglu, E. (1997). Acid rain in Europe: Counting the cost. London: Earthscan.
- Ashby, E., & Anderson, M. (1981). The politics of clean air. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Boehmer-Christiansen, S., & Skea, J. (1991). Acid politics: Environmental and energy policies in Britain and Germany London: Belhaven Press.
- Borrell, P., Bultjes, P., Grennfelt, P., & Hov, O. (Eds.). (1997). Photo-oxidants, acidification and tools: Policy applications of EUROTRAC results (The report of the EUROTRAC Application Project). Berlin: Springer.
- Brimblecombe, P. (1987). The big smoke. London: Methuen.
- Brimblecombe, P. (1995). History of air pollution. In B. S. Hanwant (Ed.), Composition, chemistry and climate of the atmosphere (pp. 1-18). New York: Van Nostrand Reinhold.
- Bruggemeier, F. J. (1996). Das unendliche Meer der Luft. Luftverschmutzung, Industrialisierung and Risikodebatten im 19. Jahrhundert. Essen, Germany: Klartext.
- Bruggemeier, F. J., & Rommelspacher, T. (1992). Blauer Himmel fiber der Ruhr: Geschichte der Umwelt im Ruhrgebiet 1840-1990. Essen, Germany: Klartext.
- Bundesministerium fir Forschung and Technologic (BMFT) (Ed.). (1990). Faktenbericht 1990 zum Bundesbericht Forschung. Bonn, Germany.
- Clark, W. C. (2001). Learning to manage global environmental risks. (Vol 1: A comparative history of social responses to climate change; Vol. 2: A functional analysis of social responses to climate change, ozone depletion, and acid rain). Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- De Boer, M. (1998). Facing the air pollution agenda for the 21st century. In T. Schneider (Ed.), Air pollution in the 21st century.- Priority issues and policy (pp. 3-8). Amsterdam: Elsevier.
- Egmond, N. D. van. (1998). Historical perspective and future outlook. In T. Schneider (Ed.), Air pollution in the 21st century: Priority issues and policy (pp. 35-46). Amsterdam: Elsevier.
- Frey, B., & Schneider, F. (1996). Warum wird die Umweltikonomik kaum angeevndet? Linz, Austria: Universitit Linz, Institut fir Volkswirtschaft slehre (Working paper 9617).
- Gilhaus, U. (1995). Schmerzenskinder der Industrie - Umweltverschmutzung, Umurkpolitik and sozialer Protest im Pndustriezeitalter in Westfalen 1845-1914. Paderbom, Germany: Schoningh.
- Grant, W. (Ed.). (1999). The politics of improving urban air quality Cheltenham, UK: Elgar.
- Grennfelt, P., Hov, O., & Derwent, R. G. (1994). Second generation abatement strategies for NO_x, NH₃, SO₂ and VOC. *Ambio*, 23, 425-433.
- Haas, P., Keohane, R. O., & Levy, M. A. (1993). Institutions for the earth: Sources of international environmental protection. Cambridge, MA: MIT Press.

- Halliday, E. C. (1964). Zur Geschichte der Luftverunreinigung. In World Health Organization (Ed.), Die Verunreinigung der Luft. Ursachen, Wirkungen, Gegenmaßnahmen (pp. 1-3 1). Weinheim, Germany: Verlag Chemie.
- Hardy, D., & Muirhead, IC (1993). EUROTRAC review: Presentation by the reviewing firm. In P. M. Borrell, P. Borrell, T. Cvitas, & W. Seiler (Eds.), Photo oxidants: Precursors and products. Proceedings of EUROTRAC Symposium '92 (pp. 9-13). The Hague, The Netherlands: SPB Academic.
- Heymann, M. (1998). Tropospheric air pollution problems and air pollution abatement in Europe since 1945. In P. M. Borrell & P Borrell (Eds.), Transport and chemical transformation in the troposphere: Proceedings of EUROTRAC Symposium 98 (pp. 418-422). Southampton, UK: WIT Press.
- Heymann, M. (2000). Perceptions of uncertainty~ A problem in atmospheric modelling? In P Brimblecombe (Ed.), TRAP45 Annual Report, 1998 (pp. 1218). Munich, Germany: EUROTRAC-2 International Scientific Secretariat.
- Heymann, M., Trukenmuller, A., & Friedrich, R. (1993). Development prospects of emission inventories and atmospheric transport and chemistry models. Results of the DEMO project. Stuttgart, Germany: Institut für Energiewirtschaft und Rationelle Energieanwendung.
- Isaksen, I. S. A. (1991). The EUROTRAC Project. In P. Borrell, P. M. Borrell, & W. Seiler (Eds.), Transport and transformation of pollutants in the troposphere: Proceedings of the EUROTRAC Symposium 90 (pp. 15-16). The Hague, The Netherlands: SPB Academic.
- Jörticke, M. (1990) Erfolgsbedingungen von Umweltpolitik im internationalen Vergleich. Zeitschrift für Umweltpolitik und Umweltrecht, 13, 213-232.
- Jasanoff, S. (1990). The fifth branch. Science advisers as policymakers. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Kloepfer, M. (1994). Zur Geschichte des deutschen Umweltrechts. Berlin: Duncker & Humblot.
- Knoepfel, P., & Weidner, H. (1983). Die Durchsetzbarkeit planerischer Ziele auf dem Gebiet der Luftreinhaltung aus Sicht der Politikwissenschaft. Zeitschrift für Umweltpolitik, 4(2), 87-115.
- Mayntz, R. (Ed.). (1978). Vollzugsprobleme der Umweltpolitik. Empirische Untersuchung der Implementation von Gesetzen im Bereich der Luftreinhaltung and des Gewässerschutzes. Stuttgart, Germany: Kohlhammer.
- Miller, C., & Edwards, P. N. (Eds.). (2001). Changing the atmosphere. Expert knowledge and environmental governance. Cambridge, MA: MIT Press.
- Muller, E. (1986). Innenwelt der Umweltpolitik Sozialliberale Umweltpolitik-(Ohn)Macht durch Organisation? Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). (1991). The state of the environment. Paris: OECD.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). (1994). Project and policy appraisal- Integrating economics and environment. Paris: OECD.
- Prittitz, V. von. (1984). Umweltauflagenpolitik. Grenzüberschreitende Luftverschmutzung in Europa. Frankfurt a.M., Germany: Campus.
- Rami, B. (1991). Opening address. In P Borrell, P. M. Borrell, & W. Seiler (Eds.), Transport and transformation of pollutants in the troposphere: Proceedings of the EUROTRAC Symposium '90 (pp. 5-6). The Hague, The Netherlands: SPB Academic.
- Regens, J. L., & Rycroft, R. W (1988). The acid rain controversy Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.

- Salter, L. (1988). *Mandated science: Science and scientists in the making of standards*. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.
- Sandnes, H., & Styve, H. (1992). *Calculated budgets for airborne acidifying components in Europe (EMEP MSC-W Report 1-92)*. Blindern, Norway: EMEP MSC-W,
- Schneider, T. (Ed.). (1998). *Air pollution in the 21st century: Priority issues and policy*. Amsterdam: Elsevier.
- Sluijs, J. P. van der. (1997). *Anchoring amid uncertainty On the management of uncertainties in risk assessment of anthropogenic climate change*. Unpublished doctoral dissertation, University of Utrecht, The Netherlands.
- Spelsberg, G. (1984). *Rauchplage. Hundert Jahre saurer Regen*. Aachen, Germany: Alano.
- Spiegelberg, F. (1984). *Reinfialtung der Luft im Wandel der Zeit*. Dusseldorf, Germany: VDI.
- Stehr, N., & Scorch, H. von (1999). *Klima, Wetter, Mauch*. Munich, Germany: Beck.
- Stern, A. C. (1977). *Problem areas in writing a "history of air pollution."* In H. M. Englund & W. T. Beery, *Proceedings of the Fourth International Clean Air Congress* (pp. 1021-1025). Tokyo: Toppan.
- Stolberg, M. (1994). *Ein Recht auf saubere Luft? Umweltkonflikte am Beginn des Industriezeitalters*. Erlangen, Germany: Fischer.
- Technische Anleitung Luft. (1964). *Technische Anleitung zur Reinhaltung der Luft. Allgemeine Verwaltungsvorschriften Ober genehmigungsbedürftige Anlagen nach 516 der Gewerbeordnung vom 8.9.1964 (Gesetzliches Mitteilungsblatt S. 433)*.
- Topfer, K. (1989). *Zur Funktion von Abgaben in der Umweltpolitik. Vortrag gehalten anlässlich der Jahresversammlung der Gesellschaft zur Förderung der Finanzwissenschaftlichen Forschung e.V.* Cologne, Germany: Finanzwissenschaftliches Forschungsinstitut an der Universität Köln.
- Uekatter, F. (1996). *Die Rauchplage. Das erste komplexe Luftverschmutzungsproblem in Deutschland und seine Bekämpfung 1880-1914*. Thesis of state examination, University of Bielefeld, Germany.
- Uekotter, F. (2001). *Von der Rauchplage zur ökologischen Revolution. Eine politische Geschichte der Luftverschmutzung in Deutschland und den Vereinigten Staaten von Amerika 1880-1970*. Ph.D. Thesis, University of Bielefeld, Germany.
- United Nations Economic Commission for Europe (UNECE). (1995a). *Effects and control of long range transboundary air pollution. Report prepared within the framework of the Convention on Long Range Transboundary Air Pollution*. Geneva, Switzerland: United Nations.
- United Nations Economic Commission for Europe (UNECE). (1995b). *Strategies and policies for air pollution abatement. Review prepared under the Convention on Long-range Transboundary Air Pollution*. Geneva, Switzerland: United Nations.
- United Nations Economic Commission for Europe (UNECE). (1996). *Manual on methodologies and criteria for mapping critical loads, levels and geographical areas where they are exceeded UN- ECE Convention on Long-Range Transboundary Air pollution (2nd rev. version)*. Berlin: Federal Environmental Agency.
- United Nations Environment Program (UNEP). (1993). In M. K. Tolba (Ed.), *The world environment: 1972-1992. Two decades of challenge*. London: Chapman & Hall.
- Weidner, H. (1986). *Air pollution control strategies and policies in the F. R Germany*. Berlin: sigma.

- Wetstone, G., & Rosencrantz, A. (1983). Acid rain in Europe and North America: National responses to an international problem. Washington, DC: Environmental Law Institute.
- Wey, K.-G. (1982). Umwtpolitik in Deutschland Kurze Geschichte des Umweltschutzes in Deutschland seit 1900. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.
- Wicke, L (1986). Die okologtschen Milliarden: Dos kostet die zerstorte Umweltso konnen wir sie retten. Munich, Germany: Kdsel.
- Wissenschaftsrat. (1994). Stellungnahme zur Umwelforschung in Deutschland (Vol. 1). Cologne, Germany. Author.
- Wolf, R. (1986). Der Stand der Technik. Geschichte, Strukturelemente and Funktion der Verrechtlichung technischer Risiken am Beispiel des Immissionsschutzes. Opladen, Germany: Westdeutscher Verlag.

Раздел 3

Эксперты, переопределенные

Главы в этом третьем разделе рассматривают переопределение эксперта, переосмыслив задачу эксперта и легитимность эксперта, чтобы сделать определенные суждения и рассмотреть историю современного эксперта. Андреас Фолследал интересуется консультированием по вопросам этики, в частности роли философов в качестве консультантов по этике в комитетах, которые должны решать острые проблемы в медицине, исследованиях и других областях политики. В состоянии ли философ советовать, например, комитетам о морали и здравому рассуждению? Ответ Фолсдаля представляет философа в роли тренера в комитете, предлагая скорее навыки, чем моральный авторитет.

Фенхель Полетик и Карел Столкер задаются вопросом о традиционной процедуре назначения денежной компенсации жертвам, пострадавшим от третьего лица. Кто решает какова цена за руки или ноги или какова соответствующая компенсация на хлыстовую травму или потерю запаха? Авторы предложили прервать традицию и предложить соответствующие относительные суммы компенсации. При таком эмпирическом подходе социолог входит в юридическую арену не в качестве эксперта дающего показания, а как эксперт по тому как измерять и представлять суждения людей.

Хотя термин «эксперт» происходит от латыни, его современное обозначение, которое касается кого-то, кто специализируется на знаниях и навыках, является весьма недавним. Однако, как утверждает Ахим Ландвер, у современного эксперта был прецедент: инспектор в раннем современном периоде. Ландвер обращается к венецианским инспекторам 16-го века, которые были разосланы государством, когда проблемы возникли на обширной венецианской территории на материковой части Италии. Эти инспекторы были более или менее образованными аристократами, но не были экспертами со специальными знаниями. Такие знания были приобретены в ходе их назначения. Органы власти вводят комиссии в ответ на особую проблему или ситуацию. А комиссии дают отчеты и / или устанавливают истину. Так обстоит дело с венецианскими синдичи и с комиссиями в настоящее время.

Глава 9

Философы как Коачль

Андреас Феллесдаль

Факультет философии Университета Осло, Норвегия

andreas.follesdal@filosofi.uio.no

Философы призваны регулярно помогать в обсуждении этических вопросов. Комитеты создаются на уровне Европейского союза (ЕС), а также национальными правительствами и на институциональном уровне для решения деликатных вопросов в медицине, исследованиях и других областях политики. Такие комитеты часто предназначены для включения эксперта по этике или консультанта по этике, исходя из предположения, что у философов есть что предложить. Но что философы могут предлагать таким комитетам?

Разумеется, консультирование по вопросам этики не является чем-то новым: самые первые консультанты по этике, возможно, были софистами древней Греции. Однако, начиная с Сократа, философы также размышляли о моральной уместности предлагать свои услуги правительствам и отдельным людям, находящимся у власти. Сократ резко осудил софистов: никто не должен зарабатывать на жизнь, продавая аргументы как инструменты манипуляции. Недавние критики высказывают более скромные опасения:

Философия наиболее верна себе в качестве критической, а не как непосредственной конструктивной силы и как дисциплины, основанной в академии, а не погрязшая в политической борьбе. (Weisbard, 1987, стр. 783)

То, что требуется, - это использование философских талантов в служении альтернативным способам влияния на государственную политику, за исключением создания организованных, официально санкционированных органов, которые мало что могут сделать и, как правило, еще меньше, изменить статус-кво. (Moseyer, 1990, стр. 402)

Несомненно, философ может служить ценной ролью вне критика. Тяжелое положение Сократа, а в последнее время трагическое убийство Игнасио Эллакурии, Франциско Пеккорини Летоны и других философов и богословов в Сальвадоре и Гватемале напоминает нам, что «преследование, их, является странным свидетельством их влияния» (Камачо, 1993).

Но могут ли философы также служить законодательной роли в качестве советников нравственности и рассуждений внутри институтов, в качестве «внутренних» консультантов в комитетах? Я утверждаю, что такие услуги согласуются с

философией и согласуются с другими философами, которые честно и достоверно служат социальными критиками. Эта глава содержит три этапа. Сначала я определяю предмет этого исследования: философы в качестве консультантов в комитетах, в отличие от их роли членов комитетов или консультантов для отдельных лиц. Затем я представляю отчет об экспертизе философов - особую компетенцию, которую они предоставляют, и сопоставляю его с некоторыми альтернативными оценками. Я защищаю рассказ о том, как философ был тренером комитета в направлении мыслительного баланса их рассмотренных суждений по проблеме. В свете этой концепции роли философов-консультантов я обсуждаю некоторые из их обязательств.

Моя озабоченность связана с тем, что философы были консультантами в комитетах, рабочих группах и комиссиях по моральным вопросам. Комитеты часто имеют и должны иметь виды на услуги, предоставляемые философами. Однако эти ожидания должны быть точными, и они слишком важны, чтобы оставить вопросы на усмотрение комитетов (Crosthwaite, 1995, стр. 369). Следовательно, мы ищем публичный отчет о роли и обязанностях философов, выступающих в качестве консультантов. Публичность имеет важное значение для практики, что делает комитеты осведомленными о компетентности, функции и обязанностях философа в будущем.

Несколько пунктов разъяснения подойдут. Я буду использовать термин «философы» в широком смысле, чтобы включить тех, кто претендует на роль философов, часто это те у кого образование в области философии или эквивалента, но им не нужно быть философами, базирующимися в академии. Комитет или рабочая группа - имеют мандат, имеющий практическое значение, например, при оценке или рекомендации учреждений или политики. Однако он не имеет никакой официальной самостоятельной политической власти.

Роль таких комитетов в процессе принятия демократических решений не просто обобщить голоса, а предоставить несколько более благоприятные возможности для рассуждения, чем это допускается повседневной партийной политикой (Kamm, 1990, стр. 351). Таким образом, комитет предлагает возможности для практического, публичного обсуждения вопросов, поэтому определяет, что он считает наилучшими причинами. Можно ожидать, что дискуссии и размышления будут несколько более сложными в обсуждениях в комитетах, чем в публичных дебатах, хотя все еще существуют трудности со сложностью из-за публичного характера задач. Несмотря на то, что состав комитета часто отражает различные группы, члены комитета обычно не обязаны выступать в качестве представителей таких групп. Философы-консультанты не являются полноправными членами комитета. Вместо этого они дополняют их экспертизу по просьбе.

Для чего нужен философ?

Каков вклад философов в качестве консультантов в комитет? Этот вопрос имеет основополагающее значение для определения взаимных ожиданий и обязанностей комитета и философов. Какую специальную квалификацию имеют философы, которые полезны для комитета - и в конечном итоге для общества в целом? В своей книге «Устранение морали» Энн Маклин поставила задачу лаконично: «Как философское образование помогает лучше отвечать на моральные вопросы, чем тому, кому не хватает такого образования?» (Maclean, 1993, стр. 3).

Я предполагаю, что подготовка философов делает их квалифицированными в моральных рассуждениях. Они могут обучать комитет, помогая разъяснять и совершенствовать свои моральные соображения. Философ обучается утверждению этических ценностей, стремясь повысить согласованность и систему к различным моральным проблемам, озвученным в комитете. Чтобы продвинуть эту цель, философ предлагает различия, интерпретации и отношения между различными суждениями, чтобы они выглядели как защитные предпосылки и выводы как части теории. Но сначала рассмотрим разные отчеты о том, что могут принести философы.

Мы можем предположить, что комитеты призваны продвигать важные ценности в демократии и что философ берет на себя некоторые обязанности в этой важной социальной схеме. Если это не так, мы действительно должны взволноваться (Kamm, 1990, стр. 354). Но каков уникальный вклад философа?

Далее хорошее общество?

Разумеется, особая сила философов заключается не в том, что они делают мир лучше. Высшие школы философии не исключают кандидатов на основе их моральных обязательств, а обучение философов не в проповеди или прямо направленное на улучшение нравственности самих себя или других. Они не обучены максимизации благосостояния в мире. Более того, нет оснований полагать, что рядовые члены назначенного комитета менее честно мотивированы или менее приспособлены к тому, чтобы добиваться общего блага по своему усмотрению.

Предоставить Критерий Истины?

Один ответ может заключаться в том, что философы предоставляют комиссии правду по моральным вопросам. То есть, профессиональный философ обеспечивает правильную моральную теорию, предлагая план того, как должен выглядеть мир, или предлагая правильные фундаментальные принципы морали, откуда вытекает вся нравственная истина.

Философы потратили много времени на размышления о хорошей жизни и справедливом обществе, и поэтому можно было бы ожидать что у них более

продуманные и систематические взгляды, чем у других (Singer, 1972, стр. 117). Однако эти взгляды, несомненно, будут оспариваться и они противоречивы, как и большинство других подобных взглядов в условиях демократии. Следует ли консультантам получать разрешение и делать запросы - чтобы проводить свои собственные и оспариваемые ценности при службе в комитете?

Такие утверждения часто встречаются с подозрением. Если моральная философия дает истину, почему не все философы милые люди? Более того, это мнение противоречит практике философов. Существует глубокое и распространенное несогласие между философами именно в том, чего требует мораль. Таким образом, нет уникального философского взгляда на правильное действие или на доброе общество, которое несет философ.

Например, Кимличка предположил, что цель достижения истинной этической теории может быть несовместимой с демократическим мандатом комитета; члены комитета будут и должны быть не согласны:

Тот факт, что Инспекторы не согласны, не просто случайность. Граждане обычно имеют разные взгляды по этим вопросам, а инспекторы выбраны для представления различных точек зрения. Следовательно, они должны выработать рекомендации, которые, насколько это возможно, приемлемы для различных этических аспектов. Правительственные комиссии являются инструментами в рамках системы представительной демократии. Подобно избранным представителям в парламенте, комиссии призваны быть представителем сообщества (...), увеличивая возможности для убеждения, и гибкость не может и не предназначена для устранения необходимости в рекомендациях, приемлемых для широкого круга точек зрения. Поэтому принятие определенной этической теории не только нереалистично, но и отрицает цель Комиссии. (Kumlicka, 1993, стр. 8)

Выводы Kumlicka могут быть правильными, но аргумент ошибочен. Цель достижения одной общей теории морали не нарушает демократический мандат комитета по трем причинам.

- Когда комитеты прямо обвиняются политиками в принятии решений, демократическая ответственность не теряется. Демократия не более под угрозой, если комитет примет единогласное решение, убедив всех представителей, чем если он примет решение большинством голосов или по решению Председателя. Функция представителей различных трехсторонних участников состоит в том, чтобы озвучить обоснованные проблемы, а не представлять субъектов в процессе принятия решений. Например, часто нет попытки обеспечить пропорциональное представительство различных групп в таких комитетах.

- Группы в демократических странах часто не согласны, но такие разногласия не всегда опираются на разные моральные теории.

Несколько философских теорий явно построены в качестве ответов на плюрализм конкурирования, но не необоснованных нравственных взглядов. Они могут дать представление о том, что социальные институты должны разрешать и запрещать, что является больше приемлемыми, чем более противоречивыми моральными взглядами.

Однако есть более тревожные возражения, что философия обеспечивает правду. Энн Маклин отвергает конкретную версию «чистого» утилитаризма, которую она считает типичной для современной биоэтики - по крайней мере, в Великобритании. Она убедительно утверждает, что эта конкретная моральная теория неправдоподобна, поскольку она гласит:

(...) это философское научное изыскание, которое должно предусматривать, санкционировать или подкреплять набор рациональных принципов, из которых следует выносить моральные суждения. Источником специальной экспертизы философа в моральных вопросах является его знание этих принципов; именно это дает свои высказывания по моральным вопросам властям, на которые заявления других не могут претендовать. (Maclean, 1993, стр. 5)

Эта чистая теория морали основана на следующем. Она стремится оправдать моральные суждения по конкретным случаям путем заключения из более общего морального принципа - в этом случае принцип полезности - откуда вытекает моральный авторитет. Этот принцип не нуждается в дальнейшем оправдании и переопределяет конкурирующие моральные интуиции в отдельных случаях. Роль моральных философов заключается в установлении дедуктивных связей между частными случаями, принципами среднего уровня и основополагающим принципом полезности.

Маклин критикует этот взгляд о нравственных знаниях. Она также отмечает, что философы не могут с уверенностью знать, что «подразумевается» под «ценностью жизни» или о том, что «подразумевает» решение (стр. 32). Рациональные вердикты, основанные на таких принципах, по-прежнему являются моральными мнениями самих философов (стр. 189).

Позвольте согласиться с Маклейном, что моральный опыт философской подготовки не состоит в знании правильных моральных принципов. Однако название книги Маклина «Уничтожение морали» вводит в заблуждение: она не убедительно доказывала, что она устраняет мораль, а также не имеет моральной экспертизы. Ее критика моральных теорий в целом (и Ван Вийгенбурга, 1991, стр. 186-191) не оправдывает себя по нескольким причинам. Во-первых, есть более правдоподобные версии утилитаризма, чем тот, который она критикует; во-вторых, многие биоэтики и другие этики - не утилитаристы; и в-третьих, Маклин ошибочно полагает, что утилитаристы должны принять отчет Милля о роли моральной теории (Maclean, 1993, р. 10). Есть более правдоподобные объяснения обоснования этики, согласующиеся с широким кругом нравственных теорий, утилитарных и других.

Устранение этой формы утилитаризма не устраняет ни требований к моральной экспертизе, утилитаризму, биоэтике, ни к морали. Главные традиции нравственной философии, в том числе аристотелевские и договорные теории, обвиняются ошибочно.

Философы не очень хорошо подготовлены к тому, чтобы напрямую продвигать добро, и они не могут утверждать, что знают моральные истины. Обучение философов помогает определить форму «моральной экспертизы», которую они могут внести.

Воспитывать согласованность нравственных взглядов в рефлексивном балансе?

Моральные философы обычно изучают как историю философии, так и навыки спора. Они предоставляют и оценивают аргументы и возражения и обнаруживают несоответствия в аргументах и моральных суждениях.

Рорти критикует сегодняшних профессиональных философов за циничный взгляд на прошлое философии, «рассматривая великого мертвого философа как источники гипотез или поучительные примеры концептуальной путаницы» (Rorty, 1982, стр. 65). Я предлагаю, вопреки Рорти, что опытный философ также обращается к более ранним писателям за идеями и взглядами и ценностями, которые имеют значение для проблем, основанных на милосердных интерпретациях прошлых мыслителей.

Таким образом, философия опирается на прошлое для творческих идей и взглядов, чтобы понять наши собственные нравственные взгляды. Философия занимается созданием связи и порядка и корректировкой моральных суждений в единую структуру предпосылок и выводов, т. е. теорию. Важной ролью такой теории является обеспечение единства, согласованности и взаимопонимания между нашими противоречивыми суждениями для того чтобы помочь достичь обоснованное согласие на общих основаниях. Повышенная согласованность и последовательность моральных интуиций является одним из основных вкладов моральной философии. Например, философы участвуют в построении теории, показывая, как «принципы среднего уровня» автономии и благоденствия могут быть согласованы друг с другом и с заботой о людях и, таким образом, быть оправданными и как мы можем понимать и справляться с остальными разногласиями в оправданных целях.

Таким образом, философ способствует процессу «рефлексивного равновесия» между нашими моральными суждениями, принципами, идеалами и моральными суждениями по конкретным случаям. Этот метод направлен на создание согласованной сети нравственных суждений в определенной области, часто с практической целью чтобы освещать вопросы, на которые мы еще не вынесли

суждений, или где мы находимся в несогласии друг с другом и где такие разногласия имеют значение.

Это **равновесие**, потому что, наконец, наши принципы и суждения совпадают; и оно **отражающее**, поскольку мы знаем, каким принципам соответствует наше суждение, и о предпосылках их происхождения. (Rawls, 1971, стр. 20)

Эта задача состоит не в том, чтобы генерировать принципы, выводя их из более высоких, более общих предпосылок: ни уверенность, ни оправдание не должны стекать сверху (Kymlicka, 1993, стр. 13; Williams, 1985). Скорее: «Обоснование - это вопрос взаимной поддержки многих соображений, всего, что укладывается в единое целое». (Rawls, 1971, стр. 579)

Для комитета, который столкнулся с решением практического вопроса, увеличение отражающего равновесия может не требовать полного согласия по всем пунктам, а требовать достаточного, совпадающего консенсуса для обеспечения общей точки зрения в отношении конкретной проблемы. Иногда полное согласие в отношении наших различных взглядов может быть неосуществимым и ненужным. Описывая обсуждение до Декларации ООН о правах человека 1948 года, Маритен отметил, что:

Там, где речь идет о рациональном толковании и оправдании спекуляций или теории, проблема прав человека включает в себя всю структуру моральных и метафизических (или антиметафизических) убеждений, которыми придерживается каждый из нас. Пока умы не объединены в вере или философии, будут взаимные конфликты между толкованиями и оправданиями. С другой стороны, в области практических выводов можно согласиться на совместную декларацию, учитывая прагматический подход, а не теоретический подход, а также сотрудничество в сравнении, переработке и установлении формул, чтобы сделать их приемлемыми для обеих сторон. Это своего рода точки конвергенции на практике, однако противоречащие теоретическим точкам зрения.

. (...) Невозможно надеяться на большее, чем конвергенцию на практике в перечне согласованных статей. Согласование теорий и философский синтез в истинном смысле возможны только после огромного количества исследований и выяснения основ, требующих высокой степени понимания, новой систематизации и авторитетной коррекции ряда ошибок и коррекции путаниц мысли (. ..). (Maritain, 1949, p. L If.)

Философ как моральный тренер

Как моральные рассуждения переходят к рефлексивному равновесию? Мы начинаем с наших моральных взглядов и обязательств на разных уровнях общности, включая такие общие и смутные идеалы, как свобода, равенство, равноценность и солидарность. Мы ищем выводы к нашим вопросам на до сих пор

не замеченные аргументы, корректируя моральные суждения в свете этих новых связей. Но, еще нужно показать этот процесс.

Моральное мышление имеет как конструктивную, так и отрицательную роль, которые необходимы для идентификации вклада философа. Отрицательная роль - скромная, обеспечивающая последовательность:

Моральные философы должны попытаться обеспечить четкость и последовательность аргументов Комиссии. (...) философы должны сосредоточиться на выявлении концептуальных путаниц или логических несоответствий в аргументах Комиссии, не стремясь повлиять на выбор основной теории. (Kumlicka, 1993, стр. 2)

Философы служат в качестве инспекторов аргументов, проверяя аргументы на достоверность, по крайней мере, валидность, то есть аргументы логически правильны, хотя и не обязательно с истинными предпосылками. Kumlicka утверждает, что это слишком скромный вклад, поскольку действительные аргументы могут быть морально неудовлетворительными. Тем не менее, помощь в улучшении аргументов часто будет способствовать устранению некоторых, хотя и не всепоглощающих аморальных взглядов.

Моральное мышление также имеет позитивную, творческую роль, частично связанную со знакомством философа с историей нравственной философии --- кантианских, утилитарных и аристотелевских взглядов и их наследников.

Но каково использование моральной философии для анализа государственной политики? Нереально ожидать, что комитет сделает семинар по различным теориям, и это стремление неуместно: акцент на теориях вряд ли будет способствовать соглашению по этим вопросам по двум причинам, о которых говорит в Kumlicka: (1) Знание теорий будет недостаточным. Никакая конкретная теория - утилитаризм или контрактизм - не ответит на практические вопросы; каждая теория «просто обеспечивает рамки, в которых можно спрашивать» (Kumlicka, 1993, р. 8); (2) «Тот факт, что эти теории поддерживали приверженцев на протяжении веков, свидетельствует о том, что они не являются явно нелогичными». (стр. 6) Соответственно, теоретическая озабоченность не решит разногласий.

Однако возражения Кимлички не поддерживают эту гипотезу. Во-первых, по многим практическим вопросам все моральные теории, в настоящее время принятые к рассмотрению, могут давать одинаковые или подобные ответы или предоставлять аналогичные рамки. Любая моральная теория стремится идентифицировать затронутые стороны, например, в то время как многие нерелексивные взгляды, как правило, игнорируют некоторые непреднамеренные воздействия. Таким образом, там, где нет рамки, любая нормативная основа - это улучшение, хотя философы не согласны с точным содержанием предпочтительной

всеобъемлющей моральной теории. Во-вторых, существенные обсуждения и разногласия между теориями со временем изменились, отчасти благодаря улучшенным аргументам и теориям. Рассмотрим, например, взгляды, попустившие рабство, или подчинение женщин.

Этот рассказ о моральных рассуждениях, как правило, соответствует мнению Маклин. Роль философа заключается в том, чтобы дать разъяснения, помогая людям решить, какие ответы на моральные вопросы они сами готовы принять (Maclean, 1993, стр. 2021.). Тем не менее, Маклин отрицает, что существует только один уникальный, рациональный ответ на моральные вопросы: всегда есть больше одного такого ответа. Однако я утверждаю, что некоторые позиции по конкретному вопросу будут исключены, как только мы попытаемся связать их с другими моральными суждениями - подумайте, например, о том, нужно ли проводить вредные эксперименты над заключенными в концентрационных лагерях.

Представление, которое я предоставил, может показаться противоречащим мнению Кимлика (Kymlicka, 1993, pp. 11-13). Отрицая, что «серьезное принятие морального подхода требует серьезной моральной философии», он утверждает, что вместо этого важно относиться к людям серьезно, двумя совершенно нефилософскими способами: (1) идентифицировать затронутые стороны; (2) идентифицировать принципы «среднего уровня», например, требовать осознанного согласия, уважения к человеческой жизни и равенства, которые «согласуются и действительно помогают утверждать, что каждый человек значим и сам по себе» (Kymlicka, 1993, стр. 13).

Эти две задачи действительно важны, и то, что необходимо – это часто сострадание и предусмотрительность (Momeyer, 1990, стр. 404). Но я утверждаю, что эти задачи, по сути, требуют моральных рассуждений такого рода, которые я описал выше. Вопросы того, кто затрагивается в морально-значимых аспектах, и как следует измерять и взвешивать последствия альтернативных действий и политик, поднимают глубоко философские проблемы (Cohen, 1989). Разумеется, редко существует практическая потребность во всеобъемлющей или полной теории или достижение полного согласия по одной конкретной моральной теории. Тем не менее, часто необходимо разрабатывать части систематического взгляда. Иногда достаточно идентифицировать различные принципы среднего уровня, выражающие равную человеческую ценность. Но даже это требует философского отражения при определении идеалов и принципов равной ценности, свободы, и т. п. Однако такая спецификация не предполагает, что философ «видит» то, что понималось все это время, и что было неведомо для других все это время (Maclean, 1993, стр. 32). Скорее, философ занимается творческой реконструкцией, интерпретацией, объяснением и определением понятий и принципов (Kymlicka, 1993, стр. 26, n. 38, Quine, 1960, pp. 257-262, Richardson, 1990).

Как правило, эти принципы недостаточно обоснованы в единой теории, а служат лишь контрольным списком (Clouser & Gert, 1990, стр. 233, van Willigenburg, 1991,

стр. 184). Незавершенные конфликты среди этих принципов среднего уровня иногда заставляют нас развивать дальнейшую последовательность и единство между неопределенными принципами, такими как «автономия и милосердие». Когда Бошамп утверждает, что принцип милосердия является «основополагающим» принципом (Beauchamp, 1984), ему не следует считать, что такие принципы не должны или не могут быть оправданы или скорректированы в свете других соображений. Необходима систематическая всеобъемлющая учетная информация для урегулирования конфликтов между средними или фундаментальными принципами. Мы должны определить сферу применения различных правил и принципов и определить относительный порядок и значение моральных соображений. Философы стремятся дать различные моральные соображения, например, спрашивая, какие интересы защищены или продвигаются институциональными механизмами, такими как информированное согласие, с тем чтобы определить, когда такие процедуры являются подходящими или менее релевантными, по сравнению с другими институциональными механизмами.

В моем рассмотрении, моральные философы выполняют ценную функцию, помогая в процессе получения рефлексивного равновесия между моральными суждениями. Философы используют свою подготовку и знания, задавая разумные вопросы и строя обоснованные аргументы, спецификации, различия и фрагменты теорий. Такие навыки создания порядка и структуры среди наших моральных суждений преподаются на кафедрах философии, и такие навыки составляют опыт определенного типа. Будучи консультантом в комитетах, мы можем ожидать, что философ внесет вклад в обсуждение комитета, оттачивая использование разума в этике и моральной рефлексии, направленной на решение практических проблем, хотя и не обязательно предлагая или создавая правильную моральную теорию. Я предлагаю, чтобы философ плодотворно рассматривался как взявший на себя роль тренера в комитете.

В спорте роль тренера - дать спортсменам возможность достичь высокого уровня мастерства, увеличивая свою ответственность за свои собственные результаты (Giske, 1993; Harre, 1982; Heinemann, 1983, стр. 64).

Философ-консультант сосредотачивается на публичных рассуждениях комитета. Ожидается, что философы затормозят слабости и недостатки в аргументах, выявят опасные предпосылки и последствия, предложат свои собственные рассмотренные, аргументированные суждения об улучшениях и благоприятных выводах и представят дополнительные аргументы и разумные позиции (Ackerman, 1989; Momeyer, 1990, p. 403, van Willigenburg, 1991, p. 2f.).

Правильно ли назвать такие навыки «моральной экспертизой»? Это важный вопрос, если мы заинтересованы в определении того, являются ли философ-консультант профессией, поскольку профессии часто берутся за управление эзотерической экспертизой (Hughes, 1963). Философские навыки могут быть обозначены как «моральный опыт», поскольку предметом их обучения являются

моральные суждения. Однако этот ярлык может быть неверно истолкован как утверждение, что этики являются особенно достойными людьми, чьи суждения заслуживают особого доверия.

Я склонен не воспринимать ум философов как моральную экспертизу. Качество рекомендаций философов не зависит от их авторитета или доверия к их характеру, а скорее от качества аргументов, которые может предложить философ. Ссылаясь на философов в качестве моральных экспертов вероятнее это может запутать, поскольку они, в отличие от некоторых других экспертов, не претендуют на управление процедурой принятия решения, а только определенными навыками (Crosthwaite, 1995, стр. 369, Kamm, 1990, стр. 352). Более того, такой опыт не является исключением, в отличие от других отношений между экспертом и клиентом. Целью философов-консультантов является передача знаний и навыков клиенту, а не использование их экспертных навыков от имени клиента. Таким образом, роль философа заключается в том, чтобы повысить рациональность комитета, улучшив способность комитета решать, что верить и взвешивать причины действий - в соответствии со своими собственными канонами рациональности (Scanlon, 1972, стр. 215). Клиент не может передать свою ответственность за принятие решений на философа. Задача философа заключается в том, чтобы улучшить способность принимать решения самого комитета (Carlan, 1989, стр. 77, van Willigenburg, 1991, pp. 24-27).

Каковы обязанности тренера Философа?

Теперь мы переходим к рассмотрению моральных обязанностей философов, которые служат педагогами в комитетах в том смысле, в каком я развил тему. Некоторые вопросы были подняты другими авторами, и я набросаю ответы на них в свою очередь.

Уместно задуматься над обязанностями философов в роли консалтинга. Является ли это их истиной, как утверждает Брок, что:

Когда философы переходят в политическую сферу, они должны перенести свое основное обязательство от знания и истины к политическим последствиям того, что они делают. И если они не готовы сделать это, почему они вошли в область политики? Что они там делают? (Brock, 1987, стр. 787)

Роль философов в качестве советников комитетов по-разному отличается от роли других советников, а также философов членов комитетов. Таким образом, отражение уместно, но выводы не ясны. Позвольте мне начать с защиты мнения о том, что существуют ограничения ответственности философов за последствия их рекомендаций. Напротив, рассмотрим Денниса Томпсона, который, как представляется, устанавливает строгие акты последовательных требований:

Консультант несет ответственность за последствия решений, основанных на его советах, поскольку он может разумно ожидать, что его советам последуют. Наконец, хотя требования роли могут создать оправдание, так сказать, первой фракции, советник несет ответственность за любой предсказуемый вред, с которой связана его роль, когда этот вред больше, чем вред, который может быть результатом нарушения требований его роли. (Томпсон, 1983, стр. 288)

Публично признанная роль тренера снижает ответственность философа за результаты политики. Философ, в отличие от многих профессионалов, не принимает решений и не разрешает проблемы от имени других. Философ обычно не несет ответственности за отчеты, рекомендации и т. д., сделанные комитетом. Это потому, что комитет всегда свободен принимать или отклонять предложения, предлагаемые консультантами, будь то философы или другие экспертные советники. Таким образом, философ-консультант не должен нести ответственность, если комитет принимает взгляды, противоречащие тому, что философ считает философски более благоприятным положением.

Разумеется, мы должны признать, что вмешательство философа вызывает большие концептуальные и моральные изменения, так что члены комитета начинают думать иначе об их опыте. В такой ситуации чьи-то взгляды часто податливы, а способность к разуму ослаблена. Тем не менее, особый вклад философов состоит в том, чтобы укрепить рациональность самого комитета. Независимые члены комитета оценивают альтернативы политики и рекомендации, и их решение разбивает цепь ответственности советника за результаты, находящиеся в причинной связи с поведением человека:

Человек действует на основе убеждений, которые он перенял от выражений действия другого человека, это то, во что он поверил и принял решение что это достаточная основа для действий. Благоприятствующий фактор на его действие стало действие выражения (поступка), то есть оно замещается суждением самого агента.

Лицо, которое действует по причинам, которые он приобрел в результате акта выражения другого человека, действует на то, во что он начал верить и считает достаточным основанием для действий. Вклад в генезис его действий, совершаемый актом выражения, является, так сказать, замененным собственным суждением агента. (Scanlon, 1972, стр. 212)

Здесь речь идет о распределении полномочий по регулированию предоставления информации и аргументов в свете ожидаемой выгоды или вреда. Трудно отстаивать мнение о том, что философу-консультанту в целом следует доверить эту власть. Во-первых, способность философов прогнозировать такие последствия явно ограничена. Более того, эта власть делает комитет уязвимым для манипуляций со стороны философа. Поэтому в рамках публичной практики этот авторитет философов будет, как правило, снижать спрос на их услуги. Поскольку это создает

худшие обсуждения в комитетах, мы должны опасаться такого требования, регулирующего эту практику.

В отдельных случаях философы не должны корректировать свои рекомендации в свете их восприятия потенциального вреда. Однако это не означает, что философы должны быть готовы принять любой проект или что они всегда должны скрывать свои взгляды от комитета, которому они служат. Перейдем теперь к рассмотрению некоторых из этих вопросов.

Ответственность за выполнение проектов

У комиссий могут быть побочные задачи и мандаты, которые поднимают серьезные проблемы соучастия в явно безнравственных действиях. Консультанту всегда необходимо всегда «точно определить, как создаются такие органы, что им поручено делать, и являются ли эти попытки разумными» (Momeyer, 1990, стр. 406). Считаемое суждение необходимо и неизбежно, если мы не хотим стать соучастниками правонарушений. Однако мы должны учесть некоторые возражения, высказанные против присоединения к аренам практических обсуждений в качестве консультантов.

Критика может быть двух видов: либо, что философ ничего не может внести в качестве консультанта, либо что роль консультанта угрожает целостности философов. Ни одна критика не делает вклад философа безответственным или неактуальным.

Во-первых, некоторые критики утверждают, что философам нечего предложить комитетам, занимающимся практическими вопросами. Я считаю, что эти критические замечания неуместны. Иногда говорят, что моральная философия игнорирует сложные отношения между поведением людей и социальными институтами.

Часто основная проблема связана с тем, что можно назвать институциональной архитектурой - созданием институциональных механизмов, призванных защищать и минимизировать различные виды злоупотреблений, которые способны нарушить любую попытку воплощения теории на практике в сложном, грязном и несовершенном реальном Мире.

(...) Это все часть так называемого «искусства возможного», чему обучаются юристы. Я не вижу аналогичной тенденции в рамках дисциплины философии. (Weisbard, 1987, стр. 781)

Вайсбард прав, указывая, что институциональная структура не является частью подготовки философов. Однако, как правило, политическая философия осуществляется с учетом этих сложностей, настаивая на том, что индивидуальная

этика и вопросы институциональных органов правосудия должны рассматриваться как отдельные, хотя и связанные с ним предметами размышлений.

Возможно, самое интересное то, что некоторые критики возражают против полезности философов из-за их идеального взгляда. Утопическое общество философов недостижимо, непригодное для жизни обычным людям и, конечно, вне досягаемости для комитета с ограниченным мандатом. Некоторые даже заходят так далеко, что утверждают, что моральная истина возникает из-за компромисса и конфликта:

Более когерентная или прагматическая теория истины в отношении государственной политики видит истину как процесс, в котором конфликтующие интересы и восприятие борются за разрешение. Каким этот результат будет, не может быть заранее известно; следовательно, что нужно делать, что должно считаться истиной, какая должна быть государственная политика, не может быть определено отделившись, с помощью абстрактного принципа или уединенными мыслителями. По такой теории истины, как эта, компромисс взглядов, интересов, даже ценностей, несовместим с поиском того, что должно быть и что истинно. Компромисс необходим. (...) Истина в демократическом процессе не будет определяться соответствием абстрактному принципу. Скорее, она выйдет из процесса, когда соперничающие силы (как по причине, так и по интересам) сталкиваются друг с другом. Должны быть соблюдены стандарты справедливости в представлении различных интересов, но когда они есть, и процесс работает, какие бы результаты ни были получены, они будут правильными. (Momeyer, 1990, стр. 404)

В ответ на это я утверждаю, что многие моральные и политические философии сосредоточились на том, какими должны быть идеальный идеолог и общество - отчасти, конечно, из-за стратегического потенциала идеалов (Broad, 1916, McPherson, 1982, стр. 76). Однако философы исторически также занимались «неидеальными» темами: «Как действовать в условиях агрессивной войны, восстания, революции и гражданского неповиновения». Существуют важные и существенные моральные проблемы, связанные с неидеальными обстоятельствами, в которых важны подготовка и вклад философов. Обратите внимание, что это мнение о взаимосвязи между моральной теорией и обсуждениями комитетов не обязывает нас к разной и более проблематичной точке зрения Мамайера по моральной истине. Momeyer считает, что фактический совещательный и переговорный процесс, при определенных процедурных ограничениях, является необходимым и достаточным, не только для определения, но и для формирования правильного результата. Тот взгляд, который я представил, не выдерживает ни одной из этих дальнейших претензий.

Во-вторых, влияет ли роль консультанта на целостность философов? Одна важная роль философии заключается в том, чтобы обеспечить критический взгляд на статус-кво, например, предлагая идеал или критерии, позволяющие выявлять и

измерить недостатки нынешних обстоятельств. С другой стороны, политические комитеты связаны. Они не имеют политических возможностей для создания способа и методов реализации с нуля. Они легко становятся исправительными; кроме того, они становятся агентами компромисса и политических манипуляций. Будучи консультантом комитетов, философы рискуют своей честностью, как отдельные лица, так и в группе. Их обязанности «заставляют подозревать их независимость и критическую позицию» (Уайлдер, 1982, стр. 12).

В ответ мы должны согласиться с тем, что философы-консультанты явно не могут поддерживать полностью независимую или отдельную позицию, поскольку они должны принимать план комитета. Но почему эта потеря печалит? Во-первых, можно подумать, что у философской профессии может быть что-то поставлено на карту:

Одним из возможных результатов растущего участия философов на арене государственной политики может стать появление противников-философов по найму. (...) Я не уверен, что это то развитие, которое должны приветствовать дисциплина философии или общественность. (Weisbard, 1987, стр. 785)

Вайсбард поднимает важный вопрос, но мы не можем оценивать риски без тщательного учета как нынешнего общественного образа философов, так и общественной оценки философов-консультантов. Я утверждаю, что определение ожиданий и обязанностей является одним из важных шагов, чтобы избежать объединения общефилософских исследований с деятельностью консультантов по философии и избегать объединения ответственности публичных интеллектуалов с конкретными обязательствами, которые отдельный философ может законно взять на себя в качестве консультанта. Во-вторых, существует настоящая опасность того, что философы придадут легитимность проекту как «нанятое перо, владеющее языком для его теоретической и освящающей силы на службе у работодателя» (Wikler, 1982, стр. 12). Однако этот риск снижается, поскольку признанная роль философа заключается не в том, чтобы предложить легитимность, а скорее ограничении повышения рациональности комитета. Этот риск еще больше сокращается путем изучения и выражения оснований и ограничений лояльности философа-консультанта к комитету.

Такой кодекс поведения должен учитывать дилеммы, которые возникают у философов, которые внесли вклад в создание документов, и которые, как они считают, имеют серьезные недостатки. Вообще, кажется, что молчание, со стороны философов, является разумным ожиданием, как это было бы для большинства профессиональных консультантов. Философ мог получить доступ к конфиденциальной информации и понять внутренние разногласия между членами. Эта информация может дать понять философу, что результаты комитета не объясняются аргументами и обоснованной дискуссией, а вместо этого - посторонней властью, политической, экономической или личной. Однако философ получил доступ к этой информации предполагая конфиденциальность. Это

распространенное понимание обычно требует, чтобы философ не раскрывал такие разногласия или источники несогласия. Таким образом, философ должен, как правило, воздерживаться от публичной критики умозаключений таких комитетов чтобы снизить угрозы и реальные опасности раскрытия конфиденциальной информации. Более того, как «инсайдер» комитета, философу предоставляется возможность заранее высказывать свои мнения и иметь возможность аргументировать это дело членам комитета, которому доверена общественная и политическая власть.

Что должны делать философы, если они решительно выступают против выводов комитета по философским соображениям? Собственная целостность философа может быть поставлена на карту, и забота о своей профессиональной репутации, похоже, потребует, чтобы философу было разрешено указывать на серьезные недостатки в рассуждениях или заявлять что комитет игнорирует важные последствия. Член комитета может иметь особое мнение. Однако у консультанта такого нет. Я полагаю, что, поскольку общеизвестно, что философ-консультант должен сохранять доверие и поддерживать лояльную оппозицию, собственное молчание философа по конкретным вопросам не может рассматриваться как согласие в аргументах или результатах. Это относится к другим философам – те что являются «аутсайдерами» для комитета – они могут критиковать аргументы и выводы, принимая во внимание тот факт, что консультант, возможно, не одобрил выводы. Еще один шаг для философов-консультантов - настаивать на том, чтобы их имена были удалены из любых документов и публичных обсуждений, относящихся к комитету. Эта мера поможет предотвратить неправильное толкование публикой названия работы или имя философа как одобрение результатов консультантом или философским сообществом в целом.

Не оставить ограничения политическим осуществлением

Должны ли философы-консультанты предоставлять только философские взгляды, которые соответствуют текущей политике и плану, установленной перед комитетом? Я предполагаю, что нет.

Некоторые утверждают, что радикальные предложения в комитете контрпродуктивны или что они недемократичны. Роль философа-консультанта не должна быть ролью реформатора. Однако, по-видимому, нет оснований требовать от консультанта воздерживаться от радикальных аргументов, которые ставят под сомнение предпосылки комитета. Прежде всего, философ будет остро осознавать, что в качестве консультанта он приглашен на доверии (van Wdligenburg, 1991, стр. 35). Консультант будет чувствовать себя ограниченным этими отношениями, что, конечно же, подчеркивает законную и важную роль аутсайдеров-критиков и реформаторов.

Консультант может предлагать радикальную критику, но эти комментарии все равно должны иметь какое-либо влияние, обращаться к суждениям и мнениям

членов комитета или общественности в целом, с целью изучения и улучшения таких обязательств (Kamm, 1990, p 358; van Willigenburg, 1991, pp. 35-39). Краткосрочная политическая приемлемость может быть разумным соображением для самого комитета при принятии решения о том, что рекомендовать, но консультанты не испытывают особых затруднений в отношении взглядов, которые они предлагают в совещательный процесс. Действительно, философы могут обеспечить креативность и предусмотрительность в отношении чувствительных вопросов и проблем, которые возникнут позже, если политики будут действовать сами:

Таким образом, предложение может оказаться пророческим. Реальные условия могут заключаться в том, что вопросы и запросы, которые привели к этому, рано или поздно неизбежно поднимутся на историческую поверхность. Разрушительные предложения (...) могут быть одним из лучших вкладов, которые философия может внести в общественную жизнь. В долгосрочной перспективе они более ценны, чем менее строгие политические позиции, которые политически могут более плавно входить в текущее публичное обсуждение или доминирующую моральную культуру медицинских профессий. В государственной политике в области биоэтики, как и в других, философы должны следить за своими лучшими профессиональными источниками, до тех пор пока они вовлекают других в фундаментальные вопросы. Мы не должны допускать, чтобы туманный политический взгляд охладил то, что может быть их наиболее конструктивным и своеобразным участием в государственной политике. (Menzel, 1990, стр. 423)

Укажите недостатки морального рассуждения

В то время как комитет обсуждает, философ несет ясную ответственность за то, чтобы обучить членов комитета достигнуть лучшего отражающего равновесия между их моральными суждениями. Предполагается, что философ укажет на важные последствия различных аргументов, например, когда становится ясно, что нынешняя государственная политика противоречит предположениям, сделанным комитетом. Эта задача часто является центральной, если члены комитета должны добиваться более последовательных взглядов. Но иногда эта задача может создавать дилеммы.

Существует риск указать на недостатки: менее обоснованные аргументы могут одержать победу из-за манипуляций между членами, посторонних интересов или путаницы (Brock, 1987, стр. 789). Действительно, существует опасность того, что комиссия может уделять меньше внимания моральным соображениям, когда им становится известно, что существует философское несогласие (Weisbard, 1987, стр. 781). Я полагаю, что концепция философа как тренера помогает решить эту проблему. Цель состоит в том, чтобы повысить способность комитета рассуждать и спорить, и эта озабоченность может на законных основаниях заставлять философа сдерживать некоторые из философских сложностей, как это часто делается при обучении (Davis, 1991, стр. 269). Таким образом, возникают сложные

дела, когда моральные рассуждения вызывают сложные проблемы, не принося удовлетворительных решений. Роль педагога не требует, чтобы философ пытался прояснить все ошибки, особенно если эти ошибки настолько тонкие, что замечания, скорее всего, еще больше запутают комитет (Kymlicka, 1993, стр. 23). Цель комиссии - практические рекомендации, а не философский трактат с максимальной достоверностью и последовательностью. Таким образом, роль философов в качестве педагога это идентифицировать и обратиться к темам, когда ожидается, что комитет не может достигнуть согласованности в результате. Философские сложности не должны вводиться сами по себе, а скорее только в случае разумного ожидания, что моральные рассуждения тем самым улучшатся.

Не всегда искать общую основу

Разногласия в комитете иногда считаются особенно тревожными. Обсуждая Warnock Committee по исследованиям эмбрионов, Абрам и Волк отмечают, что:

(...) комиссия, такая как эта, имеет только силу убеждения. Группа, выполняющая этический анализ без каких-либо принудительных полномочий, не может быть убедительна без внутреннего согласия. В отличие от суда или законодательного органа, который структурирован, чтобы действовать до тех пор, пока большинство соглашается, комиссия требует согласия, максимально приближенного к единодушию, чтобы иметь какой-либо эффект вообще. Без такого виртуального единодушия члены комиссии просто озвучивают возможные аргументы; и так, комиссия может убедить.

Таким образом, метод комиссии заставляет инспекторов находить области общего согласия. (Abram & Wolf, 1984, стр. 629, цитируется в Benjamin, 1990, стр. 377)

Философские соображения часто служат для определения точек согласия и точных вопросов разногласий, с тем чтобы можно было разрешить недоразумения и эмпирические проблемы. Однако философ может также угрожать очевидному соглашению между членами комитета. Вейсбард описывает ситуацию, когда фраза «требования справедливости» считалась слишком упрощенной, чтобы привести сложные аргументы. В результате: «Не подготовленные к победе из-за неправильных причин, мы были вынуждены признать поражение в защите того, что мы считали правильным». (Weisbard, 1987, стр. 784)

Однако мы должны отметить, что даже когда очевидное согласие объясняется неправильным рассуждением, становится неясно, что тренер должен убрать недостатки. Способность комитета рассуждать не всегда улучшается путем выявления всех недостатков, особенно если недостатки будут просто использоваться стратегически.

Кроме того, не следует сожалеть о частом несогласии между членами комитета. Иногда размышление выявляет глубокие разногласия среди членов комитета или

среди граждан в целом по центральным вопросам. Для философа привести это несогласие вовне кажется совершенно неосмотрительным: многие такие конфликты появятся рано или поздно, и обсуждения в комитетах предлагают лучшую арену для размышлений и разрешения их, чем альтернативы.

Что касается Комитета Уорнока, Бенджамин отмечает, что их ответственность перед парламентом требовала, чтобы они «говорили в один голос о любых рекомендациях. Если каждый начнет идти своим путем, и возникнет ряд мнений – это говорит о том, что нужно признать что коллективный проект провалился». (Бенджамин, 1990, стр. 384). По некоторым вопросам может быть уместным провал: комитет может иногда правильно сообщать, что компромисс не представляется вероятным, и что вопрос должен быть решен с рассмотрением всех сторон или нормальной мажоритарной политической процедурой. Более того, роль комитетов в рамках демократии, как правило, не требует, чтобы в докладе были подавлены конфликты и разногласия между членами комитета, и, как представляется, еще менее правдоподобно требовать от консультанта воздержаться от введения и поощрения мотивированных разногласий между членами комитета. Часто публично и политически важно знать, что рекомендации комитета, даже если они единодушны, являются результатом компромисса, а не результатом общего согласия. Философская роль иногда помогает членам комитета в наблюдении за тем, как компромисс между различными мнениями может быть морально приемлемым решением, учитывая необходимость единодушной рекомендации в отношении политического решения, но ответственность также может заключаться в том, чтобы «поднимать дополнительные вопросы о том, когда, например, следует искать или одобрять компромисс, а когда конкретный компромисс будет хуже, чем вообще никакой политики, или создает неприемлемую напряженность»(Benjamin, 1990, стр. 387).

Вывод

Я предположил, что философы могут служить ценной и законной ролью в качестве консультантов для комитетов. Такие философы могут рассматриваться как тренеры, способствуя способности комитета рассуждать о важных практических проблемах. Общая роль тренера подразумевает выявление недостатков в рассуждениях, последствия и всеобъемлющие принципы. Это включает в себя указание важных решений и альтернатив, исключаемых текущей политикой или мандатом комитета. Поскольку философ игнорирует основные недостатки в рассматриваемых аргументах или игнорирует альтернативные, важные точки зрения, это следует рассматривать как недостаток или слабость предоставляемых услуг. В качестве тренера роль философа частично определяется слабыми аргументами и сомнительными предположениями, по крайней мере теми, которые имеют какое-то значение в дискуссиях. Эта задача согласуется и действительно требует, чтобы другие философы служили социальными критиками.

Источники

- Abram, M. B., & Wolf, S. (1984). Public involvement in medical ethics. *New England Journal of Medicine*, 310,627-632.
- Ackerman, T. F. (1989). Moral problems, moral inquiry, and consultation in clinical ethics. In B. Hoffmaster, B. Freedman, & G. Fraser (Eds.), *Clinical ethics: Theory and practice* (pp. 141-159). Clifton, NJ: Humana Press.
- Beauchamp, T. (1984). On eliminating the distinction between applied ethics and ethical theory. *Monist*, 67, 514-531.
- Benjamin, M. (1990, August). Philosophical integrity and policy development in bioethics. *Journal of Medicine and Philosophy* 15,375-390.
- Broad, C. D. (1916). On the function of false hypotheses in ethics. *International Journal of Ethics*, 26, 377-397.
- Brock, D. W. (1987, July). Truth or consequences: The role of philosophers in policy-making. *Ethics*, 97, 786-791.
- Camacho, L. (1993, December). Philosophical responsibilities in Central America. Paper presented at the meeting of the American Philosophical Association, Atlanta, GA.
- Caplan, A. L. (1989). Moral experts and moral expertise: Do either exist? In B. Hoffmaster, B. Freedman, & G. Fraser (Eds.), *Clinical ethics: Theory and practice* (pp. 59-87). Clifton, NJ: Humana Press.
- Clouser, K. D., & Gert, B. (1990). A critique of principlism. *Journal of Medicine and Philosophy* 15(2), 219-236.
- Cohen, G. A. (1989). On the currency of egalitarian justice. *Ethics*, 99, 906-944.
- Crosthwaite, J. (1995). Moral expertise: A problem in the professional ethics of professional ethicists. *Bioethics*, 9(5), 361-379.
- Davis, M. (1991). On teaching cloistered virtue: The ethics of teaching students to avoid moral risks. *Teaching Philosophy* 14(3), 259-276.
- Giske, R. (1993). *The role of the coach before, during and after competitions*. Oslo, Norway: Norwegian University for Sports and Physical Education.
- Harre, D. (1982). *Trainingslehre*. Berlin: Sportsverlag Berlin.
- Heinemann, IC (1983). *Einflutung in die Soziologie des Sports* (2nd ed.). Schorndorf, Germany: Karl Hofmann.
- Hughes, E. C. (1963, Fall). Professions. *Daedalus*, 92.655-668.
- Kamm, F. (1990). The philosopher as insider and outsider. *Journal of Medicine and Philosophy* 15, 347-374.
- Kymlicka, W. (1993). Moral philosophy and public policy: The case of NRTs (New Reproductive Technologies). *Bioethics*, 7(1), 1-26.
- Maclean, A. (1993). *The elimination of morality: Reflections on utilitarianism and bioethics*. London, UK: Routledge.
- Maritain, J. (1949). Introduction. In UNESCO (Ed.) *Human rights: Comments and interpretations*. Report from a UNESCO Symposium (pp. 11-12). London, UK: Allan Wingate.
- McPherson, M. S. (1982). Imperfect democracy and the moral responsibilities of policy advisers. In D. Callahan & B. Jennings (Eds.), *Ethics, the social sciences, and policy analysis* (pp. 69-81). New York: Plenum.
- Menzel, P. T. (1990, August). Public philosophy: Distinction without authority. *Journal of Medicine and Philosophy*, 15, 411-424.

- Momeyer, R. W. (1990, August). Philosophers and the public policy process: Inside, outside, or nowhere at all? *Journal of Medicine and Philosophy* 15, 391-410.
- Quine, W. V. O. (1960). *Word and object*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rawls, J. (1971). *A theory of justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Richardson, H. (1990, Fall). Specifying norms as a way to resolve concrete ethical problems. *Philosophy and Public Affairs*, 19, 279-310.
- Rorty, R. (1982). Professionalized philosophy and transcendentalist culture. In R. Rorty (Ed.), *Consequences of pragmatism: Essays 1972-1980* (pp. 60-71). Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Scanlon, T. M. (1972). A theory of freedom of expression. *Philosophy and Public Affairs*, 1(2), 204-226.
- Singer, P. (1972). The moral expert. *Analysis*, 32, 115-117.
- Thompson, D. F. (1983). Ascribing responsibility to advisers in government. *Ethics*, 93(3), 546-560.
- Weisbard, A. J. (1987, July). The role of philosophers in the public policy process: A view from the president's commission. *Ethics*, 97, 776-785.
- Willer, D. (1982, June). Ethicists, critics, and expertise. *Hastings Center Report*, 12-13.
- Williams, B. (1985). *Ethics and the limits of philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Willigenburg, T. van. (1991). *Inside the ethical expert*. Kampen, The Netherlands: Kok Pharos.

Глава 10

Кто решает стоимость руки или ноги?

Оценка денежной стоимости неденежного ущерба

Фенни Х. Полетик и Карел Дж.Дж. М. Столкер

*Когнитивная психология и Институт правовых исследований Мейера, Лейден
Юниверти Нидерланды*

poledek@fsw.leiden univ.nl c.j. j.m.stolker@4aw.leidenuniv.nl

Нематериальный ущерб является юридическим термином как для некоторых неэкономических потерь, так и для денежной компенсации этой потери. Термин звучит как парадокс. В самом деле, он объединяет, с одной стороны, твердую материальную ценность, а с другой - эмоцию, которую невозможно измерить: страдание. Однако, несмотря на этот философский аргумент, парадокс должен быть решен, по крайней мере, в одном практическом контексте: предоставление денежной компенсации жертвам, пострадавшим от третьего лица. Вопрос в том, сколько пострадала жертва (и), и сколько будет страдать, и, соответственно, сколько денег они получают, чтобы «восстановить» ущерб? Это решение требует, чтобы печаль выражалась в денежной величине. Но как этот перевод печали можно выразить в денежном эквиваленте? Кроме того, кто имеет право проводить эту оценку? То есть, кто воспринимается как эксперт в данной практике и кого следует рассматривать в этой судебной процедуре?

Мы покажем, что оценка состоит из двух разных аспектов, которые мы будем называть субъективными и объективными аспектами. Во-вторых, мы зададим вопрос, кто является экспертом, и по какому аспекту оценки? В этом разделе мы приводим некоторые данные, сравнивающие оценку судов и непрофессионалов относительно тяжелых травм. В-третьих, мы приводим аргументы в пользу стандартизации этой оценки и обсуждаем дебаты о стандартизации с социологической точки зрения и учитывая роль и интересы вовлеченных субъектов. В нашем исследовании основное внимание уделяется законодательству Нидерландов и ситуации в Нидерландах. Однако проблема перевода страданий жертв в количественный размер ущерба, подлежащего выплате ответственной стороной, существует в большинстве западных обществ. Следовательно, наш анализ может быть в некоторой степени обобщен и за пределами страны.

Юридическая философия нематериальных повреждений

Статья 6 106 Гражданского кодекса Новой Голландии (19921) гласит:

Жертва имеет право на справедливое решение возмещения вреда, кроме экономического ущерба:

а. если лицо, несущее ответственность, имело намерение нанести такой неэкономический ущерб;

б. если пострадавший получил физическую травму, ущерб чести или репутации или если это лицо иным образом пострадало.

Однако в этом тексте раскрывается несколько намерений, которые законодательный орган имел ввиду о нематериальном ущербе. Хотя нематериальные убытки могут быть присуждены в большом количестве случаев (упомянутых выше под б.), Мы фокусируемся на случаях, когда жертва получила физическую травму. Во-первых, это означает возмещение ущерба. Другими словами, эти убытки должны компенсировать потерянное. Это подразумевает, что сумма убытков, как-то, должна соответствовать количеству потерянного. Во-вторых, убытки, связанные с возмещением вреда, не предназначены для наказания лица, несущего ответственность за причиненный вред. Это явно контрастирует с идеей «карательных повреждений», которая существует в некоторых системах общего права. Однако убытки варьируются в зависимости от степени ответственности правонарушителя. Если действие было менее преднамеренным, убытки уменьшаются (Голландский гражданский кодекс, статья 6: 982). Третья идея регулирования неспецифического ущерба в законодательстве Нидерландов заключается в том, что в принципе они не могут быть переданы родственникам жертвы, если это событие привело к смерти жертвы. Действительно, поскольку предназначена компенсация жертве за ущерб, позволяя им «покупать новое удовольствие» для замены потерянного, другие лица, кроме жертвы, в принципе не могут использовать эти убытки для смягчения нанесенного ущерба (Stolker, 1990). Тем не менее, это утверждение очень обсуждается (Lindenbergh, 1998). В самом деле, иногда, вред может задеть не саму жертву, а родственников. Это происходит, когда жертва умирает или остается в коме. В дальнейшем мы вернемся к этой дискуссии. В-четвертых, как говорится в статье 6: 106 Гражданского кодекса Нидерландов, судья, который должен определить сумму нематериального ущерба, не дает более конкретных указаний, чем то, что они должны определять эту сумму «справедливым» образом. Но что справедливо? Чтобы ответить на этот вопрос, мы сначала рассмотрим вопрос о том, кто имеет право определять серьезность травм.

Кто эксперт по оценке нематериального ущерба?

Закон гласит, что оценка должна быть справедливой. Более того, в Статье 6:97 Гражданского кодекса Нидерландов 4 он предоставляет судье свободу «оценивать этот ущерб, когда не может быть сделан точный расчет». Но какие соображения должны играть роль в этой оценке? С одной стороны, есть страдания. Верховный суд Нидерландов постановил в знаменитом «решении по СПИДу» (19925), в котором пациент был заражен вирусом ВИЧ из-за медицинской ошибки, что

компенсация нематериального ущерба должна быть связана с «видом, продолжительностью и интенсивностью боли, страданий или потери радости в жизни». Это решение снова отражает концепцию о том, что нематериальный ущерб направлен на компенсацию личных страданий. С другой стороны, юридическая практика заключается в том, что суды основывают оценку ущерба на вид и интенсивность травмы, а не на фактической боли, испытываемой отдельной жертвой, что может быть двумя совершенно разными оценками, как мы увидим ниже. Для оценки «интенсивности» травмы суды применяют список травм, классифицированных по их серьезности, в категориях от легкой до крайне тяжелой.

Этот «список» построен на основе прецедентного права; сборник сотен решений о нематериальных ущербах из всех голландских судов, так называемый список ANWB (составленный Нидерландской ассоциацией автомобилистов [ANWB]). В свою очередь, эта база данных прошлых назначенных сумм стала неофициальным стандартом для судов для определения ущерба в будущих случаях. Как появился этот «список»? До того, как существовал «список», суды принимали решения в каждом случае на основании их оценки страдания жертвы. Начиная с 1957 года решения о нематериальном ущербе систематически регистрировались ANWB и, что важно, были классифицированы и ранжированы в соответствии с ущербом. Результатом является иерархия групп травм и соответствующих денежных сумм, отражающих средний ущерб, назначенный в случаях, когда есть пострадавший от конкретной травмы. В целом, серьезность травм, как оценивается и выводится из прошлых судебных решений, в настоящее время в основном определяет практику оценки нематериального ущерба судами, а не отдельных аспектов страданий.

Интересно, что эти два фактора (личные страдания и травмы) могут конфликтовать. Действительно, сосредоточение внимания на интенсивности боли подразумевает, что субъективный индивидуальный опыт воспринимается как основа для «потери», которая должна быть компенсирована. Поэтому мы будем называть фактор, связанный с жертвой, «субъективным аспектом». В отличие от этого, принимая во внимание травму, поскольку стандарт предполагает, что объективный наблюдаемый результат события должен быть компенсирован. Соответственно, связанный с травмой аспект будет называться «объективным аспектом». Рассмотрим, например, две жертвы из разных аварий, имеющих одну и ту же травму: ампутированная нога. В соответствии с фактической практикой судов, в которой травма принимается в качестве соответствующего фактора, эти два человека должны получать одинаковую сумму ущерба. Однако субъективно ощущаемая боль может сильно различаться между жертвами, в зависимости от индивидуума и события. Эта уникальность может быть обусловлена многочисленными обстоятельствами, например, касающимися личных характеристик, таких как возраст, пол и профессия, а также отношение действующего лица к этому событию. Следствием этого является то, что если их страдания различны, сумма ущерба также будет отличаться. Подводя итог, объективный фактор удовлетворяет принципу справедливости в правосудии,

который должен одинаково выплатить компенсацию людям с одинаковой травмой. Субъективный фактор удовлетворяет принципу адекватности того, что ущерб должен отражать фактическое количество субъективной утраченной радости.

Как суды соглашаются с этим противоречием? В аргументации, предшествующей окончательному решению о возмещении ущерба в суде или в урегулировании, субъективные аспекты страдания часто подчеркиваются, особенно адвокатами жертв. Конкретные индивидуальные обстоятельства и чувства, как утверждается, взаимодействуют и складываются с самой травмой, увеличивая страдания жертвы.

Тем не менее, исследования показали, что судьи не позволяют своим суждениям сильно влиять на эти аргументы. Они обычно придерживаются «списка». В статистическом анализе судебных решений (Ferwerda, 1987; Vollbehr, 1989) было показано, что окончательное решение о размере ущерба вряд ли зависит от субъективных обстоятельств жертвы. Объективный фактор «серьезность травмы» почти полностью определяет вариативность суждений.

Тот факт, что суды делая оценки ущерба едва учитывают субъективные особенности страданий, может иметь две причины: во-первых, некоторые из этих обстоятельств очень трудно оценить, поскольку они требуют оценки некоторых очень личных чувств. Во-вторых, каковы разумные субъективные обстоятельства? В литературе было выдвинуто много факторов (Stolker & Poletiek, 1998), среди которых доходы и социальное положение жертвы. Но авторы не пришли к соглашению, какие индивидуальные характеристики имеют значение для оценки ущерба (Lindenbergh, 1998). Третья причина может заключаться в том, что суды просто не знают, как эти характеристики влияют на их суждение. Например, является ли высокий доход причиной увеличения или, скорее, снижения ущерба? Следует ли предположить, что богатые люди страдают меньше или больше, чем бедные?

Объективный фактор, тяжесть травмы, должен оцениваться иначе, чем субъективный фактор. Сама травма часто может быть определена диагнозом медицинского эксперта. Однако проблема заключается в том, чтобы определить ее «интенсивность» (серьезность) по сравнению с другими травмами. Vollbehr (1989), Питерс и ван Бюссбах (1989) и Столлер и Полетек (1998) указывают на произвольный характер «категоризации тяжести» травм в списке ANWB. Эта база данных отражает то, что суды считают серьезностью травм, как относительно (одна травма по сравнению с другими), так и абсолютно (каждая травма должна соответствовать определенной сумме потерь в радости жизни, выраженной в денежном выражении). Это ставит вопрос о том, кто является экспертом в оценке относительной и абсолютной серьезности ущерба здоровью. Мы рассматриваем три возможности: во-первых, суд. Это точка зрения, принятая неявно нашей правовой системой, потому что это практика. Суды основывают свои решения на «списке», который, в свою очередь, является компиляцией судебных решений. Однако, помимо точной оценки ущерба, суды могут иметь другие проблемы.

Например, суды могут иметь тенденцию к снижению серьезности, чтобы избежать законов о случаях с огромными денежными средствами, на основании которых новые жертвы могут выдвигать новые требования. Кроме того, их оценка серьезности травм может зависеть от таких факторов, как социальный статус, который обычно выше среднего для судей. Обратите внимание, что эти соображения применимы только к системам, где нет присяжных. Во-вторых, сами жертвы могут считаться экспертом в определении того, насколько серьезной является травма, как и в отношении относительно других травм. Однако на жертвы влияют другие субъективные факторы, которые могут смещать (делать предвзятой) их оценку. Например, сам факт, что жертвы могут требовать денежную компенсацию, может смещать их восприятие серьезности травмы. Третьим возможным экспертом является возможная жертва, являющаяся гражданским лицом, к которому применяется это законодательство. Мы считаем, что они являются экспертами, на основании которых оценка тяжести травм должна основываться, чтобы быть в большей степени в соответствии с законодательством. В самом деле, возможные жертвы, как ожидается, будут в наименьшей степени подвержены максимальному или сведенному к минимуму предполагаемой серьезности травм по стратегическим причинам. Таким образом, стандарт, на основании которого суд основывает свою оценку серьезности травм, должен отражать чувства «человека на улице» (будучи возможной жертвой) касаясь относительной и абсолютной серьезности травм.

В приведенном ниже исследовании мы дополнительно изучили эту точку зрения, сравнив суды (список ANWB) и оценки гражданских лиц по поводу серьезности их травм. Такой тест «списка» никогда не проводился, хотя различия в судах оценки и использовании людей могут иметь серьезные финансовые последствия для жертв, в зависимости от того, чья экспертиза используется в качестве основы.

Сравнивая оценки судов с оценками обычных людей

Проблема состояния здоровья людей может быть сформулирована в психологическом значении, например как измерить коэффициент состояния здоровья. В области принятия медицинских решений это сложная исследовательская программа. Действительно, анализ экономической эффективности медицинских вмешательств требует, чтобы пациенты были количественно оценены, чтобы сравнить затраты на вмешательства с их полезностью с точки зрения пережитого качества жизни (Bakker & van der Linden, 1995).

Методы, применяемые к измерению коэффициентов состояния здоровья, не используются в контексте правовой оценки нематериальных убытков. Мы сначала исследуем относительный коэффициент травм (ранжирование) непрофессионалами, которые можно сравнить со стандартом судов. Затем мы оценим абсолютные коэффициенты травм. Эти показатели можно сравнить с фактическим средним нематериальным ущербом, назначенным судами в прошлом,

фигурирующими в стандартном «списке». Мы также измерили коэффициент ряда событий, для которых не может быть заявлено юридическое требование о нематериальном ущербе. Это случаи, когда родственник (например, ребенок, партнер) умер из-за какого-либо события, за которое несет ответственность третье лицо (статья 6:108 Гражданского кодекса Голландии), и случаи, когда жертва находится в постоянной коме. Последние случаи явно не исключены из права нематериального возмещения по закону, но они обычно интерпретируются экспертами-юристами таковыми (Stolker, 1990). Поскольку эти случаи (смерть родственника, постоянная кома жертвы) являются темой, оживленной в обществе, мы исследовали их в нашем исследовании.

Ранжирование травм

В этом исследовании на добровольной основе принимали участие 91 человек. Участники заполнили анкету с 19 описаниями травм. Травмы - это выбор из тех, что указаны в списке ANWB, плюс 3. Это «смерть ребенка», «смерть партнера» и «постоянная кома». Участникам было предложено оценить влияние этих травм на их качество жизни в масштабе от 0 (без влияния на мое качество жизни) до 9 (качество жизни будет так же сильно изменено, как и из-за смерти). Оценки были проанализированы с помощью метода Thurstone (**Шкала равнокажущихся интервалов Л. Тёрстоуна — метод измерения в шкале интервалов психологических и социальных характеристик исследуемых**). С помощью этого метода можно рассчитать не только рейтинг травм участниками, но также можно определить «расстояния» между травмами по критерию «влияние на качество жизни». Это достигается путем вычисления z-балла для каждой травмы. Этот z-балл становится отрицательным, когда он высокий, и положительным, когда нет. В таблице 1 отображается рейтинг травм участников и соответствующие баллы Thurstone.

ТАБЛИЦА 1
РАНЖИРОВАНИЕ ТРАВМ ПО СЕРЬЕЗНОСТИ УЧАСТНИКАМИ (N=91)

	ПОКАЗАТЕЛЬ ТЕРСТОУНА
СЛОМАННЫЕ ЗУБЫ	1.58
АМПУТАЦИЯ КОНЧИКА ПАЛЬЦА	1,27
ПОТЕРЯ ОБОНЯНИЯ	0.69
ПОТЕРЯ ВКУСА	0.67
ШРАМ НА ЛИЦЕ	0.46
ГЛУХОТА НА ОДНО УХО	0.45
ХЛЫСТОВАЯ ТРАВМА	0.44
ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕНТРАЦИИ/БЕСПАМЯТСТВО	0.05
ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА , РАЗДРАЖИТЕЛЬНОСТЬ	-0.04
ДЕПРЕССИЯ	-0.12
АМПУТАЦИЯ РУКИ	-0.40
МУТАЦИЯ ЛИЦА	-0.45
ЖЕСТКАЯ ХЛЫСТОВАЯ ТРАВМА	-0.47
АМПУТАЦИЯ НОГИ	-0.81
* СМЕРТЬ ПАРТНЕРА	-0.86
НЕВОЗМОЖНОСТЬ (НЕ)ВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ	-0.88
* СМЕРТЬ РЕБЕНКА	-0.94
ПАРАЛИЧ ОБЕИХ НОГ	-1.03
* ПОСТОЯННАЯ КОМА	-1.28

* ТРАВМЫ НЕЯВЛЯЮЩИЕСЯ СВЯЗАННЫМИ С КОМПЕНСАЦИЕЙ В ТЕКУЩЕМ ЗАКОНЕ ГОЛЛАНДИИ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА

Стандартный «список» представлен как рейтинг с отдельными категориями. Травмы одной категории имеют одинаковое положение в рейтинге. Рейтинг во всем мире соответствует рейтингам судов. Однако есть некоторые отличия. Чтобы сравнить рейтинг постоянных участников с категорией судов, разница между двумя «списками» была определена как значительная, когда две травмы, ранжированные в определенном порядке участниками, были наоборот привязаны к двум категориям судов. Во-первых, участники оценивают потерю вкуса менее серьезной, чем тяжелую хлыстовую травму, а суды поступают наоборот. Другое отличие в отношении «шрама на лице». По мнению судов, это должно вызывать меньше страданий, чем ампутация среднего пальца. Однако, по словам участников, верно обратное. Что касается потери вкуса и запаха, есть также несогласие между судами и респондентами. Эти два повреждения оцениваются как менее болезненные, чем крупный шрам на лице, легкая или тяжелая хлыстовая травма и односторонняя глухота, тогда как суды ставят потерю вкуса или обоняния в более тяжелую категорию. Наконец, можно увидеть, что три события, не «восстанавливаемые» ущербом в соответствии с законом, считаются наиболее серьезными непрофессионалами, помещая их в нижнюю часть рейтинга в Таблице 2. Потеря своего партнера, своего ребенка и пребывание в постоянной коме ощущается как наиболее болезненные события, которые могут произойти.

Как объяснить эти различия? Мы предлагаем несколько предварительных объяснений. Во-первых, хлыстовые травмы могут затронуть жертв разными способами. Они могут вызывать различные соматические, а также

психологические эффекты, которые трудно диагностировать. Кроме того, эта травма получила много внимания со стороны средств массовой информации, именно из-за ее слабо объясненных и иногда драматических последствий для жертв. Суды могут оценить влияние таких «мягких» травм ниже, чем это делают непрофессионалы. И наоборот, потеря вкуса или запаха - это травмы, которые, возможно, немислимы людям, потому что они не очень часты и, следовательно, оцениваются как низкие. Тем не менее, суды чаще сталкивались с этими травмами и оценивали их серьезность выше на основе отчетов о жизни жертв. Шрамы, которые видны, не влияют на физическое здоровье, но, возможно, на личность и самооценку. По-видимому, такая травма важнее для людей, чем считают суды. Тот же самый аргумент может быть применен к хлыстовым травмам: суды могут думать об этих психологических эффектах как нечетких и, следовательно, недооценивать их серьезность. Что касается рейтингов событий, которые не подлежат компенсации убытками, мы возвращаемся к ним ниже.

Помимо ранжирования травм, мы сравнили абсолютные денежные суммы, связанные с этими травмами, обеими группами. Для этого мы использовали метод *Willingness to-Pay (WTP)* (Готовность заплатить). С помощью этого метода можно измерить психологическую ценность «хорошей» или «потери» как они могут быть измерены. Он часто используется в принятии медицинских решений для измерения состояния здоровья (O'Brien & Viramontes, 1994). Это происходит следующим образом: людей спрашивают, сколько они готовы заплатить, чтобы полностью излечиться от травмы или болезни. Их ответ выражает предполагаемое количество страданий в денежном выражении. В настоящем исследовании мы попросили респондентов дать их значение ВТП только для двух травм: ту, которую они оценили как наименее серьезную, и ту, которую они оценили как наиболее серьезную. Средний наименее тяжелый показатель ВТП и средний самый серьезный показатель ВТП принимались за экстремальные значения коэффициентов, приписываемых средним наименьшим и наиболее тяжелым травмам. Интерполяция была получена в размере WTP для оставшихся повреждений. Интервалы между повреждениями были рассчитаны на основе оценки Thurstone, полученные в рейтинге. Таким образом, расстояния между травмами, рассчитанными с помощью баллов Тёрстона, отражались в оценках WTP. Эти баллы представлены в Таблице 2 вместе со средним ущербом, присуждаемым судами за каждую категорию травм. Сумма в голландских гульденах была конвертирована в евро.

ТАБЛИЦА 2
ОЦЕНКА “ГОТОВНОСТИ ЗАПЛАТИТЬ” (WTP) ТРАВМ (N=91) И СРЕДНИЙ УЩЕРБ
ПРЕДЛОЖЕННЫЙ СУДАМИ (В ЕВРО)

КАТЕГОРИИ ТРАВМ СОГЛАСНО СТАНДАРТНОМУ “СПИСКУ”	ТРАВМЫ	СРЕДНЯЯ СУММА УЩЕРБА ВЫСЧИТАННАЯ СУДАМИ	ОЦЕНКА WTP (ГОТОВНОСТИ ЗАПЛАТИТЬ)
СЛАБАЯ	СЛОМАННЫЕ ЗУБЫ		2,672
	БОЛЬШОЙ ШРАМ НА ЛИЦЕ	1,364–2,500	46,228
ОЧЕНЬ ЛЕГКАЯ	ЛЕГКАЯ ХЛЫСТОВАЯ ТРАВМА		47,006
	АМПУТАЦИЯ КОНЧИКА ПАЛЬЦА	2,500–6,818	14,727
ЛЕГКАЯ	ГЛУХОТА НА ОДНО УХО		46,617
	СИЛЬНАЯ ХЛЫСТОВАЯ ТРАВМА	6,818–13,636	82,396
СЕРЬЕЗНАЯ	ПОТЕРЯ ВКУСА		38,061
	ПОТЕРЯ ОБОНЯНИЯ		37,284
	БЕСПАМЯТСТВО		62,214
	ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА	13,636–25,000	65,673
ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНАЯ	ДЕПРЕССИЯ		68,785
	АМПУТАЦИЯ РУКИ		79,674
	АМПУТАЦИЯ НОГИ		95,618
	ПАРАЛИЧ ОБЕИХ НОГ	25,000–50,000	104,174
КРАЙНЕ СЕРЬЕЗНАЯ	УВЕЧЬЕ ЛИЦА		81,618
	ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ		98,340
	* СМЕРТЬ ПАРТНЕРА		97,363
	* СМЕРТЬ РЕБЕНКА		100,674
	* ПОСТОЯННАЯ КОМНАТА	> 50,000	113,897

* ТРАВМЫ НЕЯВЛЯЮЩИЕСЯ СВЯЗАННЫМИ С КОМПЕНСАЦИЕЙ В ТЕКУЩЕМ ЗАКОНЕ ГОЛЛАНДИИ ОТНОСИТЕЛЬНО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА

Как видно из таблицы 2, средние оценки WTP, полученные в результате этой интерполяции, выше, чем ущерб. Различия между двумя «списками» указывают на то, что суды связывают меньшую компенсацию с травмами, чем гражданские лица, которые оценили бы, учитывая их серьезность. Различия особенно усиливаются, когда травмы более серьезны. В высшей категории суды назначают сумму в размере 50 000 евро или выше. Однако эта сумма составляет примерно половину суммы, которую люди назначают в среднем на самые тяжелые травмы.

Несколько замечаний следует сделать в отношении метода WTP. Во-первых, ответы чувствительны к положению дохода. Действительно, люди с более высоким уровнем дохода могут быть готовы (потому что способны) тратить больше денег на лечение, чем люди с более низким уровнем дохода, за те же страдания. В нашем примере представлены разные позиции дохода, а оценки WTP усредняются. Поэтому мы решили сообщить о необработанных оценках WTP. Вторая проблема заключается в том, что довольно много участников (40) не дали никакой конкретной суммы в качестве ответа, но ответили «миллионы» или «все, что у меня есть», когда их попросили оценить «самую тяжелую травму или событие». Эти ответы были исключены из расчетов в таблице 2. Мы вернемся к этому в следующем разделе.

Основные выводы из настоящего сопоставления мнений судов и непрофессионалов о травмах - во-первых, как ранжирование, так и абсолютные оценки серьезности травм различаются по ряду пунктов. Таким образом, рассмотрение граждан вместо судов в качестве экспертов создают разницу. Значения тяжести травм, выраженных в денежном эквиваленте, в среднем почти два раза превышают средний размер ущерба высказанных судами. Во-вторых, события, не подпадающие под компенсацию ущерба, такие как потеря партнера или ребенка и постоянная кома, относятся к самым болезненным переживаниям, которые люди могут себе представить: они соответствуют тому, что люди считают самой большой потерей качества жизни. Это показывает самую яркую несовместимость между отношением суда, с одной стороны, и отношением непрофессионала, с другой, к серьезности травм. Мы обсудим это различие более подробно ниже.

Хотя суды даже не рассматривают компенсацию за боль, вызванную повреждениями родственников, эта боль является самой ужасной, которую люди могут себе представить. В тексте закона о нематериальных убытках предполагается, что жертва события, за которое третье лицо несет юридическую ответственность, является той, которая должна быть вознаграждена за боль, чтобы они могли «купить» обратно потерянную радость жизни. Поскольку умерший человек не может воспользоваться такой компенсацией, эти жертвы исключаются из права на возмещение ущерба, как это указано в статье 6:108 Гражданского кодекса Нидерландов. К тем же аргументам относится предложение, что люди в постоянной коме (или их родственники) не должны получать компенсацию (Stolker, 1990). Однако наше исследование показывает, что страдания, причиненные родственнику смертью или комой их партнера или ребенка, является одним из самых серьезных. Страдание, столь интенсивное, кажется разумным компенсировать его каким-то образом. Другим аргументом в пользу возмещения ущерба родственникам, оставшимся в живых, являются решения Верховного суда по борьбе со СПИДом о нематериальном ущербе. Он определяет, что страдания, их интенсивность и продолжительность - это сущности, подлежащие компенсации. В этом заявлении суд подчеркивает, что страдание, а не жертва как лицо, должно быть возмещено. В целом, в соответствии с принципом адекватности, согласно которому количество боли, которое принесено, является компенсацией, можно утверждать, что родственники, если они страдают от боли, вызванной событием, вызвавшим смерть или кому жертвы, должны иметь право на возмещение какого-либо ущерба. Это противоречит принципу адекватности, лежащему в основе закона.

Однако недавно, в так называемом «случае с нервным шоком», Верховный суд Нидерландов санкционировал компенсации как материального, так и нематериального ущерба близким родственникам жертвы правонарушений в определенных ситуациях. Родственник заявителя должен либо наблюдать нарушение или немедленно столкнуться со страданием или смертью близкого

родственника. Кроме того, серьезная психическая травма (суд использует слова «признанный психиатрический ущерб») со стороны истца-наблюдателя является обязательным условием, и поэтому суд по делу отклонил иск в отношении «только» аффективного ущерба (утраты, страдания, горе, печаль). Компенсация простого аффективного ущерба действительно противоречит общему принципу, лежащему в основе закона о материальном ущербе (Levine & Stolker, 2001).

Последнее замечание должно быть сделано в отношении этих случаев. Мы заметили, что людям было особенно трудно количественно оценить страдания, когда страдания были чрезвычайно серьезными. Это было выражено в ответах на вопрос WTP в отношении смерти партнера или ребенка. К нашему удивлению, многие респонденты дали неограниченные ответы, такие как: «все, что у меня есть». Повреждения сложнее выразить в денежном выражении, поскольку потеря радости жизни более сильная. Разрешение на компенсацию в этих случаях снова вызывает проблему: какой она должна быть? Полное обсуждение этой проблемы выходит за рамки этого исследования. Но возможное решение может заключаться в том, чтобы зафиксировать символическую сумму для этих случаев, удовлетворяя потребность в некотором признании причиненной боли, не пытаясь полностью компенсировать это материально.

Стандартизованная оценка: какие преимущества и для кого?

Возобновляя предыдущие аргументы и выводы, мы предполагаем, чтобы оценка нематериального ущерба была сочетанием двух аспектов. Во-первых, объективный аспект тяжести травмы и, во-вторых, субъективный аспект, являющийся фактическим индивидуальным страданием. Эти аспекты должны оцениваться и объединяться в сумме компенсации. Хотя эта оценка в прошлом была полностью отнесена к компетенции судов, мы уже сказали, что оценка объективной части должна основываться на мнении гражданских лиц. Мы показали, что передача этой роли эксперта от судов к гражданским лицам показывает различие.

Кроме того, нынешний взгляд на оценку нематериального ущерба и вопрос экспертизы ставит вопрос о том, как этот процесс судебного разбирательства может быть осуществлен на практике. Два противоположных ответа на этот вопрос - это, во-первых, стандартизованная процедура и, во-вторых, индивидуальные суждения каждого случая. Второй метод - нынешняя практика в Нидерландах. Тяжесть травмы, а также индивидуальные страдания оцениваются в каждом отдельном случае судом и объединены в одну окончательную денежную сумму. Интересно отметить, что в прошлом было предпринято несколько попыток, позволяющих определять нематериальные убытки определенной стандартной процедурой. Например, в 1984 году Нидерландская ассоциация страховщиков предложила «формулу» для расчета ущерба. Это очень простой алгоритм расчета ущерба в зависимости от продолжительности терапии и выздоровления, степени инвалидности человека (что скорее всего связано с травмой категории «объективных» факторов, как мы их называли), и возраст жертвы (который

является относящимся к жертве и, следовательно, субъективным). Все эти факторы довольно легко оценить и были фактически оценены судом. Однако формула практически не применялась. Алгоритм считался слишком простым, а суммы, которые он порождал слишком низкими и довольно произвольными. В целом, это считалось столь же произвольным, как и использование «списка».

Однако удивительно, что критика, которую получила эта стандартизованная процедура, не была направлена на параметры формулы, а главным образом на самом факте стандартизации оценки. Критика исходила от экспертов по правовым вопросам, особенно юристов, которые нападали на процедуру на основании запрета надлежащего учета многочисленных субъективных обстоятельств отдельной жертвы. Фактически, в интересах адвоката оставить некоторые непрозрачности в отношении ущерба. Это позволяет адвокатам, находящимся в пределах этой непрозрачности, просить максимизации оплаты ущерба, исходя из уникальной ситуации и характеристик их клиента и ситуации. Страховщики, однако, заинтересованы в предсказуемости. Действительно, они почти всегда являются той стороной, которая фактически присуждает компенсацию. Чтобы рассчитать их выплаты, они должны выполнять точные прогнозы затрат. Это, очевидно, более упрощается, когда известны параметры процедуры принятия решения, имея в виду, что именно страховщики впервые предложили «формулу».

Наконец, каковы последствия стандартизации для жертв? Закон существует в качестве регулирования права жертв на справедливую компенсацию. С одной стороны, жертвы, как группа, пользуются прозрачной стандартизированной процедурой, где стандартизация повышает справедливость. С другой стороны, было высказано предположение, что эта процедура также может применяться против индивидуальных интересов потерпевших. Поэтому их уникальные обстоятельства, по-видимому, опускаются. Однако есть несколько аргументов в пользу стандартизованного подхода для индивидуума. Во-первых, как мы уже упоминали выше, суды на практике редко учитывают субъективные факторы, но основывают свое суждение главным образом на тяжести травмы, по-видимому, несмотря на обоснованные просьбы адвокатов. Таким образом, стандартная процедура, в которой фиксированный показатель будет отдаваться объективным и субъективным факторам, может обеспечить улучшенную, а не вредоносную гарантию того, что учитываются субъективные аспекты, влияющие на пережитую боль. Во-вторых, субъективные обстоятельства также могут применяться против интересов отдельных лиц. Рассмотрим иллюстратора-правшу, у которого левая рука парализована. Поскольку эта травма не мешает его профессиональной работе, ущерб может быть снижен именно благодаря этой уникальной характеристике. В процедуре, описанной выше, индивидуальная и субъективно ощущаемая боль, с одной стороны, и объективная тяжесть травмы, с другой стороны, могут быть одинаково сбалансированы для всех жертв, позволяя приемлемым субъективным элементам выполнять роль. Еще одно преимущество оставить оценку эмоциональных повреждений «экспертной процедуре» заключается в том, что она

понятна и прозрачна для индивидуумов, увеличивая ее приемлемость (van den Bos, Lind, & Wilke, 2001).

В заключение, стандартизация оценки нематериального ущерба может быть разумным способом перевести страдания в денежную компенсацию. В такой процедуре можно рассчитать относительный показатель объективной и субъективной оценки. Однако, как мы утверждали, роли экспертов должны адекватно объясняться. Экспертиза для оценки субъективных факторов должна быть предоставлена жертвой, и экспертиза для оценки тяжести травмы должна делаться возможными жертвами, которые на самом деле являются гражданскими лицами обеспокоенными правовой системой. На наш взгляд, такая модель позволяет выполнить сложную задачу оценки нематериальных ущербов в соответствии с намерениями законодательства.

От автора

Мы благодарим Марка Ван Оострума, Ричарда Тиджинка и Виллема ван дер Клоота за помощь в проведении эмпирического исследования и анализе данных.

Источники

- Bakker, C., & van der Linden, S. (1995). Health related utility measurement: An introduction. *The Journal of Rheumatology* 22, 1197-1199.
- Ferwerda, M. P. (1987). Statistische analyse van smartegelduitspraken [Statistical analysis of nonpecuniary damages judgments]. *Verkeersrecht*, 5, 122-124.
- Levine, D. I., & Stalker, C. J. J. M. (2001). Compensating for psychiatric damage after disasters: A plea for a multifactor approach. In E. R. Muller & C. J. J. M. Stolker (Eds.), *Ramp en recht* (pp. 127-148). The Hague: Boom Juridische Uitgevers.
- Lindenbergh, S. D. (1998). *Smanengel.d* [Nonpecuniary damages]. Deventer, The Netherlands: Kluwer.
- Stolker, C. J. J. M. (1990). The unconscious plaintiff: Consciousness as a prerequisite for compensation of non-pecuniary loss. *The International and Comparative Law Quarterly* 39, 82-100.
- Stolker, C. J. J. M., & Poletiek, F. H. (1998). Smartengeld-Wat zijn we eigenlijk aan het doen? Naar een juridische en psychologische evaluatie [Toward a legal and psychological evaluation of nonpecuniary damages]. In F. Stadermann et al. (Ed.), *Bewijs en letx[schade* (pp. 71-86). Lelystad, The Netherlands: Koninklijke Vermande.
- O'Brien, B., & Viramontes, J. L. (1994). Willingness to pay: A valid and reliable measure of health state preference? *Medical Decision Making*, 14, 289-297.
- Pieters, J.A., & Busschbach, J. J. van. (1989). Een empirisch onderzoek naar de vaststelling van smartengeld in geval van letsel [An empirical investigation into the assessment of damages in case of injury]. *Verkeersrecht*, 6, 141-146.
- van den Bos, K., Lind, E. A., & Wilke, H. A. M. (2001). The psychology of procedural and distributive justice viewed from the perspective of fairness heuristic theory. In R. Cropanzano (Ed.), *Justice in the workplace: From theory to practice* (pp. 49-66). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Vollbchr, W. (1989). Smartegeld en willekeur [Nonpecuniary damages and arbitrariness]. *Verkeersrecht*, 6, 146-150.

Глава 11

Эксперт в историческом контексте: случай в Венецианской политике

Ахим Ландвер

*Философский факультет Генрих Гейне Университет Дюссельдорфа Германия
landwehr@phil-fak.uni-duesseldorf.de*

В своей книге о Средиземном море как исторической области французский историк Фернан Бродель включил главу о Венеции в период до конца республики в 1797 году. Очевидно, он был очарован «самой безмятежной республикой» (Серениссима). Среди многих аспектов венецианской политики он упомянул о том, что пятерка *cinque savii alla mercanzia*, буквально пять мудрецов в вопросах торговли. Интересно, однако, что Браудель не использовал этот буквальный перевод, а скорее использовал более свободно переведенную фразу пять экспертов по вопросам торговли (Braudel, 1987, стр. 169).

Это ставит важный исторический вопрос. Бродель специально назначил этих людей экспертами. Но можно ли говорить об «экспертах» в раннем современном периоде? Кроме того, спросить, были ли эксперты примерно с 1500 года, все это осложняется определением экспертов в целом. Чтобы не допустить разочарования, я должен признать, что я не смогу дать удовлетворительные ответы на все эти вопросы. Скорее, в этой статье я сосредоточусь на проблеме экспертов в раннем современном периоде применительно к одному специальному учреждению - уполномоченных венецианского материка (синдичи в Терраферме). Во-первых, я буду обсуждать проблему ранних современных экспертов в более широких масштабах, прежде чем обращаться к членам комиссии как к форме ранних современных экспертов и их роли в качестве форм власти / знаний.

Результаты этого обсуждения приведут к тематическому исследованию уполномоченных венецианского материка как первых современных специалистов.

Что такое эксперт?

Ответить на вопрос «что такое эксперт?» представляется, на первый взгляд, не самой сложной задачей. Эксперт - это специалист, обладающий специальными знаниями (Brint, 1994; Savage, 1996). Иллюстрацией этого определения является объявление, опубликованное в Интернете для семинара SchloeEmann Общества Макса Планка «Эксперт в современных обществах»:

Общество Макса Планка содействует междисциплинарным исследованиям в отдельных областях наук. С этой целью каждый год будет организован

трехдневный семинар в память доктора Эрнста-Рудольфа Шлофмана (...). Ведущим экспертам в этой области предлагается высказать свои мнения, а молодым ученым предлагается разрабатывать исследовательские предложения и представлять их в рамках семинара.

Таким образом, тема этого конкретного семинара приводит, в некотором смысле, к самозаявленной ситуации, когда эксперты собираются для обсуждения роли экспертов - самого исследовательского проекта.

Но, кроме этого широкого определения эксперта, этимологически вытекающего из латинского прилагательного *expertus*, означающего быть искусным в чем-то, вряд ли можно дать более общепринятые спецификации. Существующие определения эксперта далеко не согласованы. Как показывают обзоры нескольких обсуждений в социальных науках, эксперты либо определяются как квалифицированные в специализированных областях знаний, как имеющие общую картину предметной области, либо как обобщающие (Kleimann, 1996, стр. 1851.).

Историки, однако, привыкли ставить каждый вопрос исторически и историзировать каждую концепцию. С этой точки зрения вопрос «что такое эксперт?» становится еще более запутанным, но, как следствие, тем более интересным. С исторической точки зрения, эксперт в современном смысле - это довольно молодой феномен, появляющийся лингвистически на сцене около 1800 года. До 19-го века слово эксперт сложно, и почти невозможно, проследить. В Оксфордском английском словаре первая запись эксперта как человека, чьи особые знания заставляют их считать авторитетом появилась в 1825 году (Simpson, 1989, стр. 566). На немецком языке слово «*Experte*» также появляется только в XIX веке (Brockhaus, 1968, стр. 826). В энциклопедии Зедлера, наиболее важной работы такого типа в немецкоязычных странах до 1800 года, нет записи термина *Experte* вообще (Zedler, 1734).

Лингвистически понятие редко встречается в ранний современный период до 1800 года, не говоря уже о средневековых временах. Следовательно, представляется необходимым оправдание: как можно говорить об экспертах в раннем современном периоде, если обозначение не существует? Не означает ли отсутствие термина, что экспертов не было? Я предлагаю Брейделю в этом отношении, не принимать в буквальном смысле такие слова, как савий. Чтобы осветить, как развилась концепция и как эта группа стала отличаться в качестве специалистов по значению, необходимо изучить тех, кто имел специализированные знания и упоминался под разными обозначениями в исторических источниках. Тогда термин «член комиссии» предлагается незамедлительно.

Члены комиссии

Важность членов комиссии в раннем современном периоде вряд ли может быть преувеличена. Период между 15 и 19 веками - среди многих других аспектов,

характеризуется ростом администраций в европейских странах. Поскольку администрации находящиеся в зачаточном состоянии этого периода не смогли выполнить все свои организационные обязательства, члены комиссии были назначены во многих областях раннего современного государства.

Жан Боден, важный французский теоретик суверенитета раннего современного государства, теоретически описал это учреждение еще в 1583 году. Он дал определение члена комиссии в своей «Леске»:

Le commissaire est la personne publique qui a charge extraordinaire limith par simple Commission [член комиссии является официальным лицом, у которого есть чрезвычайный долг и который ограничен только его полномочиями]. (Bodin, 1583, стр. 372)

Согласно его определению, между членом комиссии и общим должностным лицом существуют два основных отличия. У члена комиссии есть чрезвычайные инструкции и он не связан никакими законами; он несет ответственность только перед правителем. Напротив, общее должностное лицо должно следовать правилам, предписанным положением, которое связывает их с законами (Bodin, 1583, pp. 372-392). Это различие имеет решающее значение, поскольку оно впервые называет члена комиссии как отдельное учреждение - учреждение, которое должно быть заполнено лицами, обладающими ресурсами знаний, опыта и полномочий для выполнения соответствующих задач.

В Англии термин «commissioner» появился в 15 веке по отношению к должностным лицам, которым поручено Королевская комиссия или ордер с указанными обязанностями (Simpson, 1989, стр. 558). В том же смысле член комиссии появился во Франции уже в середине XIV века (Dictionnaire, 1898, стр. 134), в то время как немецкий комиссар или инспекторий поднял голову в 1420-х годах (Deutsches Rechtsworterbuch, 1974-1983, p 1186f, Moraw, 1983, стр. 52).

Известные исторические примеры членов комиссий (представителей) и комиссий. Очень ранней является Книга Страшного Суда, заказанная Уильямом Завоевателем, как обзор богатства, населения и культивирования в Англии после завоевания Нормана (Galbraith, 1974; Holt, 1987). Комиссии также сыграли важную роль во время инквизиции, когда были расследованы группы и лица, которые, как полагали, придерживались неправильной религии (Bennassar, 1979; Bethen-court, 1995) и Комиссия по борьбе с бедностью в Соединенном Королевстве в начале 19 века, который разработал раннее британское законодательство о социальном обеспечении (Humphreys, 1995; Rose, 1971).

Но повседневная работа члена комиссии в ранней современной Европе между 16 и 18 веками была не такой впечатляющей, как могли бы показать эти примеры. Как показал немецкий историк Отто Хинтзе (1981) в своем эссе о инспектории, корни этого типа специалиста в основном закладывались в области ведения войны и

финансов (Ноке, 1978). В Пруссии и Франции челны комиссий выполняли специальные функции по снабжению армий и управлению захваченными районами. Прусский главный инспектор войны (*прим.пер.* - в данном случае то же слово имеет немного другое значение) (*Kriegskommissarius*) отвечал за организационные обязанности в армии, в то время как французские законные должностные лица армии (интенданты *de Justice ou d'armfe*) получали от короля личные закрытые письма (письма закрывались), в которых описывались их широкие полномочия (Fischer & Lundgreen, 1975, pp. 499-509, Hintze, 1981, стр. 78f., стр. 84). Для них было характерным и для других инспекторов того периода отвечать только их правителю. Помимо этих военных чиновников были также чиновники, ответственные за петиции (*maltres de requetes*) во Франции, члены комиссий, которые иногда отправлялись в провинции, как глаза и уши царя. Они контролировали местных чиновников, прописывали жалобы от субъектов и делали отчеты правительству (Mousnier, 1970).

Но можно ли описать этих членов комиссий как экспертов? Возможно, не в современном смысле этого слова. Эти члены комиссий (уполномоченные или инспектора) были образованы (если они вообще имели академическое образование) в качестве обобщающих специалистов в широких областях знаний и практически без специализации. Но практика их работы более или менее заставила их стать экспертами. Ранние современные государства (Blankner, 1992; Reinhard, 1996, 1999) столкнулись с растущими сложностями и должны были реагировать на увеличение дифференциации (Luhmann, 1997, т. 2, стр. 595-618). Все больше и больше задач должны были быть приняты этими государствами, и по этой причине пришлось набирать персонал, который мог бы специализироваться в соответствующих областях, которые могли стать экспертами (Fischer & Lundgreen, 1975).

Поэтому ранний современный период представляет особый интерес для вопроса об определении специалиста. Это, как и во многих других областях, - переходный период от средневековья до современности и описан как «образцовая книга современной эпохи» (Schulze, 1993, стр. 4). Из-за меняющихся требований эрудиты должны были стать специалистами в определенных сферах. В борьбе за власть европейские государства особенно нуждались в военной и экономической экспертизе:

Когда стало ясно, что сильная экономика означает все в международной конкуренции за власть, можно было бы сделать вывод о том, что принципы науки и техники должны применяться к практическим сферам, до сих пор руководствуясь традициями; что просвещение, необходимое для этого развития, может быть достигнуто путем образования; что образование может быть единственным перспективным средством для наступающей нации, если оно хочет подражать предшественнику. Эти обстоятельства породили (...) проект-специалиста, технического эксперта, который никогда не принадлежал исключительно

государственной службе, но постепенно начал играть значительную роль в частном предпринимательстве. Этот технический персонал функционально определяется его экспертными знаниями, которые он обычно получает по образованию, по крайней мере, в случае Франции и Пруссии. (Fischer & Lundgreen, 1975, стр. 545 €)

В 1727 году Пруссия основала первые кафедры для Cameral Science (Kameralistik) в университетах, чтобы передать специализированные знания в области экономики, статистики и технологий (Unruh, 1983). Большее значение имели ученые общества за пределами университетов, таких как Французская академия наук, которая была основана в 1666 году. Это событие превратило частный сход ученых в королевский институт регулярно работающих и наемных ученых. Интерес французской монархии был:

(...) иметь консультативный совет научных экспертов; использовать свои знания и исследования для улучшения навигации, ведения войны, архитектуры, техники; чтобы экономическая политика способствовала систематическому применению науки в промышленности и распространению технических знаний (Fischer & Lundgreen, 1975).

Это развитие также можно проиллюстрировать на примере венецианской администрации. Даже беглый взгляд на структуру венецианской Конституции показывает ее огромную сложность (Archivio di Stato di Venezia, 1994; Maranini, 1974). Десятки офисов отвечали за различные задачи. Каждый раз, когда возникала новая проблема, для ее решения было создано новое учреждение. Результатом стала система перекрывающихся обязанностей, направленных на то, чтобы каждое учреждение контролировалось другим. Кречмайр (1920, стр. 78) описал это как систему недоверия, но это также результат постоянного процесса дифференциации.

Члены комиссий как формы власти / знаний

Если мы примем утверждение о том, что члены комиссий были важными специалистами в раннем современном государстве, остается вопрос, как это восприятие можно исследовать эмпирически: можно ли проследить развитие раннего современного эксперта до его «лингвистического рождения», примерно в 1800? Традиционно исторические исследования были сосредоточены на политических и административных функциях членов комиссий и / или на их социально-экономическом положении. Эти аспекты, несомненно, важны и не могут быть исключены. Тем не менее, я хотел бы остановиться на исследовательской перспективе, которая фокусируется на комиссиях как на формах власти, так и на производителях знаний и правды. Чтобы понять процессы, с помощью которых был установлен контроль над людьми, необходимо также изучить производство соответствующих дискурсов. Возникают центральные

вопросы: как создавались дискурсы, как они устанавливались как истина и как они связывались с определенными институтами и механизмами власти?

Дискурсы развиваются в социальном контексте и характеризуются вовлечением институтов власти. Они производятся в постоянной социальной и политической борьбе. Если один из вовлеченных институтов может доминировать в обсуждении, чтобы установить его значение в процессе дискурса, преобладает его версия правды (Bourdieu, 1986/87, стр. 847; Dinges, 1994; Frank, 1988; Poster, 1997). , pp. 134-152). Таким образом, важно провести анализ дискурсов вне анализа изменений смысла слова, вопросов о том, как, кем и для чего делались эти изменения. Изучение комиссий дает возможность изучать дискурсивные процессы с исторической точки зрения.

Как правило, комиссии проходят четыре этапа (Ashforth, 1990):

(1) Первый этап комиссии всегда отмечен проблемой или вопросом, который можно назвать. С созданием комиссии начинается дискурсивный процесс.

(2) Второй этап расследования сильно зависит от конкретной задачи, поставленной перед комиссией. В самом общем плане комиссия обращается к непрерывному процессу общения с «обществом», чтобы узнать больше или, по крайней мере, что-то о «проблеме».

(3) В третьей, убедительной фазе, как правило, много чернил разливается при подготовке отчета комиссии. Цель доклада - убедить правительство принять конкретный курс действий.

(4) На четвертом и заключительном этапе, историческом этапе, отчет комиссии перестает быть активным инструментом выработки политики. Вместо этого отчет становится частью истории и входит в диалог с историками; таким образом, дискурс продолжается.

С этой теоретической точки зрения для анализа комиссий социальные проблемы решаются путем коллективного действия экспертов, предписанных государством. Комиссии являются посредниками между «государством» и «обществом»; они вводят диалоги с обеими сторонами; они слушают общество и говорят государству. Результатом этой деятельности является отчет, который создает знания и создает истину. (Не случайно, что имя одной из самых известных комиссий нашего времени - Комиссия правды и примирения, Южная Африка.) Продукты этих многочисленных поисков хранятся в архивах и банках памяти государства, откуда их можно взять чтобы написать историю.

Синдикаты (уполномоченные) венецианского материка: Синдикаты в Терраферме

В архивах по всей Европе есть бесчисленные источники, относящиеся к работе членов комиссий раннего современного периода. Частным случаем, который я

рассмотрел, является синдикаты итальянских государств, о чем упоминается в «Les six livres de la Republique» («Шесть книг республики») Жана Бодена в 1583. Эта отсылка свидетельствует о том, что синдикаты были важной и хорошо известной формой комиссии в начале современной Европы. С средневековья синдикаты (синдикаты или синдакаторы), как институт, широко использовались итальянскими городами (Крешенци, 1981). Их функция заключалась в том, чтобы контролировать руководителей администрации после того, как они завершили свой срок службы. Чтобы служить этой функции, в Генуе были Супреми Синдакаторы (Ферранте, 1995), во Флоренции Сопрассиндачи (Маси, 1930), в Неаполе синдикатус (Ровито, 1981), на Сицилии и в Пьемонте Синдакаторы (Балани, 1981, Сьюти Русси, 1981). Боден особенно ссылается на случаи в республиках Генуе и Венеции. Одним из многих институтов, созданных венецианской административной системой, были синдикаты, которые каждые пять лет объявлялись в качестве членов комиссий для расследования нарушений и злоупотреблений местной администрации (Боден, 1583, п. 380; Dudan, 1935). Эти венецианские члены комиссий (инспектора) фактически отправлялись регулярно и занимались почти каждой проблемой организации раннего современного государства. Они представляли собой попытку управлять Террафермой, обширной венецианской территорией на материковой части Италии. Среди прочих, Терраферма состоит из городов Удине, Падуи, Виченцы, Вероны, Брешии и Бергамо.

Комиссии, которые были отправлены, когда возникли определенные проблемы в Терраферме, состояли из аристократов венецианского общества. Возможные причины для отправки синдикатов венецианского материка включали, например, регулирование рек, строительство дорог и мостов, расследование социальных конфликтов, рассмотрение жалоб на местную администрацию, военные вопросы, апелляции в юридических случаях или организации защитных мер на чуму. Но большинство этих комиссий занимались экономическими и финансовыми вопросами, с крестьянами, которые занимали землю, с трудностями взимания налогов или с ростом цен Морелли, Ланаро и Веккиато, 1982; Cozzi, 1982, pp. 174-216; Cozzi, Knapton, & Scarabello, 1992, pp. 465-470; Tagliaferri, 1981a; Варанини, 1992). Согласно их разным сферам ответственности они возникали под разными обозначениями, Синдикаты (Sindici), инквизиторы (Инквизиторы), инспекторы (Provveditori), судьи (Аудиторы Nuovi) (Лопес, 1980) или их комбинаций (Knapton, 1988). В ранних современных дискуссиях подчеркивается, что финансы находятся в центре политики (*petunia nervus rerum*) (Bonney 1995, Maddalena & Kellenbenz 1984, Knapton 1989, Stolleyis 1983). Общая важность финансовых вопросов для раннего современного государства также имеет решающее значение для понимания и изучения комиссий.

Синдикаты предлагают пример четырех фаз, представленных ранее. В связи с проблемой возникла комиссия синдикатов. Эта проблема была определена государством. Чтобы решить эту проблему, группа собрала экспертов. Поскольку синдикаты венецианского материка всегда были членами венецианской

аристократии, их квалификация в качестве экспертов основывалась не на их специализированных знаниях, а прежде всего на их социальном статусе.

Проблемы и расследования

Можно было бы перечислить исчерпывающий перечень конкретных причин создания комиссии синдиков, но всегда была одна конкретная проблема, которая могла бы быть названа, которая привела к созданию комиссии, как если бы эта конкретная проблема могла быть отделена от других аспектов социальной, политической, экономической или культурной жизни. Обозначение проблемы - проблема, которая, возможно, не существовала раньше в сознании людей, - это начало дискурса. Кроме того, в ходе этого дискурса, синдики породили знания и создали правду несколькими средствами коммуникации, из которых комиссия и ее эксперты были центром (Corrigan & Sayer, 1985, pp. 124-127).

Синдики смогли получить правду и знания из-за их авторитета (Becker & Clark, 2001). Эта власть основывалась на двух аспектах. Во-первых, синдики были уполномочены правительством проводить расследования от имени правительства. Во-вторых, они были уполномочены говорить авторитетно по отдельным темам в силу своего опыта. На основании этой власти члены комиссий нашли правду.

Вторая, следственная фаза определялась отношениями между центром и периферией между Венецией и Террафермой. Города Террафермы имели отдельный экономический и социальный фон; у них были свои собственные традиции и их собственное восприятие правильного и неправильного. Поэтому важно взглянуть на то, кто смог контролировать или повлиять на дискурс во время комиссии. Доминировал ли венецианский центр над территорией или же города были достаточно мощными, чтобы иметь свой голос?

Общество Террафермы, к которому обратились синдики, было относительно сложным. Это было далеко не единообразное население. Когда синдики прибыли в такие города, как Брешия, Тревизо, Падуя или Удине, они впервые встретились с так называемыми реторитами, венецианскими чиновниками, установленными в городах Террафермы. Их время в должности строго ограничено, и следить за их работой было одной из основных функций синдики. «Ретрори» отвечали за политические, юридические, финансовые и военные вопросы. Таким образом, между венецианским центром и периферией Террафермы, а также между членами комиссий и местными сообществами на этом втором этапе развивались различные каналы коммуникации (Tagliaferri, 1981b).

Поскольку группа синдиков никогда не состояла из более чем трех или четырех венецианских аристократов, и из-за их относительно короткого времени пребывания в должности они сильно зависели от местной элиты в городах (Grubb, 1988). Эти местные элиты не играли никакой важной политической роли на территории венецианцев - на всех важных позициях здесь доминировал

венецианский аристократ, но правительство Венеции не могло полностью отречься от местной элиты из-за их большой местной власти в Терраферме.

Взаимоотношения между Венецией и Террафермой не только находились под доминированием соответствующей элиты, но и включали местное население. Синдики явно просили жителей городов подавать жалобы на администрацию (Cozzi, 1982, pp. 189-191). Население материка всегда имело возможность обратиться в любом случае к венецианскому центру, и их регулярно спрашивали члены комиссий о злоупотреблениях и нарушениях в администрации. Таким образом, так называемые субъекты были важным политическим фактором.

Эти четыре группы, синдики, ретори, местная элита и местное население ограничивают социальное «поле действия». Внутри этого поля между участниками комиссии текли потоки власти и коммуникации (Le Goff, 1971; Liidtkе, 1991). Таким образом, не следует концентрироваться на комиссии как на институте, а как на области взаимодействия, определяемое отношениями власти, коалицией и оппозицией, а также сотрудничеством и конфликтами.

Что касается этапа расследования, важно также обратить внимание на форму комиссии. В настоящее время многие комиссии подвергаются критике из-за их траты времени на этой рабочей фазе и их неэффективности в достижении результатов - критики, которая также может быть обнаружена и в XVI или XVII веках. Комиссиям синдикатов часто требовались годы, чтобы закончить свою миссию (Knapton, 1988, стр. 47), но эта критика теряла суть. Для разбирательства были не просто бесполезные методы расследования экспертов, но и перформансы, которые служили для авторизации самой комиссии и результатов, которые она принесла бы. Комиссии в целом используют авторитет экспертов, чтобы представить состояние истины. Кроме того, эта истина является результатом диалога между государством и обществом, местным населением и должностными лицами, гражданами и магистратами, а также различными учреждениями администрации с членами комиссий в качестве посредников между ними (Ferrante, 1995, p. 293).

На протяжении всего существования комиссии синдикатов производство правды и знаний появилось в обычной форме устных опросов. Устные доказательства были самым важным аспектом следственной процедуры комиссии. Эта часть многостороннего диалога имела большое значение для того чтобы прийти к правде и эта часть была одной из самых противоречивых. Практика записи дословных устных свидетельств служила в преобразовании неустойчивой природы произносимого слова в постоянную достоверность написанного слова.

Отчеты и архивы

Ядром третьего, убедительного этапа является подготовка отчета Комиссии - доклада, который в настоящее время часто публикуется, но в ранний современный

период обычно представлялся только правительству. На этом этапе отчет стал авторитетным заявлением, касающимся вопросов политического действия, и вступал в диалог с правительством. Эксперты комиссии пытались убедить правительство в своих результатах. Однако не только синдики пытались повлиять на венецианский центр. Все группы, участвующие в работе комиссии, активно пытались сделать свою версию истины единственной истиной. Эта фаза заканчивалась как конкретные решения были сделаны или не сделаны - на основе отчета.

Более недавний случай мог бы служить иллюстрацией важности докладов комиссии и способов их формирования определенного взгляда на политическую или социальную ситуацию как истинную: 29 октября 1998 года Южноафриканская комиссия по установлению истины и примирению представила свой доклад. Бывший президент Южной Африки Э. де Клерк попытался помешать публикации отчета, обратившись в суд (*The Guardian*, 26 октября 1998 года), но он был не один. Африканский национальный конгресс (АНК) также попытался остановить доклад, всего за несколько часов до его озвучки, обратившись в Верховный суд Южной Африки (*The Guardian*, 30 октября 1998 года). Комиссия сообщила и Клерку, и АНК, что они были признаны виновными в нарушении прав человека. В ответ на доклад АНК заявил: «Некоторые из грубых неточностей, содержащихся в докладе, теперь, к сожалению, станут частью истории Южной Африки». Кроме того, заместитель председателя Южной Африки Табо Мбеки заявил Комиссии: «Они ошибаются, ошибаются и вводят в заблуждение», а архиепископ Десмонд Туту назвал этот доклад «триумфом за правду и человечество» (*The Guardian*, 30 октября, 1998). Иностранные наблюдатели, как правило, приветствовали этот доклад, но критиковали, что истина была лишь немного больше, чем СМИ уже раскрыли. Комиссии не удалось раскрыть подробности о южноафриканских вооруженных силах и об убийствах, совершенных за границей. Лидера Зулу – Шефа Бутелези не привлекли к ответственности из-за опасений комиссии что возобновиться насилие, которое угрожало уничтожить политическое урегулирование страны (*The Guardian*, 26 октября 1998 года). Очевидно, что правда, это очень сложное дело.

Историческое тематическое исследование раннего современного периода касалось дополнительных трудностей, что многие источники были потеряны или были уничтожены на протяжении веков. Как же возможно, после нескольких столетий восстановить попытки вышеупомянутых групп чтобы использовать те ответы, что они нашли на конкретную проблему? Как можно объединить разные голоса в процессе создания правды? Обращаясь к попыткам убедить центральную администрацию Венеции в правде, проявляется еще один важный аспект ситуации «центра – периферии». Из-за географического расстояния между Венецией и городами Террафермы всем, кто участвовал в работе синдикатов, пришлось преодолевать пространство и время. Поэтому все важное нужно было записать. В результате на фазе убеждения доминировали исключительно сообщения синдикатов

венецианской администрации, а также другие формы письменных доказательств. Ретори пришлось писать отчеты для венецианского сената в свое время (Relazioni, 1973-1979), а местная элита, такая как местное население, всегда имела возможность рассматривать жалобы, петиции и просьбы непосредственно перед правительством.

Короче говоря, существует несколько источников, по которым можно реконструировать дискурс о центральных концепциях, таких как благое управление (*buon gulo*) (Пенути, 1984), законность или справедливость. Наконец, последний фрагмент фазы убеждения также существует в письменной форме, окончательное решение венецианского центра, устанавливающего единственную версию истины.

Когда отчеты, письма, петиции и другие письменные доказательства хранятся в архивах, они становятся частью исторической фазы дискурса. Архивы - это не только здания, в которых собрано огромное количество бумаги, но и банк памяти государства (Ashforth, 1990, стр. 9). В архивах каждый может взглянуть на факты, каждый может узнать, что произошло, и реальная история может быть восстановлена. Архивы служат материалом для продолжения строительства мира и для создания правды. Известным примером такого архивного диалога является Состояние рабочего класса Фридриха Энгельса в Англии с 1844 года (Энгельс, 1962), которое в значительной степени основывалось на английских отчетах права о бедности в 1820-х годах. Кроме того, можно упомянуть еще один пример, Южноафриканская комиссия по установлению истины и примирению продала свои архивы на официальной странице Комиссии. Под заголовком «Владей своим собственным фрагментом истории» веб-сайт Комиссии был представлен на CD-ROM, который включал отчет Комиссии, интервью, публичные дебаты, аудиозаписи и фотогалерею.

Разрывы (Прерывность)

Несомненно, каждое историческое исследование, посвященное созданию правды в прошлых обществах, будет глубоко вовлечено в дискурс о правде. Конечно, было бы наивно думать, что можно узнать правду о том, как другие люди произвели правду. Значит ли это, что работа будет поглощена истиной прошлого, архивным материалом, документирующим единственную истину, и пытается устранить другие версии? Действительно, это было бы опасностью, если бы проект был основан на мысли о непрерывности истории. Но важно подчеркнуть разрывы в том, как общества строили свой мир и порождали правду. Отмечая эти различия между разными временами и обществами, наше собственное настоящее становится менее самоочевидным, и возможности перемен становятся видимыми. Понимание того, что прошлые общества имели свое представление мира, которое противоречило

любому режиму одной истины, тем более важно, что нет определенной и окончательной системы идей (Scott, 1997).

Напряженность и конфликты, возникающие вокруг венецианских синдиков, создают впечатление этого разрыва. Картина, представленная историками, часто оставляет в стороне другие голоса в этом процессе, а также формирование оппозиции и формулирование альтернатив. Результат выглядит как естественная эволюция знания общества экспертов, в которых мы, вероятно, живем. Опуская непредвиденные обстоятельства, можно объявить конец истории - провозглашение, которое было сделано уже не раз. Но, более пристальный взгляд учит, что история не так проста. Таким образом, пример венецианских синдиков может показать не только то, как разные группы в раннем современном обществе создавали правду, но также и то, что в прошлом правила и ограничения были переменчивы и что они изменяются в настоящем, даже если это может выглядеть так: если комиссии историков необходимо написать такую историю членов комиссий.

Признание

Я хотел бы поблагодарить Элу Икин и Дэвида М. Любека за их неоценимую помощь в написании данной статьи.

Источники

- Archivio di Stato di Venezia. (1994). Archivio di Stato di Venezia. Guida generale degli Archivi di Stato italiani, 4, 857-1148.
- Ashforth, A. (1990). Reckoning schemes of legitimation: On commissions of inquiry as power/ knowledge forms. *Journal of Historical Sociology* 3. 1-22.
- Balani, D. (1981). Ricerche per una storia della burocrazia piemontese nel settecento. *L'educazione giuridica • IV Il pubblico funzionario: Modelli storici e comparativi: Vol 1. Profili storici. La tradizione italiana* (pp. 593-639). Perugia, Italy: Università degli Studi di Perugia.
- Becker, P., & Clark, W. (2001). Little tools of knowledge. Historical essays on academic and bureaucratic practices. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Bennassar, B. (1979). *L'inquisition espagnole XVe-XIXe siècle*. Paris: Hachette.
- Bethencourt, E. (1995). *L'inquisition à l'époque moderne. Espagne, Italie, Portugal XVe-XIXe siècle*. Paris: Fayard.
- Blankner, R. (1992). "Absolutismus" and "frühmoderner Staat." Probleme und Perspektiven der Forschung. In R. Vierhaus et al. (Ed.), *Frühe Neuzeit-Frühe Moderne? Forschungen zur Vielschichtigkeit von Übergangsprozessen* (pp. 48-74). Göttingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Bodine, J. (1583). *Les six livres de la République*. Paris. (Reprinted 1961, Aalen: Scientia)
- Bonney, R. (1995). *Economic systems and state finance*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Borelli, G., Lanaro, P., & Vecchiato, F. (1982). *Il sistema fiscale veneto Problemi e aspetti XV-XVIII secolo*. Verona, Italy: Libreria Universitaria.
- Bourdieu, P. (1986/87). The force of law: Toward a sociology of the juridical field. *Hastings Law Journal*, 38, 805-853.

- Braudel, F (1987). Venedig. In F. Braudel, G. Duby, & M. Aymard (Eds.), *Die Welt des Mittelmeeres. Zur Geschichte und Geographie kultureller Lebensformen* (Transl. Markus Jacob) (pp. 145-170). Frankfurt a.M., Germany: Fischer.
- Brint, S. (1994). *In an age of experts. The changing role of professionals in politics and public life*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Brockhaus. (1968). *Brockhaus Enzyklopädie* (Vol. 5). Wiesbaden, Germany: Brockhaus.
- Corrigan, P., & Sayer, D. (1985). *The great arch. English state formation as cultural revolution*. Oxford, UK: Blackwell.
- Cozzi, G. (1982). *Repubblica di Venezia e Stati italiani. Politico e giustizia dal secolo XVI al secolo XVIII*. Torino, Italy: Einaudi.
- Cozzi, G., Knapton, M., & Scarabello, G. (1992). *La Repubblica di Venezia nell'età moderna* (Vol. 1). Torino, Italy: UTET.
- Crescenzi, V. (1981). *Il sindacato degli ufficiali nei comuni italiani*. In *L'educazione giuridica: IV. Il pubblico funzionario: modelli storici e comparativi: Vol 1. Profili storici. La tradizione italiana* (pp. 383-529). Perugia, Italy: Università degli Studi di Perugia.
- Deutsches Rechtswörterbuch. (1974-1983). *Deutsches Rechtswörterbuch. Wörterbuch der älteren deutschen Rechtssprache* (Vol. 7). Weimar, Germany: Bohlau.
- Dictionnaire. (1898). *Dictionnaire de l'ancienne langue française* (Vol. 9). Paris: Vieweg. (Reprinted 1965, Vaduz: Scientific Periodicals Establishment)
- Dinges, M. (1994). *The reception of Michel Foucault's ideas on social discipline, mental asylums, hospitals and the medical profession in German historiography*. In C. Jones & R. Porter (Eds.), *Reassessing Foucault: Power, medicine and the body* (pp. 181-212). London: Routledge.
- Dudan, B. (1935). *Indicazioni d'oltremare a di Terraferma. Contributo alla storia di una magistratura e del processo sindacale nella Repubblica Veneta*. Rome: Società Editrice del Foro Italiano.
- Engels, F (1962). *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*. In K. Marx & F. Engels, *Werke* (Vol. 2, pp. 225-506). Berlin: Dietz
- Ferrante, R. (1995). *La difesa della legalità. I sindacatori della Repubblica di Genova*. Torino, Italy: Giappichelli.
- Fischer, W., & Lundgreen, P. (1975). *The recruitment and training of administrative and technical personnel*. In C. Tilly (Ed.), *The formation of national states in western Europe* (pp. 456-561). Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Foucault, M. (1992). *Sexualität und Wahrheit: Vol 1. Der Wille zum Wissen*. Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Frank, M. (1988). *Zum Diskursbegriff bei Michel Foucault*. In J. Fohrmann & H. Müller (Eds.), *Diskurstheorien und Literaturwissenschaft* (pp. 25-44). Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Galbraith, V. H. (1974). *Domesday book. Its place in administrative history* Oxford, UK: Clarendon Press.
- Grubb, J. S. (1988). *Firstborn of Venice. Vicenza in the early Renaissance state*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Hintze, O. (1981). *Der Commissarius and seine Bedeutung in der allgemeinen Verwaltungsgeschichte. Eine vergleichende Studie*. In O. Hintze (Ed.), *Beamtenwesen und Bürokratie* (pp. 78-112). Göttingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hoke, R. (1978). *Kommissar*. In *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte* (Vol. 2, pp. 974-979). Berlin: Schmidt.

- Holt, J. C. (1987). *Domesday studies*. Woodbridge, UK: Boydell Press.
- Humphreys, R. (1995). *Sin, organized charity and the Poor Law in Victorian England* New York: St. Martin's Press.
- Kleimann, B. (1996). Das Dilemma mit den Experten-Ein Expertendilemma? Literaturbericht. In H.-U. Nennen & D. Garbe (Eds.), *Das Expertendilemma: Zur Rolle wissenschaftlicher Gutachter in der offrdlichen Meinungsbildung* (pp. 183-215). Berlin: Springer.
- Knapton, M. (1988). Le istituzioni centrali per l' amministrazione ed it controllo della Terraferma. In G. Ortalli et al. (Eds.), *Venezia e le istituzioni di Terraferma* (pp. 35-56). Bergamo, Italy: Comune di Bergamo.
- Knapton, M. (1989). Il Sistema fiscale nello stato di Terraferma, secoli XIVXVIII. Cenni generali. In M. Knapton et al. (Eds.), *Venezia e la Terraferma. Economia e societh* (pp. 9-30). Bergamo, Italy: Comune di Bergamo.
- Kretschmayr, H. (1920). *Geschichte von Venedig*.• Vol 2. Die Blase. Gotha, Germany: Perthes. (Reprinted 1964, Aalen: Scientia)
- It Goff, J. (1971). Is politics still the backbone of history? *Daedalus*, 100, 1-19.
- Lopez, C. C. (1980). Gli Auditori Nuovi a it dominio di Terrakrma. In G. Cozzi (Ed.), *Stato, sorieth egiustizia nella Repubblica Veneta* (ter. XV-XVIII) (pp. 259-316). Rome: Jouvence.
- LOdtke, A. (Ed.). (1991). *Herrschaft alt soziale Praxis. ' Historirche and historisch-anthropologische Studien*. Gottingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Luhmann, N. (1997). *Die Gesel/schaft der Gesellrchaft* (2 vols.). Frankfurt a.M., Germany: Suhrkamp.
- Maddalena, A. de, & Kellenbenz, H. (Eds.). (1984). *Finanze e ragion di Stato in Italia e Germania nella prima eth modern*. Bologna, Italy: II Mulino.
- Maranini, G. (1974). *La costituzione di Venezia: Vol 2. Dopo la serrata del Maggior Consiglio*. Firenze, Italy: La Nuova Italia.
- Masi, G. (1930). *Il sindacato delle magistrature comunali nel sec. XIV* (con speciale riferimento a Firenze). Rome Sampaolesi.
- Moraw, P. (1983). Die konigliche Verwaltung im einzelnen. In K. G. A. Jeserich, H. Pohl, & G.-C. von Unruh (Eds.), *Deutsche Verwaltungsgeschichte* (Vol. 1, pp. 31-53). Stuttgart, Germany: Deutsche Verlagsansralt.
- Mousnier, R. (1970). tat et commissaire. *Recherches sur la creation des intendants des provinces (1634-1648)*. In R. Mousnier, *La plume, lafaucille et le marteau. Institutions et socieke en France du Mayen Age d la Revolution* (pp. 179-199). Paris: Presses Universitaires de France.
- Penuti, C. (1984). Il principe e le comunitk soggette: II regime fiscale dalle "pattuizioni" al "buon- governo." In A. de Maddalena & H. Kellenbenz (Eds.), *Finanu e ragion di Stato in Italia e Germania nella prima et4 modern* (pp. 89100). Bologna, Italy: II Mulino.
- Poster, M. (1997). *Cultural history and postmodernity Disciplinary readings and challenges*. New York: Columbia University Press.
- Reinhard, W. (1996). *Power elites and state-building*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Reinhard, W. (1999). *Geschichte der Staatsgewalt.Eine vergleichende Verfarsungsgeschichre Europas von den Anfdngen bis zur Gegenwart*. Munich, Germany: C. H. Beck.
- Relazioni. (1973-1979). *ReGteioni dei Rettori veneti in Ternrfrma* (14 vols.).Milano, Italy: Giuffre.
- Rose, M. E. (1971). *The English Poor Law 1780-1930*. Newton Abbot, UK David & Charles.

- Rovito, P. L. (1981). 11 Syndicator Officialium nel Regno di Napoli. Aspetti a problemi dell'irresponsabilità magistratuale nell'età moderna. In *L'educazione giuridica. IV Il pubblico funzionario: modelli storici e comparativi: Vol. 1. Profili storici. La tradizione italiana* (pp. 531-575). Perugia, Italy: University of Studi di Perugia.
- Savage, G. (1996). *The social construction of expertise. The English civil service and its influence, 1919-1939*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Schulze, W. (1993). 'Von den großen Anfängen des neuen Welttheaters.' *Entwicklung, neuere Ansätze und Aufgaben der Frühneuzeitforschung. Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 44,3-18.
- Sciuti Russi, V. (1981). *Visita e sindacato nella Sicilia spagnola*. In *L'educazione giuridica: N. Il pubblico funzionario: modelli storici e comparativi: Vol. 1. Profili storici. La tradizione italiana* (pp. 577-592). Perugia, Italy: Università degli Studi di Perugia.
- Scott, J. W. (1997). *Nach der Geschichte? Werkstattgeschichte*, 17, 5-23.
- Simpson, J. A. (1989). *The Oxford English Dictionary (Vol. 3)*. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Stolleis, M. (1983). *Pecunia naves rerum. Zur Staatsfinanzierung in der frühen Neuzeit*. Frankfurt a.M., Germany: Klostermann.
- Tagliaferri, A. (1981a). *Venezia e la Terraferma. Attraverso le relazioni dei Rettori*. Milano, Italy: Giuffrè.
- Tagliaferri, A. (1981b). *Ordinamento amministrativo dello stato di Terraferma*. In A. Tagliaferri (Ed.), *Venezia e la Terraferma. Attraverso le relazioni dei Rettori* (pp. 15-43). Milano, Italy: Giuffrè.
- Unruh, G.-C. von. (1983). *Polizei, Polizeiwissenschaft und Kameralistik*. In K. G. A. Jeserich, H. Pohl, & G.-C. von Unruh (Eds.), *Deutsche Verwaltungsgeschichte (Vol. 1, pp. 388-427)*. Stuttgart, Germany: Deutsche Verlagsanstalt.
- Varanini, G. M. (1992). *Comuni cittadini e stato regionali. Ricerche sulla Terraferma veneta nel Quattrocento*. Verona, Italy: Libreria Universitaria.
- Zedler, J. H. (1734). *Großes vollständiges Universal-Lexicon (Vol. 8)*. Halle, Germany: Zedler. (Reprinted 1994, Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt)

Раздел 4

Инновационные представления

Главы в этом четвертом разделе посвящены использованию и разработке экспертов конкретных представительных средств, таких как карты, математические представления и модели. Эти главы также посвящены инновациям, дизайну представительных средств и их применению. В первой главе этого раздела, Jens Lachmund рассматривает особенно универсальное представление карт и современный опыт биоэкологии. Начиная с 1970-х годов, биологи в Западной Германии и Берлине проводили полевые работы в разных городах Германии, чтобы оценить городской характер и естественную среду. Первоначально эти проекты способствовали усилиям по охране природы, но они все больше переплетались с администрацией города и планированием. Лахмунд показывает, как картографические стратегии и создание соответствующих карт формируют категоризацию природы в городе и ведут к новому виду биологического эксперта.

Интерпретация результатов медицинских испытаний - это деятельность с последствиями. Это делает тем более важным, что медики понимают статистическую информацию, которую предоставляют медицинские тесты, и что пациенты понимают, что им сообщается о значении результата теста. Ульрих Хоффрад и Герд Гигеренцер описывают расширенный проект, в котором они и их сотрудники проверили и обучали врачей, консультантов по СПИДу и студентов-медиков с целью улучшить статистические рассуждения этих экспертов и будущих экспертов. Что касается диагностического вывода, эти авторы предлагают удивительно простое средство для широко распространенного заболевания, которое было описано в зависимости от тяжести, начиная от использования чисел до бесчисленности. Предписание для этого часто самодиагностированного состояния не могло быть более ясным: когда сталкиваешься с вероятностями, переводите их на естественные частоты. В связи с этим в главе Сэмюэля Линдси, которая говорит о чрезвычайно сложной проблеме статистических данных в зале суда, естественные частоты, похоже, влияют на приговоры в пользу оправдания.

При приеме эксперты несут определенную степень полномочий. Эксперты рассматриваются властями из-за их знаний и навыков и из-за их связи с конкретными учреждениями. В заключительной главе этого раздела Kurz-Milcke утверждает, что полномочия и опыт связаны с представлениями. В этом анализе эксперты выступают в качестве высококвалифицированных наблюдателей за полномочиями представительств в своей области знаний. Главы в этой книге посвящены историческим личностям и их отношениям, в том числе конкретным экспертам, конкретным политическим системам, конкретным учебным заведениям, конкретным комиссиям, а также конкретным представлениям и интересным частным понятиям власти.

Глава 12

Составление карт городской природы: биоэкологическая экспертиза и градостроительство

Йенс Лачмунд

Кафедра технологии и общества, Университет Маастрихта, Нидерланды

J. achmund@TSS.unimaas.nl

Городское планирование является одной из областей, в которых экологические науки получили социальное и политическое значение в течение последних десятилетий. Новые возникающие проблемы, такие как защита видов, местообитаний, почв, воды и т. д., И в более общем плане проблема «устойчивого экологически безопасного развития», не только расширили программу городского планирования, но также привели к привлечению научных экспертов, помимо традиционных специалистов в области городского планирования. Биологов, ландшафтных экологов, климатологов, почвоведов и других ученых-экологов сейчас часто называют консультантами в вопросах городского планирования. В то же время экология города развивалась как отдельная междисциплинарная исследовательская область, которая тесно связана с вопросами экологического планирования. В Германии экологические обзоры городов стали одним из наиболее значимых средств, с помощью которых сложилась городская экологическая экспертиза. В частности, начиная с середины 1970-х годов в большинстве городов Федеративной Республики Германии (ФРГ) для местных муниципалитетов проводилось так называемое картографирование биотопов (Biotopkartierung). Это были комплексные исследования растений, животных и их структур местообитаний, которые считались основой для природоохранных мероприятий и более экологичных способов планирования в городах. Введение официального картографирования городских биотопов тесно связано с политической карьерой поощрения природы в городах Западной части Германии. Однако после объединения подобные программы были также запущены в городах бывшей Германской Демократической Республики (ГДР).

Эта глава посвящена росту биоэкологической топографической съемки в градостроительстве Германии. Она использует историю этих съёмок в качестве эмпирического примера, чтобы пролить свет на более широкую проблему экологической экспертизы в современных обществах. Напротив, однако, во многих исследованиях, которые касались профессионализации определенных групп экспертов (Abbott, 1988) или роли экспертов-консультантов в процессах принятия политических решений (Uasanoff, 1990), в этой главе рассматриваются конкретные

формы в которых сложились экологические знания в этих исследованиях. Основное внимание будет уделено роли карты в качестве средства создания и организации экологических знаний. Хотя биоэкологические исследования также охватывают представления, такие как списки, статистические таблицы и текстовые описания, они в первую очередь являются проектами картографирования. Карты часто появляются во всех отчетах об исследованиях и демонстрируют различные тематические аспекты экологии городов. Карты также являются одной из форм, в которых результаты исследований были распространены среди различных учреждений и взяли административный смысл в процессах городского планирования. Совсем недавно биоэкологические карты также интегрировались в геоинформационные системы (ГИС) и другие формы цифровой картографии, которые все чаще используются в муниципальных администрациях и учреждениях планирования.

Карты и другие формы научного представительства - не просто нейтральные средства визуализации ранее существовавших особенностей реальности. Как показали, например, Брайан Харли (1989) или Деннис Вуд (1992), карты представляют собой обычные конструкции, которые активно участвуют в формировании явлений, которые они раскрывают. Дэвид Тернбулл (1996) утверждал, что историю картографии следует рассматривать как производство исторически специфических, но транслокально стандартизированных «баз знаний». Различные недавние исторические исследования по таким вопросам, как государственное строительство (Gugerli, 1998; Helgerson, 1986; Matless, 1997), территории законодательства (Blomley, 1991), регионализм (Matless, 1991) и биогеография (Camerini, 1993a, 1993b) также часто затрагивали конститутивную роль карт в формировании знаний и пространства. Такой взгляд на конструктивную силу карт также лежит в основе этой главы. С одной стороны, основное внимание уделяется материальной форме карты и связанной с ней практике производства, распространения и интерпретации этих карт. С другой стороны, это также исследование строительства нового эпистемического и политического порядка городского пространства. Окружающая среда, биотопы или то, что часто называют «городской природой» (Kowarik, 1992), не будут считаться объектами, ожидающими обнаружения бдительным наблюдателем. Скорее, будет показано, как эти субъекты сформировались визуально и концептуально с помощью этих репрезентативных практик и как они были определенным образом созданы путем проектов картирования. Другими словами, биоэкологический обзор как новая форма экологической экспертизы и биотоп как новая особенность городской среды были «построены совместно» (Callon & Latour, 1992; Clarke & Fujimura, 1992) тем же техно-административным научным проектом.

Возникновение градостроительной экспертизы

Как уже упоминалось выше, рост биоэкологического картирования, как и городских биоэкологических исследований в целом, был тесно связан с вновь

возникающим интересом к популяризации природы в городе. До 1960-х годов город в основном считался чисто искусственной средой, которая не являлась ни системным интересом для области биологических наук, ни заслуживала каких-либо природоохранных забот. Традиционная охрана природы, как правило, концентрируется на сельской местности, создает природные заповедники и защищает редкие виды и исчезающие места обитания. С другой стороны, более традиционные формы городского садоводства развивались гораздо больше из эстетических, гигиенических и социальных соображений, чем в качестве средства пропаганды природы (Milchert, 1980). Однако в 1970-х годах ученые-экологи из разных слоев общества присоединились к какой-то «дискуссионной коалиции» (Hauser, 1995) с местными политиками, группами граждан и другими учреждениями, которые призывали к экологическому планированию и продвижению ландшафта в городах. Эта коалиция не только хорошо вписывается в контекст расширения озабоченности по экологическим вопросам в Германии, но также связана с некоторыми международными мероприятиями, такими как «Программа человека и биосфера ЮНЕСКО» (с 1971 года) и Программа на XXI век (с 1992 года) (Сукопп, 1990, 1994). Одним из основных принципов этого нового появляющегося дискурса было то, что города были не просто лишены природы. Напротив, они считались определенными местами обитания или биотопами, в которых размещались различные виды, чаще даже больше видов, чем в сельских ландшафтах. С другой стороны, однако, также утверждалось, что природа в городе находится под угрозой из-за усиления городского развития, и поэтому необходимо принять меры для систематического внедрения системы содействия природе в процесс планирования. Утверждалось, что природа в городе должна была сохраниться не только ради него самого, но и создать лучшие условия жизни для городских жителей (Auhagen & Sukopp, 1983; Brunner, Duhme, Muck, Patsch, & Wenisch, 1979; Sukopp, 1973). Регулярный контакт с природными средами считался спросом со стороны городских жителей и даже предпосылкой для здорового развития детей. Не менее важно, что существование природы в городе также рассматривается как средство укрепления других компонентов городской экосистемы, таких как качество воздуха, почвы или водоснабжения. Хотя, по большому счету, аналогичные аргументы были также найдены в более ранних урбанистических писаниях по зеленым городам или городским садам, этот новый дискурс по урбанистической природе был сформулирован чтобы отличать его от значения биоэкологического. В частности, термин «биотоп», который в немецкой биологии обозначает топографическую область, в которой живут конкретные биологические популяции (Дал, 1908) и которая примерно эквивалентна английской «среде обитания», с 1970-х годов стала политическим лозунгом, который глубоко проник в общественное сознание.

Продвижение природы в городе также появилось в различных новых правилах и стратегиях планирования, которые также все чаще привлекали концепцию природы как биотопа. Создание заповедников оставалось неотъемлемым аспектом этих усилий. Однако большинство изданных правил свидетельствуют о новом

взгляде на городское планирование, направленном на то, чтобы сделать управление биотопами частью обычного процесса планирования. Этот новый взгляд характеризовался большей гибкостью, с использованием различных стратегий, таких как возобновление биотопов, считающихся потенциально стоящим, создание жизнеспособных сетей биотопов внутри города или сохранение стабильного количества «биотопов пустырей» на разных участках по всему городу. В 1976 году был выпущен новый Закон о сохранении природы в Германии, который обязывает органы планирования разрабатывать комплексные «планы ландшафта» в дополнение к ранее существовавшим формам городского планирования. Кроме того, закон включал «регулирование посягательства» (Eingriff- / Ausg / eichsregelung). Соответственно, каждый проект плана, который имел негативное влияние либо на экологический баланс этого района, либо на эстетический характер ландшафта, должен был быть компенсирован, например, за счет создания одинаково достойных биотопов в других местах в городе. Хотя определение эквивалентности между негативными последствиями и адекватными компенсациями оставалось спорным вопросом, это положение стало одной из наиболее эффективных связей между городским планированием и политическим регулированием биотопов. В 1990 году процедуры экологической оценки также стали обязательными для различных проектов планирования, что еще больше укрепило сохранение биотопов в урбанизме.

С самого начала биоэкологическая съемка была важным фоном для этого дискурса. В послевоенный период внутригородские районы с руинами и щебнем от бомбардировки Второй мировой войны уже привлекли интерес некоторых ботаников, которые систематически исследовали их и установили, что эти места были биологически достойными средами (Engel, 1949; Pfeiffer, 1954). , Scholz, 1956). Эти места, которые первоначально были связаны со смертью и разрушением, в этих исследованиях приобрели довольно позитивный смысл жизни и роста. Несмотря на то, что они еще не были связаны с какими-либо конкретными плановыми амбициями, эти исследования, тем не менее, были важными ориентирами для последующей деятельности по защите прав человека (Hannigan, 1995) биологов и ландшафтных экологов по городским вопросам. Вопросы планирования фигурировали более заметно в ряде исследований с начала 1970-х годов, которые изучали части городов или даже целые города (Kienast, 1978; Kunick, 1974) с ботанического, растительного или фаунистического угла. Однако только в 1980 году, когда на муниципальном административном уровне были изданы официальные геодезические программы, такие как картография биотопов, где, как можно сказать, эти специалисты применяли определенную институциональную юрисдикцию в области планирования.

Биотоп-картография: выборочные и комплексные методы

Картографирование городских биотопов выросло из двух разных исследовательских контекстов, и подходы, разработанные в этих контекстах,

значительно отличались в своих целях и методологических проектах. Один из подходов возник в Департаменте ландшафтной экологии в Мюнхенском техническом университете, который находился во Фрайзинге-Вейенстефане, небольшом городке на окраине Мюнхена. Именно здесь, в 1973 году, был проведен ранний картографический обзор «достойных биотопов» в сельской местности по заказу баварского правительства (Kaule, Schaller, & Schober, 1979). Позднее эта топографическая съемка сопровождалась проектами картирования биотопов в сельской местности в других районах Германии. В период с 1978 по 1979 год лектор Weihenstephan Фридрих Думе и группа студентов из недавно созданного курса исследований в области «продвижения ландшафта» провели первый обзор картографирования биотопов, ориентированный на город: близлежащий Мюнхен (Duhme et al., 1983, Kreissn, 1978). В основном, этот опрос следовал за тем, что было сделано путем сопоставления биотопов в сельской местности. В частности, оба исследования в первую очередь были направлены на выявление так называемых «достойных» областей, которые должны были быть защищены, усилены или, по крайней мере, за ними следовало ухаживать, когда планируются мероприятия в их районе. Это означало, что эти исследования не были топографически всеобъемлющими. Большая часть города не считалась состоящей из биотопов и, следовательно, не исследовалась систематически. Топографическая съемка проводилась в тесной связи с Баварским агентством по охране природы (Bayerisches Landesamt für Naturschutz), который с 1981 года оказывал финансовую поддержку баварским городам для проектов биотопо- картографирования, которые основывались на аналогичном подходе.

Второй подход к картографированию городских биотопов был разработан биологом Гербертом Сукоппом и его сотрудниками в Институте экологии Берлинского технического университета (Artbechutzprogramm, Берлин, 1984). Отсутствие доступной сельской местности, окружавшей политически изолированную западную часть Берлина, всегда было прагматичной причиной того, что биологи выбирают внутригородские районы как места для ботанических или фаунистических полевых работ. В отличие от мюнхенской группы, Сукопп и его сотрудники, таким образом, могли использовать богатую местную традицию флористических, вегетационных и, частично, фаунистических топографически[съемок. В серии обзоров биотопов-карт Берлина, которые они проводили в период с 1978 по 1983 год, они не ограничивали контроль над определенными районами города, которые, как предполагалось, представляли особый интерес для сохранения. Напротив, они нацелены на топографически всеобъемлющий обзор флоры, растительности и некоторой фауны западной части Берлина. Утверждалось, что помимо содействия более комплексному подходу к экологическому планированию города необходимо было провести всестороннюю съемку, чтобы определить экологическую ценность отдельных биотопов в городе. Поскольку это было впервые проведено в трех пилотных исследованиях района Кройцберг (Asmus, Martens, & Scharfenberg, 1982/1983, Kunick, 1979; Martens & Scharfenberg, 1982/1983), комплексная съемка оказалась слишком трудоемкой для того, чтобы

осуществить ее по всему городу. В качестве альтернативы, таким образом, был разработан метод, который позже назывался «представительным всеобъемлющим». Это означало, что интенсивно исследовались только разные типы зон отбора, и результаты были экстраполированы на аналогичные части города (Arbeitsgruppe Artenschutzprogramm, Berlin, 1984, стр. 78). Эта попытка исследовать города всесторонне или, по крайней мере, представительно, также проводилась в проектах по картированию биотопов в других городах, которые проводились исследователями, входящими в группу Сукоппа, во время или после Берлинского проекта.

Уже в 1978 году были предприняты инициативы по созданию комитета для координации растущей деятельности по картированию городских биотопов во всей ФРГ. Эта Рабочая группа по картированию биотопов в развитых районах (Arbeitsgemeinschaft Biotopkartierung im besiedelten Bereich) ежегодно проводила встречи и включала ученых-экологов и представителей природоохранных ведомств на федеральном и государственном уровнях и местных муниципалитетов. Со своей первой встречи в 1979 году ее возглавил Герберт Сукопп. Хотя исследователи из Weihenstephan и административный персонал из Баварии также участвовали в этих встречах, в конечном итоге группа заняла позиции, которые в большей степени соответствовали берлинскому проекту. Баварский тип «избирательного картирования» не был явно отвергнут. Однако Рабочая группа прямо заявила о своих предпочтениях для всестороннего картографирования (Sukopp, Kunick, & Schneider, 1979). Когда в 1987 году Рабочая группа выпустила свою «базовую программу» (Arbeitsgruppe Biotopkartierung im besiedelten Bereich, 1986), которая предусматривала стандарты для осуществления проектов картирования биотопов, она призывала к «репрезентативно-всеобъемлющему» отображению в качестве обычного метода съемки. Это был такой же случай, когда в 1992 году была выпущена обновленная и более сложная версия этой базовой программы (Schulte, Sukopp, & Werner, 1993). Оказалось, что местные геодезические проекты по всей Германии лишь частично подчиняются правилам, предусмотренным Рабочей группой, и, таким образом, остаются довольно разнообразными в отношении их методологического проекта. Однако принцип «репрезентативно-всеобъемлющего» картографирования стал широко распространенным стандартом для городских экологических исследований в городах Германии, за исключением Баварии.

Картографическое оформление городской среды

Чтобы понять роль городских экологических экспертов в градостроительстве, мы должны детально разобраться в форме созданных ими картографических знаний. Картирование биотопов, как всеобъемлющее, так и выборочное, основывалось на разнообразных картографических стратегиях. Эти стратегии состояли из конкретных визуальных конвенций, демонстрирующих особенности городской среды, а также связанных с ними практик наблюдения, анализа данных и передачи знаний. Стратегии картографирования не были ни взаимоисключающими

подходами, ни частью всеобъемлющей модели. Часто они сосуществовали в одной и той топографической съемке или, как будет показано для использования карт в полевых работах, тесно связаны с конкретными последовательностями процесса картографирования. В оставшейся части этой главы я подробно рассмотрю четыре важные картографические стратегии картирования биотопов. Я буду утверждать, что именно благодаря этим стратегиям городская среда сформировалась как объект экологической экспертизы и что, соответственно, различные стратегии картографирования создали разные, хотя и взаимоукрепляющие, варианты городской среды. Эти картографические стратегии были: упорядочение города как места экологических полевых работ, описание моделей распределения видов, зонирование города как «типов биотопов» (Biotoptyp) и визуальное отображение экологических оценок городских пространств.

Упорядочение поля

Биоэкологические карты города возникли из пространственной практики полевых работ и сами по себе рефлексивно участвовали в социальной конституции этой практики. Полевые работы в городских проектах по картированию биотопов включали более пассивные формы наблюдения за растениями, животными и другими, в основном визуальными, особенностями окружающей среды, а также сбором ботанических образцов и животных, на которых охотятся. Кроме того, он включал интерпретацию ранее существовавших карт и, в частности, аэрофотоснимков и даже интервью с местными натуралистами. В дополнение к стандартизованным картам регистрационным записям сайта, в которых области образцов были описаны в ботанической и фаунистической деталях, были основные формы графической фиксации этих наблюдений.

Рисунок 1. Зоны отбора проб в городе Гамбург (Треп, 1984, стр. 39).

Хотя многие из этих полевых практик имеют давнюю традицию в биологических и ландшафтно-экологических исследованиях, выполнение этой полевой работы в городе было чем-то совершенно новым. При проведении своих полевых наблюдений биологи теперь выступали в качестве участников городской жизни, которые имели свои собственные правила. Прогулка за пределы обычных троп и написание заметок вызвало подозрение прохожих, а также собак. Доступ к частной собственности должен был быть согласован с арендодателями, и иногда в этом отказывали. Биологи, сами по себе, также должны были перестроить свои мысли в городскую среду как область, заслуживающую пристального внимания, и поэтому им приходилось разрабатывать определенные навыки наблюдения. Эта новая исследовательская среда расходилась с глубоко укоренившимися привычками полевых работ и связанным с ней идеалом работы «на природе». Наблюдения в

полевых работах обычно разрабатывались интерактивно между участниками проекта топографической съемки. Часто проводились рабочие совещания для составления предварительных результатов и обсуждения практических проблем исследований. Кроме того, время от времени участники также встречались на местах, чтобы разработать общие способы решения проблем полевых работ.

Карты имели решающее значение в процессе полевых работ. Во-первых, надпись видимых подписей на карте была одним из наиболее важных способов, с помощью которых полевые наблюдения были преобразованы в надежные данные. Только часть этой работы была выполнена непосредственно в поле. Обычно информацию собирали, заполняя регистрационные листы сайта, которые впоследствии были переписаны в картографические подписи. Во-вторых, с самого начала карты рефлексивно участвовали в конституции поля и социальной организации полевых работ. Не только полевые работники, как и большинство обычных людей, использовали карты для ориентации внутри города, но разделение города на разных листах карт также служило критерием социального разделения экспертной рабочей силы в рамках геодезических проектов (Kreissn, 1978). Кроме того, выборочные области, которые подлежат тщательному анализу, были сначала выбраны и графически обозначены на карте, часто на основе аэрофотосъемки. Они были пронумерованы на карте, а также дополнительно обозначены буквами или другими сигнатурами (рисунок 1). Иногда геометрические особенности карты служили для создания либо схематической сетки выборки, которая охватывала весь город, либо пересечения, пересекающего город в его центре (Kunick, 1984). В других топографических съемках области образцов были очерчены в соответствии с топографическими особенностями, такими как улицы или блоки зданий, которые можно было легко идентифицировать в полевых условиях (Asmus, Martens, & Scharfenberg, 1982/1983, Kreissn, 1978; Kunick, 1983).

Опора на существующие карты дала важные последствия для того, что было представлено на карте, а что нет. Это были официальные карты государственных топографических съемок местных советов, в основном в масштабе 1: 5 000, которые использовались в топографических съемках в качестве картографического ресурса. Такая шкала ограничивала возможное описание деталей, которые, поэтому иногда представлялись в некартографических формах представления. Кроме того, официальные карты были основаны на конкретной проекционной системе, проекции Гаусса-Крюгера. Соответственно, поверхность земли представлена в виде прямоугольной сетки, которая прикреплена к соседнему меридиану. Эта форма проекции считается абсолютно верной относительно углов и лишь незначительного искажения планариметрии. Поскольку существование различных других возможных форм картографической проекции и даже картографических практик, которые явно нарушают геодезические стандарты объективности, берущие этот курс, сами по себе являются конвенцией, это несло его специфическую репрезентативную селективность. Однако, основывая карты биотопов на стандартной

картографической системе ссылки на административную картографию, эти карты сопоставимы с другими картами и планами города и, таким образом, служат для формулирования их с более широкой сетью административных методов.

Отображение распределений

Второй картографической стратегией в биоэкологической съемке было визуальное построение моделей распределения определенных категорий растений, растительных сообществ или популяций животных. Карты распределения (рисунок 2) уже широко использовались для крупномасштабного флористического картирования Германии с 1973 года (Haeupler & Schonfelder, 1988), прежде чем они вошли в городскую биоэкологическую съемку. Элементы, подлежащие сопоставлению, сначала регистрировались на листах записей или помечены в predetermined списках во время полевых работ. На дальнейших этапах транскрипции они затем трансформировались либо в статистические таблицы, либо в картографические представления. На этих predetermined пространственных единицах распределенных карт, таких как квадраты геометрической сетки или единичных блоков, изобилие предметов было представлено точками. В основном, присутствие предметов было отмечено только качественно. Однако на некоторых картах изменения размера точек использовались для отображения некоторой дополнительной количественной информации.

Эти карты создали визуальный порядок, который невозможно было бы отображать, используя только списки и статистические таблицы. Точки на картах создавали синоптические узоры отдельных видов «распределений» и визуально связывали их с топографическими особенностями города. Как популяция видов, так и город были пересмотрены во время этого процесса представления. С одной стороны, сетка карты разделила город на биотопы, в которых должен был по сути быть определенный вид, и на те районы, где вида не было. Эта разница имела какое-то моральное значение для целей сохранения, и оно стало прямым, техническим значением для разработки мер по защите видов (Kunick, 1984). Кроме того, схемы распределения также рассматривались как проявляющие более широкие экологические условия города (Kunick, 1984). Еще до появления картирования биотопов было довольно распространено изучение качества воздуха в городских районах путем сопоставления распределения лишайников. С другой стороны, эти карты также создали явление внутригородского «распределения» как новой особенности популяций видов. Это явно концептуализируется в отличии видов растений, таких как «urbanophil», «urbanophob» и «urbanoneutral», которые в настоящее время распространены в городской биоэкологии (Wittig, Diesing, & Godde, 1985; см. Рисунок 2).

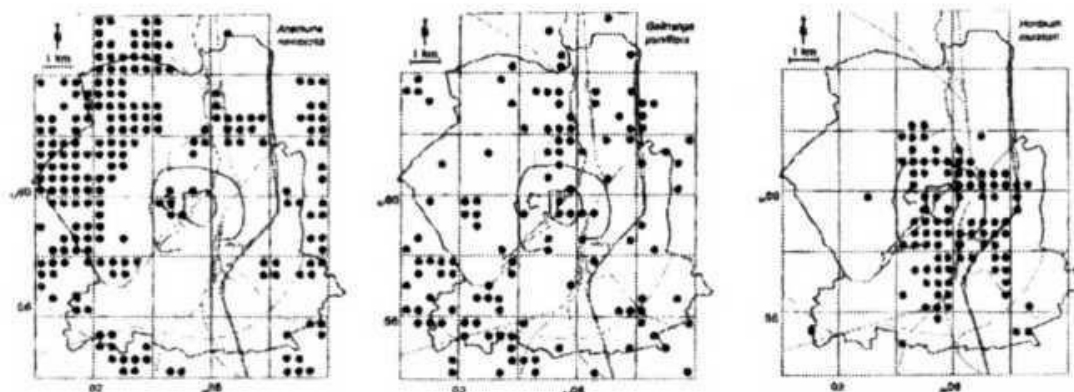
Следует отметить, что построение карт распределения было очень избирательным процессом. Топографические съемки были экспертными отчетами, которые должны были быть представлены в течение ограниченного периода времени.

Таким образом, рассматриваемые районы обычно можно посещать только один раз. То, что можно было легко заметить при таких посещениях, сильно зависело от вегетационного периода, или классификационного навыка инспектора. В частности, присутствие животных часто было трудно наблюдать, и, соответственно, всегда наблюдалось некоторое предвзятое отношение к флористическому и вегетационному наблюдению за счет фаунистического (Arbeitsgruppe Biotopkartierung im besiedelten Bereich, 1986). Особое внимание было уделено картированию видов, которые считались находящимися под угрозой исчезновения, или как «индикаторные виды» (Ellenberg, 1974), которые должны были выявить другие экологические особенности города, такие как влажность или состав почвы (Kunick, 1980).

Зонирование города

Третьей картографической стратегией было использование карт в качестве средства экологического зонирования города (рис. 3). Эти карты отличаются от карт распределения тем, что они отображают информацию о гораздо более высоком уровне обобщения, синтезированном в концепции типа биотопа. Точки не являются наиболее важными сигнатурами этих карт, а скорее раздробленными мозаиками, отображаемыми штрихами или цветами.

Рисунок 2. Карты города Мюнстера, показывающие распределение урбанофильных, урбаностойчивых и урбанофобных растений.

В городском планировании и географии зонирования городских моделей землепользования существует долгая история. Город часто делится на единицы, такие как жилые районы, промышленные районы, зоны движения, открытые пространства, городские пустоши и т. д. Зонирование ландшафтов также было распространено в вегетационных и ландшафтных исследованиях, в Германии, начиная с 1940-х и 1950-х годов, когда начиналось картирование «естественных регионов» (naturraumliche Gliederung) и «потенциальной естественной растительности» (potentielle naturliche Vegetation) (Бухвальд & Engelhardt, 1968). Это, однако, проекты, которые полностью игнорировали города.

Рисунок 3. Биотопная карта Берлина (Zanad) (Senator fur Stadtentwicklung u Umweltschutz, Berlin, 1984, стр. 38).

Были некоторые попытки использовать последние методы в более ранних исследованиях города. Некоторые авторы также обратили внимание на фитосоциологию, чтобы разработать классификацию городских районов в соответствии с преобладающими растительными «обществами» (Hard & Otto, 1985; Kienast, 1978). Однако именно понятие типа биотопа, которое стало главной концепцией: интегрировать биоэкологические данные разного рода и устройств для городского зонирования, которое было намного больше в соответствии с традиционной классификацией землепользования. Понятие типа биотопа было впервые создано в контексте самых ранних проектов картирования биотопов в Weihenstephan (Kaule et al., 1979). Это была классификация только тех регионов, которые считались экологически достойными. Это также способ, которым этот термин был принят в баварских городских биоэкологических исследованиях.

Многие районы города, которые при обычном планировании землепользования просто были бы переведены в категорию остатков «пустырь», теперь были аккуратно классифицированы в соответствии с ландшафтно-экологическими критериями. Области стали пересмотрены, например, как «высокие многолетние сообщества», «первичные растительности», «влажные луга» или «сухие луга».

Как показывают эти примеры, типы биотопов были классифицированы в первую очередь в соответствии с формами растительности, которые преобладали в этих областях. Хотя терминология была частично вдохновлена фитосоциологией, категории биотопов были направлены на классификацию экологическую, однородные регионы и не однородные, как и в фитосоциологии, по крайней мере в ее континентально-европейской перспективе, на формальное разграничение чистых типов растительных сообществ. Еще одна особенность баварского подхода заключается в том, что он сделал категорическое различие между типами биотопов и типами землепользования, причем первый связан с «природой», а второй - с более искусственными частями города.

В исследованиях берлинской группы, а затем в основной программе Рабочей группы понятие «тип биотопа» стало тесно связано с понятием «землепользование», хотя последнее приобрело более биоэкологический смысл. В 1950-х годах интенсивность человеческого влияния (Ulas, 1955) уже использовалась для классификации районов и растительных видов сельского хозяйства и лесного хозяйства. Подобным же образом исследователи берлинской группы с начала 1970-х годов утверждали, что интенсивность и форму использования земли следует считать наиболее важным фактором, определяющим дикую природу в городах (Kunick, 1982; Sukopp, 1973). Сукопп (1973) построил схематический план города в зонах концентрации, в которых конкретные формы землепользования были сопоставлены с их экологическим характером. В тезисах 1974 года бывшего студента Сукоппа Вольфрама Куника (1982) западная часть Берлина была разделена на пять «регионов общей флоры», которые были созвучны примерно дифференцированной схеме развития.

Когда берлинское картографическое исследование биотопов изменилось с более раннего комплексного метода на репрезентативно-всеобъемлющий метод, выборка районов считалась репрезентативной для тех городских видов землепользования, частью которых они являлись (Arbeitsgruppe Artenschutzprogramm, Berlin, 1984). Эти типы землепользования рассматривались как в методологическом, так и в концептуальном плане, как экологически, однородные, виды биотопов, в которых размещались очень конкретные популяции и типы растительности. Хотя эта классификация частично основывается на критериях растительности, эта классификация основывалась главным образом на категориях землепользования урбанистов. Город Берлин был разделен на 57 видов биотопов. Они включали районы, которые, как считается, имели лишь относительно незначительное влияние человека, а также районы, которые, как считается, были чрезвычайно

антропогенно сформированы, такие как «биотопы строительных площадок», «биотопы железнодорожных путей» или «биотопы многоквартирных домов из 5-6 этажей, с 1890-х годов» (Arbeitsgruppe Artenschutzprogramm, Berlin, 1984). Для каждой из этих категорий биоэкологические данные были собраны и отображены отдельно. Эти данные, в свою очередь, помогли определить, какие типы биотопов имеют значение с точки зрения подробных биоэкологических запасов, а также ввести более тонкие различия в классификационную схему.

Классификация типов биотопов стала отличительной чертой представительного всеобъемлющего картографирования. Однако разграничение категорий оставалось предметом постоянных дебатов, и были предложены различные методы определения их адекватности. Например, в основных программах Рабочей группы были разработаны стандартные схемы классификации землепользования (1986 год) или виды биотопов (1992 год), на которых должны были основываться будущие проекты по составлению карт. В исследовании, посвященном городу Бохум (Шульте, 1985), один автор предложил количественный метод перевода карт распределения различных растений и некоторых других экологических данных в комплексные карты зон. В последнее время исследователи из Weihenstephan разработали метод классификации «городских структурных типов», который также был основан на компьютерном анализе экологических данных (Duhme & Pauleit, 1992).

Как и в случае карт распределения, карты зон также создавали новые значения города, но они делали это по-другому. В то время как карты распределения создавали новые пространственные модели и визуально связывали их с антропогенной структурой города, карты зонирования объединяли оба аспекта в один и тот же визуальный план. Они не только показали, что в городе была какая-то форма природы, и как именно она была распространена, но более того, они отображали город как гибридный пространственный порядок, в котором спонтанные биологические процессы и различные формы человеческого влияния были тесно переплетены. Районы, изображенные на карте, никогда не были чисто естественными или чисто искусственно-выращенными; вместо этого существовала непрерывная градация между этими полюсами. Это было, как мы уже видели, концепцией, которая также характеризовала новый дискурс о популяризации природы в городе в целом. На картах городских биоэкологических зон эта концепция приобрела визуальный смысл.

Кроме того, карты зонирования хорошо вписываются в рациональность городского планирования и, таким образом, помогают укрепить воздействие экологической экспертизы. Зонирование создало однородные участки территорий, которые были планиметрически очерчены и были легко сформулированы, с более административными формами зонирования города, а также с распределением частной собственности. Предоставление информации, которая вписывается в рутину административных органов, считается основным критерием выбора

практики картографирования, причем карты зон считаются более подходящими для этой цели, чем карты распределения (Jedicke, 1994, стр. 140; LahI & Haemisch, 1990, стр. 488). Всесторонние геоинформационные системы, из которых карты биотопов составляют один слой, гомологичный различным другим политическим и административным региональным заказам города, в настоящее время являются самым передовым примером этого формулирования.

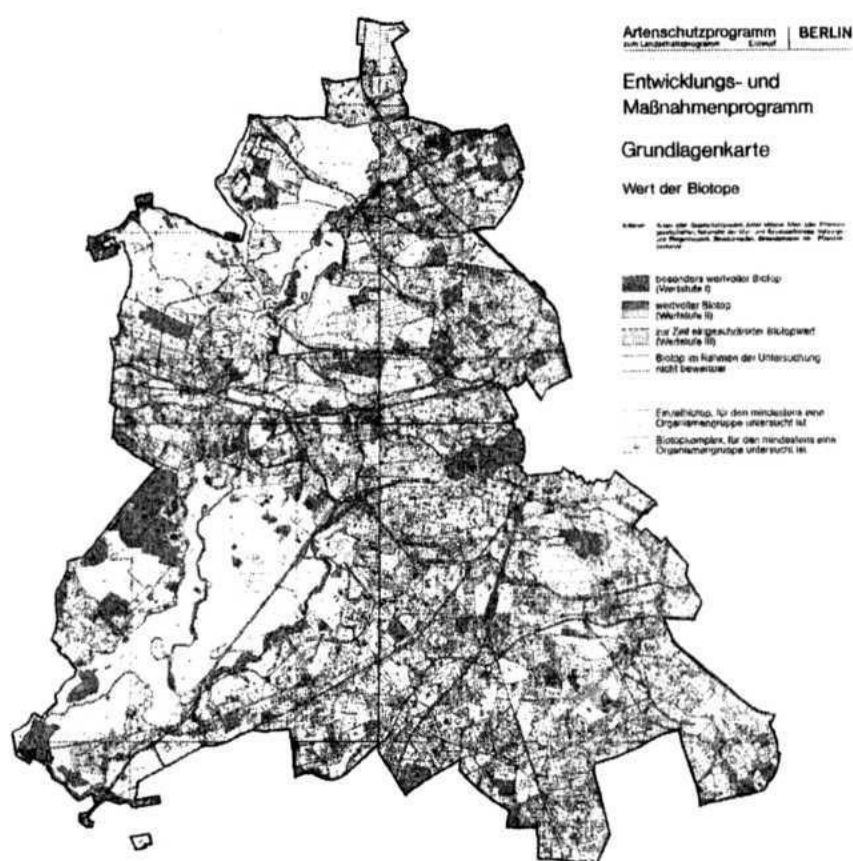
Оценка пространства

Четвертая картографическая стратегия - использование карт в качестве отображения экологических оценок. В некотором смысле, все методы сопоставления, рассмотренные до сих пор, подразумевают определенные оценки о местах, которые они отображают. В частности, в случае селективного картографирования каждая карта биотопов также является отображением их экологической оценки. Вместе с тем при комплексно-репрезентативной съемке были также созданы специальные «карты оценки биотопов» (Arbeitsgruppe Artenschutzprogramm, Berlin, 1984; Reidl, 1989, см. Рисунок 4). Они были тесно связаны с картами зонирования биотопов, на которых они также были технически обоснованы.

Оценочные карты были результатом дальнейших действий по синтезу и обобщению информации. В отличие от избирательного картографирования, которое сосредоточивалось только на областях, которые считались ценными заранее, эти карты основывались на результатах всеобъемлющего или всеобъемлющего репрезентативного сопоставления всех мест города. В ходе последующего процесса экологическая ценность каждой из этих областей была предусмотрена в соответствии с системой из трех или более классов, которые были затем отображены на карте с использованием разных оттенков или цветов. Такая система формальной оценки была впервые разработана в берлинском проекте (Arbeitsgruppe Artenschutzprogramm, Berlin, 1984, раздел I, стр. 99ff.). Процедура оценки оставалась неурегулированной на протяжении большей части рассматриваемого периода, но в 1992 году Рабочая группа согласовала стандартную модель. В общем, эти системы оценки состояли из поэтапного определения биотопов в соответствии с формальными критериями, такими как интенсивность землепользования, степень уплотнения почвы, биологическое разнообразие, положение в городе или частота определенного типа биотопа в исследуемом городе.

Оценочные (экспертные) карты могут считаться первым шагом на пути к преобразованию результатов исследования по картированию биотопов в административные или плановые стратегии. Они не только показывают, какие виды биотопов существуют в городе, но и, кроме того, дают ясные намеки на то, где они должны быть сохранены, где они должны быть разработаны, и какие кварталы являются экологически чистыми кварталами города. Визуализируя оценки внутригородских районов, эти карты способствовали созданию новых

«пространственных образов» (Shields, 1991): они приписывали новые значения местам, которые иногда находились в прямом противоречии с глубоко укоренившимися пространственными образами, которыми придерживалась большая часть горожан. Например, аккуратно обработанные газоны считались относительно бедными местами в биоэкологических исследованиях. С другой стороны, пустоши, которые часто считаются самыми уродливыми горожанами, считались ценными, потому что они часто проявляли богатое разнообразие видов.

Рисунок 4. Карта, показывающая ценность биотопов, биотоп-картирование Берлина (Запад) (Senator für Stadtentwicklung u Umweltschutz, Berlin, 1984, стр. 45).

Вывод

С ранней современности принято рассматривать природу и город как пару противоположностей. Природа была в первую очередь связана с сельской местностью, в то время как город воспринимался как воплощение искусственного. В то же время история урбанизма была полна попыток растворить эту разницу или как минимум, для устранения его самых крайних последствий, например, путем строительства садовых городов или создания открытых городских пространств. Недавняя озабоченность по поводу внутренних городских биотопов может, таким образом, быть связана с долгой традицией. Однако картирование биотопов было не просто новым средством привлечения большего количества природы в город.

Скорее, именно смысл городской и самой природы был воссоздан в этом процессе. До приблизительно 20 лет назад такая вещь, как биотоп в городе, никогда не существовала. Это произошло по визуальному изображению на карте, что городской биотоп возник как научный и политический феномен. Нечеткий мир улиц, деревьев и зданий превратился в синоптические образцы, которые открывали новые объекты и отношения городских явлений. На карте явления были геометрически ограничены и согласовывались с классификационным порядком биоэкологического дискурса. Кроме того, на картах создан когнитивный порядок, который также соответствовал критериям административных процедур стандартизации и документальных доказательств.

В появляющемся городе биотопов понятия «природные» и «искусственные» теряют прежний оппозиционный смысл. Город становится натурализованным, поскольку природа становится урбанизированной. Классифицируя и очерчивая городские места, согласно биоэкологическим критериям, карты визуально вписывают «естественность» в городское пространство. Они представляют собой сетку онтологических и моральных смыслов, которая отличается от «когнитивных карт» городских жителей и «концепции города», как это называл Серто (1988), традиционных городских планировщиков. С другой стороны, природа больше не связана с относительно нетронутыми ландшафтами или транзисторно устойчивыми биологическими признаками. Как «городская природа», она становится выражением сложностей и историй человеческой деятельности, в которых она была сформирована. Таким образом, картирование городских биотопов является хорошим примером того, как новые формы экспертизы формируют категории, которыми мы воспринимаем наш мир.

Признание

Я хотел бы поблагодарить экологов и чиновников планирования, которые пожертвовали своим временем и предоставили материалы, которые анализируются в этой главе. Я также благодарен различным людям, которые прокомментировали более ранние версии: участники совместной конференции Ассоциации социальных исследований наук и экологических исследований Канады, Галифакс, 28 октября 1998 года, Семинар Шлогманна «Эксперт в современных обществах», Берлин, 26-28 ноября 1998 года, и, в частности, моих бывших коллег из Института истории науки Макса-Планка, Берлин.

Источники

Abbott, A. (1988). *The system of professions. An essay on the division of expert labor.* Chicago: The University of Chicago Press.

Arbeitsgruppe Artenschutzprogramm, Berlin. (1984). *Grundlagen für das Artenschutzprogramm Berlin (Vol. 1).* Berlin: Technical University Berlin.

Arbeitsgruppe Biotopkartierung im besiedelten Bereich. (1986). *Flachdeckende Biotopkartierung im besiedelten Bereich als Grundlage einer ökologisch bzw am Naturschutz*

- orientierten Planung. Grundprogramm Ilir die Bestandsaufnahme and Gliederung des besiedelten Bereichs and dessert Randzonen. *Natur and Landschaft*, 61(10), 371-388.
- Asmus, U., Kunick, W., Maas, I., Markstein, B., & Schneider, C. (1981). Biotopkartierung der Stadt Rurseltheim. Unpublished manuscript.
- Asmus, U., Martens, C., & Scharfenberg, E. (1982/1983). Biotopkartierung Berlin (West): H. Kreuzberg-Siid Berlin: Technical University Berlin, Institute for Ecology.
- Auhagen, A., & Sukopp, H. (1983). Ziel, Begründungen and Methoden des Naturschutzes der Stadtentwicklungspolitik von Berlin. *Natur and Landschaft*, 58(1), 9-15.
- Blomley, N. K. (1991) *Lata space, and the geographies of power*. New York: Guilford Press.
- Brunner, M., Duhme, F., Miick, H., Patsch, J , & Wenisch, E. (1979). Kartierung erhaltenswerter Ltbensraume in der Stadt. *Dar Gartenamr*, 28, 72-78.
- Buchwald, K., & Engelhardt, W. (1968). *Handbuchfir Landschaftspflege and Naturschutz. Schutz, Pflige and Entwicklung unserer Wirtschaft s- and Erholungslandschaften auf okologischer Grund- lage*(Vol. 1). Munich, Germany: BU!
- Bulmer, M., Bales, K., & Sklar, K. K. (Eds.). (1991). *The social survey in historical perspective 1880-1940*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Bunce, M. (1994). *The countryside ideal Anglo American images of landscape*. London: Routledge.
- Callon, M., & Latour, B. (1992). Don't throw the baby out with the bath school! [A reply to Collins and Yearley]. In A. Pickering (Ed.), *Science as culture and practice* (pp. 343-368). Chicago: The University of Chicago Press.
- Camerini, J. R. (1993a). Evolution, biogeography, and maps. An early history of Wallace's line. *Isis*, 84(4), 7007727
- Camerini, J. (1993b). Wallace in the field. *Osiris*, 11, 44-665.
- Certeau, M. de. (1988). *Kunst da Handelns*. Berlin: Merve.
- Clarke, A., & Fujimura, J. H. (1992). What tools? Which job? Why right? In A. Clarke & J. Fujimura (Eds.), *The right tools for the job* (pp. 3-44). Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dahl, F. (1908). Grundsätze and Grundbegriffe der biozonodschen Forschung. *Zoologischer Anzeiger*, 33, 349-353.
- Duhme, F., & Pauleit, S. (1992). Strukturtypenkartierung ass Instrument der rdumlich-integrativen Analyse and Bewertung der Umuxlrbedingungen in Munchen. Munich, Germany: Technical University of Munich-Weihenstephan, Chair for Landscape Ecology.
- Duhme, F., et al. (1983). *Kartierung schutzwurdiger Lebensrdume in Munchen*. Munich, Germany: Technical University of Munich-Weihenstephan.
- Ellenberg, H. (1974). Zeigerwerte der GelM pflanzen Mitteleuropas. *Scripta Geobotanica*, 9, 1-97.
- Engel, H. (1949). Die Trummerpflanzen von Monster. *Natur and Heimat*, 9(2), 1-15.
- Feder, G. (1939). *Die neue Stadt. Versuch der Begrilndang einer neuen Stadtplanungskunst aus der sozialen Struktur der Bevolkerung*. Berlin: Springer.
- Fehl, G., & Rodriguez-Lores, J. (1982). Aufstieg and Fall der Zonenplanung. *Stadtebauliches In- strumentarium and stadtraumliche Ordnungsvorstellungen zwischen 1870 and 1905. Stadt- bauwelt*, 443-450.
- Graham, J., & Keil, R (1997). Natarlich stidrisch: Stadtumwelten nach dem Fordismus. *Ptiokla*, 27(4), 567-589.
- Gugerli, D. (1998). Politics on the topographer's table: The Helvetic triangulation of cartography, politics, and representation. In T. Lenoir (Ed.), *inscribing science*. Scientific

- texts and the materiality of communication (pp.91-118). Stanford, CA: Stanford University Press.
- Haeupler, H., & Schonfelder, P. (1988). Atlas der Farn- und Blütenpflanzen der Bundesrepublik Deutschland Stuttgart, Germany: Ulmer.
- Hannigan, J. A. (1995). Environmental sociology London: Routledge.
- Hard, G., & Otto, G. (1985). Die vegetationsgeographische Gliederung einer Stadt. Ein Versuch auf der Ebene statistisch-administrativer Raumeinheiten. Erdkunde, 39, 296-306.
- Harley, B. (1989). Deconstructing the map. Cartographica, 26(2), 1-20.
- Hayer, M. (1995). The politic of environmental discourse: Ecological modernization and the policy process. Oxford, UK: Clarendon Press.
- Helgerson, R. (1986). The land speaks: Cartography, chorography, and subversion in renaissance England. Reprint, 16,51-85.
- Jalas, J. (1955). Hemerobe and hemerohore Pflanzenarten. Ein terminologischer Reformversuch. Acta Soc pro Fauna Flora Finn, 72(11), 1-15.
- Jasanoff, S. (1990). The fifth branch: Science advisors as policy-makers. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Jedicke, E. (1994). Biotopschutz in der Gemeinde. Radebeul, Germany: Neumann.
- Kaule, G., Schaller, J., & Schober, H.-M. (1979). Schutzwurde ge Biotope in Bayern. Auswertung der Kartierung. Au/era/pine Naturschutz. Munich, Germany: Environmental Protection Agency of Bavaria.
- Kienast, D. (1978). Die spontane Vegetation der Stadt Karle in Abhängigkeit von baulichen und stadtstrukturellen Quartierstypen (Vol. 10). Kassel, Germany: GHK Kassel.
- Kowarik, I. (1992). Stadtnatur-Annäherung an die "wahre" Natur der Stadt. In J. Gill (Ed.), Ansprüche an Freizeitsport im urbanen Raum (pp. 63-81). Mainz, Germany: Stadt Mainz.
- Kreissn, D. (1978). Kartierung erhaltenswerter Lebensräume in der Stadt. Unpublished diploma thesis, Technical University of Munich, Freising.
- Kunick, W. (1974). Veränderungen von Flora und Vegetation einer Großstadt, dargestellt am Beispiel von Berlin (West). Berlin: Technical University Berlin.
- Kunick, W. (1979). Stadtbiotopkartierung Berlin. Berlin: Technical University Berlin, Institute for Ecology, Ecosystem Studies, and Vegetation Studies.
- Kunick, W. (1980). Pflanzen, die bei der Kartierung von Stadtgebieten besonders berücksichtigt werden sollten. Garten + Landschaft, 7,577-580.
- Kunick, W. (1982). Zonierung des Stadtgebietes von Berlin West-Ergebnisse floristischer Untersuchungen (Vol. 14). Berlin: Technical University Berlin.
- Kunick, W. (1983). Kartierung, landesökologische Grundlagen: Teil 3. Biotopkartierung. Cologne, Germany: Grünflächenamt.
- Kunick, W. (1984). Verbreitungskarten von Wildpflanzen als Bestandteil der Stadtbiotopkartierung, dargestellt am Beispiel von Berlin. Verhandlungen der Gesellschaft für Ökologie 1982, XII, 268-275.
- Kunick, W., Kuoni, M., & Maas, I. (1983). Pilotstudie Stadtbiotopkartierung Stuttgart (Vol. 36). Karlsruhe, Germany: Environmental Protection Agency of Baden-Württemberg.
- Lahl, U., & Haemisch, M. (1990). Naturschutz in der Kommunalpolitik-Drei Standbeine notwendig. Natur und Landschaft, 65(10), 484-490.
- Martens, C., & Scharfenberg, E. (1982/83). Stadtbiotopkartierung Berlin (West). Vegetationskundliche Untersuchungen der Parkanlagen Volkspark Hasenheide, Park am Buschkrug. Berlin: Technical University Berlin, Institute for Ecology, Ecosystem Studies and Vegetation Studies.

- Matless, D. (1991). Regional surveys and local knowledges: The geographical imagination in Britain, 1918-39. *Transactions of the British Geographer's National Institute*, 17, 464-480.
- Matless, D. (1997). Moral geographies of English landscape. *Landscape Research*, 22(2), 141-155.
- Milchert, J. (1980). 200 Jahre städtische Grünflächenpolitik. *Garten + Landschaft*, 9, 703-716.
- Nicolson, M. (1989). National styles, divergent classifications: A comparative case study from the history of French and American plant ecology. *Knowledge and Society: Studies in the Sociology of Science Past and Present*, 8, 139-186.
- Pfeiffer, H. (1954). Pflanzliche Gesellschaftsbildung auf dem Thimmschutt ausgebombter Städte. *Vegetatio*, 7, 301-320.
- Reidl, K. (1989). Floristische und vegetationskundliche Untersuchungen zur Grundlagen für den Arten- und Biotopschutz in der Stadt. Dargestellt am Beispiel Essen. Unpublished doctoral dissertation, Gesamthochschule Essen, Germany.
- Scholz, H. (1956). Die Ruderalvegetation Berlins. Unpublished doctoral dissertation, Free University Berlin.
- Schulte, W. (1985). Modell einer stadtoökologischen Raumgliederung auf der Grundlage der Florenanalyse und Florenbewertung. *Natur und Landschaft*, 60(3), 103-108.
- Schulte, W., Sukopp, H., & Werner, P. (1993). Flächendeckende Biotopkartierung im besiedelten Bereich als Grundlage einer am Naturschutz orientierten Planung. Programm für die Bestandsaufnahme, Gliederung und Bewertung des besiedelten Bereichs und dessen Randzonen (Arbeitsgruppe Methodik der Biotopkartierung im besiedelten Bereich). *Natur und Landschaft*, 68(10), 491-525.
- Senator für Stadtentwicklung und Umweltschutz, Berlin (1984). Landschaftsprogramm Artenschutzprogramm, Berlin (p. 38f., p. 45). Berlin: Stadt Berlin.
- Shields, R. (1991). *Places on the margin. Alternative geographies of modernity* London: Routledge.
- Sukopp, H. (1973). Die Großstadt als Gegenstand ökologischer Forschung. *Schriften zur Verbreitung naturwissenschaftlicher Kenntnisse* 113, 90-140.
- Sukopp, H. (1990). Ökologische Grundlagen für die Stadtplanung und Stadterneuerung. In H. J. Conert (Ed.), *Ergebnisse der 10. Sitzung der Arbeitsgruppe Biotopkartierung im besiedelten Bereich* (pp. 7-22). Frankfurt a.M., Germany: Courier des Forschungs-Instituts Senckenberg.
- Sukopp, H. (1994). Stadtökologie in nationaler und internationaler Perspektive. In Landeshauptstadt Erfurt (Ed.), *Biotopkartierung im besiedelten Bereich*. 15. Jahrestagung der Arbeitsgruppe der Landesanstalten für Natur und Umweltschutz und des Bundesamtes für Naturschutz 15.-17. September 1994 in Erfurt (pp. 8-14). Erfurt, Germany: Stadt Erfurt.
- Sukopp, H., Kunick, W., & Schneider, C. (1979). Biotopkartierung in der Stadt. Ergebnisse der ersten Sitzung der Arbeitsgruppe Biotopkartierung im besiedelten Bereich. *Natur und Landschaft*, 54(3), 66-68.
- Trepl, L. (1984). Stadtbiotopkartierung Hamburg-Ergebnisse der Beispielkartierung. In Umweltamt Hamburg (Ed.), *14. Ökologie-Forum 1984. Biotop- und Artenkartierung im besiedelten Bereich und deren Umsetzung im Biotopschutzprogramm* (pp. 31-45). Hamburg, Germany: Stadt Hamburg.
- Turnbull, D. (1996). Cartography and science in early modern Europe: Mapping the construction of knowledge spaces. *Imago Mundi*, 48, 5-24.

- Wittig, R., Diesing, D., & Godde, M. (1985). Urbanophob-UrbanoneutralUrbanophil. Das Verhalten der Arten gegentiber dem Lebensraum Stadt. *Flora*, 177, 265-282.
- Wood, D. (1992). *The power of maps*. London: Routledge.

Глава 13

Как улучшить диагностические выводы медицинских экспертов

Ульрих Хоффраддж и Герд Гигеренцер

Центр изучения адаптивного поведения и познания в Институте Макса Планка

Женщинам обычно сообщают, что скрининг на маммографию снижает риск смерти от рака молочной железы на 25%. Означает ли это, что из 100 женщин, участвующих в скрининге, спасется 25 жизней? Хотя многие считают, что это так, вывод не оправдан. Эта цифра означает, что из 1000 женщин, которые участвуют в скрининге, 3 умирают от рака молочной железы в течение 10 лет, тогда как из 1000 женщин, которые не участвуют, 4 умрут. Разница между 4 и 3 составляет 25% «относительное снижение риска». Однако, как «абсолютное снижение риска», это означает, что преимущество составляет 1 на 1000, то есть 0,1%. Раковые организации и отделы здравоохранения продолжают информировать женщин об относительном снижении риска, что дает более высокое число - 25% по сравнению с 0,1% - и показывают, что преимущество от скрининга выше, чем если бы он представлялся в абсолютных рисках.

Тема этой главы - представление информации о медицинских рисках. Как иллюстрирует случай маммографического скрининга, та же информация может быть представлена различными способами. Общий момент заключается в том, что информация всегда требует представления, а выбор между альтернативными представлениями может влиять на готовность пациентов участвовать в скрининге или, в более общем плане, в понимании пациентами рисков и вариантов медицинского лечения. Идея «информированного согласия» может быть достигнута только в том случае, если пациент знает о плюсах и минусах лечения или шансов, что конкретный диагноз будет правильным или неправильным. Однако для того, чтобы сообщить об этой неопределенности пациентам, врач должен сначала понять статистическую информацию и ее последствия. Это требование резко контрастирует с тем фактом, что врачи редко обучаются тому как представить риск, а некоторые по-прежнему считают, что медицина может обойтись без статистики и психологии. Такое нежелание также может объяснить, почему в предыдущих исследованиях отмечалось, что большинство врачей не используют надлежащую статистическую информацию должным образом в диагностических выводах. Casscells, Schoenberger и Grayboys (1978), например, попросили 60 домашних врачей, студентов и врачей в Гарвардской медицинской школе оценить вероятность неназванного заболевания с учетом следующей информации:

Если тест на выявление заболевания, чья распространенность составляет 1/1000, имеет ложную положительную норму в 5 процентов, какова вероятность того, что у человека, который получил положительный результат, на самом деле есть заболевание, предполагая, что если вы не знаете ничего о симптомах человека? (стр. 999)

Оценки сильно варьировались: по самой частой оценке 95% (27 из 60), до 2% (11 из 60). Значение 2% получается путем вставки информации о проблемах в правило Байеса (см. Ниже), считая, что чувствительность теста, которая не указана в задаче, составляет приблизительно 100%. Касцелл (1978) пришел к выводу, что

(...) в этой группе студентов и врачей, формальный анализ решений был почти полностью неизвестен, и даже здравомыслящие рассуждения об интерпретации лабораторных данных были необычными (стр. 1000).

В оригинальной статье о вероятностных рассуждениях о маммографии Дэвид Эдди (David Eddy, 1982) сообщил о неформальном исследовании, в котором он попросил неуказанную группу врачей оценить вероятность рака молочной железы с учетом базовой нормы (распространенность) 1%, коэффициента совпадений (чувствительность) - 79%, а ложная положительная - 9,6%. Он сообщил, что 95 из 100 врачей дали оценки апостериорной вероятности рака молочной железы, учитывая положительную маммограмму (положительное прогностическое значение) от 70% до 80%, тогда как правило Байеса приводит к уменьшению на один порядок величины, а именно, 7,7%. Эдди предложил, что большинство врачей путали чувствительность теста с положительной прогностической ценностью. Свидетельства этой путаницы также можно найти в медицинских учебниках и журнальных статьях (Eddy, 1982), а также в статистических учебниках (Gigerenzer, 1993).

В 1986 году Винелер и Кобберлинг сообщили ответы на вопросник, который они отправили семейным докторам, хирургам, терапевтам и гинекологам в Германии. Только 13 из 50 респондентов поняли, что увеличение распространенности заболевания предполагает увеличение положительной прогностической ценности. Авторы пришли к такому загадочному наблюдению: хотя интуитивное суждение о вероятностях является частью каждого диагностического и лечебного решения, врачи в своем исследовании явно не привыкли оценивать количественные вероятности. Учитывая эти демонстрации, что многие рассуждения врачей не соответствуют законам вероятности (см. Также Abernathy & Hamm, 1995; Dawes, 1988; Dowie & Elstein, 1988), что можно сделать для улучшения диагностического вывода?

Естественные частоты помогают в создании диагностических выводов

В каждом из трех исследований, обобщенных выше, представлена численная информация в виде вероятностей и процентных значений. То же самое можно

сказать и о других исследованиях, в которых сделан вывод о том, что врачи (Berwick, Fineberg, Weinstein, 1981; Politser, 1984) и непрофессионалы (Koehler, 1996a) испытывают большие трудности при диагностических заключениях из статистической информации. Информация, представленная в вероятностях, процентах, абсолютных частотах или какой-либо другой форме, не имеет отношения к математической точке зрения. Эти разные представления могут быть сопоставлены друг с другом индивидуально. Однако они не эквивалентны с психологической точки зрения, что является ключом к нашему аргументу.

Мы утверждаем, что конкретная группа представлений, которую мы называем естественными частотами, помогает обычным людям и экспертам делать выводы байесовским способом. Мы проиллюстрируем разницу между вероятностями и естественными частотами с диагностической проблемой определения наличия колоректального рака (C) от положительного результата в гемоккульттесте (T), стандартном диагностическом тесте. С точки зрения вероятностей, соответствующая информация представляет собой базовую норму для колоректального рака $p(C) = 0,3\%$, чувствительность $p(T|C) = 50\%$ и ложноположительный показатель $p(T|not-C) = 3\%$. В естественных частотах одна и та же информация читалась бы так:

Тридцать из каждых 10 000 человек имеют колоректальный рак. Из этих 30 человек с колоректальным раком, у 15 будет положительный тест. Из оставшихся 9 970 человек без колоректального рака 300 все равно будут иметь положительный тест.

Естественные частоты являются абсолютными частотами, закодированными с помощью прямого опыта, и не были нормализованы в отношении базовых показателей болезни и не-болезней (Gigerenzer & Hoffrage, 1995, 1999). Их следует отличать от вероятностей, процентных соотношений, относительных частот и других представлений, где основные естественные частоты были нормированы относительно этих базовых показателей.

Почему естественные частоты облегчают диагностические выводы? Есть два связанных аргумента. Первый - вычислительный. Байесовские вычисления проще, когда информация представлена в естественных частотах, а не в вероятностях, процентах или относительных частотах (Christensen-Szalanski & Bushyhead, 1981; Kleiter, 1994). Например, когда информация о колоректальном раке представлена в вероятностях, применение когнитивного алгоритма для вычисления положительного предсказательного значения, то есть байесовской апостериорной вероятности, составляет выполнение следующих вычислений:

$$p(C|T) = \frac{p(C) p(T|C)}{p(C) p(T|C) + p(not-C) p(T|not-C)} = \frac{(0.003) (.5)}{(0.003) (.5) + (.997) (.03)} \approx (1)$$

Результат 0,048. Уравнение 1 является правилом Байеса для бинарных гипотез (здесь С и не-С) и данных (здесь, 7). Это правило названо в честь Томаса Байеса (1702-1761), английского министра диссидента, которому приписывается решение проблемы того, как сделать вывод из данных в гипотезу (Стиглер, 1983).

Когда информация представлена в естественных частотах, вычисления намного проще:

$$p(\text{CIT}) = c \& t = 15 \text{ c} \& t + \text{not-c} \& t = 15 + 300 \quad (2)$$

Уравнение 2 является правилом Байеса для естественных частот, где $c \& t$ - число случаев рака и положительного теста, а $\text{not-c} \& t$ число случаев без рака, но с положительным тестом.

Второй аргумент дополняет первый. Кажется, что умы настроены, чтобы выводы из естественных частот, а не из вероятностей и процентов. Этот аргумент согласуется с исследованиями развития, указывающими на первичность рассуждений с дискретными числами, а не дробными числами, и исследования взрослых людей и животных, свидетельствующие о способности контролировать частотную информацию в естественных средах довольно точными и автоматическими способами (например, Gallistel & Gelman, 1992; Jonides & Jones, 1992; Real, 1991; Sedlmeier, Hertwig, & Gigerenzer, 1998). На протяжении большей части своего существования люди и животные делали выводы из информации, закодированной последовательно через прямой опыт, а естественные частоты - окончательный результат такого процесса. Математическая вероятность возникла только в середине XVII века (Дастон, 1988), и только после того, как французская революция - когда была принята метрическая система, - процентные доли, как представляется, стали общими представлениями, в основном для налогов и интересов, и только совсем недавно для риска и неопределенности (Gigerenzer et al., 1989). Таким образом, можно предположить, что умы развились, чтобы иметь дело с естественными частотами, а не с вероятностями.

Вероятности можно представить в том, что Gigerenzer и Hoffrage (1995) называют стандартным меню и коротким меню. Стандартное меню проиллюстрировано выше; короткое меню представляет $p(\text{C} \& \text{T})$ и $p(\text{T})$. Оба ведут к одному и тому же результату. Аналогичным образом, естественные частоты могут быть выражены как в стандартном, так и в сокращенном меню (см. Приложение для всех четырех вариантов проблемы колоректального рака). Чтобы вычислить байесовское решение для вероятностей, короткое меню требует меньше вычислений, чем стандартное меню, тогда как для естественных частот вычисления являются одинаковыми, за исключением того, что в стандартном меню необходимо добавить два соединения $c \& t$ и $\text{not-c} \& t$ для определения знаменателя (Gigerenzer & Hoffrage, 1995, теоретические результаты 5 и 6, стр. 688).

Естественные частоты улучшают рассуждение обычных людей?

Многие исследования пришли к выводу, что суждения людей не следуют правилу Байеса, но мало что известно о том, как помочь людям рассуждать по Байесу. Мы проверили, улучшают ли естественные частоты байесовские выводы у обычных людей, в частности, студентов в различных областях в Зальцбургском университете (Gigerenzer & Hoffrage, 1995). Мы использовали 15 проблем, включая проблему маммографии Эдди и проблему такси Тверски и Канемана (1982). Когда информация была представлена в естественных частотах, а не в вероятностях, доля байесовских ответов систематически возрастала для каждой из 15 проблем. Это преимущество заключалось в том, были ли частоты и вероятности представлены в стандартном меню или в коротком меню. Средняя доля байесовских ответов составляла 16% и 28% для вероятностей, увеличиваясь до 46% и 50% для естественных частот (стандартное и короткое меню соответственно). Таким образом, хотя они могут быть непосредственно вставлены в Уравнение 2, составные вероятности, отображаемые в коротком меню, не так эффективны, как естественные частоты. В заключение, естественные частоты, представленные в стандартном или коротком меню, улучшают байесовские рассуждения без инструкций.

Аналогично, Cosmides and Tooby (1996) показали, что естественные частоты улучшают байесовские выводы в Casscells et al. (1978). Эта гипотетическая медицинская проблема численно проще (уровень вероятности считается 100%), чем проблемы в исследовании Gigerenzer and Hoffrage (1995), и Космидес и Тоби сообщили, что 76% ответов были байесовскими (см. Также Кристенсен-Саланский & Beach, 1982).

Но будут ли медицинские эксперты также получать преимущества от естественных частот, и используют ли они их при представлении рисков своим клиентам? Следующие исследования с участием студентов-медиков и опытных врачей дают ответ на первый вопрос; в последнем исследовании с консультантами по СПИДу рассматривается второй вопрос.

Естественные частоты улучшают медицинские диагнозы студентов-медиков?

Участниками были 87 продвинутых студентов-медиков, большинство из которых уже прошли курс биостатистики и были в среднем на их пятом году обучения и 9 стажеров первокурсников. Пятьдесят четыре учились в Берлине и 42 - в Гейдельберге; 52 женщины и 44 мужчины. Средний возраст составлял 25 лет.

Мы выбрали четыре реалистичные диагностические задачи и построили четыре версии каждой из них: две, в которых информация была представлена в вероятностях (как это обычно бывает), и две, в которых информация была представлена в естественных частотах. Для каждого из этих двух форматов информация была представлена либо в стандартном меню, либо в коротком меню.

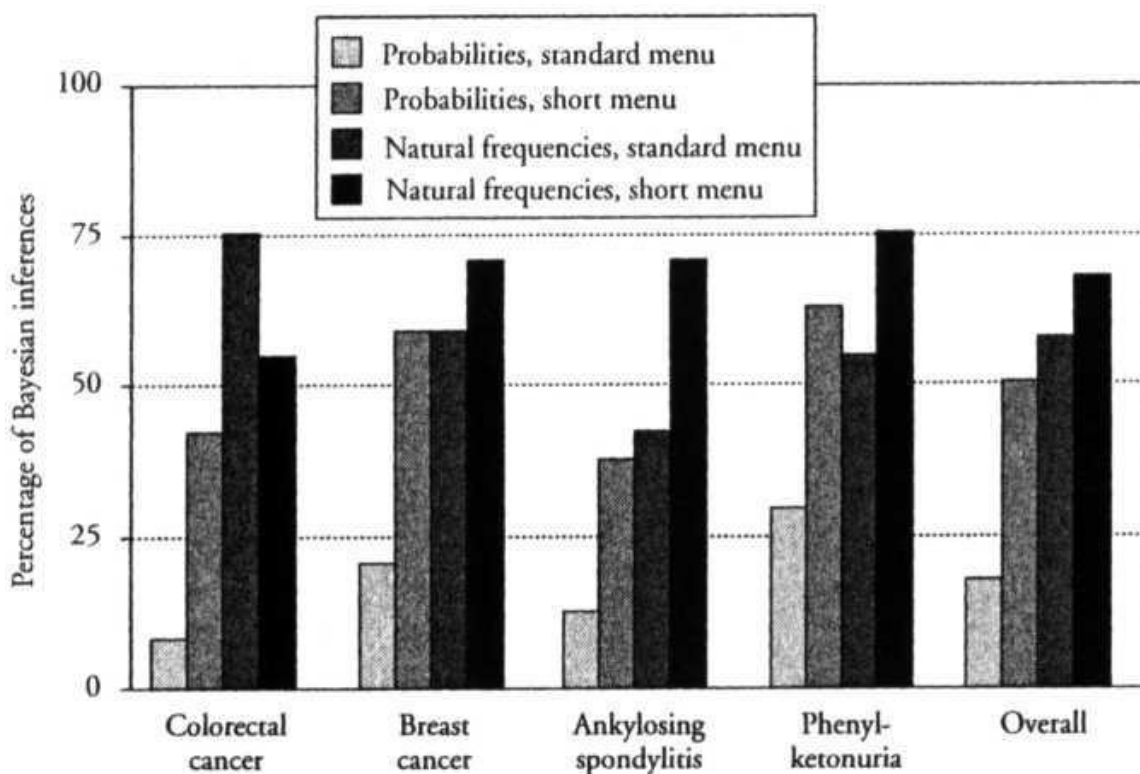

Четыре диагностические задачи заключались в следующем: а) наличие колоректального рака при положительном гемоккультесте; (b) наличие рака молочной железы с положительной маммограммой; (c) наличие фениокетонурии из положительного теста Гутри и (d) наличие анкилозирующего спондилита (Бехтерева болезнь) при положительном тесте HL-Antigen-B27 (HLA-B27). Информация о распространенности (базового показателя), чувствительности (коэффициент совпадений) и ложных положительных (коэффициент ложной тревоги) была взята из работ Эдди (1982), Мандель и др. (1993), Маршалл (1993), Полицер (1984) и Уиндельер и Кобберлинг (1986). Четыре диагностические задачи показаны в Приложении.

Эти проблемы были даны участникам опроса. Мы использовали дизайн латинского квадрата: каждый участник работал над всеми проблемами, каждый в другой версии. По всем участникам четыре вопроса и четыре версии появлялись на каждой из четырех страниц в вопроснике одинаково часто. Первые две проблемы в каждом вопроснике всегда указывались в том же формате, как по вероятности, так и по естественным частотам. Кроме того, мы систематически изменяли порядок двух частей информации в коротком меню.

Участникам была выплачена фиксированная плата. Они работали над вопросником в своем собственном темпе и в небольших группах в основном от трех до шести участников. Экспериментатор попросил их сделать заметки, расчеты или рисунки, чтобы мы могли восстановить их рассуждения. Интервью проводились после того, как участники заполнили свою анкету.

Когда оценка участника находилась в пределах плюс-минус пяти процентных пунктов (или эквивалента по частотам) байесовской оценки, а в примечаниях и интервью указывалось, что оценка была получена по байесовским аргументам (или их краткой характеристике, см. Gigerenzer & Hoffrage, 1995), а не путем угадывания или других средств, тогда мы классифицировали ответ как «байесовский вывод». На рисунке 1 показаны проценты байесовских выводов для четырех диагностических задач (результаты для стандартного меню уже опубликованы в Hoffrage, Lindsey, Hertwig и Gigerenzer, 2000). Для каждой проблемы вероятности в стандартном меню затрудняли для студентов-медиков рассуждения о байесовском способе. Когда стандартное меню использовалось с естественными частотами, производительность увеличилась с 18% до 57%. Для короткого меню различия были меньше - от 50% до 68%. Это взаимодействие согласуется с теоретическим результатом, о котором говорилось выше, что положительный эффект короткого меню больше для вероятностей, чем для естественных частот. Подводя итог, студенты-медики показали признаки «бесчисленности» (Paulos, 1988), аналогичные показаниям простых людей, когда информация была в терминах вероятностей (стандартное меню), но их рассуждения улучшились больше, чем у простых людей, когда использовались представления частот (или вероятности в коротком меню).

Рисунок 1. Доля студентов-медиков в байесовских выводах в четырех диагностических задачах, разбитых по четырем вариантам каждой задачи (см. Приложение для четырех вариантов проблемы рака прямой кишки).

Естественные частоты улучшают диагностические выводы врачей?

Этот результат был для улучшения «понимания» у студентов-медиков, и можно предположить, что это не обобщает их с опытными врачами, которые лечат реальных пациентов. Мы попросили 51 врача принять участие в следующем исследовании (Gigerenzer, 1996; Hoffrage & Gigerenzer, 1998). Три врача не дали числовых оценок либо потому, что они обычно отклоняли статистическую информацию как бессмысленную для медицинского диагноза, либо потому, что они заявляли, что они не могут мыслить цифрами. Остальные 48 врачей практиковали в среднем 14 лет (от 1 месяца до 32 лет) и имели средний возраст 42 года (от 26 до 59 лет). Они работали либо в Мюнхене, либо в Дильсельдорфе; 18 - женщин, 30 - мужчин. Восемнадцать человек работали в университетских больницах, 16 - в частных или государственных больницах и 14 - в частной практике. В выборку вошли, в частности, терапевты, гинекологи, дерматологи и радиологи. Статус врачей варьировался от директоров клиник до врачей, начинающих свою карьеру.

Интервьюер посетил врачей по отдельности в их учреждениях или частных офисах и, в некоторых случаях, в их домах. Она сначала сообщила врачу о нашей заинтересованности в изучении диагностического вывода и установила

непринужденную личную связь. Затем каждому врачу были даны те же четыре диагностические задачи, что и в предыдущем исследовании. Каждая проблема была напечатана на листе бумаги, а затем давался отдельный чистый лист. Интервьюер попросил врача использовать пустой лист, чтобы делать заметки, расчеты или рисунки, чтобы мы могли позже восстановить его или ее рассуждения. После того, как врач выполнил четыре задания, интервьюер просмотрел записи врача. Если бы не было видно, как была достигнута оценка в каждой задаче, врача просили дать разъяснения.

Учитывая ограниченное свободное время практикующих врачей, мы использовали только стандартное меню. В двух диагностических задачах информация была представлена в вероятностях, в двух других - в естественных частотах. Мы систематически изменяли, какие задачи были в каком формате и какой формат был представлен сначала с ограничением того, что первые две задачи имеют один и тот же формат.

«Доктор Средний» (Среднестатистический)

Чтобы дать читателю лучшее понимание тестовой ситуации и результатов, мы сначала опишем результаты для доктора Среднего, который представляет «среднестатистического врача» в отношении производительности по этим диагностическим задачам.

Доктор Средний - 59-летний директор университетской клиники, который занимается исследованиями и преподавательской деятельностью, дерматолог с 32-летним профессиональным опытом. Он работал над проблемами в течение 30 минут и провел еще 15 минут, обсуждая результаты с интервьюером. Он явно нервничал при работе над первыми двумя проблемами, которые использовали вероятности. Первоначально д-р Средний отказался делать заметки; он согласился позже, когда интервьюер снова попросил, чтобы он это сделал, но он не позволил интервьюеру увидеть его заметки.

Доктор Средний сначала работал над проблемой маммографии в формате вероятности. Он подсчитал вероятность рака молочной железы после того, как положительная маммография составила 90%, добавив чувствительность к ложноположительной скорости, $80\% + 10\% = 90\%$. Нервно он заметил: «О, какая чепуха, я не могу этого сделать. Тебе нужно проверить мою дочь, она изучает медицину».

Вторая проблема заключалась в анкилозирующем спондилите, также в формате вероятности. Доктор Средний сначала заметил, что он сам выполнил тест HLAB27 (в отличие от теста на маммографию). Затем он начал рисовать и рассчитывать на своем листе бумаги и заметил, что распространенность 5% будет неактуальной. С некоторым колебанием и досадой он оценил вероятность анкилозирующего спондилоартрита после положительного теста на 0,46%, умножив

чувствительность (92%) на распространенность (5%). Помимо ошибки расчета в 10 раз, это обычная стратегия среди простых людей (Gigerenzer & Hoirage, 1995).

Третья проблема заключалась в том, чтобы диагностировать колоректальный рак от положительного теста. Информация была представлена в естественных частотах. Доктор Средний заметил: «Но это так просто», и подсчитал, что 15 из 315 человек с положительным тестом будут иметь колоректальный рак. Это был байесовский ответ. В отличие от первых двух диагностических выводов, он теперь, казалось, понял, что нашел правильное решение. Его нервозность утихла.

Проблема фенилкетонурии в естественных частотах стала последней. Д-р Средний подсчитал, что у 10 из 60 новорожденных с положительным тестом Гутри есть фенилкетонурия, что снова было байесовским ответом. Он сказал, что он никогда не советовал родителям о том, как интерпретировать положительный тест Гутри, тогда как он советовал людям о том, как интерпретировать положительный гемоккультест.

Во время следующего интервью доктор Средний обсудил свои стратегии оценки прогнозируемых значений тестов с интервьюером, попросил ее рассчитать оценку проблемы маммографии для него и пришел к выводу: «Это было весело». Обратите внимание, что эффективность этого врача не зависела от того, имел ли он опыт с конкретным тестом или нет. То, что создавало разницу, это была ли информация о проблеме передана в естественных частотах или вероятностях. Теперь мы сообщаем результаты, собранные для всех врачей.

Сорок восемь врачей

Каждый из 48 врачей сделал четыре диагностических вывода. Таким образом, у нас есть 48 оценок для каждой задачи и 24 оценки для каждого формата каждой проблемы. Чтобы классифицировать стратегию как байесовскую, мы использовали те же критерии, что и в предыдущем исследовании. Рисунок 2 показывает, что для каждой диагностической проблемы врачи чаще рассуждали байесовским способом, когда информация передавалась в естественных частотах, чем в вероятности. Эффект варьировался между проблемами, но даже в проблеме, показывающей самый слабый эффект (фенилкетонурия), доля байесовских ответов была вдвое больше. Для двух проблем рака естественные частоты увеличивали байесовские выводы более чем в пять раз по сравнению с вероятностями. По всем проблемам медики дали байесовский ответ с вероятностями только в 10% случаев; с естественными частотами это значение увеличилось до 46%.

С вероятностями врачи потратили в среднем на 25% больше времени на решение диагностических проблем, чем на естественные частоты. Более того, врачи прокомментировали, что они чаще всего нервничают, напряжены и неопределены при работе с вероятностями, чем с естественными частотами. Они также заявили, что они менее скептически относятся к актуальности статистической информации,

когда она находится в естественных частотах. Врачи осознавали свою лучшую и быструю работу с естественными частотами, о чем свидетельствуют комментарии, такие как «Теперь все по-другому». Это довольно легко представить. Частота, более визуальная и «Первоклассник мог бы это сделать!».

ТАБЛИЦА 1
СТРАТЕГИИ РАССУЖДЕНИЙ И ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПОДАЧИ
ИНФОРМАЦИИ

СТРАТЕГИЯ	ФОРМУЛА	МЕД. СТУДЕНТЫ		ВРАЧИ			
		ВЕРЯТНОСТИ		ЕСТ. ЧАСТОТЫ			
		СТ.	КОР.	СТ.	КОР.		
БАЙЕС	$p(H)p(D H) / p(D)$	17	48	55	65	10	44
СОВМЕСТН. ВОЗНИКН-Я	$p(H \& D)$	2	22	4	15	1	2
ТОЛЬКО ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ	$p(D H)$	14	-	2	-	18	5
ДР	$p(D H) - p(D not-H)$	10	-	-	-	20	5
ТОЛЬКО РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ	$p(H)$	3	-	12	1	1	15
ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА	$1 - p(D not-H)$	11	-	1	-	4	1
ТОЛЬКО ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ	$p(D)$	15	13	9	8	13	2
ДРУГОЕ		24	13	10	8	29	13
НЕ ОПРЕДЕЛЕНО							
ИТОГ		96	96	96	96	96	96

Н - ЭТО ГИПОТЕЗА, D - ЭТО ДАННЫЕ (ПОЛОЖИТ. ТЕСТ И Т.Д.), "СТАНДАРТ" (СТ) И "КОР" ("КОРОТКИЙ") ОТНОСИТСЯ К ДВУМ МЕНЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ.

Табл.1. Доля врачей в байесовских выводах в диагностических задачах, разбитых в зависимости от того, была ли информация представлена в вероятностях или естественных частотах (только в стандартном меню).

Навыки считать

Мы спросили врачей, как часто они учитывали статистическую информацию, когда они интерпретировали результаты диагностических тестов. Двадцать шесть ответили «очень редко или никогда» 15, отвечали «время от времени», 5 говорили «часто» и никто не ответил «всегда». Их комментарии предполагали две причины, по которым врачи не часто использовали статистическую информацию: неумение считать врачей и уникальность пациента. Некоторые медики считали себя математически неграмотными или страдающими от когнитивного заболевания, известного как «не умение считать» (Paulos, 1988). Шесть врачей прямо отметили их неспособность справиться с цифрами, заявив, например: «Но это математика, я не могу этого сделать. Я слишком глуп для этого». С естественными частотами, однако, эти же врачи спонтанно рассуждали статистически (т. е. в соответствии с

правилом Байеса) так часто, как их сверстники, которые не жаловались на неумение считать.

Неумение считать и индивидуальная уникальность были также причиной, по которой три врача отказались заполнить нашу анкету. 60-летний высокопоставленный врач в правительственном агентстве хотел отказаться от первой проблемы: «Я просто не могу этого сделать. Математика не моя сильная сторона». Когда собеседник побудил ее попробовать еще раз, она попыталась, снова потерпела неудачу, громко прокляла все и сдалась. Второй врач сказал: «Я не могу много сделать с цифрами. Я интуитивное существо. Я лечу своих пациентов целостной манерой и не использую статистику». Наконец, профессор университета - специалист по ушам, носу и горлу - казался взволнованным и оскорбленным тестом и отказался давать численные оценки. «Это не способ лечения пациентов, я сразу бросаю все эти журналы (со статистической информацией). На такой основе невозможно поставить диагноз. Статистическая информация - одна большая ложь».

Эта последняя реакция напоминает нам о великом физиологе и арх-детерминисте Клоде Бернарде, который высмеял использование статистической информации в медицинской диагностике и терапии:

Великий хирург выполняет операции одним методом; позже он составляет статистическое резюме смертей и выздоровлений, и из этих статистических данных он делает вывод о том, что закон смертности для этой операции - два из пяти. Ну, я говорю, что это соотношение буквально ничего не значит научно и не дает нам никакой уверенности в выполнении следующей операции. (Bernard, 1865/1957, стр. 137)

Однако, в отличие от Бернарда, который противопоставлял статистику науке и ее цель обнаружить детерминированные законы, которые управляют всеми отдельными случаями, врачи, подобные тем, кто отказывался заполнять нашу анкету, контрастируют статистику не с наукой, а с их собственной интуицией и опытом, которые сконцентрированы на отдельного пациента.

Сравнение мед студентов и врачей

Представление информации в байесовских задачах вывода в естественных частотах, а не в вероятностях, способствует пониманию простых людей, продвинутых студентов-медиков и опытных врачей. Это основной результат трех исследований. Четыре диагностические задачи для студентов-медиков и врачей были идентичны; поэтому мы можем напрямую сравнить их производительность, по крайней мере, для стандартного меню. Студенты-медики чаще рассуждали байесовским способом, чем врачи: разница составила 8 процентных пунктов для вероятностей и 9 процентных пунктов для естественных частот. Благоприятное влияние естественных частот (по сравнению с вероятностями) было примерно

одинаковым: 39 процентных пунктов для студентов и 36 процентных пунктов для врачей.

Не-байесовские стратегии

Какие стратегии применяли студенты и врачи, когда они не рассуждали по правилу Байеса? Из их заметок, численных оценок и интервью мы смогли определить стратегии в 83% случаев, используя те же критерии, что и при определении байесовских рассуждений. В таблице 1 перечислены стратегии большинства, каждая из которых также была идентифицирована для простых людей (Gigerenzer & Hoffrage, 1995, Table 3). Одним из важных результатов является то, что использование стратегии зависело от меню, в котором была отображена информация.

Табл 1

Для короткого меню наиболее распространенной не байесовской стратегией было совместное явление, то есть использование вероятности или абсолютной частоты заболевания и положительного теста. Для стандартного меню произошло сильное влияние формата информации. Когда информация передавалась в вероятностях, две наиболее частые стратегии полагались на чувствительность теста и игнорировали распространенность заболевания. В 14 (18) случаях студенты (врачи) просто ошибочно восприняли чувствительность к предсказательной ценности - известную путаницу в рассуждениях с вероятностями в медицинских, юридических и экспериментальных контекстах (например, Dawes, 1988; Gigerenzer, 1996). В 10 (20) случаях студенты (врачи) вычитали ложную положительную оценку из чувствительности, стратегию, известную как ИЛИ ЭТО стратегией. Эта стратегия обсуждалась как правильная стратегия оценки ковариации между двумя дихотомическими переменными, такими как болезнь и симптом (McKenzie, 1994). AR также было предложено в качестве меры доказательной поддержки (Schum, 1994) и в качестве модели того, как люди оценивают причинно-следственную силу (Cheng & Novick, 1992). Коротким способом ИЛИ ЭТО является дополнение ложной тревоги, которое использовалось в 15 вероятностных версиях. Эта стратегия не вычитает уровень ложной тревоги из чувствительности (которая для большинства диагностических тестов близка к 100%), а вычитает из 100%.

С естественными частотами, однако, ни одна из этих трех стратегий не играла важной роли. Две наиболее частые не байесовские стратегии игнорировали чувствительность теста и фокусировались исключительно на одной из двух базовых ставок. В 27 случаях (12 для студентов, 15 для врачей) диагностические выводы были основаны только на распространенности заболевания, а в 12 случаях (3 и 9) - только на базовой ставке положительного теста.

Таким образом, естественные частоты не только улучшали байесовские выводы, но также поощряли не байесовские стратегии, которые полагались на базовые ставки, и не поощряли стратегии, которые полагались исключительно на чувствительность и ложноположительную ставку. В медицинских диагностических задачах первые [$p(H)$ и $p(D)$] обычно дают более низкие оценки, чем последние [$p(D|H)$, $p(D|\bar{H})$ - $p(D|\text{not-}H)$ и $1-p(D|\text{not-}H)$] и, таким образом, будет ближе к байесовской оценке. Это один из факторов, объясняющий, почему с естественными частотами не байесовские стратегии привели к оценкам, которые были ближе к байесовскому ответу, чем с вероятностями: среднее абсолютное несоответствие в 20 и 42 процентных пункта, соответственно, для студентов-медиков, и 29 и 51 для врачей.

Зависимость стратегий от меню и форматов является одним из объяснений частого наблюдения за тем, что люди используют несколько стратегий (Gigerenzer & Hoffrage, 1995; Gigerenzer & Richter, 1990). Кроме того, вероятностные форматы, похоже, создают высокую несогласованность в использовании стратегии. Например, только 38% врачей использовали одну и ту же стратегию для решения обеих проблем в формате вероятности, тогда как с естественными частотами это число увеличилось до 70%.

Возраст и статистическое образование

Из всех характеристик, известных о врачах, таких как пол и специализация, только один был сопоставлен со статистическими рассуждениями: возраст. В двух форматах младшие врачи (в возрасте 40 лет и младше) рассуждали байесовским способом в 35% случаев, у более старых - только 21%. Аналогичный возрастной эффект был отмечен в исследовании в 1981 году (Berwick et al., 1981). Врачи нашего исследования знали об этом различии между молодыми и старыми, как показано в комментарии врача: «Вы должны проверить мою дочь, она изучает медицину». Действительно, процент байесовских выводов, полученных от студентов-медиков, составлял 37% (для стандартного меню и в обоих форматах), как и у молодых врачей.

Может ли этот возрастной эффект быть отнесен к учебе в университете? Мы спросили участников после эксперимента, слышали ли они о правиле Байеса. Только 10% врачей (все из самых молодых) да, по сравнению с 40% студентов-медиков. Однако знание правил Байеса оказалось малополезным. Студенты-медики, которые заявили, что никогда не слышали о правилах Байеса, в 47% случаев рассуждали байесовским способом, по сравнению с 49% из тех, кто слышал о нем (во всех четырех версиях). Можем ли мы хотя бы найти эффект образования, когда задачи были в вероятностях и в стандартном меню, которое является форматом, обычно используемым для обучения студентов-медиков? Нет. Соответствующие значения составляли 17% и 19%. Некоторые студенты писали, что проблема может быть решена по правилу Байеса, но что они забыли его. Таким образом, как представляется, изменение результатов происходит в силу образования: студенты-медики с большей вероятностью изучают правило Байеса,

но этот переход не осуществляется к более байесовским рассуждениям. Мы предполагаем, что учащиеся, которые приняли участие в частотном представлении, могли помочь замедлить процесс увядания того, что учащийся изучил (см. Ниже).

Консультирование по СПИДу для клиентов с низким уровнем риска

Важным применением байесовских рассуждений является консультирование по вопросам СПИДа для клиентов с низким уровнем риска. Например, в Германии распространенность ВИЧ среди гетеросексуальных мужчин, не входящих в группу риска, составляет примерно 0,01%, специфичность теста на ВИЧ (один образец крови, повторный ИФА и Вестерн-блот) составляет приблизительно 99,99%, а чувствительность приблизительно 99,9% (конкретные оценки варьируются). Если консультант связывает эти цифры, клиент, скорее всего, не сможет выработать свои шансы на наличие вируса, если тест положительный. Большинство, по-видимому, полагают, что положительный тест означает, что у человека есть вирус с практической определенностью. Например, раньше при скрининге крови во Флориде 22 донорам крови (обычно лицам с низким уровнем риска) сказали, что они инфицированы ВИЧ; семь человек покончили жизнь самоубийством (Stine, 1996).

Как консультанты по СПИДу объясняют своим клиентам, что означает положительный тест? Мы изучали консультантов по СПИДу в немецких центрах общественного здравоохранения (Gigerenzer, Hoffrage, & Ebert, 1998). Один из нас посетил 20 центров в качестве клиента, чтобы провести 20 тестов HW и использовать обязательное предтестовое консультирование. Консультанту были заданы соответствующие вопросы, касающиеся распространенности, чувствительности, специфичности и того, какие шансы на то, что у клиента действительно есть вирус, если тест положительный. Ни один консультант не сообщал о рисках для клиента в естественных частотах. Вместо этого они использовали вероятности и проценты, а в большинстве сеансов консультирования информация была либо внутренне непоследовательна, либо неверна. Например, один консультант оценил базовый показатель примерно на 0,1%, а чувствительность и специфичность - 99,9%, и пришел к выводу, что вероятность того, что у клиента будет вирус, если он получит положительный результат, также составляет 99,9%. На самом деле, 15 из 20 консультантов сообщили своему клиенту с низким риском, что он на 99,9% или 100% уверен, что у него ВИЧ, если он получает положительные результаты.

Если консультант, тем не менее, передает информацию, указанную выше, в естественных частотах, понимание более вероятно:

Подумайте о 10 000 гетеросексуальных мужчин, как вы, которые прошли тест. Мы ожидаем, что у одного человека будет вирус, и он с практической уверенностью будет иметь положительный тест. Из оставшихся неинфицированных мужчин, один также получит положительный тест. Таким образом, мы ожидаем, что из

каждых двух мужчин в этой группе риска, которые получают положительный результат, только один имеет ВИЧ. Это ситуация, в которой вы оказались бы, если бы вы получили положительный результат; шанс на то, что у вас вирус будет примерно 1 к 1, или 50%.

С естественными частотами клиент может понять, что нет оснований думать о самоубийстве, если он получает положительные результаты. В реальных контекстах, таких как консультирование по СПИДу, разница между естественными частотами и вероятностями может создать разницу между надеждой и отчаянием.

Вывод

Статистическое обоснование является неотъемлемой частью образования гражданина, аналогично умению читать и писать. Последние несколько десятилетий стали свидетелями многих споров о том, укомплектованы ли наши умы правильными или неправильными правилами для вынесения суждений в условиях неопределенности. Однако способность делать выводы из статистической информации зависит не только от когнитивных стратегий, но и от формата, в котором передается числовая информация. Внешнее представление может «выполнять» часть процесса рассуждений. В нашем исследовании, естественные частоты улучшали байесовские рассуждения медицинских экспертов в каждом 1 из 4 диагностических проблем и рассуждения обычного человека в каждом 1 из 15 проблем.

Актуальность естественных частот не ограничивается медицинской диагностикой. Как показывает работа Келера (например, 1996b), трудность выводов из вероятностей справедлива для экспертов по ДНК, судей и прокуроров. Тем не менее, в уголовных и делах по отцовству общая практика в суде заключается в представлении информации с точки зрения вероятностей или коэффициентов правдоподобия (т. е. Соотношений условных вероятностей), в результате чего присяжные заседатели, судьи, а иногда и сами эксперты путаются и неверно истолковывают доказательство. Группа защиты О. Дж. Симпсона обратила внимание на психологическое исследование представления информации и успешно заблокировала доклад эксперта по ДНК, в котором доказательная ценность сопоставления крови была представлена в вероятностях и коэффициентах правдоподобия. Прокуратура наконец представила доказательства с точки зрения частот (Koehler, 1996b). В недавнем исследовании Hoffrage et al. (2000) продемонстрировали, что как юристы, так и студенты получают преимущества от естественных частот: процент байесовских выводов вырос с 3% до 45%, когда формат информации, касающейся отпечатков пальцев ДНК, изменился с вероятностей на естественные частоты. Возможно, что еще более важно, формат вероятности привел к более высокому уровню обвинительных приговоров, чем естественные частоты (подробности см. Также Hertwig & Hoffrage, 2002).

Учебники и учебные планы могут способствовать статистическому мышлению: (а) объяснением байесовского вывода с точки зрения естественных частот и (б) обучением людей переводить вероятности и проценты в естественные частоты. Используя визуальные средства, такие как древовидные диаграммы и частотные сетки, Sedlmeier (1997; Sedlmeier & Gigerenzer, 2001) разработал компьютеризированный учебник, который учит людей переводить вероятности в естественные частоты. По сравнению с традиционным учебным пособием, в котором учат людей, как вставлять вероятности в правило Байеса (уравнение 1), непосредственный эффект частотной тренировки был примерно в два раза выше. Но как быстро ученики забывают, что они узнали? (Один из пяти врачей, которые заявили, что слышали о правиле Байеса, отметили: «Мы учили такую формулу, я ее забыл».) В ходе повторного тестирования через пять недель после тренинга средние показатели группы, получившей традиционный учебник уменьшился (15% байесовских ответов), тогда как производительность группы, прошедшей обучение в том, как построить частотные представления оставались стабильными на высоком уровне (в среднем 90% байесовских ответов).

Kurzenhauser и Hoffrage (2002) реализовали оба подхода в традиционном учебном классе с доской и служебным проектором. Учебник был разработан для студентов-медиков, с примерами, взятыми из генетики человека. Два подхода были оценены два месяца спустя, проверяя способность учащихся правильно решать задачу байесовского вывода с информацией, представленной как вероятности. В то время как оба подхода улучшали производительность по сравнению с результатами до тестирования, почти в три раза больше студентов смогли получить преимущества от обучения тому как представлять информацию. Представление частотных представлений применимо к различным направлениям и содержанию. Оно оказалось эффективным методом обучения байесовским рассуждениям, которые способствуют пониманию и уменьшают забывание.

Один врач написал в письме

(...) участие в этом исследовании и изучение его результатов имеет большое значение для меня профессионально. Я уверен, что отныне я буду представлять медицинские данные с точки зрения частот, а не просто смотреть на них или довольствоваться какой-то смутной идеей.

Результаты наших исследований показывают, что фундаментальные исследования по рассуждению могут создавать простые и мощные методы передачи информации о рисках, которые могут применяться в различных общественных областях.

Заметки Авторы

Мы благодарны Марии Зумбел, которая проводила интервью с врачами. Мы также благодарим Берлинский токсикологический центр, Матиас Лича, Юлию Нитке и Анке Рейман за помощь в сборе данных, Валери М. Chase, Robyn Dawes, Robert M.

Hamm, Anita Todd, Angelika Weber и Jurgen Windeler за их помощь и комментарии к предыдущим черновым работам, а также Deutsche Forschungsgemeinschaft (Фонд исследований) (Но 1847/1 и SFB 504) за финансовую поддержку.

Приложения

Приложение: Четыре диагностические проблемы

Мы представляем полный текст для четырех вариантов проблемы колоректального рака. Для остальных трех диагностических задач мы представляем только обычную стандартную версию меню, из которой можно получить числовую информацию для других трех версий.

Проблема 1: Колоректальный рак

Чтобы диагностировать колоректальный рак, гемокульттест, среди прочего, проводится для выявления скрытой крови в стуле. Этот тест проводится не только с определенного возраста, но и при обычном скрининге для раннего выявления колоректального рака. Представьте, что вы проводите скрининг с использованием теста в определенном регионе. Для бессимптомных людей старше 50 лет, которые участвуют в скрининге с использованием теста, в этом регионе доступна следующая информация:

Вероятность - стандартное меню

Вероятность того, что у одного из этих людей колоректальный рак составляет 0,3%. Если у одного из этих людей есть колоректальный рак, вероятность составляет 50%, что у него или нее будет положительный тест. Если у одного из этих людей нет колоректального рака, вероятность составляет 3%, что у него или ее все равно будет положительный тест. Представьте себе человека (старше 50 лет, без симптомов), у которого положительный тест в вашем скрининге. Какова вероятность того, что у этого человека действительно есть колоректальный рак? %

Вероятность - короткое меню

Вероятность того, что один из этих людей имеет колоректальный рак и положительный тест на, составляет 0,15%. Вероятность того, что один из этих людей имеет положительный тест, составляет 3,15%. Представьте себе человека ...

Естественные частоты - стандартное меню

Тридцать из каждых 10 000 человек имеют колоректальный рак. Из этих 30 человек с колоректальным раком у 15 будет положительный тест. Из оставшихся 9 970 человек без колоректального рака 300 все равно будут иметь положительный тест. Представьте себе выборку людей (старше 50 лет, без симптомов), у которых есть

положительные тесты в вашем скрининге. Сколько из этих людей действительно имеют колоректальный рак?

Естественные частоты - короткое меню

Пятнадцать из каждых 10 000 человек имеют колоректальный рак и положительный тест. Триста пятнадцать из каждых 10 000 человек имеют положительный тест на гемокотте. Представьте себе образец ...

Проблема 2: Рак молочной железы

Для облегчения раннего выявления рака молочной железы, с определенного возраста, женщинам предлагается регулярно участвовать в регулярном скрининге, даже если у них нет очевидных симптомов. Представьте себе проведение такого скрининга рака молочной железы с использованием маммографии в определенном географическом регионе. Для бессимптомных женщин в возрасте от 40 до 50 лет, которые участвуют в скрининге с использованием маммографии, для этого региона доступна следующая информация.

Десять из каждых 1000 женщин имеют рак молочной железы. Из этих 10 женщин с раком молочной железы у 8 будет положительная маммограмма. Из оставшихся 990 женщин без рака молочной железы 99 все равно будут иметь положительную маммограмму. Представьте себе образец женщин (в возрасте 40-50 лет, без симптомов), у которых положительные маммограммы при скрининге на рак молочной железы. Сколько из этих женщин действительно имеют рак молочной железы?

Проблема 3: Анкилозирующий спондилоартрит

Для диагностики анкилозирующего спондилоартрита (болезнь Бехтерева) проводится классификация лимфоцитов среди других тестов: для пациентов с анкилозирующим спондилитом часто присутствует HL-Antigen-B27 (HLA-B27), тогда как здоровые люди имеют его сравнительно редко. Большое значение имеет наличие HLA-B27 для людей с неспецифическими ревматическими симптомами, и в этом случае будет рассмотрен диагноз анкилозирующего спондилита. В этом случае классификация лимфоцитов будет использоваться для дифференциальной диагностики. Представьте себе проведение скрининга HLA-B27 с использованием лимфатической классификации в определенном регионе. Для людей с неспецифическими ревматическими симптомами, которые участвуют в таком скрининге, для этого региона доступна следующая информация.

Пятьдесят из каждых 1000 человек имеют анкилозирующий спондилит. Из этих 50 человек с анкилозирующим спондилитом у 46 будет HLA-B27. Из оставшихся 950 человек без анкилозирующего спондилита у 76 все равно будет HLA-B27. Представьте себе образец людей (с неспецифическими ревматическими

симптомами), которые имеют HLA-B27 в вашем скрининге. Сколько из этих людей действительно имеет анкилозирующий спондилит?

Проблема 4: Фенилкетонурия

На пятый день после рождения кровь будет взята у всех новорожденных при обычном скрининге, чтобы проверить фенилкетонурию (тест Гатри). Представьте, что вы работаете в женской клинике. Следующая информация доступна для новорожденных в регионе, в котором находится клиника.

Десять из каждых 100 000 новорожденных имеют фенилкетонурию. Из этих 10 новорожденных с фенилкетонурией у всех 10 будет положительный тест Гатри. Из оставшихся 99,990 новорожденных без фенилкетонурии у 50 все равно будет положительный тест Гатри. Представьте себе образец новорожденных, которые будут доставлены в вашу клинику, у которых положительный тест Гатри. Сколько из этих новорожденных действительно имеет фенилкетонурию?

Источники

- Abernathy, C. M., & Hamm, R. M. (1995). *Surgical intuition. What it is and how to get it*. Philadelphia, PA: Hanley & Belfus.
- Bernard, C. (1957). *An introduction to the study of experimental medicine* (H. C. Greene, Trans.). New York: Dover. (Original work published 1865)
- Berwick, D. M., Fineberg, H. V., & Weinstein, M. C. (1981). When doctors meet numbers. *American journal of Medicine*, 71, 991-998.
- Casscells, W, Schoenberger, A., & Grayboys, T. (1978). Interpretation by physicians of clinical laboratory results. *New England Journal of Medicine*, 299, 999-1000.
- Cheng, P. W, & Novick, L. R. (1992). Covariation in natural causal induction. *Psychological Review* 99, 365-382.
- Christensen-Szalanski, J. J. J., & Beach, L. R. (1982). Experience and the base rate fallacy. *Organizational Behavior and Human Performance*, 29, 270-278.
- Christensen-Szalanski, J. J. J., & Bushyhead, J. B. (1981). Physicians' use of probabilistic information in a real clinical setting. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 7, 928-935.
- Cosmides, L, & Tooby, J. (1996). Are humans good intuitive statisticians after all? Rethinking some conclusions from the literature on judgment under uncertainty. *Cognition*, 58, 1-73.
- Daston, L. J. (1988). *Classical probability in the Enlightenment*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dawes, R. M. (1988). *Rational choice in an uncertain world* San Diego, CA: Harcourt, Brace, Jovanovich.
- Dowie, J., & Elstein, A. (1988). *Professional judgment: A reader in clinical decision making*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Eddy, D. M. (1982). Probabilistic reasoning in clinical medicine: Problems and opportunities. In D. Kahneman, P. Slovic, & A. Tversky (Eds.), *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases* (pp. 249-267). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

- Gallistel, C. R., & Gelman, R. (1992). Preverbal and verbal counting and computation. *Cognition*, 44,43-74.
- Gigerenzer, G. (1993). The superego, the ego, and the id in statistical reasoning. In G. Keren & C. Lewis (Eds.), *A handbook for data analysis in the behavioral sciences: Methodological issues* (pp. 313-339). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Gigerenzer, G. (1996). The psychology of good judgment: Frequency formats and simple algorithms. *Journal of Medical Decision Making*, 16, 273-280.
- Gigerenzer, G., & Hoffrage, U. (1995). How to improve Bayesian reasoning without instruction: Frequency formats. *Psychological Review*, 102, 684-704.
- Gigerenzer, G., & Hoffrage, U. (1999). Overcoming difficulties in Bayesian reasoning: A reply to Lewis & Keren and Mellers & McGraw. *Psychological Review* 104, 425-430.
- Gigerenzer, G., Hoffrage, U., & Ebert, A. (1998). AIDS counselling for low-risk clients. *AIDS Care*, 10, 197-211.
- Gigerenzer, G., & Richter, H. R. (1990). Context effects and their interaction with development: Area judgments. *Cognitive Development*, 5, 235-264.
- Gigerenzer, G., Swijtink, Z., Porter, T., Daston, L., Beatty, J., & Kruger, L. (1989). *The empire of chance: How probability changed science and everyday life*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Hertwig, R., & Hoffrage, U. (2002). Technology needs psychology: How natural frequencies foster insight in medical and legal experts. In P. Sedlmeier & T. Betsch (Eds.), *Etc.: Frequency processing and cognition* (pp. 285-302). New York: Oxford University Press.
- Hoffrage, U., & Gigerenzer, G. (1998). Using natural frequencies to improve diagnostic inferences. *Academic Medicine*, 73, 538-540.
- Hoffrage, U., Lindsey, S., Hertwig, R., & Gigerenzer, G. (2000). Communicating statistical information. *Science*, 290, 2261-2262.
- Jonides, J., & Jones, C. M. (1992). Direct coding for frequency of occurrence. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 18, 368-378.
- Kleiter, G. D. (1994). Natural sampling: Rationality without base rates. In G. H. Fischer & D. Laming (Eds.), *Contributions to mathematical psychology psychometrics, and methodology* (pp. 375-388). New York: Springer.
- Koehler, J. J. (1996a). The base rate fallacy reconsidered: Descriptive, normative and methodological challenges. *Behavioral and Brain Sciences*, 19, 1-53.
- Koehler, J. J. (1996b). On conveying the probative value of DNA evidence: Frequencies, likelihood ratios, and error rates. *University of Colorado Law Review* 67, 859-886.
- Kurzenhuser, S., & Hoffrage, U. (2002). Teaching Bayesian reasoning: An evaluation of a classroom tutorial for medical students. *Medical Teacher*, 24, 531-536.
- Mandel, J. S., Bond, J. H., Church, T. R., Snover, D. C., Bradley, G. M., Schuman, L. M., & Ederer, F. (1993). Reducing mortality from colorectal cancer by screening for fecal occult blood. *New England Journal of Medicine*, 328,1365-1371.
- Marshall, E. (1993). Search for a killer. Focus shifts from fat to hormones. *Science*, 259, 618-621.
- McKenzie, C. R. (1994). The accuracy of intuitive judgment strategies: Covariation assessment and Bayesian inference. *Cognitive Psychology* 26, 209-239.
- Paulos, J. A. (1988). *Innumeracy: Mathematical illiteracy and its consequences*. New York: Vintage Books.
- Politzer, P. E. (1984). Explanations of statistical concepts: Can they penetrate the haze of Bayes? *Methods of Information in Medicine*, 23, 99-108.

- Real, L. A. (1991). Animal choice behavior and the evolution of cognitive architecture. *Science*, 253,980-986.
- Schum, D. A. (1994). *The evidential foundations of probabilistic reasoning*. New York: Wiley.
- Sedlmeier, P. (1997). BasicBayes: A tutor system for simple Bayesian inference. *Behavior Research Methods, Instruments, and Computers*, 29,328-336.
- Sedlmeier, P., & Gigerenzer, G. (2001). Teaching Bayesian reasoning in less than two hours. *Journal of Experimental Psychology: General* 130,380-400.
- Sedlmeier, P., Hertwig, R, & Gigerenzer, G. (1998). Are judgments of the positional frequencies of letters systematically biased due to availability? *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 24, 754-770.
- Stigler, S. M. (1983). Who discovered Bayes' theorem? *American Statistician*, 37, 296-325.
- Stine, G. J. (1996). *Acquired immune deficiency syndrome. Biological, medical social and legal issues*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1982). Evidential impact of base rates. In D. Kahneman, P Slovic, & A. Tversky (Eds.), *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases* (pp. 153-160). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Wpndeler, J., & Ksbbering, J. (1986). Empirische Untersuchung zur Einschätzung diagnostischer Verfahren am Beispiel des Haemocult-Tests [An empirical study of the judgments about diagnostic procedures using the example of the Hemocult test]. *Klinische Wochenschrift*, 64, 1106-1112.

Глава 14

Статистические научные данные и экспертиза в зале суда

Сэмюэл Линдси

*Институт Макса Планка по иностранным и международным уголовным делам
Lau4 Freiburg,*

Германия indscyQiuscrim.mpg.de

Никто не будет отрицать, что закон должен каким-то образом эффективно использовать экспертные знания везде, где это поможет в разрешении споров. Вопрос только в том, как он может сделать это лучше всего. (Learned Hand, 1901, стр. 40)

Знание экспертов теперь не только помогает закону, но и является необходимой и важной частью этого. Достижения науки и техники создают случаи, когда вердикт и даже сами факты зависят от знания экспертов. Затем закон уравнивает сотрудничество экспертов, ученых и судей. Улучшение сотрудничества, чтобы обеспечить его соответствие закону и обществу, которому оно служит, является, таким образом, растущей проблемой, и в этой главе рассматривается один из способов достижения таких улучшений.

В то время как закон опирается главным образом на слова естественного языка, наука полагается, кроме того, на статистику эмпирических измерений. Использование статистики имеет противоречивую историю в законодательстве, но они часто являются неотъемлемой частью научных доказательств. К сожалению, они также легко и часто путаются. В этой главе рассматривается необходимая взаимозависимость науки и права с использованием анализа судебной ДНК как одного из его наиболее ярких примеров. Он начинается с обсуждения судебного рассмотрения научных данных, за которым следует разработка некоторых сложных аспектов этого отношения. Затем он рассматривает новые эмпирические исследования, касающиеся некоторых проблем, которые судьи и присяжные заседатели могут иметь со статистическими сложностями научных доказательств в целом, используя анализ судебной ДНК в качестве конкретного примера.

Необходимость сотрудничества

Поскольку для понимания доказательств или для определения фактов дела часто требуются научные, технические или другие специализированные знания, англо-американские и континентальные правовые традиции кодифицируют необходимое сотрудничество между юристами и другими экспертами (Федеральные правила

доказывания США, 702 и 706, в США, Strafprozessordnung §82 и 83, в Германии). Например, анализ криминалистической ДНК требует от судебно-медицинских экспертов определения, соответствует ли профиль ДНК образца доказательств образцу ДНК подозреваемого источника, и результат не может быть интерпретирован без сложного статистического расчета того, как часто появляются определенные генотипические признаки в заданном Населении. Судьям, как правило, не хватает научной подготовки, необходимой для оценки этих результатов, а судебное использование ДНК-тестирования иллюстрирует, насколько глубокой может быть взаимозависимость науки и права. Доказательства, предоставленные экспертом, могут означать разницу между осуждением и оправданием, или даже жизнью и смертью. Анализ судебной ДНК является лишь одним из примеров закона, требующего экспертов. Медицинская халатность, ответственность за продукцию, патенты и антимонопольные дела также могут потребовать экспертов. Даже законное право может зависеть от знания экспертов, формулирования законов гражданства, например, или даже гражданских прав в свете новых биотехнологий. • n I I • f I • I • I

Последствия юридического и научного сотрудничества несут ответственность за то, чтобы любой экспертный анализ был точным и уместным. Опыт, накопленный в эволюционирующей биотехнологии, требует более осторожного подхода, поскольку исторические смещения от френологии к физиологии содержат суровые уроки для неосторожных (Friedman, 1910; Gould, 1983; Herschel, 1887; Waid & Orne, 1982). Действительно, Верховный суд США дал американским судьям четкую ответственность за то, чтобы удостовериться, что экспертные доказательства научно обоснованны. Вслед за критикой «нездоровой науки» в зале суда, ведущей к бесконечной «битве экспертов», судьи должны теперь определить с самого начала, будет ли предполагаемый эксперт предоставлять настоящие научные знания (William Daubert et al v. Merrell Dow Pharmaceutical; Inc., 1993; Huber, 1991). Но, как судья Брейер признал «судьи не являются учеными и не имеют научной подготовки, которая могла бы облегчить принятие таких решений» (General Electric Co. v. Joiner, 1997).

Тем не менее, требования Дауберта заменяют более ранние стандарты приема экспертных научных знаний в качестве доказательств. В деле Фрай против Соединенных Штатов (1923) Суд постановил, что экспертные знания являются научными, если они получили «общее признание в той конкретной области, к которой принадлежат» (стр. 1014), возлагая ответственность за оценку знаний на квалифицированных людей в научном сообществе. Судьи не нуждались в какой-либо научной экспертизе чтобы проверить Фрая, хотя определение того, что квалифицируется как научная область и общее признание в ней, непросто. В этом стандарте «общего признания» есть научные эксперты, а не эксперты по правовым вопросам, определяющие допустимость доказательств, и этот стандарт был сохранен только как одно из четырех соображений научных доказательств в Дауберте:

(1) Как правило, ключевым вопросом, на который нужно ответить при определении того, является ли теория или метод научным знанием, которое будет помогать добросовестному рабочими, является то, будет ли оно (и было) проверено. (...)

(2) Еще одно важное соображение заключается в том, была ли теория или техника подвергнута экспертной оценке и публикации. (...)

(3) Кроме того, в случае конкретной научной методики суд обычно должен учитывать известную или потенциальную вероятность ошибки, а также существование и поддержание стандартов, контролирующих работу техники.

(4) Наконец, «общее признание» может все еще иметь отношение к исследованию.

Эти критерии требуют от судей более активной обязанности в качестве доказательных привратников, хотя опять же, поскольку судьи не являются учеными, выполнение этой обязанности непросто. Инакомыслящий главный судья Ренквист отметил в Дауберте, что:

[Материалы в этом случае] касаются определений научных знаний, научного метода, научной обоснованности и экспертной оценки - короче говоря, вопросов, далеких от опыта судей. (...) Я не сомневаюсь в том, что Правило 702 доверяет судье какую-то ответственность за принятие решений в решении вопросов приемлемости предложенных экспертных показаний. Но я не думаю, что это налагает на них либо обязательство, либо власть стать любительскими учеными чтобы выполнить эту роль. (стр. 2800)

Если судьи сами не становятся экспертами в самых разных науках, трудно представить, как они будут оценивать научные претензии.

Проблема сотрудничества

Эта сложность усугубляется тем, что ученые могут не согласиться. Взяв еще раз пример анализа судебной ДНК, ученые не согласились с тем, как вычислить различные статистические данные, необходимые для интерпретации результатов (National Research Council [NRC], 1992, 1997). Было бы очень маловероятно, чтобы подозреваемый мог поделиться профилем ДНК с некоторыми инкриминирующими доказательствами по совпадению. Но насколько маловероятно это требует оценки того, как часто конкретные комбинации генотипических признаков (т. е. Профиль ДНК) встречаются в определенной популяции, основываясь на предположениях моделирования и выборки популяционной генетики. Соответствующая популяция может быть определенной расовой группой или, вместо этого, это может быть искусственное вероятностное пространство, созданное путем умножения частот, с которыми отдельные генетические особенности профиля появляются в популяции.

Научное несогласие в отношении расчета этих оценок дважды было предметом оценки Национальной академией наук судебной экспертизы ДНК (NRC, 1992, 1997). Эти оценки не согласны с различными моментами, и разногласия здесь, среди выдающихся экспертов, мало утешают судей, которые имеют дело с генетикой и статистикой. Кроме того, определенные технические вопросы прямо передаются судам, например, население должно использоваться для оценки частоты профиля, когда расовая группа преступника неизвестна. Любое вычисление частоты дает только оценку того, насколько вероятным будет совпадение ДНК. Просто потому, что совпадение ДНК вряд ли произойдет случайно, это не значит, что подозреваемый виновен, поэтому значение и доказательная ценность этой оценки оставлены суду.

К сожалению, широко распространена путаница - создаваемая судьями, присяжными заседателями и даже самими экспертами по ДНК – относительно того, что означает эта оценка. Вероятность случайного совпадения неверно истолковывается, например, как вероятность того, что обвиняемый невиновен. Один эксперт по ДНК в США подтвердил в суде, что «будет шанс на 1 из 5 миллиардов, что кто-либо другой мог совершить преступление» (State v. Bethune, 1991, стр. 2327), а в Германии - президент Германского общества судебной медицины (Deutsche Gesellschaft für Rechts-mezizin) утверждал, что соответствие ДНК идентифицирует преступника со 100% уверенностью («eine hundertprozentige Sicherheit, ihn zu identifizieren»⁹²) (см. Koehler, 1993, для более обширных примеров).

Статистические данные также неверно истолковываются как вероятность того, что конкретный человек является или не является источником инкриминирующих доказательств. Например, ведущий немецкий эксперт использует коэффициент правдоподобия, где, несомненно, источником является соответствующий ответчик, т. е. След исходит от подозреваемого (= 1, в случае соответствия характеристик; = 0, в случае не имеющих совпадающих характеристик) (Die Spur stammt von Tatverdächtigen [= 1, падает Obereinstimmung der Merkmale; = 0, падает keine (Ibereinstimmung)]. С другой стороны, американские эксперты по ДНК часто неверно истолковывают вероятность совпадения как вероятность того, что доказательства ДНК могли быть получены от кого-то другого, кроме обвиняемого, что привело к тому, что судьи неправильно поняли это число как «вероятность того, что кто-то оставит» генетический след (например, Wilson v. State, 1998).

Неправильные интерпретации в стороне, вероятность нахождения ДНК-совпадения случайным образом не является единственным статистическим признаком анализа ДНК и не обязательно является наиболее актуальным. Условная вероятность поиска другого человека в популяции с определенным профилем ДНК, учитывая, что есть хотя бы один человек с этим профилем, может быть вычислена вместо этого (Weir, 1999). Несмотря на это, любая статистика, отражающая только

редкость профиля ДНК, может вводить в заблуждение, поскольку она игнорирует гораздо более вероятную лабораторную ошибку.

Лабораторные ошибки происходят, несмотря на широко распространенные экспертные показания о том, что ложноположительные ошибки невозможны (Koehler, 1993, 1996; Thompson, 1995).³ Фактически, тесты на лабораторный анализ показывают, что вероятность лабораторной ошибки обычно на несколько порядков больше, чем шанс совпадения (Koehler, Chia, & Lindsey, 1995; NRC, 1997). Таким образом, вероятность лабораторной ошибки затмевает вероятность совпадения, потому что вероятность лабораторной ошибки намного больше.

Судья или присяжный заседатель может казаться беспомощным перед лицом такой неопределенности и путаницы. Следовательно, важна некоторая форма контроля. Но отсрочка для экспертов - это не проверка, особенно если она увековечивает только что описанные путаницы. Третий критерий Даубера требует рассмотрения «известных или потенциальных коэффициентов ошибки "научной методики, и суды, таким образом, имеют возможность, а также обязательство рассматривать доказательства, касающиеся этого рассмотрения.

Передача статистических данных

Тем не менее тип доказательств, относящихся к этому мнению, будет статистическим и потенциально столь же запутанным, как и все описанные выше ложные показания. Рассмотрим, например, отношение правдоподобия, которое часто рекомендуется для того, чтобы передавать значение соответствия ДНК. Отношение правдоподобия сравнивает вероятность события, возникающего при альтернативных бинарных предположениях: например, вероятность соответствия ДНК, предполагающая подозреваемого, является источником доказательств по сравнению с вероятностью соответствия ДНК, предполагающая, что обвиняемый не является источником.

Чтобы взять один знаменитый пример, в телевизионном исследовании О. Дж. Симпсона был рассчитан коэффициент правдоподобия, чтобы оценить «силу этого доказательства ДНК Е, определив вероятности доказательств в альтернативных гипотезах, где либо: [О. Дж. Симпсон] имел контакт со сценой Банди, или [О. Дж. Симпсон] не имел контакта со сценой Банди» (Weir, 1995). Обратите внимание, что сила доказательств ДНК может варьироваться в зависимости от альтернативных гипотез, выбранных для вычисления соответствующих соотношений правдоподобия, поскольку легко представить, что кто-то имеет контакт с местом преступления, не являясь виновником преступления. В качестве альтернативы, генетический материал на месте преступления может исходить от человека, который никогда не был там, если доказательства были туда поставлены, например, как защита в этом случае утверждала (Люди v. Simpson, 1995).

Математическое выражение такого правдоподобия для любой гипотезы H и любого доказательства E просто

$$\frac{P(E|H)}{P(E|\bar{H})}$$

отношение вероятностей нахождения доказательств E (например, соответствия ДНК) в альтернативных гипотезах H и $\bar{H}$ (например, подозреваемый либо является, либо не является источником доказательств). Однако в большинстве судебных разбирательств, связанных с судебными доказательствами, скорее противоречат с точностью до наоборот этим условным вероятностям, которые должны быть окончательно определены - учитывая доказательства, какова относительная вероятность данной гипотезы:

$$\frac{P(H|E)}{P(\bar{H}|E)}$$

Теорема Байеса мотивирует вывод от одного отношения к другому, корректируя вероятность гипотезы о появлении некоторых доказательств. Относительная вероятность гипотез, с учетом доказательств, известна как отношение коэффициента правдоподобия, поскольку она является продуктом относительной вероятности доказательств, учитывая альтернативные гипотезы и предполагаемую вероятность гипотез до того, как будут рассмотрены какие-либо доказательства:

$$\frac{P(H|E)}{P(\bar{H}|E)} = \frac{P(H)}{P(\bar{H})} \cdot \frac{P(E|H)}{P(E|\bar{H})}$$

На естественном языке эти выражения правдоподобия неудобны и их легко спутать. Сравните заявленную относительную вероятность соответствия ДНК, предполагая, что какой-то подозреваемый является источником доказательств - это в миллион раз более вероятно, что доказательства будут соответствовать, если подозреваемый является источником доказательств, чем если бы он не был, - с заявленной относительной вероятностью того, что подозреваемый является источником доказательств, предполагая, что существует ДНК-сопоставление, - это в миллион раз больше вероятность того, что подозреваемый является источником доказательств, чем тот, который не является источником, учитывая этот совпадение ДНК. Такие тонкие различия в значении могут быть трудно различимы при произнесении в суде. Более того, психологическое исследование показывает, что люди часто путают вероятности в целом, не признавая разницу между $P(E|H)$ и $P(H|E)$ и объединяющие условные вероятности с конъюнктивными (см. Hoffrage & Gigerenzer, этот том).

Келер (Koehler, 1996) изучил психологическое воздействие прямого отношения правдоподобия к юридическим последствиям. Присяжным было предложено оценить вероятность того, что обвиняемый по делу об изнасиловании стал

источником доказательств ДНК, которому было представлено утверждение о коэффициенте правдоподобия, как упомянутые выше. Различные выражения коэффициентов правдоподобия изменили оценки вероятности присяжных обвиняемого, являющегося источником доказательств ДНК, и получилась разница в том, как присяжные решили это дело. Уровень признания виновным увеличился с 21%, когда доказательства были представлены только с частотами ДНК, до 35% и 41%, когда он был представлен одним или другим из указанных коэффициентов правдоподобия.

Эти и другие результаты показывают, что выбор относительно представления статистических доказательств могут иметь драматические последствия. Те же доказательства, представленные по-разному, могут изменить исход дела (Koehler et al., 1995). Однако психологические исследования за последнее десятилетие показали, что некоторые способы представления статистической информации могут облегчить путаницу и резко улучшить статистические рассуждения (Gigerenzer & Hoffrage, 1995; Hoffrage & Gigerenzer, этот том). Основное различие заключается в стандартизованных вероятностях и необработанных частотах. Статистика, стандартизованная на коэффициенты вероятности, скрывает фактические подсчеты, на которых они основаны, в то время как полагаясь на эти голые расчеты позволяет интуитивно понять, что представляет собой статистика. Исследователи задокументировали этот эффект, сравнив, как люди понимают ту же статистическую информацию, когда она представлена в различных форматах - вероятностных и частотных (Gigerenzer & Hoffrage, 1995).

Статистические утверждения, содержащие частоты, математически эквивалентны статистическим утверждениям, связанным с вероятностями, так что байесовский мост статистического вывода касается обоих видов информации. Теорема Байеса дает формулы для определения вероятности некоторой гипотезы H (например, подозреваемый является источником доказательств), учитывая определенный фрагмент доказательства E (например, соответствие ДНК) в отношении некоторой определенной ранее вероятности относительно гипотезы (например, частота генетического профиля в популяции или частота ошибок в лаборатории). Но, теорема Байеса радикально отличается в форматах частоты и вероятности. В то время как для формата вероятности требуется уравнение

$$P(H|E) = \frac{P(H)P(E|H)}{P(H)P(E|H) + P(\bar{H})P(E|\bar{H})},$$

где условные вероятности и базовые ставки должны вычисляться и умножаться, чтобы найти правильный ответ, частотный формат требует просто отделить людей, которые являются потенциальными источниками ДНК от всех людей, которые соответствуют:

$$P(H|E) = \frac{E \cap H}{E}.$$

Линдси, Хертвиг и Гигеренцер (в печати) исследовали влияние представления тех же статистических данных как в форматах частоты, так и в вероятности, обратившись к продвинутым студентам юридических факультетов и специалистам по правовым вопросам с целью оценки реалистичных судебных дел, которые были тесно связаны с фактическими случаями изнасилования, связанными с ДНК доказательствами. Каждый случай включал письменные показания эксперта (Gutachten), который проанализировал образцы ДНК. Эксперт сообщил, что базовый коэффициент профиля ДНК, полученного с места преступления, было одной на миллион (0,0001%) и что он соответствовал профилю ДНК ответчика. Эксперт также заявил, что анализ ДНК практически точно находит соответствие ДНК, если у человека действительно есть совпадения профиля ДНК (т. е. Истинный положительный результат или чувствительность анализа). Кроме того, эксперт заявил, что с помощью этой конкретной технологии ДНК вероятность лабораторной ошибки была приблизительно 1 к 100 000 (0,001%), то есть примерно у 100 из тех, у кого нет совпадающего профиля ДНК, можно было бы сказать, что совпадение в анализе (ложноположительные результаты). В свете этих доказательств участникам было предложено оценить вероятность (1), что у подозреваемого в каждом случае фактически был совпадающий профиль ДНК, Р (профиль) и (2), что подозреваемый фактически был источником доказательства, Р (источник). Затем их попросили вынести обвинительный приговор и ли сказать, что он не виновен.

Вариант ложной положительной частоты ошибок, основанный на лабораторных тестах, был также представлен в другом экспериментальном условии, увеличивая вероятность ошибки до 0,3% (Koehler et al., 1995). Это второе экспертное свидетельство было идентично первому, за исключением этого изменения в ложной положительной частоте ошибок. Еще раз, каждому участнику было предложено ответить на те же два числовых вопроса, что и раньше, и снова, чтобы вынести вердикт. Численная информация, предоставленная экспертом, была представлена каждому участнику в двух разных форматах. Один формат указывал всю информацию в вероятностях (например, 0,1%), а другой формат указывал на частоты (например, 1 из 1000). На рисунке 1 показаны примеры показаний в каждом формате.

После оценки одного файла дела в формате частоты или вероятности каждому участнику был предоставлен второй файл дела с экспертными показаниями в формате, отличном от первого. Затем они ответили на те же вопросы, что и раньше. Все участники были случайным образом помещены в условия, в которых были

различные форматы экспертных показаний (частота или вероятность), их порядок (первый или второй) и детали дела варьировались систематически и уравновешены.

Вероятность

В стране размером с Германию насчитывается до 10 миллионов человек, которые соответствуют описанию преступника. Вероятность случайного выбора человека имеющий профиль ДНК, который соответствует отпечаткам, полученным с места преступления, составляет 0,0001%. Если у человека есть этот профиль ДНК, практически очевидно, что этот тип ДНК-анализа будет показывать совпадение. Вероятность того, что у кого-то, у кого нет этого профиля ДНК, будет совпадать в этом анализе ДНК, будет 0,001%. В этом случае профиль ДНК образца от ответчика соответствует профилю ДНК отпечатка, восстановленного с места преступления.

Частота

В стране размером с Германию насчитывает около 10 миллионов человек, которые соответствуют описанию преступника. Примерно у 10 из этих мужчин был бы профиль ДНК, соответствующий отпечаткам, найденным на месте преступления. Если у человека есть этот профиль ДНК, то практически очевидно, что этот тип ДНК-анализа показал бы соответствие. Из 9999,990 человек, у которых нет этого профиля ДНК, приблизительно 100, как было показано, будут соответствовать в этом типе анализа ДНК. В этом случае профиль ДНК образца от ответчика соответствует профилю ДНК отпечатка, извлеченного из места преступления.

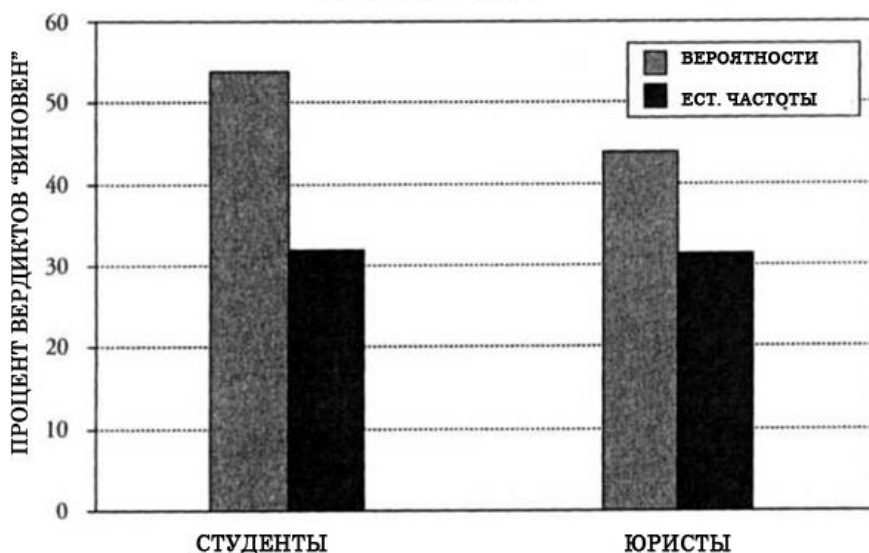
Рисунок 1. Экспертные свидетельства относительно математически идентичных статистических данных, выраженных в двух разных форматах.

Результаты показали, что одни и те же данные имели резко отличающиеся последствия как для статистических рассуждений, так и для принятия судебных решений, когда они представлены в разных форматах. Доля обвинительных приговоров была на 50-100% больше в формате вероятности, чем в формате частоты, для как студентов юристов, так и профессиональных юристов в любых условиях. На рисунке 2 показаны их общие приговоры, усредненные по условиям.

Различные форматы статистических данных также влияли на математические рассуждения и статистические выводы. Все участники должны были вывести условные вероятности наличия профиля ДНК с учетом соответствия ДНК и который является источником данных, полученных в результате сопоставления ДНК. Как показано на рисунке 2, в частотном формате были гораздо более правильные байесовские ответы, чем в формате вероятности, в соответствии с выводами за последнее десятилетие. Только один из студентов и нескольких профессионалов, то есть от 0% до 10% соответственно, могли получить правильные вероятности в формате вероятности. Напротив, от 40% до 50%

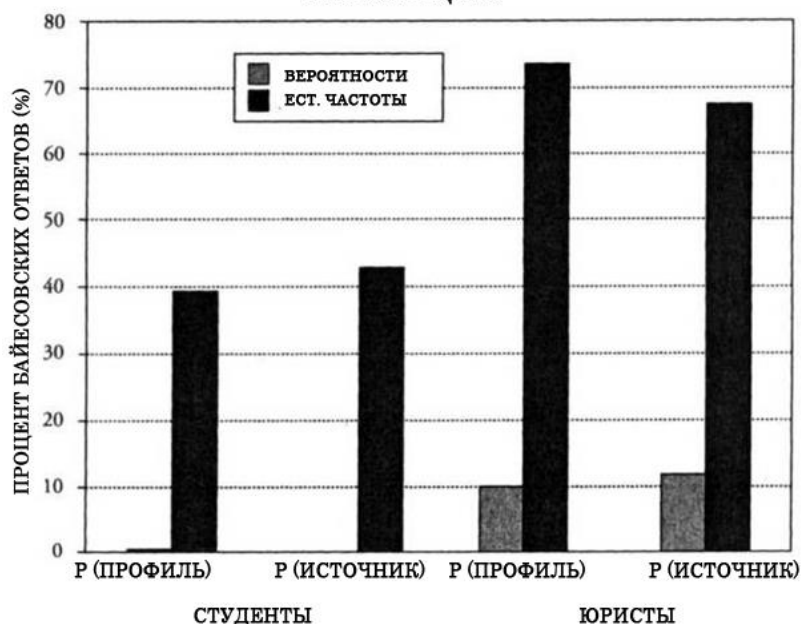
выборки студентов-юристов и от 70% до 75% выборки юристов спонтанно получили правильные вероятности в частотном формате, как показано на рисунке 3. Эти результаты были еще более удивительными, потому что половина участников рассмотрела доказательства, выраженные в виде частот, непосредственно перед тем, как просмотреть эти же данные, выраженные в терминах вероятностей. Статистики в двух форматах были математически идентичны; тем не менее, они не были психологически идентичны, и не без юридических последствий.

ТАБЛИЦА 2

Рисунок 2. Доля «обвинительных приговоров».

ТАБЛИЦА 3

Рисунок 3. Доля правильных байесовских выводов.

Психологический эффект представления статистических данных одним способом, а не другим, не ограничивается анализом судебной ДНК. Аналогичные соображения, касающиеся представления статистических данных, применяются в тех случаях, когда суды должны рассматривать такие доказательства. Количественный характер науки обеспечивает общую валюту, в которой ученые могут собирать и анализировать свои доказательства, но их доказательства требуют особых рассмотрений в суде.

Судебный привратник, неподготовленный в науке, должен теперь иметь возможность оценивать претензии, сделанные во имя науки. Следуя традиции Континента, суд может назначить своего собственного эксперта для содействия мониторингу нанятых научных экспертов с обеих сторон (Федеральное правило доказывания 706). Но назначенное судом экспертное заключение может, следовательно, иметь неоправданное влияние и подорвать авторитет суда. В этой главе предполагается, что существуют методы, которые могут порождать необходимое сотрудничество между наукой и законом, без опоры только на научных экспертов, а используя психологические принципы для обеспечения проницательности без экспертизы. Важным первым шагом в научно-правовом сотрудничестве является обеспечение того, чтобы судьи и ученые могли понимать друг друга, поскольку в конечном итоге они являются экспертами, которые будут определять, что такое доказательства.

Источники

- Fienberg, S. E. (Ed.). (1989). *The evolving role of statistical assessments as evidence in the courts*. New York: Springer.
- Friedman, L. M. (1910). Expert testimony: Its abuse and reformation. *Yale Law Journal* 19, 247-257.
- Gigerenzer, G., & Hoffrage, U. (1995). How to improve Bayesian reasoning without instruction: Frequency formats. *Psychological Reviews* 102, 684-704.
- Gould, S. J. (1983). *The mismeasure of man*. New York: Norton.
- Hand, L. (1901). Historical and practical considerations regarding expert testimony. *Harvard Law Reviews* 15, 40-58.
- Herschel, C. (1887). Services of experts in the conduct of judicial inquiries. *American Law Reviews* 21, 571-577.
- Huber, P. W. (1991). *Galikds mange Junk science in the courtroom*. New York: Basic Books.
- Kaye, D. H., & Koehler, J. J. (1991). Can jurors understand probabilistic evidence? *Journal of the Royal Statistical Society* 154, 75-81.
- Koehler, J. J. (1993). Error and exaggeration in the presentation of DNA evidence at trial. *Jurimetrics*, 34, 21-39.
- Koehler, J. J. (1996). On conveying the probative value of DNA evidence: Frequencies, likelihood ratios, and error rates. *University of Colorado Law Reviews* 67, 860-886.
- Koehler, J. J., Chia, A., & Lindsey, S. (1995). The random match probability (RMP) in DNA evidence: Irrelevant and prejudicial. *Jurimetrics*, 35, 201-219.
- Lempert, R. O. (1977). Modelling relevance. *Michigan Law Reviews* 75, 1021-1057.

- Lindsey, S., Hertwig, R., & Gigerenzer, G. (in press). Fair representation at trial Statistical evidence and statistical thinking. Manuscript submitted for publication.
- National Research Council (NRC). (1992). DNA technology in forensic science. Board on Biology. Washington, DC: National Academy of Sciences.
- National Research Council (NRC). (1997). The evaluation of forensic DNA evidence. Committee on DNA forensic science: An update. Washington, DC: National Academy of Sciences.
- Thompson, W. C. (1995). Subjective interpretation, laboratory error and the value of DNA evidence: Three case studies. *Generica*, 96, 153-168.
- Waid, W. M., & Orne, M. T. (1982). The physiological detection of deception. *American Scientist*. 70,402-409.
- Weir, B. S. (1995). *People v. Simpson: Statistical interpretation of the DNA evidence 2*. Unpublished manuscript.
- Weir, B. S. (1999). Are DNA profiles unique? *Statistics and Biostatistics Colloquium*. University of Virginia.

Цитирование следующих судебных кейсов:

- Federal Rules of Evidence.
- Frpr v. United States*, 293 F 1013 (DC Cir.) (1923).
- General Electric Co. v. Joiner*, No. 96-188; 1997 US LEXIS 7503, December, 15, 1997.
- People v. Simpson*, No. BA 097211 Cal. Super. Ct. L.A. County (1995).
- State v. Bethune*, 821 SW 2d 222 (Tae. App. 1991) Trial Transcript p. 2327.
- William Daubert et al v. Merrell Dow Pharmaceuticai. Inc.*, 509 US 579 (1993).
- Wilson v. State*, Ark. S. Ct. (1998).

Глава 15

Авторитеты представления

Элке Курц-Милке

*Колледж вычислительной техники, Джорджия Технологический институт
Атланты, Джорджия, США kurzmi@cc.g; tech.edu*

Эксперты считаются авторитетами из-за их знаний, навыков и профессиональных полномочий. Авторитет часто относится к «межличностным отношениям, в которых один человек смотрит на другого как превосходящего» (International Encyclopedia of Sociology, 1995, стр. 105). В этой главе я утверждаю, что помимо этого конкретного понимания авторитета, а именно, как иерархического отношения между людьми, существует другое, возможно, более глубокое чувство авторитета, которое имеет отношение к изучению экспертов. Эта глава воспринимает авторитет представлений. Я представляю тематическое исследование, в котором эксперт, математик, решил проблему исчисления (Kurz, 1997, 1998; Kurz & Tweney, 1998). По общему признанию, случай решения проблем, который сдвигается от проблем социальной и политической актуальности (более или менее спокойной) в сторону тишины офиса профессора университета, разрабатывающего решение проблемы потока. Моя цель - показать, как концепция авторитета может способствовать нашему пониманию рассуждений экспертов.

Просвещенный взгляд на авторитета

Что означает авторитет в отношении представлений? Как это может способствовать пониманию процессов рассуждения? Мой анализ основывается на понимании представлений с точки зрения фактора. При таком подходе когнитивная область характеризуется с точки зрения манипулирования объектами и является частью и составляющей человеческого фактора; человеческий фактор включает в себя манипулирование объектами, включая материальные объекты, изображения и символы (Gooding, 1990; Kurz & Tweney, 1998).

В случае решения математических задач, приведенных ниже, цифры, числа, дифференциалы и уравнения были среди соответствующих объектов, и также набросок физической системы, нарисованной на листе бумаги. Я предлагаю краткую презентацию рассуждений экспертов, чтобы проиллюстрировать, как математические представления влекут за собой определенные типы факторов и как они функционируют как авторитеты.

Вопрос, связанный с авторитетом представлений, обсуждался в психологической литературе и литературных исследованиях под заголовком «Политика

представления» (Holquist, 1983; Shapiro, 1988). В конфликте сторонники разных позиций могут попытаться доминировать в режимах представления, и

(...) в случае успеха формируется иерархия, в которой один способ представления мира (его объекты, события, люди и т. д.) получает первичность над другими, преобразуя режимы представления из массива на горизонтальной плоскости в ранжирование на вертикальной плоскости (Mehan, 1993, стр. 241).

Ярким примером в истории математики является развитие расчетов (Bertoloni-Meli, 1993). В 18-ом столетии конфликт над первенством в изобретении расчетов был даже окрашен национализмом: Ньютоновским расчетов, с одной стороны, и исчислениями и обозначениями Лейбница, с другой стороны Ла-Манша. По ряду причин множественность представления оставалась характерной для практики исчисления и анализа по сей день. Точно так же теория вероятностей характеризуется различными и альтернативными представлениями о неопределенности и риске (Gigerenzer & Hoffrage, 1995; Hoffrage & Gigerenzer, этот том). Что касается очень важного вопроса о том, как формируется и поддерживается «ранжирование» представлений, авторитет представлений, как я его понимаю, касается процесса достижения устойчивых представлений.

Предшествующие тематические исследования по математическому решению проблем и их анализу с точки зрения фактора и авторитета, в следующих разделах подробно описывается понятие авторитета. Я полагаюсь на эту задачу в статье Ханны Арндт (1994) «Что такое власть?» (Was ist Autoritdt?), Первоначально опубликованный в 1957 году, и (1784/1988). Ответьте на вопрос Канта: «Что такое Просвещение?» в частности, на анализ Канта аргумента Оноры О'Нил (1989).

Что такое авторитет?

Согласно Арндт (1994), авторитет не является ни властью, которая опирается на силу, ни властью, которая опирается на аргумент. Аргумент предполагает соотношение между равными, тогда как авторитет обозначает взаимосвязь, которая является иерархической. Поскольку авторитет обычно связан с послушанием, его часто путают с властью, которая применяет силу для воздействия. Но, каков тогда авторитет? Ответ Арндта (1994) относит читателя в Элладу и Рим: авторитет, как известно в политической традиции западного мира, «существует очень долго, но не всегда», и «по крайней мере, в его позитивных аспектах исключительно у римлян» (Арндт, 1994, стр. 170). Только римляне смогли отличить авторитет от власти для своих политических институтов. Кроме того, убеждение римлян требовать отцов-основателей во всех вопросах привело их к

(...) передаче своего политического понятия авторитета и традиции интеллектуальному миру греков, где они нашли своих интеллектуальных предков, которые они сразу же превратили в авторитетов, не менее в искусстве и поэзии, чем в мышлении и философии (Arendt, 1994, стр. 191).

Греки

Платон, как и Аристотель, стремились легитимировать политическую власть, чтобы остановить ветхость полюсов и омолодить свою политическую жизнь. Согласно Арндту (1994, стр. 171), опыт греков с властью был таков, что в частной сфере глава семьи, называемый деспотом, обладал полной властью над своими членами, семьей и рабами. За пределами частной сферы власть была известна грекам только как тирания, что означало изгнание граждан в частную сферу и применение силы против них или как команду в контексте войны. Первый случай представлял собой неприемлемую ситуацию в политическом понимании греков, вторая была обусловлена исключительной ситуацией. Поэтому ни один из этих случаев не мог служить грекам как модель власти внутри Полиса, их общественная, политическая арена, состоящая из деспотов, всех их правителей и формально равных в этом качестве.

В своей попытке установить приемлемую форму политической власти Платон предложил ряд моделей, среди которых отношения между пастухом и его стадом, помощником корабля и его пассажирами, врачом и его пациентом, хозяином и его рабом. С этими моделями, как считается, превосходные знания и умения командовали повиновавшимся или партнерам, принадлежали отдельным категориям, человеческим и нечеловеческим, вновь оправдывая требование к послушанию. Платон также представил модель, в которой философия и, таким образом, философ находились у власти. Философ, по его мнению, способен превращать идеи добра и полезности в правила и стандарты, даже законы, и таким образом «царь-философ» мог раз и навсегда решить человеческие дела» (стр. 182). Однако, когда Платон увидел «правило разума», Аристотель признал «тиранию разума».

Для Аристотеля «природа», а не философия, должна была стать основой для оправдания политической власти. Его любимой моделью была разница между младшим и старшим поколениями. По таким естественным различиям «природа», - утверждал Аристотель, «судила тех, кем править, а других - чтобы править» (стр. 182). По словам Арндта, этот метод рассуждения показывает Аристотеля в состоянии напряжения, даже противоречия. В аристотелевском и общем понимании греков граждане были частью двух способов жизни, которые гарантировали выживание и общественность, которые способствовали «хорошей жизни» (стр. 183). В этом понимании частная жизнь была предпосылкой политической жизни, и началась свобода политической сферы, когда необходимость правителя и тех, кем управляют, перестала быть важной. Таким образом, Аристотель оказался в положении, где, с одной стороны, он утверждал, что «каждое государство состоит из правителей и тех, кем управляют», а с другой стороны, что «Полис - это совокупность равных» (стр. 182). Точно так же его модель младшего по сравнению с старшим поколением относилась к

«природному» человеку, а не к человеку, который управлял своей жизнью и хотел «хорошей жизни» (Arendt, 1994, стр. 185).

По словам Арндта (стр. 186), «великолепные попытки греческой философии найти понятие авторитета» потерпели неудачу из-за отсутствия подлинно политического опыта, который соответствовал бы тому, что другие позже назвали бы авторитетом. Предложения, которые выдвигали эти философы, основывались на опыте, накопленном в частной сфере, а именно греческом домохозяйстве и производстве, которые по своим стандартам были конкретно неполитическими или, скорее, преполитическими. Впоследствии только римляне были в состоянии зачать политическую иерархию в отсутствие власти и силы и, таким образом, отличать авторитет от простой власти.

Римляне

В политическом понимании римлян фундамент Рима занимал центральное место. Это основание было «святым» в том смысле, что «то, что когда-то было основано, оставалось обязательным для всех последующих поколений» (Arendt, 1994, стр. 187). Эта привязанность и ответственность за прошлое были частью римской религии. Термин и концепция «auctoritas», основа английского термина «авторитет», появились в связи с этим сочетанием политических и религиозных вопросов. Auctoritas был производным от глагола «augere», что означает «расширить», «увеличить». То, что «авторитет или те, кто управлял им, постоянно расширялись, было основанием» (стр. 188).

Политически римляне отличали власть народа и власть Сената, совет выдающихся старейшин. Этот авторитет проявил себя в весе, посланном советом Сената, «который, чтобы быть услышанным, не требовал ни формы ордена, ни силы» (стр. 189). В религиозных вопросах обязательный характер эскадрилий отражал связующий характер совета Сената. В отличие от греческого оракула, который намекал на будущее, римский покровитель указал, было ли решение одобрено богами. Таким образом, «римские боги имели просто власть среди людей, а не власть над ними» (стр. 189). Для Сената, а также под эгидой основания города был источник их авторитета. Все эгиды считались «производными от этого одного великого знака, благодаря которому боги уполномочили Ромула найти город, установить римский народ и присвоить ему царство» (стр. 189). Точно так же у старейшин была власть, потому что они были ближе к предкам и священному основанию, а не, как мы сегодня склонны думать, потому что они стали мудрыми на основе их опыта.

Для римлян авторитет оставался в прошлом и функционировал, чтобы связать каждый акт и решение с священным происхождением. Традиция сохранила прошлое, «передав от одного поколения к следующему свидетельство предков, которые основали город, засвидетельствовала это событие и увеличила их авторитет на протяжении веков» (стр. 190). По этой причине Арндт (1994, стр.

191) описал религию-авторитет-традицию как «римскую троицу». Хотя, первоначально, связанный с конкретным и связующим происхождением, этот римский дух пережил не только преобразование Римской Республики в Римскую империю, но даже ее упадок. Для Арндта (1994, стр. 192) этот римский дух был продолжен христианской церковью, которая после падения империи должна была справиться с политическим и интеллектуальным наследием Рима. Впоследствии, Католическая церковь

(...) ассимилировала глубоко римский образ мышления о политических делах в той мере, в какой возрождение Христа могло стать краеугольным камнем нового основания, которое снова обеспечило священную основу, на которой был основан новый человеческий институт замечательного постоянства (стр. 192).

В дальнейшем,

(...) в той мере, в какой католическая церковь ассимилировала греческую философию в своей доктрине, она объединила римскую политическую концепцию власти (...) с греческим принуждением к трансцендентным стандартам и критериям (стр. 193).

Согласно Арндту (1994, стр. 194), это особое объединение посредством традиции и авторитета «зарекомендовало себя как авторитет и стало решающим для всего, что следовало из этого, и в какой-то степени не совпадал ни с чем другим».

Что такое просвещение?

Отвечая на вопрос «что такое Просветление?» было политическим упражнением в эпоху Канта. В 1783 году протестантский приходский священник в Берлине опубликовал статью, в которой он выступал против введения гражданского брака, осуждая волнение, которое было вызвано во имя Просвещения. Во-первых, он потребовал, ответа на вопрос «Что такое Просветление?» прежде чем кто-то попытается просветить других. Одним из тех, кто взял на себя вызов ответа, был Иммануил Кант, который опубликовал свой ответ на вопрос: «Что такое Просветление?» в 1784. По словам знатока Канта О'Нила (1989), это эссе является одним из нескольких более коротких произведений Канта, которые стояли в тесной связи с его центральными критическими писаниями и подчеркивали политический характер его систематической философии.

Кант применил немецкий термин *Autoritdt* (авторитет) в отношении закона, законодательной власти, правительства, Церкви, Библии, Бога, концепции долга, родителей и разума (Roser & Mohrs, 1992, стр. 439). В этом списке авторитет разума был, пожалуй, наименее понятным понятием, и Кант с большим вниманием определил его значение. Вопрос о том, «что было бы для определенных способов мышления иметь власть и считать в качестве принципов разума», занимал философию Канта самыми важными способами (O'Neill, 1989, стр. 11).

Центральным для ответа был категорический императив, а именно, что мы должны действовать на принципах, которые в то же время могли бы квалифицироваться как руководящие принципы универсального закона, который, согласно Канту, также был высшим принципом разума.

«Разум» - Кант считал, что - «не имеет диктаторского авторитета» (O'Neill, 1989, стр. 15). Скорее, Кант считал разум напоминающим трибунал, который судит и обсуждает. Аналогия подразумевала, что авторитет разума был «практической и коллективной задачей, как и создание политической власти» (O'Neill, 1989, стр. 18). Кант также изучал и формулировал другие политические метафоры в своем рассказе об авторитете разума, особенно в дебатах и дискуссиях в сообществе. Дебаты требуют дискурсивного порядка и «не могут выдержать принятие принципов уничтожения дебатов» (стр. 21). Аналогично, «любой авторитет, которые обосновывает, имеет рассуждения, должен составляться теми, кто рассуждает, его нельзя навязать (...)», но он должен быть «составлен в процессе самодисциплины мысли и действия» (стр. 221).

За пристальным вниманием, которое Кант уделил власти разума, стояла угроза Вавилонской башни. Человеческие знания должны были быть созданы перед лицом множества возможных голосов или агентов, «которые разделяют мир, но не имеют принципов для совместного использования» (стр. 20). В этой ситуации Кант почувствовал, что самые основные принципы разума

(...) должны позволить нам учитывать факт нашей множественности и нашего недостатка (...) любой заранее установленной гармонии между способами мышления, используемыми разными сторонами для множества (O'Neill, 1989, стр. 27) ,

Эта линия рассуждений привела к категорическому императиву, принципу отказа от мысли, действий или общения, которые руководствуются принципами, которые другие не могут принять.

По словам Канта, разум получил авторитет от самоналоженной дисциплины. В своем наиболее полном, просвещенном использовании причина не подпадала под действие внешнего органа. Следовательно, в своем ответе на вопрос: «Что такое Просветление?» (Кант, 1784/1988), Кант характеризовал Просветление как «возникновение из самозанятого безумства, g», где незрелость означало «неспособность использовать собственное понимание без руководства другого» и была «самозанята», если ее причина не недостаток понимания, но отсутствие разрешения и мужества использовать его без руководства другого» (Кант, 1784/1988, стр. 54). В этом знаменитом эссе Кант выделял личное и общественное использование разума, причем оба они были «определены в условиях аудитории, к которым может быть достигнут акт коммуникации» (O'Neill, 1989, стр. 32). Кант говорил о частном использовании разума в случае кого-либо, действующего на комиссию, навязанной извне, и обращения к ограниченной аудитории, таких как,

например, конгрегация. Общение с должностными лицами, государственными служащими и духовенством означало такое личное использование в кантовском смысле. Напротив, общение, которое не предполагало внешнего авторитета и которое касалось «реальной общественности» (т.е. , мир в целом) «Кант идентифицировал как общественное использование разума (Kant, 1784/1988, стр. 57). Таким образом, авторитет разума был задуман в отличие от авторитета других «внешних» агентов. Для Канта авторитет разума находился на самом всестороннем форуме - «настоящая общественность (т. е. мир в целом)», - которая должна была быть достигнута путем общения.

Не обязательно воспринимать лично!

Человек может обладать авторитетом (полномочиями), владеть полномочиями (авторитетом), действовать с полномочиями и быть признанным в качестве авторитета. В этих случаях власть имеет лицо, чаще всего должность, и составляет не что иное, как «межличностные отношения, в которых один человек смотрит на другого как превосходящий» (International Encyclopedia of Sociology, 1995, стр. 105). Тем не менее, существуют аспекты концепции власти, которые не сводятся к (межличному) личному. Исторически сложилось так, что понятие власти связывало римлян со священным основанием своего города и в его более позднем украшении интеллектуальному миру греков. Власть Католической Церкви связывала верующих с возрождением Христа. Точно так же с авторитетами Кант, протестант, знал: церковь, Библию, закон, законодательный орган, правительство и понятие долга; ни одна из которых не сводится к межличностным отношениям.

Часто конкретные имена и цифры связаны с безличными агентами, несущими авторитет, например, Платоном и Аристотелем в случае классического греческого наследия, апостолами в случае христианской церкви или Фридрихом Великим в случае правительства во времена Канта. Эта двойственность концепции проявилась уже в знаменитых начинаниях Арндта в римской религии, где основание города ассоциировалось с фигурой Ромула и впоследствии стало ассоциироваться с предками римлян. Более выраженная двойственность понятия, известная эпохе Канта, я называю просветительским взглядом на авторитет. В этой точке зрения авторитет может быть приписан безличным агентам. Я предлагаю использовать этот взгляд на авторитет в отношении представления. Если быть точным, чтобы представления функционировали в качестве агентов, их авторитеты должны быть одобрены.

Авторитет и агентство представительство, демонстрируемое протоколом математика

В исследованиях связанных с исчислением репрезентативных практик я попросил «математиков-экспертов» решить проблему, думая вслух (Kurz, 1997). Участники этого исследования могли свободно использовать бумагу и карандаш, а также калькулятор, но не имели доступа к справочным материалам. Я представляю один

случай решения проблемы математиком, которому было предложено решить следующую проблему (представленную в Brenner, 1963, стр. 12):

Колба содержит десять литров воды и к ней добавляют раствор соли, содержащий 0,3 кг соли на литр. Этот раствор соли выливают со скоростью 2 литра в минуту. Раствор тщательно смешивают и сливают, и смесь сливают с той же скоростью, чтобы колба содержала десять литров в каждый промежуток времени. Сколько соли будет в колбе через пять минут?

Канонический путь решения приводит к дифференциальному уравнению, которое выражается в лейбнизианских обозначениях:

$$dx / dt = 0.6 - 0.2x.$$

С помощью этого уравнения переменная x обозначает количество соли в контейнере, а переменная t обозначает время. Значение слева от знака равенства показывает, как быстро соль накапливается в контейнере. Первое слагаемое в правой части указывает, как быстро вступает соль, вычитается из нее значение, определяющее, как быстро соль покидает контейнер. Соль покидает контейнер со скоростью $0,2x$, где переменная x обозначает количество соли в контейнере. Чтобы прийти к численному решению этой проблемы смеси, указанное выше дифференциальное уравнение должно быть интегрировано и затем решено для переменной x , что приводит к следующему выражению, которое также удовлетворяет условию, что вначале в контейнере нет соли :

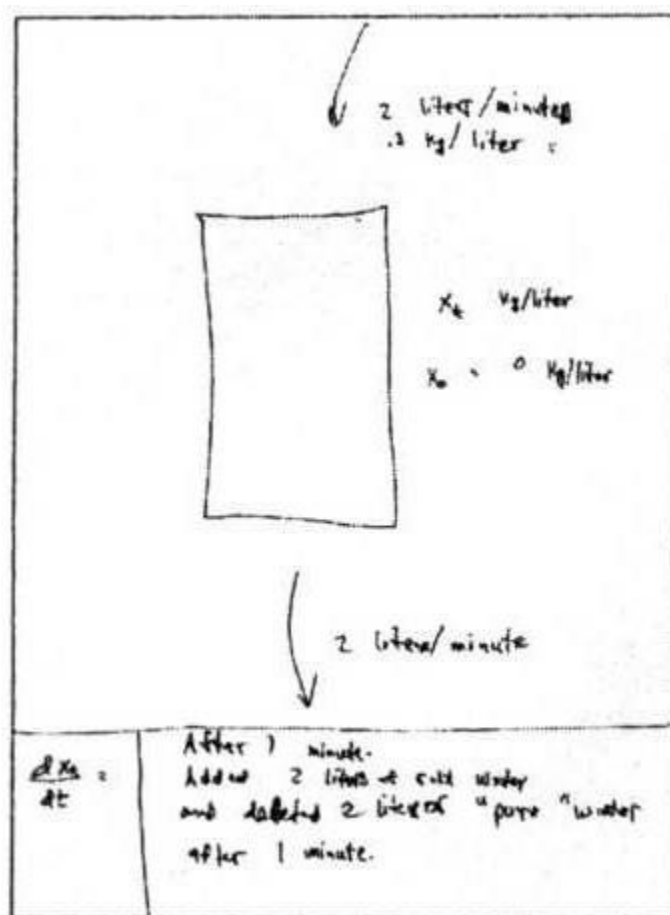
$$x = 3 - 3e^{-0.2 \times 5}.$$

Таким образом, численное решение проблемы состоит в том, что через пять минут в контейнер помещается 1,9 килограмма соли; этот результат округляется до одной десятичной позиции.

Далее, это краткое описание решения математика на основе его словесного отчета и его заметок при решении проблем (Kurz, 1997). Этот молодой, высокопроизводительный математик был преподавателем на уровне доктора математического факультета, его основным полем был анализ. Он проработал около 25 минут над этой проблемой. После описательного отчета его протокола следует провести анализ с точки зрения агентства и авторитета.

Протокол Математика

Читая утверждение проблемы, математик считал, что лучше всего «дать ему фотографию фляжки» (см. Рис. 1).³ Он нарисовал прямоугольник со стрелкой вниз, указав, что соленая вода входит внутрь, и стрелка на дне, показывающая, что водно-солевой раствор выходит». Рядом с верхней стрелкой он писал «2 литра в минуту», скорость подачи раствора и 0,3 кг / литр, концентрация раствора соли, поступающего в контейнер. Рядом с этой картиной он написал « x_t » (в словесной записи: « x sub t »), который был «концентрацией килограммов на литр в любой момент времени», с единицами измерения «кг / литр». Затем он написал « $x_0 = 0$ кг / литр», словами: «когда t равно нулю, x сводится к нулю – это что?» «концентрация равна нулю килограмм на литр». После паузы он сказал, что пытался найти другое время t , кроме $t = 0$, для которого он знал концентрацию соли в контейнере и что он, похоже, не смог ее найти. Он пришел к выводу, что он «должен, вероятно, использовать какое-то исчисление в смысле темпов изменений».

Рисунок 1. Первая страница рукописных заметок математика с изображением колбы, показывающей внутреннее и исходящее решение в виде стрелок. Позже он попытался использовать исчисление, но, поскольку вертикальная линия указывает на отказ от этого подхода, вместо «мгновенного описания» он спросил себя: «Что случилось через минуту?»

Он объявил о «новой попытке решить эту проблему». Снова использование x то относится к концентрации, измеренной в килограммах на литр, он отметил, что «0,3 кг на литр - это скорость, нет!» После глубокого вдоха он заявил: «Скорость смены соли, то есть на литр». Он обеспокоился: «Что произойдет, если я не смогу решить эту проблему?» Он подумал: «Мне лучше найти x sub t [пауза], x sub t равно, мне нужно что? Скорость изменения [пауза], ну, позвольте мне попробовать это, я выиграю, чтобы вычислить производную по времени, так что d на dt [пауза]. " Он перечитал части утверждений о проблеме и заключил: «Давайте попробуем найти dx / dt . Так это было бы что?» Записывая « $dx / dt =$ », он признал: «Я запутался в скорости изменения концентрации, чего я бы не хотел». Он «не видел, как это сделать прямо с исчислением».

Handwritten notes showing calculations for salt concentration over time:

1 minute: added $\frac{2 \text{ kg}}{\text{min}}$ 1 min: $\frac{2 \text{ kg}}{\text{liter}}$

0.6 kg

Added 0.6 kg of salt after 1 minute.

---

30 sec: Added $\frac{2 \text{ kg}}{\text{min}} \cdot \frac{1}{2} \text{ min} = \frac{2 \text{ kg}}{2} = 1 \text{ kg}$

60 sec - 60 sec: Added 0.3 kg salt

Salt balance in the first 30 sec:

At 30 sec, $\frac{1 \text{ kg salt}}{10 \text{ liters}} = \frac{0.1 \text{ kg salt}}{\text{liter}}$

$\frac{2 \text{ liter water}}{\text{min}} \cdot \frac{1}{2} \text{ min} = 1 \text{ liter water}$

$\frac{0.1 \text{ kg salt}}{\text{liter}} \cdot 1 \text{ liter} = 0.1 \text{ kg salt}$

Total net gain of salt is $0.5 \text{ kg after 1 min}$

Рисунок 2. Вторая страница рукописных заметок математика, показывающая его вычисления для фиксированных интервалов времени в одну

минуту и тридцать секунд. В конце этого подхода - а-ля бухгалтерского с точки зрения того, что много добавлено и что много удалено за определенный фиксированный интервал времени, это составляло «общий чистый прирост соли» через одну минуту.

Он знал, что он «должен записать какую-то производную», но «не видел, как это сделать сразу с места». Вместо этого он собирался «попытаться записать то, что произошло, скажем, через минуту, ладно? Не мгновенное описание паузы в системе». Другими словами, «я просто делаю это при увеличении времени». Он написал: «Через 1 минуту добавили 2 литра соленой воды и удалили 2 литра «чистой» воды через 1 минуту». Это было «ложью», по его словам, потому что «через 30 секунд, например, внутри не осталось чистой воды, но мы будем притворяться, что пока это так». Начиная с нового листа бумаги (см. Рис. 2), он писал: «1 минута» и спросил: «Через минуту, что я вижу?»

Он подсчитал: «Понятно, мы добавили в общей сложности два литра, два литра в минуту, подожди минутку? Да! Два литра в минуту раз в минуту. Вода [sic! Он должен был сказать «соль»] в 0,3 кг на литр, поэтому, умножив все это, я вижу 0,6 килограмма, литры уходят, минуты уходят, у меня осталось 0,6 килограмма, хорошо. Так что через одну минуту я добавил 0,6 килограмма соли. "Учитывая этот результат, он мог «увидеть, что произошло между первой и второй минутой, второй и третьей, третьей и четвертой, а также четвертой и пятой». Однако эта процедура дала бы ему «приблизительный ответ». Действительно, на этом этапе он рассматривал только количество поступающей соли, полностью уходя в сторону потери соли.

Вместо этого он хотел «доработать до тех пор, пока ничего», чтобы «получить мгновенную картину того, что происходит». Он спросил: «Что случилось через 30 секунд? Хорошо, посмотрим, наверное, я добавил, давайте разбираться, сколько соли». Он вычислил: «Два литра в минуту, 30 секунд, составляет полминуты, раз 0,3 килограмма соли на литр. Умножая все это, я понимаю, это отменяет то, что я получил раньше, 0,3 килограмма соли». Несмотря на то, что, будучи уверенным, что этот подход «работает», он перешел на интервал «между 30 и 60 секундами»: «Что случилось? Я только добавил еще что? Я добавил еще, через 30 секунд у меня 0,3 килограмма соли, всего». Но, конечно же, он «тоже выбрасывал соль», потому что через 30 секунд это было «водно-солевое решение». Поэтому он хотел увидеть «сколько соли, которую я удалил». Он вычислил: «Через 30 секунд аппроксимация говорит о том, что солевой раствор составляет 0,3 килограмма соли в расчете на десять литров [пауза], что? 0,03 кг соли на литр. Хорошо, поэтому моя чистая вода через 30 секунд составляет примерно 0,03 килограмма соли на литр». Он подсчитал, что один литр солевого раствора был потерян за 30 секунд, что привело к «полной потере соли» среди 0,03 кг.

Он чувствовал, что потерял направление: «Теперь я не могу вспомнить, что я должен делать, [пауза], что происходит?» Повторяя свои расчеты, он обнаружил,

что через одну минуту [sid] он «сбросил в общей сложности 0,3 килограмма» и «вылил 0,03 килограмма», вычитая последний из первого, привел его к «полной чистой прибыли» из 0,29 килограмма [sic .. Этот результат выглядел «зловещим» для него, особенно потому, что «старый метод за один шаг» добавили 0,6 килограмма в колбу. Студент, постучавший в дверь, прервал сеанс, он кратко поговорил со студентом. Вернувшись к задаче, он выразил свое замешательство в том, что он не решил проблему легко.

Он снова повторял свои результаты. Для «одноминутного прибавления» в колбу добавили 0,6 килограмма соли, затем разбив ее на две 30-секундные стадии, он достиг результата 0,29 килограмма. У него были сомнения: «Что, если я не сделал это правильно?» Он решил проверить, где он это сделал, «за два 30-секундных прибавления» и обнаружил, что за «полный чистый прибавление соли» через минуту он забыл «добавить в оригинал 0,3», количество соли, добавленное в первые 30 секунд. Он скорректировал результат на 0,59 килограмма. Он также понял, что он вычитал неправильно и исправил свою ошибку, чтобы получить 0.57 кг в результате.

Он заметил: «Ставка всегда одна и та же». Это много говорило, что он мог спросить: «Хорошо, а теперь ставка, должно быть, что?» В ответ он подсчитал, что один литр раствора был потерян за 30 секунд и что при концентрации 0,03 кг соли на литр потеря соли составляла примерно 0,03 килограмма. Вычитая, таким образом, приблизительную потерю соли за 30 секунд от количества, добавленного за одну минуту, он еще раз пришел к выводу, что «0,57 звучит хорошо».

Затем он отказался от своего подхода с шагом времени: «Хорошо, я полагаю, я мог бы пойти и сделать это в [раздраженном вздохе] с шагом в 15 секунд, чтобы получить лучший ответ, но не попытаюсь это сделать». Вместо этого он хотел попробовать другой подход: «Итак, я полагаю, скорость соли, которую я добавляю, составляет в общей сложности 0,6 килограмма соли в минуту. Какова скорость, так что хорошо, так что давайте выясним скорость». Он написал (см. Рис. 3): «Оценить: 2 литра / мин $\times$ x кг соли / литр = $2x$ кг соли / мин» и « x = концентрация на литр солевого раствора». (Если бы он в этот момент определил x как количество соли в колбе, весьма вероятно, в конце концов, он бы получил правильное численное решение.) В этот момент он был доволен «приходом дифференциального уравнения». Он писал: « $dx / dt = .6 - 2x$ ».

Rate of salt in = 4

$$\frac{.3 \text{ kg salt}}{\text{liter}} \cdot \frac{2 \text{ liter}}{\text{min}} = \frac{.6 \text{ kg salt in}}{\text{min}}$$

Rate out:

$$\frac{2 \text{ liter}}{\text{min}} \cdot \frac{x \text{ kg salt}}{\text{liter}} = \frac{2x \text{ kg}}{\text{min}}$$

x = concentration per liter of saline solution

$$\frac{dx}{dt} = .6 - 2x$$

$$\int \frac{dx}{.6 - 2x} = \int dt$$

$$t = -\frac{1}{2} \ln(.6 - 2x) = \ln(.6 - 2x)^{-1/2} = \ln \frac{1}{\sqrt{.6 - 2x}}$$

$$e^t = \ln \frac{1}{\sqrt{.6 - 2x}}$$

$$e^t = \frac{1}{\sqrt{.6 - 2x}}$$

$e^{-2t} = .6 - 2x$
 $e^{-2t} - .6 = -2x$

$x = \frac{.6 - e^{-2t}}{2}$
 Total 3-50⁻¹⁰ kg salt

Рисунок 3. Третья страница рукописных заметок математика. Математик вычислил скорость вывода воды и скорость добавления и с этими скоростями разработал дифференциальное уравнение и окончательно решил это уравнение.

Обычным способом он решал это дифференциальное уравнение, разделяя переменные, интегрируя обе стороны уравнения и решая переменную x , работающую с экспоненциальной функцией. Однако из-за того, что «скорость» была неверной с одной десятичной позиции, он пришел к решению, которое не было осмысленно интерпретируемым и оставалось неудовлетворительным для него. На данный момент, будучи разочарованным и сжатым во времени, он не хотел «убирать баги» своего решения.

Принадлежность

Когда в начале своего решения математик «дал себе картину» (см. Рис. 1), он реализовал и манипулировал несколькими различными объектами: Бумага и карандаш, линии, образующие прямоугольник и стрелки, расположение этих фигур

и цифр на листе бумаги, цифрах и буквах, цифрах и словах, единицах измерения, таких как литры и килограммы, скорости, такие как концентрация и скорость, и такие переменные, как t , x и x . Некоторые из этих объектов были реализованы и управлялись одновременно, что является общей чертой человеческого фактора.

Рассуждение требует жизнеспособных форм принадлежности. Поскольку математик пытался создать решение, он стремился к вычислительной процедуре для получения результата, а не просто к ответу на поставленный вопрос. Первоначально ему было очень трудно понять, что он мог сделать, чтобы приблизиться к решению. Он полагал, что он должен использовать «какое-то исчисление, в смысле темпов изменений», что «он должен лучше найти $x_{\text{sub } t}$ », и что он «должен был записать своего рода производную». Но ни одна из этих целей и концепций не была переведена в процедуру, которая позволила ему подойти к решению. У него даже были сомнения, способен ли он решить проблему вообще. Он только выходил из этого тупика, рассматривая возможность «делать это во времени», который изначально переводится на вопрос: «Что случилось через минуту?» Затем он написал (см. Рис. 1): «Через 1 минуту. [На новой строке:] Добавлено 2 литра соленой воды [На новой строке:] и удалено 2 литра чистой воды [На новой строке:] после 1 минуты ". С этим пространственным расположением своих заметок он посторял разделение входов и оттока при решении, как это делалось ранее со стрелками в его «картине колбы». Впоследствии эти два компонента физического процесса были помечены как «добавлены» и «удалены», в качестве маркеров эти метки предоставили структуру его заметкам и представлению физического процесса.

Принадлежность представляет свои объекты. Другими словами, то, что манипулируется, по крайней мере, частично состоит в том, как оно управляется или может быть использовано. Происходило прогрессирование объектов, начиная от добавленного L-детонатора до скорости притока до скорости оттока до дифференциального уравнения, что математик использовал для физического изучения физического процесса. Его первоначальные вычисления были структурированы с точки зрения добавленных и удаленных (см. Рисунок 2), напоминающих объекты, которые использует расчет: Сколько добавлено столько и убрано, в результате чего в его словах говорится о «чистой прибыли» соли (см. Рисунок 3). Создавая учетную запись этого расчета, он потерял свою нить, он не знал, что он «должен делать», и как его вычисления связаны с описанным физическим процессом. Повторяя и проверяя полученные численные результаты, он вновь почувствовал направление, особенно подтвердив, что «скорость всегда одинакова». С этим пониманием он исходил из скорости удаления и скорости притока, что, в свою очередь, позволило перейти к дифференциальному уравнению. Будучи математиком, он умел манипулировать, трансформировать и решать уравнение очень профессионально. С дифференциальным уравнением в его протоколе появился или, скорее, вновь появился другой объект, а именно dx / dt .

Этот объект появился как часть дифференциального уравнения, математическая модель физического процесса и в этой ситуации не как производная как таковая.

При решении проблем принадлежность может быть присвоена различным источникам. Например, рассмотрим следующий поток мысли в протоколе математика, в течение которого принадлежность переходит от «Я», к «мы» факторам в уравнении, к «воде» и обратно: «Через одну минуту, что я вижу «Я вижу, ммм, мы добавили в общей сложности два литра в минуту, подождите минуту, да! Два литра в минуту раз в минуту. Вода идет 0,3 кг на литр. Итак, умножив все это я вижу 0,6 кг, литры убраны, минуты отменяются, я остаюсь с 0,6 кг, ОК. Итак, через минуту добавили 0,6 килограмма соли. «Первоначальное заявление о проблеме, конечно же, написано пассивным голосом: «растворяется соль », «раствор » тщательно смешивается», а смесь "сливается". В этой формулировке посредник и принадлежность (идентификация себя как субъекта) убираются, с моделированием они (как в случае с научным наблюдением и экспериментированием, Gooding, 1990) должны вернуться.

Из-за того, как математик включил себя в описание физического процесса, он испытывал большие трудности при моделировании «потери соли». То, что хорошо работало с количеством соли, добавленной в контейнер, дезориентировало его в случае потери соли, а именно, что он, как «я», был агентом, добавляющим соль. Например, он заявил: «Итак, посмотрим, сколько соли я удалил». и таким же образом: «Итак, я сбросил в общей сложности 0,3 килограмма, и я вылил 0,03 килограмма». Однако дискретные акты «оттока» определенного количества соли могут лишь приближать количество, которое было потеряно из контейнера в течение определенного временного интервала. Развивая дифференциальное уравнение, физический процесс стал представлять собой математическую модель. Математик очень умел манипулировать этим конкретным символическим представлением, дифференциальным уравнением как таковым, но менее был склонным участвовать в виде симулятивных рассуждений и наблюдений, которые могут поддерживать такие модели.

Для сравнения теоретический физик, решающий ту же задачу (Kurz, 1997), в основном занимался симулятивным наблюдением и манипулированием моделями, символическими и перцептивными. Nersessian (1992) характеризовал этот вид психического моделирования в отношении концептуальных изменений в науке, в частности количественного представления Клерка Максвелла электромагнитного поля и в отношении экспериментов с мышлением.

Принадлежность требует навыков. «Очистка до тех пор, пока ничего не останется», чтобы «получить мгновенную картину того, что происходит», требует навыков с принадлежностью, основанной на исчислении. Первоначально математик рассматривал приток в одну минуту, затем разбил на два 30-секундных притока и, наконец, рассмотрел 15-секундные притоки (см. Рис. 2). Этот подход с точки зрения уменьшения, но фиксированного увеличения времени объединил два

разных понятия предельного значения. С одной стороны, он указал, что фиксированные приращения уменьшающегося размера, которые продолжались бесконечно, становились бы бесконечно малыми, и, таким образом, напоминающие дифференциалы Лейбница, с другой стороны, его лимитирование было локальным, как это характерно для исторически более поздних понятий производной. Локальные пределы могут быть визуализированы как касательные к точкам на кривой или, теоретически по-другому, путем масштабирования в конкретной области кривой; с исчислением Либница, напротив, предельное взятие аппроксимировало кривую целиком и, следовательно, носило глобальный характер (Vos, 1993). Математик оказался в положении, в котором ему пришлось «распаковать» понятие лимитирования, чтобы двигаться вперед с решением проблемы. Эта «распаковка» означала, что он восстановил форму принадлежности, которое было специфичным для исчисления / анализа, в данном случае, выбором уменьшения фиксированных временных приращений. Когда математик чувствовал себя неспособным использовать исчисление или, более конкретно, производное, тем не менее он смог восстановить и использовать форму исчисления-специфической принадлежности, которое в конечном итоге позволило ему перейти от уменьшения фиксированного времени, к изменениям и к дифференциальному уравнению.

Принадлежность -авторитет-представительство

Понимая когнитивную моду, авторитет - это всего лишь один из элементов триады, которая является Принадлежность -авторитет-представительство. Эти элементы объединяются таким образом, который аналогичен сочетанию поиска, пространства и представления в преобладающей когнитивной науке, характеризующей решение проблемы; в сочетании они определяют конкретный подход к познанию.

По-видимому, несоизмеримая цель, связанная с решением математической проблемы, состоит в том, чтобы показать свою привязанность. Чтобы передавать чувства нужна принадлежность. В любом случае люди могут сообщать чувства в устной или бесстрастной форме, мы можем сделать большое количество вещей, чтобы показать наши чувства. Рассмотрим, например, демонстрацию привязанности к стихотворению песни о дне рождения. Чтобы создать стихотворение, слова могут быть организованы определенным образом, их можно поместить в рифму и устроить в эстетическом стиле на листе бумаги. В любом случае можно сложить слова известной, уже существующей песни о дне рождения на листе бумаги или автора сонета, эта договоренность стремится создать и, таким образом, подчиняться шаблону. Независимо от того, насколько изошренным или креативным является продукт, его создание позволяет разрешить намеченную схему направить свою деятельность (см. Ippolito & Tweney, 1995, за соответствующий аргумент, касающийся начала понимания). Намеренное представление таким образом передает ему авторитет.

Математик понял, что решение потребует исчисления, но ему все же приходилось делать такое представление в терминах исчисления. «Выполнение этого во времени увеличивается». Другими словами, метод подходил к вычислительной процедуре, и принадлежность, связанное с этим представлением физического процесса, а именно: выбор уменьшающихся, но фиксированных приращений времени предлагал себя для исчисления как специфический. Подход математика следовал определенному типу принадлежности, известному из исчисления и анализа (в частности, дифференциалы и производные). Таким образом, он разработал свое решение в соответствии с традиционными представлениями об изменениях. Власть этих представлений привела его к пониманию того, что исчисление было обязано «делать это во времени», и в конечном итоге к формулировке дифференциального уравнения.

Представляет ли принадлежность – авторитет – представление понимание о том как достигается новое представительство? Или, другими словами, как достигается «перемещение проблемного представления», то есть понимание (Kaplan & Simon, 1990)? Когда на более позднем этапе решения проблемы математик упомянул о скорости притока и, впоследствии, скорости оттока, он был готов переложить свое представление физического процесса на дифференциальное уравнение. Вычисляя суммы, которые были добавлены в колбу в течение одной минуты и для двух 30-секундных приращений, он заметил, что «скорость внутри всегда одна и та же», другими словами, она является постоянной. С этой скоростью он представил новую концепцию решения своих проблем. Первоначально этот объект появился как вывод из предыдущих вычислений, но вскоре он стал самостоятельным объектом. Математик разработал этот объект, а дополнительный объект, который он предложил, а именно скорость оттока, в знакомую структуру, дифференциальное уравнение. Таким образом, скорость стала служить связующим звеном между старым и новым представлением физического процесса. После того, как объект был введен, в нем утверждалось мощное представление дифференциального уравнения. Математик был доволен тем, что «придумал дифференциальное уравнение», он с удовольствием прислушался к авторитету нового представительства.

Преобладающая когнитивная наука характеризует способность проникновения в суть, объединяет поиск с поиском проблемного пространства. Расширяя теорию решения проблем (Newell & Simon, 1972) таким образом, Каплан и Саймон (1990) описали поиск нового представления как поиск проблемного пространства. По их словам, «поиск результатов на двух уровнях:» (1) «Когда у них есть определенное представление, которое, по их мнению, позволит им решить проблему, поиск субъектов в соответствующем проблемном пространстве»; (2) по мере того, как попытки терпят неудачу, «субъекты вынуждены искать метауровневое пространство потенциальных представлений, чтобы найти свой следующий подход» (стр. 386f.). Но, поскольку «пространство возможных проблемных пространств чрезвычайно плохо определено, на самом деле бесконечное,» кто-то «должен иметь или получить сильные ограничения, которые ведут поиск и делают

его весьма избирательным» (Kaplan & Simon, 1990, стр. 381). Возможными источниками ограничений поиска являются перцептивные сигналы в проблеме, предварительные знания и эвристика. Особенно заметным среди поисковых ограничений, в исследовании Каплана и Симона о проницательности, была Эвристика Неизменных Предупреждений. В качестве «очень общей эвристики» эвристика «Неизменностей» имеет возможность «облегчить понимание в самых разных областях» (Kaplan & Simon, 1990, стр. 413). В докладе математика, отмечающем неизменность, а именно, что скорость притока является константой, стояла в начале решающего репрезентации проблемы. Но в каком смысле математик искал проблемное пространство?

Что такое проблемное пространство? С учетом понимания Капланом и Саймоном «пространство проблем и представление терминов используются как синонимы» (стр. 376). Каким образом характеризуются пространственные пространства представлений? Каплан и Саймон (Kaplan and Simon, 1990) описали проблемные пространства, которые они определили для проблемы, которые они использовали в своих исследованиях по пониманию, проблема шахматной доски, с точки зрения принадлежности. (Проблема с шахматной доской: на шахматной доске размером 8 x 8 удалены два квадрата по диагонали противоположных углов. Задача состоит в том, чтобы определить, могут ли квадраты этой изуродованной шахматной доски быть покрыты домино.) Здесь принадлежность была сформулирована как предложения: «Попробуйте разместить все домино горизонтально. / Попробуйте разместить все домино вертикально. / Попробуйте разместить домино по спиральному рисунку. / Попробуйте разместить домино в зигзагообразном узоре. / Попробуйте разложить доску на более мелкие области и покройте каждую область. (стр. 387). Или рассмотрим следующие представления, которые были включены в категорию «пространства равенства»: «Посмотрите, как цвет может помочь решить проблему. / Исследуйте, почему слова могут быть на квадратах» (стр. 387). (В одном из своих экспериментальных условий вместо того, чтобы поочередно окрашиваться, квадраты были помечены либо «хлеб», либо «масло». Удаление диагонально противоположных квадратов удаляет два квадрата одного цвета или дважды «масло» или «хлеб» ".)

Центрально важное значение для понимания проблемы заключается в том, как достигается переход на другое проблемное пространство или как может быть облегчено. (Для проблемы с шахматной доской, в частности, это означало переход к пространствам равенства. Наблюдение, что в случае искаженной шахматной доски аналогия цвета или соответствующий атрибут не дается, обычно приводит участников к обоснованию решения проблемы.) Каплан и Саймон (Kaplan and Simon, 1990) предложили строго указать процесс переключения представления и рассуждения на решение в компьютерном моделировании под названием SWITCH. SWITCH был обеспечен знаниями по проблеме («представление фактической [внешней] шахматной доски и модель внутреннего представления типичного объекта доски», которые обычно игнорируют соотношение цвета; п. 389), правила

вывода и некоторые общие процедуры поиска, включая процедуры выбора правил вывода и эвристики для перехода к поиску нового представления. Учитывая решающую новую информацию (подсказку равенства), симуляция смогла прийти к правильному решению проблемы. Каплан и Саймон (Kaplan and Simon, 1990, стр. 413) обнаружили, что одним из самых сильных ограничений при поиске нового представления является эвристика общего поиска, которую они описали как «Неизменная (инвариантная) информация» (в данном случае - равенство цвета на обычной шахматной доске).

Мощная эвристика Каплана и Симона направлена на когнитивного агента (человека или машины): обратите внимание на инвариант! Я повторяю императив как вопрос, поставленный для анализа рассуждений и понимания: что остается неизменным? В частности, что оставалось неизменным в последовательных представлениях математического физического процесса? Я предлагаю следующие ответы для двух основных смещений в представлении задачи математика. Для первого решающего переключателя, зная, что он «должен, вероятно, использовать какое-то исчисление» (см. Рис. 1), «делать это с точки зрения приращений времени» (см. Рис. 2).

Концепт ограничения взятия служил связующим звеном; ограничение лимита подразумевалось его желанием использовать исчисление и было реализовано в его подходе с точки зрения приращений времени. В этом смысле исчисление-специфическое агентство выбора уменьшающихся, но фиксированных приращений представляло собой «инвариант», который позволял ему преодолеть тупик «не видя, как это сделать прямо с исчислением». Второй решающий переключатель, начиная с «делать это с тактом времени» (см. Рис. 2) и предлагая дифференциальное уравнение (см. Рис. 3), был включен мощным объектом, скорость притока. Этот объект стоял в конце своих вычислений в слагаемых приращений и в начале его подхода с использованием дифференциального уравнения, поэтому в этом смысле оставался «инвариантом» во время его переключения представлений.

Каплан и Саймон (1990) предложили Инвариантную эвристику Уведомления как средство сдерживания поиска нового представления. Согласно анализу, который я одобряю в случае доклада математика, познание касается «инвариантов», в частности, форм принадлежности и соответствующих объектов. Основные изменения в представлении проблемы хорошо описываются как процесс, в котором отдельные виды агентских и конкретных объектов были обменены из одного представления в другое. В науке многие и разнообразные объекты, такие как инструменты, книги, представления, изображения, модели, а также навыки для обработки этих объектов, меняются от одного поколения к другому, а также через дисциплинарные границы (см. Galison, 1997, for рассказ о традиции и торговле наукой, также Kurz-Milcke & Martignon, 2002). В более общем плане обмен представлениями и другими объектами имеет первостепенное значение для

культуры и науки. Я полагаю, что помимо обмена представительствами необходимо учитывать обмен между представительствами, особенно с рассуждениями и решениями ученых и экспертов.

Как пояснительная концепция, обмен объектами и агентством (принадлежностью) среди представительств неизменно ведет к консервативной интерпретации понятия «инвариант». То, что передается или заканчивается, изменяется в процессе и приходит в измененной форме в последующем пункте назначения (Galison, 1997, стр. 435). Результирующими и играющими в этот процесс являются, например, разные понятия одной и той же концепции в науке (например, понятие предельного восприятия, концепция поля в физике). Представления, таким образом, появляются как композиты, обменивающиеся объектами и формами агентства с другими представлениями (для связанного понятия «смысловой схемы», Nersessian, 1984). В случае записи математика, переходы между представлениями происходили вдоль линий объектов или форм агентства (принадлежности), которые хорошо известны в математике, например, при принятии предельных значений. Такие культурно, хорошо устоявшиеся «инварианты» из-за их множественных смыслообразующих составляющих могут оказывать влияние таким образом, что приводит к решениям и рассуждениям о чем-то новом.

Наконец, предлагаемый сдвиг акцента на обмен и авторитет соответствует описанию проблемных пространств Капланом и Саймоном в терминах агентства, но не обязательно с их характеристикой представлений с точки зрения императивных предложений. Как ни удивительно, авторитет представлений может существовать без порядка, опираясь только на агентство (принадлежность) и объекты.

Вывод

Говорят, что критическая философия Канта сталкивается с дилеммой: критика разума предполагает концепцию разума. В этой связи утверждалось, что в философии Канта высшим принципом разума является категорический императив, нравственный, а не когнитивный принцип, который основывает авторитет разума на принципе только принятия общих принципов (O'Neill, 1989). Было обнаружено, что подобная дилемма имеет место быть для информационно-аналитического учета понимания, где ограничение поиска в эффективных способах, по-видимому, предполагает «заранее знать характер проблемы (и ее решение)» (Kaplan & Simon, 1990, стр. 413). В этой ситуации эвристика, применяемая в самых разных областях, таких как Инвариантная эвристика, является «причиной празднования». В этой главе авторитет представлений описывается как достижение превращения представлений в агентов (их работы) для решения проблем или создания новых объектов и представлений. Но как может что-то оказывать влияние, если на самом деле оно одновременно должно быть достигнуто? Ответ, предложенный в этом отчете авторитета представлений, заключается в том, что объекты и агентства

меняются среди представительств, тем самым делая аспекты представлений доступными до того, как они будут полностью развиты определенным образом. В более широкой перспективе этот ответ указывает на то, что большинство достижений в области когнитивных способностей препятствуют сокращению поисков через проблемные пространства, потому что концепция метауровневого поиска не соответствует историческим и познавательным богатствам (см. Tweney, 2001).

Арендт (1994) видел современное недоверие ко всему, что кажется авторитетным достижением в отношениях между детьми и родителями, и учителями и студентами. Современный мир стал свидетелем потери религии, традиций и авторитета, что, по ее анализу, угрожало любому понятию веры, прошлого и авторитету. Таким образом, ее вопрос в конце 1950-х годов был следующим: «Какой мир закончился, когда тот или иной авторитет в той или иной части жизни был поставлен под вопрос, а концепция авторитета вообще потеряла его действительность? » (Arendt, 1994, стр. 169). Меня побуждают спросить: Стал ли авторитет в сочетании с представительством настолько распространенным в нашем мире, что, по большей части, он остается незамеченным? Кроме того, свидетельствуем ли мы в этом распространении еще один поворот в истории авторитета? В настоящее время мы знаем несколько исчислений, множество логических систем, большое количество литературных жанров, невероятное количество историй, песен, изображений и метафор, а также постоянно растущее число инструментов и устройств. Представления, относящиеся к этим находкам, являются потенциальными авторитетами в наших попытках решить проблемы и создать новые вещи. Эксперты, в частности, я утверждаю, являются высококвалифицированными наблюдателями за авторитетами представительств в своих областях знаний. Такое наблюдение ни в коем случае не является тривиальным или прямым процессом. Например, Гигеренцер (1993) использовал фрейдистскую терминологию суперэго, эго и идентность как метафору в своем описании динамики отношений психологов с одним из наиболее распространенных методологических авторитетов, который является статистикой вывода. Авторитет безличных агентов, возможно, во всех отношениях - политически, эмоционально и когнитивно - так же привлекателен, как и межличностный.

Заметка автора

Я благодарю Райану Твеней за бесценный совет по оригинальному исследованию связанному с исчислением рассуждений; записи математика является частью этого исследования. Я ценю математиков, которые хотят математически мыслить, наблюдая и записывая на магнитную ленту. Я благодарен обществу Макса Планка, который поддержал меня в стипендии Шлогманна во время работы над этой главой.

ИСТОНИКИ

- Arendt, H. (1994). *Zwischen Vergangenheit and Zukunft. Ubungen im poliuschen Denken I* (ed. by U. Ludz). Munich, Germany: Piper.
- Bertoloni-Meli, D. (1993). *Equivalence and priority: Newton and Leibniz*. Oxford, UK: Clarendon.
- Bos, H. J. M. (1993). *Lecture in the history of mathematics*. Providence, RI: American Mathematical Society.
- Brenner, J. L. (1963). *Problems in differential equations*. San Francisco: Freeman.
- Ericsson, K. A., & Simon, H. A. (1993). *Protocol analytic: Verbal reports as data*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Galison, P. (1997). *Image and logic: A material culture of microphysics*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Gigerenzer, G. (1993). The superego, the ego, and the id in statistical reasoning. In G. Keren & G. Lewis (Eds.), *A handbook for data analysis in the behavioral sciences: Methodological issues*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Gigerenzer, G., & Hoffrage, U. (1995). How to improve Bayesian reasoning without instruction: Frequency formats. *Psychological Review*, 102, 684-704.
- Gooding, D. (1990). *Experiment and the making of meaning: Human agency in scientific observation and experiment*. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.
- Holquist, M. (1983). The politics of representation. *Quarterly Newsletter of the Laboratory of Comparative Human Cognition*, 5, 2-9.
- International Encyclopedia of Sociology* (1995). London: Fitzroy Dearborn.
- Ippolito, M. E., & Tweney, R. D. (1995). The inception of insight. In R. J. Sternberg & J. E. Davidson (Eds.), *The nature of insight* (pp. 433-462). Cambridge, MA: MIT Press.
- Kant, I. (1988). An answer to the question: "What is Enlightenment?" (H. B. Nisbet, Trans.) In H. Reiss (Ed.), *Kanis political writings* (pp. 54-60). Cambridge, UK: Cambridge University Press. (original work published 1784)
- Kaplan, C. A., & Simon, H. A. (1990). In search of insight. *Cognitive Psychology*, 22, 374-419.
- Kurz, E. M. (1997). *Representational practices of differential calculus: A historical-cognitive approach*. Unpublished doctoral dissertation, Department of Psychology, Bowling Green State University, Ohio.
- Kurz, E. M. (1998). Representation, agency, and disciplinarity: Calculus experts at work. In M. A. Gernsbacher & S. J. Derry (Eds.), *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Cognitive Science Society i University of Wisconsin, Madison* (pp. 585-590). Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Kurz, E. M., & Tweney, R. b. (1998). The practice of mathematics and science: From calculus to the clothesline problem. In M. Oaksford & N. Chafer (Eds.), *Rational models of cognition* (pp. 415-438). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Kurz-Milcke, E., & Martignon, L. (2002). Modeling practices and tradition. In L. Magnani & N. Nersessian (Eds.), *Model-based reasoning: Scientific discover~ technological innovation, values* (pp. 127-146). New York: Kluwer/Plenum Press.
- Mehan, H. (1993). Beneath the skin and between the ears: A case study in the politics of representation. In S. Chaiklin & J. Lave (Eds.), *Understanding practice: Perspectives on activity and context* (pp. 241-268). New York: Cambridge University Press.
- Nersessian, N. J. (1984). *Faraday to Einstein: Constructing meaning in scientific theories*. Dordrecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff.
- Nersessian, N. J. (1992). How do scientists thinks Capturing the dynamics of conceptual change in science. In R. N. Giere (Ed.), *Cognitive models of science*. Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. XV. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Newell, A., & Simon, H. A. (1972). *Human problem solving*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

- O'Neill, O. (1989). *Constructions of reason: Explorations of Kant's practical philosophy*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Rosen, A., & Mohr, T. (Eds.). (1992). *Kant Konkordanz zu den Werken Immanuel Kants* (Vol. 1). Hildesheim, Germany: Olms-Weidmann.
- Shapiro, M. (1988). *The politics of representation*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
- Tweney, R. D. (2001). Towards a general theory of scientific thinking. In K. Crowley, C. D. Schunn, & T. Okada (Eds.), *Designing for science. Implications from everyday classroom, and professional settings* (pp. 141-175). Mahwah, NJ: Erlbaum.

Содержание

Предисловие	3
Раздел 1: Политические системы и эксперты, которых они поддерживают	6
Глава 1. Ученые как советники: научные культуры в сравнении с национальными культурами? Хорст Ракель	8
Глава 2. Рассуждения экспертов как судебная драма или бюрократическая координация: дебаты о семье в Соединенных Штатах и Германии. Вольфганг Уолтер	35
Глава 3. Интеграция знаний в области социальных наук в политический процесс: действительно ли это случилось? Габриэле Мецлер	57
Глава 4. Социалистические правовые эксперты: новая профессия? Шнайдер	76
Раздел 2: Кто называется экспертом?	94
Глава 5. Защита фольклора в Австралии: кто эксперт в традиции коренных жителей? Кристоф Антонс	95
Глава 6. Гуманный эксперт: кризис современности. Медицина во время Веймарской республики. Майкл Хау	115
Глава 7. Экспертиза не требуется: дело уголовного права. Жан-Поль Бродер	134
Глава 8. Контролирование загрязнение воздуха: Кто является экспертами? Матиас Хейманн	173
Раздел 3: Эксперты, переопределенные	195
Глава 9. Философы как Коачль. Андреас Феллесдаль	196
Глава 10. Кто решает стоимость руки или ноги? Оценка денежной стоимости неденежного ущерба. Фенни Х. Полетик и Карел Дж.Дж. М. Столкер	217
Глава 11. Эксперт в историческом контексте: случай в Венецианской политике. Ахим Ландвер	230
Раздел 4: Инновационные представления	245
Глава 12. Составление карт городской природы: биоэкологическая экспертиза и градостроительство. Йенс Лачмунд	246
Глава 13. Как улучшить диагностические выводы медицинских экспертов. Ульрих Хоффраддж и Герд Гигеренцер	267
Глава 14. Статистические научные данные и экспертиза в зале суда. Сэмюэл Линдси	288
Глава 15. Авторитеты представления. Элке Курц-Милке	300

Эксперты в науке и общество

**Отредактировано Элке Курц- Милке
Институт Технологии Джорджии, Атланта
Герд Гигеренцер
Институт человеческого развития Общества Макса Планка**

**Перевод на русский язык сделан в 2018 году
при патронаже НИИ «Памяти»
Переводчик: Мария Сапаркина**